Историческая и социально-образовательная мысль

Historical and Social Educational Ideas

ТОМ 8 № 6 Часть 2 2016

Электронная версия: **http://www.hist-edu.ru**

Решением Президиума ВАК Минобрнауки РФ № 26/15 от 17 июня 2011 г. журнал «Историческая и социально-образовательная мысль» включен в перечень рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук

В 2015 году журнал «Историческая и социально-образовательная мысль» стал членом международной ассоциации PILA (Publishers International Linking Association). Статьям журнала «Историческая и социально-образовательная мысль», начиная с № 6 2014 г. присваиваются уникальные буквенно-цифровые идентификаторы DOI (Digital Object Identifier).

Редакция журнала является членом АССОЦИАЦИИ НАУЧНЫХ РЕДАКТОРОВ И ИЗДАТЕЛЕЙ (АНРИ)

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-37035
от 4.08.2009

ISSN 2075-9908 (Print)
ISSN 2219-6048 (Online)

Главный редактор
Е.В. Штурба
д. и. н., профессор

Научный редактор
д. и. н., профессор
В.А. Штурба

Заведующий редакцией
Н.В. Вавилкина

Редактор электронной версии
А.М. Литвинов

Редактор англоязычных текстов
Т.А. Халилов

Корректор
А.Ф. Мишина

Журнал размещается в национальной информационно-аналитической системе **РИНЦ** (Российский индекс научного цитирования) Российской научной электронной библиотеки
http://elibrary.ru/issues.asp?id=29001

Выходит 6 раз в год

Все права защищены. Ни одна часть этого издания не может быть занесена в память компьютера либо воспроизведена любым способом без предварительного письменного разрешения издателя.

Рукописи рецензируются. Учредитель и издатель предупреждают авторов о юридической ответственности за несанкционированное использование чужих авторских прав.

АДРЕС РЕДАКЦИИ

350080, Россия, г. Краснодар, мкр. Пашковский, ул. Заводская, 32, к. 301.
Редакция журнала «Историческая и социально-образовательная мысль»
Тел/факс: 8 861 237-62-19
E-mail: **akademus07@rambler.ru**

Учредители:

Кубанская многопрофильная Академия подготовки, переподготовки и повышения квалификации специалистов;
Северо-Кубанский гуманитарно-технологический институт

Historical and Social Educational Ideas

VOLUME 8 # 6 Part 2 2016

Web version address**: http://www.hist-edu.ru**

The Academic Journal «Historical and Social-educational idea's» has entered into the list of academic periodicals under review (those intended to publish the summaries on the study' outcomes, upon the theses nominated for Doctoral Degrees or the Candidate' standing), with the Resolution No 26/15 by the Supreme Attesting Commission Panel under the Russian Federation' Ministry of Education and Science, issued on June 17th, 2011.

The journal «*Historical and Social-Educational I*deas» is member of the International Association PILA (Publishers International Linking Association). Unique alphabetic-digital identifiers DOI (*Digital Object Identifier*) are assigned to the articles of the journal *Historical and Social-Educational Ideas*, starting from its issue N 6, 2014.

Editorial Board member of the ASSOCIATION OF SCIENCE EDITORS AND PUBLISHERS (ASEP)

Certificate of Incorporation:
ПИ No ФС77 - 37035
of August 4th, 2009

ISSN 2075-9908 (Hard Copies)
ISSN 2219-6048 (Web Online Version)

Editor-in-Chief:
E.V. Shturba,
Doctor of Historical Sciences,
Professor

Research Supervisor:
V.A. Shturba,
Doctor of Historical Sciences,
Professor

Head of Editorial Board:
N.V. Vavilkina

Web layout Designer:
A.M. Litvinov

Editor for the English Wording:
T.A. Khalilov

Proofreader:
A.F. Mishina

The Journal is located at the nationwide data analysis framework of the Russian Federation Academic Citation Index operated by the Russian Research E-Library.
http://elibrary.ru/issues.asp?id=29001

The Journal is issued 6 times a year

All rights reserved. No part to this publication may be stored at the outsider computer memory nor reproduced by any means, without the prior written permission by the Publisher.

The author's copies shall be subject to review. Both the Promoters and the Publisher notify the authors about legal liability for unauthorized use of another author's rights.

OFFICE ADDRESS:

32 Zavodskaya Str., Apt.301, Pashkovsky micro-distr.,
Krasnodar city, 350080 RUSSIA
Journal «Historical and Social educational idea's» Editorial Office
Phone/fax: 8 861 237-62-19
E-mail: **akademus07@rambler.ru**

Incorporators:

Kuban Region Multi-Sector Academy of Vocational Training and Upgrading and Advanced Training of Specialists;
Northern Kuban Region Institute for the Humanities and Technologies

Редакционный Совет

Председатель Редакционного Совета

Волков Юрий Григорьевич, заслуженный деятель науки РФ, действительный член академии социальных наук России, доктор философских наук, профессор, кафедра теоретической социологии и методологии региональных исследований, Институт социологии и регионоведения, Южный федеральный университет

Ростов на Дону. Россия

Абрамов Валерий Петрович, заслуженный деятель науки РФ, доктор филологических наук, профессор, академик Академии педагогических и социальных наук, академик Российской академии естественных наук, член правления президиума РОПРЯЛ, декан филологического факультета, заведующий кафедрой русского языка как иностранного, Кубанский государственный университет

Краснодар. Россия

Астанина Лариса Викторовна, доктор исторических наук, профессор, ректор, Московский Институт Современного Академического Образования

Москва. Россия

Атанесян Артур Владимирович, доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой прикладной социологии, факультет социологии, Ереванский государственный университет

Ереван. Армения

Бугай Николай Федорович, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт российской истории РАН, действительный государственный советник Российской Федерации III класса

Москва. Россия

Бунимович-Мендражицкая Светлана Юрьевна, доктор философии, доктор математики, доктор биологии, профессор, кафедра компьютерных наук и математики, Ариэльский университет

Тель-Авив. Израиль

Ващенко Александр Николаевич, доктор экономических наук, профессор, кафедра экономики и управления, Волгоградский институт бизнеса, главный редактор научного журнала «Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса»

Волгоград. Россия

Гребенникова Вероника Михайловна, доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой педагогики и психологии, декан, факультет педагогики, психологии и коммуникативистики, Кубанский государственный университет

Краснодар. Россия

Editorial Council

Editorial Board Chairman

Yuriy G. Volkov, Honored Scientist of the Russian Federation, Full Member of Russian Academy of Social Sciences, Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Department of Theoretical Sociology and Methodology of Regional Studies, Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University

Rostov-on-Don. Russia

Valeriy P. Abramov, Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Philological Sciences, Professor, Academician of Academy of Pedagogical and Social Sciences, Academician of Russian Academy of Natural Sciences, Member of the Board of Presidium of Russian Society of Teachers of Russian Language and Literature, Dean of Philological Faculty, Head of Department of Russian as Foreign Language, Kuban State University

Krasnodar. Russia

Larisa V. Astanina, Doctor of Historical Sciences, Professor, Rector of Moscow Institute of Modern Academic Education

Moscow. Russia

Arthur V. Atanesyan, Doctor of Political Sciences, Professor, Head of Applied Sociology Department, Faculty of Sociology, Yerevan State University

Yerevan. Armenia

Nikolay F. Bugay, Doctor of Historical Sciences, Professor, Chief Researcher, Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Full State Counselor of the Russian Federation - Class III

Moscow. Russia

Svetlana Yu. Bunimovich-Mendrazitskaya, Doctor of Philosophy, Doctor of Mathematics, Doctor of Biology, Professor, Department of Computer Sciences and Mathematics, Ariel University

Tel-Aviv. Israel

Aleksandr N. Vashchenko, Doctor of Economic Sciences, Professor, Department of Economic Sciences and Management, Volgograd Institute of Business, Editor-in-Chief of Scientific Journal «Business. Education. Law. Bulletin of Volgograd Institute of Business»

Volgograd. Russia

Veronika M. Grebennikova, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Head of Department of Pedagogy and Psychology, Dean, Faculty of Pedagogy, Psychology and Communication Studies, Kuban State University

Krasnodar. Russia

Гомулка Кристина, доктор философии, профессор истории, Гданьский политехнический университет

Гданьск. Польша

Krystyna Gomolka, Doctor of Philosophy, Professor of History, Gdansk Polytechnic University

Gdansk. Poland

Грушевский Сергей Павлович, доктор педагогических наук, профессор, декан, факультет математики и компьютерных наук, заведующий кафедрой информационных образовательных технологий, Кубанский государственный университет
Краснодар. Россия

Sergey P. Grushevsky, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Dean, Faculty of Mathematical and Computer Sciences, Head of Department of Information Technology in Education Sphere, Kuban State University

Krasnodar. Russia

Догнал Йосеф, доктор философии, доцент, кафедра русистики, философский факультет, Университет им. св. Кирилла и Мефодия (г. Трнава Словацкая Республика), Институт славистики, философский факультет, Университет им. Масарика (г. Брно Чешская Республика)

Брно. Чешская Республика

Josef Dohnal, Doctor of Philosophy, Associate Professor, Department of Russian Studies, Faculty of Philosophy, St. Cyril and Methodius University (Trnava, Slovak Republic), Institute of Slavic Studies, Faculty of Philosophy, Masaryk University (Brno, Czech Republic)

Brno. Czech Republic

Икэда Ёсиро Доктор философии (история), доцент, кафедра истории стран Запада, Высшая школа гуманитарных наук и социологии, Токийский университет.

Токио, Япония

Yoshiro Ikeda, Ph.D. (History), Associate Professor, Department of Occidental History, Graduate School of Humanities and Sociology, University of Tokyo,

Tokyo, Japan

Кислицын Сергей Алексеевич, доктор исторических наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой политологии и этнополитики, Южно-Российский институт управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

Ростов-на-Дону. Россия.

Sergey A. Kislitsin, Doctor of Historical Sciences, Professor, Deputy Head of Department of Political Science and Ethnic Policy, South-Russian Institute of Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

Rostov-on-Don. Russia

Козодой Виктор Иванович, доктор исторических наук, профессор, президент и учредитель, Сибирская академия управления и массовых коммуникаций

Новосибирск. Россия.

Viktor I. Kozodoi, Doctor of Historical Sciences, Professor, President and Founder, Siberian Academy of Management and Mass Communications

Novosibirsk. Russia

Ратушняк Валерий Николаевич, заслуженный деятель науки Российской Федерации, заслуженный деятель науки Кубани, действительный член Академии социальных наук, член-корреспондент Международной Академии высшей школы, доктор исторических наук, профессор, кафедра истории России, Кубанский государственный университет

Краснодар. Россия

Valery N. Ratushnyak, Honored Scientist of the Russian Federation, Honored Scientist of Kuban, Member of Academy of Social Sciences, Corresponding Member of International Academy of Higher School, Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Russian History, Kuban State University

Krasnodar. Russia

Spulber Diana, доктор философии (методология исследований в психологии и педагогике), научный советник, кафедра ЮНЕСКО, университет Генуи, преподаватель, Link Campus University в Риме
Генуя. Италия

Diana Spulber, Doctor of Philosophy (Methodology of Research in Psychology and Pedagogy), Scientific Advisor, Unesco Department, University of Genoa, Lecturer, Link Campus University Rome
Genoa. Italy

Токтосунова Адаш Искандеровна, доктор политических наук, профессор, Восточный университет им. Махмуда Кашгари, консультант-эксперт, Межгосударственный фонд гуманитарного сотрудничества государств-участников СНГ от Кыргызской Республики
Бишкек. Кыргызстан

Adash I. Toktosunova, Doctor of Political Sciences, Professor, Mahmud Kashgari Eastern University, Expert-Consultant, Interstate Fund for Humanitarian Cooperation of CIS Member States from the Kyrgyz Republic

Bishkek. Kyrgyzstan

Figus Alessandro – доктор философии, профессор истории, международных отношений и европейского права, председатель отделения Эразмус, Link Campus University, приглашенный профессор, Университет Париж I Пантеон-Сорбонна

Генуя. Италия

Alessandro Figus, Doctor of Philosophy, Professor of History, International Relations and EU Law, Chairman of Erasmus Department, Link Campus University, Visiting Professor, Paris I Sorbonne-Pantheon University

Genova. Italy

Цыганков Андрей Павлович, доктор философских наук, профессор международных отношений и политических наук, университет Сан-Франциско

Сан-Франциско. США

Шанин Теодор, доктор философии, профессор социологии, Манчестерский университет (г. Манчестер, Великобритания), президент, Московская высшая школа социальных и экономических наук (г. Москва, Россия), почётный член Российской академии сельскохозяйственных наук

Москва. Россия.

Штурба Виктор Александрович, член-корреспондент Российской академии естественных наук, член Ассоциации научных редакторов и издателей, Отличник Народного Просвещения РСФСР, Отличник Образования Высшей Школы, доктор исторических наук, профессор, Кубанский государственный университет

Краснодар. Россия

Чепель Татьяна Леонидовна, действительный член Академии прогнозирования, российское отделение Международной академии исследования будущего, кандидат психологических наук, профессор, кафедра психологии и педагогики, Новосибирский государственный педагогический университет

Новосибирск. Россия

Andrei P. Tsygankov, Doctor of Philosophical Sciences, Professor of International Relations and Political Science, San Francisco State University

San Francisco, USA

Teodor Shanin - Doctor of Philosophy, Professor of Sociology, University of Manchester (Manchester, UK), President, Moscow School of Social and Economic Sciences (Moscow, Russia), Honorary Member of Russian Academy of Agricultural Sciences

Moscow. Russia.

Viktor A. Sturba, Corresponding Member of Russian Academy of Natural Sciences, Member of Association of Science Editors and Publishers, Excellent Specialist of Public Education of RSFSR, Excellent Specialist of Graduate School Education, Doctor of Historical Sciences, Professor, Kuban State University

Krasnodar. Russia

Tatyana L. Chepel, Member of Academy of Forecasting, Russian Branch of International Academy of Researches of Future, Candidate of Psychological Sciences, Professor, Department of Pedagogy and Psychology, Novosibirsk State Pedagogical University

Novosibirsk. Russia

Редакционная коллегия

Главный редактор

Штурба Евгений Викторович, доктор исторических наук, профессор, кафедра педагогики и психологии, Кубанский государственный университет
Краснодар. Россия

Бедерханова Вера Петровна, член-корреспондент Международной академии акмеологических наук, доктор педагогических наук, профессор, кафедра социальной работы, психологии и педагогики высшего образования, Кубанский государственный университет
Краснодар. Россия

Верещагина Анна Владимировна, доктор социологических наук, профессор, кафедра теоретической социологии и методологии региональных исследований, Институт социологии и регионоведения, Южный федеральный университет
Ростов-на-Дону. Россия

Зотов Сергей Николаевич, доктор филологических наук, профессор, кафедра литературы, Таганрогский институт имени А.П. Чехова (филиал) ФГБОУ ВПО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)»
Таганрог. Россия

Касьянов Валерий Васильевич, доктор социологических наук, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России, Кубанский государственный университет
Краснодар. Россия

Микерова Галина Жоршовна, заслуженный учитель РФ, член-корреспондент Российской академии естествознания, доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой педагогики и методики начального образования, Кубанский государственный университет
Краснодар. Россия

Невский Сергей Александрович, доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник, Всероссийский научно-исследовательский институт МВД России
Москва. Россия

Попов Михаил Юрьевич, доктор социологических наук, профессор, кафедра философии и социологии, Краснодарский университет МВД России
Краснодар. Россия

Факторович Александр Львович, доктор филологических наук, профессор, кафедра истории и правового регулирования массовых коммуникаций, Кубанский государственный университет
Краснодар. Россия

Editorial board

Editor-in-Chief

Evgeny V. Sturba, Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Pedagogy and Psychology, Kuban State University
Krasnodar. Russia

Vera P. Bederkhanova, Corresponding Member of International Academy of Akmeological Sciences, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Department of Social Work, Psychology and Higher Education Pedagogy, Kuban State University
Krasnodar. Russia

Anna V. Vereshchagina, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Department of Theoretical Sociology and Methodology of Regional Studies, Institute of Sociology and Regional Studies, South Federal University
Rostov-on-Don. Russia

Sergei N. Zotov, Doctor of Philological Sciences, Professor, Department of Literature, Chekhov Taganrog Institute (Rostov State University of Economics Branch)
Taganrog. Russia

Valeriy V. Kasyanov, Doctor of Sociological Sciences, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of Department of Russian History, Kuban State University
Krasnodar. Russia

Galina Zh. Mikerova, Honored Teacher of the Russian Federation, Corresponding Member of Russian Academy of Natural Sciences, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Head of Department of Primary School, Kuban State University
Krasnodar. Russia

Sergei A. Nevskiy, Doctor of Law, Professor, Chief Researcher, National Research Institute of Russian Ministry of Internal Affairs
Moscow. Russia

Mikhail Yu. Popov, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Department of Philosophy and Sociology, Krasnodar University of Russian Ministry of Internal Affairs
Krasnodar. Russia

Alexander L. Faktorovich, Doctor of Philological Sciences, Professor, Department of History and Legal Regulation of Mass Communications, Kuban State University
Krasnodar. Russia

СОДЕРЖАНИЕ		CONTENTS
Международная конференция		***International conference***
ЗАЙКО Т. М. г. Екатеринбург, Россия КОРРУПЦИЯ: УГРОЗА НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ	15	ZAYKO T. M. Ekaterinburg, Russia CORRUPTION: THREAT TO THE NATIONAL SECURITY OF RUSSIA
КОБЕЛЕВА Е. А. г. Пермь, Россия МОЛОДЫЕ КАДРЫ ЗАПАДНОУРАЛЬСКИХ ОРГАНОВ ГОСБЕЗОПАСНОСТИ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ	23	KOBELEVA E. A. Perm, Russia YOUNG STAFF MEMBERS OF THE STATE SECURITY FORCES AT THE WESTERN URALS DURING THE CIVIC WAR
ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ		***HISTORICAL SCIENCES***
АЛФЕРОВ А. А. Г. Ростов-На-Дону, Россия ПРОЯВЛЕНИЯ НАТУРАЛИСТИЧЕСКОГО ПОДХОДА К ИСТОРИИ	31	ALFEROV A. A. Rostov-On-Don, Russia MANIFESTATIONS OF NATURALISTIC APPROACH TO HISTORY
ВАСИН А. В. г. Москва, Россия СРЕДСТВА МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ КАК РЕГУЛЯТОР ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ВОЕННЫХ КОНФЛИКТОВ В 1990—2000-Е ГГ.	37	VASIN A. V. Moscow, Russia MEDIA AS A REGULATOR OF PUBLIC OPINION IN MILITARY CONFLICTS IN 1990-2000-IES
ДРОБЫШЕВА Л. В. г. Москва, Россия СОТРУДНИЧЕСТВО РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ СО СТРАНАМИ СНГ В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ В 1991-2015 ГГ.: ИЗ ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ СЛАВЯНСКИХ УНИВЕРСИТЕТОВ	40	DROBYSHEVA L. V. Moscow, Russia COOPERATION OF RUSSIA AND CIS COUNTRIES IN THE FIELD OF EDUCATION IN 1991-2015 -IES: FROM THE HISTORY OF SLAVIC UNIVERSITIES
КАЗАМБИЕВА П. М. г. Махачкала, Россия АВАРСКОЕ ХАНСТВО В ИСТОРИИ ДАГЕСТАНА: ИСТОРИЧЕСКИЙ ЭКСКУРС	44	KAZAMBIEVA P. M. Makhachkala, Russia AVAR KHANATE IN THE HISTORY OF DAGHESTAN: HISTORICAL FLASHBACK
КАСУМОВ С. М. г. Владикавказ, Россия УЧАСТИЕ ГАМЗАТ-БЕКА В ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЯХ ВОЙСК ИМАМА ГАЗИ-МУХАММЕДА В 1831 ГОДУ	48	KASUMOV S. M. Vladikavkaz, Russia GHAMZAT-BEKC'S PARTICIPATION IN MILITARY ACTIONS OF IMAM GHAZI-MUHAMMAD'S FORCES IN 1831
ЛОПАТИНА Е. Б. г. Москва, Россия О ПОПЫТКАХ УСИЛИТЬ ПОЗИЦИИ ПРАВОСЛАВИЯ В ПРИВИСЛИНСКОМ КРАЕ В КОНЦЕ XIX ВЕКА	52	LOPATINA E. B. Moscow, Russia ATTEMPTS TO STRENGTHEN THE POSITION OF ORTHODOXY IN PRIVISLINSKY REGION IN THE LATE XIX CENTURY
ПУЗАНОВ В. Д., г. Шадринск, Россия РУССКОЕ ГОСУДАРСТВО И МИССИОНЕРСТВО ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В СИБИРИ XVII В. .	56	PUZANOV V. D., Shadrinsk, Russia RUSSIAN STATE AND MISSIONARY ORTHODOX CHURCH IN SIBERIA IN XVII CENTURY
РАТУШНЯК В. Н. г. Краснодар, Россия ОСНОВНЫЕ ЗАДАЧИ И ФУНКЦИИ РОССИЙСКОЙ ПОЛИЦИИ В 60-90-е гг. XIX в.	60	V. N. RATUSHNYAK Krasnodar, Russia MAIN TASKS AND FUNCTIONS OF THE RUSSIAN POLICE IN 1860-1890s
СЕРЕБРЕННИКОВ С. В., г. Кемерово, Россия АВТОРЕФЕРАТЫ ДИССЕРТАЦИЙ О ЯПОНСКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ В СССР (1945-1956 ГГ.) КАК ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК	66	SEREBRENNIKOV S. V., Kemerovo, Russia ABSTRACTS OF THESIS ABOUT THE JAPANESE PRISONERS OF WAR IN THE USSR (1945-1956) AS THE HISTORIOGRAPHICAL SOURCE
СУСЛОВ М.Г., ПОДПРЯТОВ Н. В. г. Пермь, Россия СОВРЕМЕННЫЕ УГРОЗЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В РОССИИ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ	74	SUSLOV M. G., PODPRIATOV N. V. Perm, Russia ACTUAL THREATS TO RUSSIAN NATIONAL SECURITY: REGIONAL ASPECT
ТИТОРЕНКО М. Ф. г. Краснодар, Россия КУБАНСКИЕ КАЗАКИ НА СЛУЖБЕ ОТЕЧЕСТВУ	78	TITORENKO M.F. Krasnodar, Russia KUBAN COSSACKS IN THE SERVISE OF THE FATHERLAND

ЧЕРНЕНКО Д. А. г. Москва, Россия СВЕДЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРИМЕЧАНИЙ К ГЕНЕРАЛЬНОМУ МЕЖЕВАНИЮ О ГОРОДСКИХ ЗЕМЛЯХ (НА ПРИМЕРЕ ВЛАДИМИРСКОЙ ГУБЕРНИИ)	83	CHERNENKO D. A., Moscow, Russia INFORMATION FROM ECONOMIC NOTES TO GENERAL LAND SURVEY ABOUT URBAN LANDS (VLADIMIR PROVINCE CASE)
ЮРЧЕНКО В. С. г. Тюмень, Россия СТРУКТУРА, ФУНКЦИИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОРГАНОВ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ СЕВАСТОПОЛЯ В 1921-1925 ГГ.	87	IURCHENKO V. S. Tyumen, Russia STRUCTURE, FUNCTIONS AND ACTIVITY OF SEVASTOPOL SOVIET INSTITUTIONS IN 1921-1925
СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ		***SOCIOLOGICAL AND HUMANITIES SCIENCES***
АРДАВОВ МИ. М., ЯХЬЯЕВ Т. Л. г. Нальчик, Россия ДЕЛИКВЕНТНОЕ ПОВЕДЕНИЕ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ - ФЕНОМЕН РОССИЙСКОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ	93	ARDAVOV M. M., YAHIAEV T. L. Nalchik, Russia DELINQUENCY BEHAVIOR OF MINORS AS PHENOMENON OF RUSSIAN REALITY
АРТЮХОВ М. Н. г. Донецк, Украина МУСУЛЬМАНСКИЕ ОБЩЕСТВА ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ: ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ АДАПТАЦИИ	96	ARTYUHOV M. N. DONETSK, UKRAINE MUSLIM COMMUNITY IN WESTERN EUROPE: PROBLEMS OF SOCIAL-CULTURAL ADAPTATION
ДАДОВ А. В. г. Нальчик, Россия ОСНОВНЫЕ ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ СОТРУДНИКОВ ОВД ПО ВОПРОСАМ ФИЗИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКИ	100	DADOV A. V. NALCHIK, RUSSIA BASIC VALUE ORIENTATIONS OF POLICE EMPLOYEES ON PHYSICAL TRAINING
КАРДАНОВ Р.Р., МАШЕКУАШЕВА М.Х., г. Нальчик, Россия КОММУНИКАТИВЫЙ АСПЕКТ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ СОТРУДНИКА ПОЛИЦИИ	104	KARDANOV R. R., MASHEKUASHEVA M. KH. Nalchik, Russia COMMUNICATIVE ASPECT OF POLICE TRAINING
КОМАРОВА С.А. г. Москва, Россия СОЦИАЛЬНАЯ МОБИЛЬНОСТЬ В СОВРЕМЕННОЙ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ КАРТИНЕ РОССИИ	108	KOMAROVA S. A. Moscow, Russia SOCIAL MOBILITY IN THE CONTEMPORARY SOCIOLOGICAL PICTURE OF RUSSI
ЛЯУС Ю. А. Г. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ, РОССИЯ ОСОБЕННОСТИ СОЦИОДИНАМИКИ НЕКОММЕРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ	112	LYAUS Y. A. SAINT-PETERSBURG, RUSSIA FEATURES OF SOCIO-DYNAMICS OF NON-PROFIT ORGANIZATIONS IN SAINT-PETERSBURG
НУЖИНА И.А. г. Москва, Россия О НЕОБХОДИМОСТИ УПРАВЛЕНИЯ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ ЭВОЛЮЦИЕЙ ЗРЕЛИЩНЫХ ИСКУССТВ	116	NUZHINA I. A. Moscow, Russia NEEDS OF ADMINISTRATION OF INSTITUTIONAL EVOLUTION OF PERFORMING ARTS
ПАНФИЛОВА Л. Б., СЫЧЕВ. А. г. Краснодар, России ОСОБЕННОСТИ АДМИНИСТРАТИВНО-ЮРИСДИКЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОТРУДНИКОВ ПОЛИЦИИ ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ ОБЩЕСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ НА ВОДНОМ ТРАНСПОРТЕ	121	PANFILOVA L. B., SYCHEV E. A. Krasnodar, Russia FEATURES OF ADMINISTRATIVE-JURISDICTIONAL ACTIVITY OF EMPLOYEES OF POLICE IN ENSURING PUBLIC SAFETY ON WATER TRANSPORT
ПЕТРОВ В. Е. г. Великий Новгород, Россия СОЦИАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ «ЗОЛОТОЙ МОЛОДЕЖИ»: ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОГО И ИСТОРИЧЕСКОГО ГЕНЕЗИСА	127	PETROV V. E. Veliky Novgorod, Russia SOCIAL HISTORY OF “GOLDEN YOUTH”: SOCIAL AND HISTORICAL ISSUES OF GENESIS
ТКАЧЕВА Н. А., БАЙМУХАМЕТОВА Р. С., г. Тюмень, Россия ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ КАЗАХСТАНСКОЙ МОЛОДЕЖИ	134	TKACHEVA N. A., BAYMUHAMETOVA R. S., Tyumen, Russia VALUE ORIENTATIONS OF KAZAKHSTAN YOUTH
ШТУМПФ С. П. г. Красноярск, Россия ПРИРОДА ДУХОВНОСТИ: СУЩНОСТНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ	140	SHTUMPF S. P. Krasnoyarsk, Russia NATURE OF SPIRITUAL OUTLOOK: ESSENTIAL CHARACTERISTICS

ОБРАЗОВАНИЕ И ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ		***EDUCATION AND PEDAGOGICAL SCIENCES***
АЛИМУРАДОВ О. А. г. Пятигорск, Россия ФАКТОРОВИЧ А. Л. Г. КРАСНОДАР, РОССИЯ СВОЕОБРАЗИЕ ДИСКУРСА «ГОТИКИ»: ВЗАИМОСВЯЗЬ ЛИТЕРАТУРНОЙ ТРАДИЦИИ И АМБИВАЛЕНТНОСТИ ПЕРСОНАЖА	147	ALIMURADOV O. A. Pyatygorsk, Russia FAKTOROVICH A. L. KRASNODAR, RUSSIA THE PECULIARITY OF “GOTHIC” DISCOURSE: CORRELATION BETWEEN THE LITERATURE TRADITION AND AMBIVALENT IMAGE
ВИНОГРАДОВА С.Г. г. Тамбов, Россия КОММУНИКАТИВНОЕ ЧЛЕНЕНИЕ СЛОЖНОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ МЕТАКОГНИЦИИ	155	VINOGRADOVA S. G. Tambov, Russia COMMUNICATIVE PERSPECTIVE OF COMPOSITE SENTENCES IN THE CONTEXT OF METACOGNITION
ЕРЁМЕНКО Г. В. г. Тында, Россия ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ УЧРЕЖДЕНИЯ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ НА РЫНКЕ ТРУДА РЕСПУБЛИКИ САХА (ЯКУТИЯ) И ИХ ВЗАИМОСВЯЗЬ СО СЛУЖБОЙ ЗАНЯТОСТИ НАСЕЛЕНИЯ	161	EREMENKO G. V. Tynda, Russia EDUCATIONAL INSTITUTIONS OF HIGHER EDUCATION OF PEDAGOGICAL SPECIALITIES IN THE LABOR MARKET OF THE REPUBLIC OF SAKHA (YAKUTIA) AND THEIR RELATIONSHIP WITH THE PUBLIC EMPLOYMENT SERVICE
КОРЕПАНОВА М. Г. Удмуртская Республика РАЗВИТИЕ СОЦИАЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ УЧАЩИХСЯ В СЕЛЬСКОЙ ШКОЛЕ: ОБЗОР ПУБЛИКАЦИЙ И ОПЫТ РАБОТЫ ИССЛЕДОВАТЕЛЯ	166	KOREPANOVA M. G. Udmurt Republic DEVELOPMENT OF SOCIAL ACTIVITY OF STUDENTSIN RURAL SCHOOLS: REVIEW PUBLICATIONS ANDPROFESSIONAL EXPERIENCE OF RESEARCHER
ФРОЛОВА Н. Х. г. Нижний Новгород, Россия ПЕРСПЕКТИВЫ ПРИМЕНЕНИЯ ВИКИ-САЙТОВ В ПРОЦЕССЕ НЕПРЕРЫВНОЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ «ШКОЛА-ВУЗ- ПРЕДПРИЯТИЕ»	173	FROLOVA N. H. Nizhny Novgorod, Russia WIKI SITES IN POTENTIAL USE IN THE CONTINUOUS PROFESSIONAL EDUCATION IN THE «SCHOOL-UNIVERSITY-ENTERPRISE” FRAMES
ОБЗОРНЫЕ СТАТЬИ		***REVIEW ARTICLES***
МОРОЗОВА Е. В. г. Краснодар, Россия ОБРАЗ ДРУГОГО/ЧУЖОГО В ФОРМИРОВАНИИ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ (ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ)	183	MOROZOVA E. V. Krasnodar, Russia IMAGE OF OTHER/ALIEN IN FORMATION OF FOREIGN POLICY IDENTITY (LITERATURE REVIEW)
РЕДАКТОРСКИЕ СТАТЬИ. МАСТЕРА		***EDITORIAL ARTICLES. MASTERS***
МАКАРЕНКО В. П. г. Ростов-На-Дону, Россия ГОРОД КАК СУДЬБА: ВЗГЛЯД НОБЕЛЕВСКОГО ЛАУРЕАТА ОРХАНА ПАМУКА НА РОДНОЙ СТАМБУЛ	189	MAKARENKO V. P. Rostov-On-Don, Russia CITY AS A DESTINY: VIEW OF NOBEL PRIZE WINNER FERIT ORHAN PAMUK
Информация	203	***Information***

УВАЖАЕМЫЕ КОЛЛЕГИ!

Редакция научного журнала «Историческая и социально-образовательная мысль» приглашает всех желающих принять участие в работе Международной заочной научно-практической конференции

1917 год: трагедия или триумф? Взгляд через столетие

Конференция проводится в течение 2017 года.

К участию в конференции приглашаются аспиранты, соискатели, преподаватели вузов, научная общественность. Редакция журнала обязуется безвозмездно публиковать материалы конференции на страницах журнала. Редакция журнала будет благодарна Вам за распространение данной информации среди заинтересованных персон.

С уважением, главный редактор журнала
«Историческая и социально-образовательная мысль»,
доктор исторических наук, профессор

Е.В. Штурба

DEAR COLLEAGUES!

The editorial board of Science Journal “Historical and Social-Educational Ideas” invites everyone to participate in the International Distant Conference of the Academic People and Professionals. The theme of the Conference is

1917: Tragedy or Triumph? Looking Through the Century

The Conference is held during 2017.

To participate in the Conference are invited postgraduate students, candidates of sciences, university professors, representatives of scientific community. The editorial board is committed to free publish conference materials in the pages of its science journal. The editorial staff will be grateful if you would circulate this information among the scientific community.

Sincerely, Chief Editor of the Science Journal
“Historical and Social-Educational Ideas”,
Doctor of Historical Sciences, Professor

E.V. Shturba

Международная заочная
научно-практическая конференция:

«НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ РОССИИ: ИСТОРИЯ, СОВРЕМЕННОСТЬ И ПЕРСПЕКТИВЫ»

International Distant Conference of the Academic People and Professionals

"RUSSIAN NATIONAL SECURITY: History, Modernity and Perspectives"

УДК 343

DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-6/2-15-22

ЗАЙКО Тамара Михайловна
Уральский государственный юридический университет
г. Екатеринбург, Россия
tmzayko@mail.ru

Tamara M. ZAYKO
Ural State Law University
Ekaterinburg, Russia
tmzayko@mail.ru

КОРРУПЦИЯ: УГРОЗА НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ

CORRUPTION: THREAT TO THE NATIONAL SECURITY OF RUSSIA

Поднимаются вопросы, касающиеся анализа правовых и организационных основ предупреждения коррупции и борьбы с ней, которые, в первую очередь, установлены Федеральным законом от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции», Указами Президента Российской Федерации от 13.04.2010г. № 460 и от 01.04.2016 г. № 147, которыми утверждены Национальная стратегия противодействия коррупции и Национальный план противодействия коррупции на 2016-2017 годы, а также другие федеральные законы, международные договоры РФ - Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции от 31 октября 2003 года и Конвенция об уголовной ответственности за коррупцию, подписанная от имени РФ 27 января 1999 года в г. Страсбурге, Постановления Правительства РФ и иные нормативные правовые акты. Отмечается, что среди ученых-юристов нет единого мнения по отношению к такому явлению, как коррупция, как социальному феномену, приводятся различные точки зрения на данную проблему. Дан перечень причин возникновения и существования коррупция. Указывается на то, что коррупция наносит существенный вред социально-экономическому и политическому развитию общества, угрожает его национальной безопасности и стабильности, при этом выходит за рамки национальных границ.

Raises questions about the analysis of the legal and organizational basis of the prevention of corruption and combating that, first and foremost, the Federal law of 25.12.2008 № 273-FZ "On combating corruption, decrees of the President of the Russian Federation of 13.04.2010, № 460 from 01.04.2016, No. 147, which approved the national corruption strategy and national anticorruption plan for 2016-2017, and other Federal laws, international treaties of the Russian Federation - the Convention of United Nations against corruption of 31 October 2003 and the criminal law Convention on corruption, signed on behalf of the Russian Federation on 27 January 1999 in Strasbourg, the resolution of the Government of the Russian Federation and other normative legal acts. It is noted that among legal scholars there is no consensus in relation to the phenomenon of corruption as a social phenomenon, provides a different perspective on this issue. Given a list of reasons for the emergence and existence of corruption. Indicates that corruption inflicts substantial harm to the socio-economic and political development of society, threatens its national security and stability, and thus goes beyond national borders.

Ключевые слова: коррупция, социальный феномен, значительный экономический вред, социально-негативные последствия коррупции, национальная безопасность, международный и национальный опыт, меры борьбы, правовые и организационные основы.

Keywords: corruption, social phenomenon, significant economic harm, social negative consequences of corruption, national security, international and national experience, control measures, legal and institutional framework

Коррупция представляет собой такой социальный феномен, который не имеет однозначного понимания в общественном сознании. Среди ученых-юристов нет единого мнения по отношению к такому явлению, как коррупция.

Так, М.И. Еникеев считает, что «коррупция - широкое распространение преступного образа поведения высокопоставленных должностных лиц, использующих исполнение возложенных на них государственных функций в целях личного обогащения и получения других личных преимуществ; получает развитие в условиях усиления бюрократии и наделения ее властными привилегиями, вывода ее из-под социального контроля» [17, с. 97].

«Коррупция, - как отмечает В.Л. Васильев, - скорее синтетическое криминологическое и социально-психологическое понятие, которое следует рассматривать как совокупность родственных видов деяний, а не как конкретный состав преступлений» [16, с. 300].

В свою очередь, Российская юридическая энциклопедия определяет коррупцию как «использование государственными служащими и представителями органов государственной власти занимаемого ими положения, служебных прав и властных полномочий для незаконного обогащения, получения материальных и иных благ и преимуществ как в личных, так и групповых интересах» [21, с. 242].

Все причины коррупции можно, на наш взгляд, поделить на следующие большие группы:

- «правовые»: слабость закона, отсутствие «прозрачной» законодательной базы, постоянное изменение, при этом не в лучшую сторону, экономического законодательства, нарушение международных правовых норм, неадекватность мер наказания за коррупционные преступления, существование норм, которые дают возможность субъективной трактовки нормативных актов; неэффективность судебной системы;

- «социально-экономические»: несовершенство экономической политики и экономических институтов, отсутствие конкуренции, вмешательство государства в экономику, монополизация определенных секторов экономики, государственный контроль над ресурсами, весьма низкий уровень развития гражданского общества;

- «информационные»: закрытость государственного механизма, наличие ограничений реальной свободы печати;

- «организационные»: низкий уровень контроля над распределением государственных (в особенности природных) ресурсов, определенные трудности в управлении большой территорией, разросшийся бюрократический аппарат, относительно низкий уровень оплаты труда госслужащих, наличие оффшорных зон, куда «утекают» значительные денежные средства;

- «культурно-исторические»: устоявшаяся система норм бюрократического поведения, своеобразное исторически сложившееся снисходительное отношение к коррупции;

- «социальные»: наличие клановости и традиций непотизма, использование блата («дружеских связей»), существование традиций «дарения»: подарков-взяток и т.д.

Коррупция, как правило, весьма негативно влияет на социальное и экономическое развитие любой страны. Значительный экономический вред от коррупции вызван, прежде всего, тем, что коррупция представляет препятствие для реализации государственной макроэкономической политики. При этом в результате коррупции средних и низших звеньев системы управления центральное правительство недополучает достоверную информацию о реальном положении страны и, соответственно, отсутствует возможность осуществления намеченных целей.

Что же касается социальных негативных последствий коррупции, то, как общепризнано, она ведет к нечестной конкуренции и, соответственно, к неоправданному снижению доходов граждан: доходы взяткодателей и взяткополучателей растут, а законопослушных граждан - падают.

Наиболее опасна коррупция в налоговой системе: богатые, уклоняясь от уплаты налогов, перекладывают налоговое бремя на плечи более бедных.

Следует отметить, что коррупция тормозит развитие не только отдельных стран, но и мирового хозяйства в целом, она становится, начиная примерно с 1980-х годов, одной из главных забот международной политики [20, с. 364].

Таким образом, весь негатив, оказываемый коррупцией на различные сферы жизни общества, можно, на наш взгляд, сгруппировать по следующим направлениям:

- в экономической сфере: неэффективность распределения и расходования ресурсов и средств государства; значительные материальные издержки при осуществлении бизнеса; повышение уровня коммерческих и финансовых рисков, в ущерб экономическому развитию снижение конкуренции; повышение уровня теневой экономики; налоговые потери; понижение инвестиций; снижение эффективности экономики страны в целом;

- в социальной сфере: рост социальной напряженности; увеличение социального неравенства, бедность; отсутствие способности властей решать социальные проблемы в результате так называемых «откатов» в ущерб бюджетной сфере; усиление организованной преступности (появление мафиозных группировок);

- в политической сфере: отсутствие возможности осуществления демократических принципов; смещение политических целей от общенационального развития к увеличению возможностей властвования олигархических группировок; нарушение принципа верховенства закона; малоэффективность судебных и политических институтов; снижение уровня доверия к власти, понижение уровня престижа страны и др.

Коррупция наносит существенный вред социально-экономическому и политическому развитию общества, угрожает его национальной безопасности и стабильности. С учетом этого уровень эффективности борьбы с ней мировым сообществом рассматривается как один из важнейших показателей демократического государства.

В настоящее время коррупция выходит за рамки национальных границ. После «отмывания» доходы от нее включаются как в национальные, так и международные финансовые потоки, подрывая при этом международные и государственные основы власти и экономики.

Международный и национальный опыт показывает, что с коррупцией невозможно бороться при помощи разрозненных мер, ее уровень можно снизить лишь с помощью системы последовательных, целенаправленных мер, поэтому представляется необходимым разработать государственный комплекс мер, направленных на борьбу с коррупцией.

В России антикоррупционная политика стала едва ли не главной составляющей политической жизни. Следует отметить, что с принятием антикоррупционного пакета законов и подзаконных актов Россия вышла на новый этап борьбы с коррупционными преступлениями.

Правовые и организационные основы предупреждения коррупции и борьбы с ней установлены Федеральным законом от 25.12.2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» [1] (далее - Закон о противодействии коррупции).

В свою очередь, в целях объединения усилий федеральных органов государственной власти, иных государственных органов, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, институтов гражданского общества, организаций и физических лиц, направленных на противодействие коррупции и устранение причин, ко-

торые ее порождают, Президентом Российской Федерации Указами от 13.04.2010 г. № 460 [11] и от 01.04.2016 г. № 147 [12] утверждены Национальная стратегия противодействия коррупции и Национальный план противодействия коррупции на 2016-2017 годы.

Помимо этого, Президентом РФ были приняты Указы от 19.05.2008 г. № 815 «О мерах по противодействию коррупции» [7], от 02.04.2013 г. № 309 «О мерах по реализации отдельных положений Федерального закона "О противодействии коррупции"»[8], от 08.07.2013 г. № 613 «Вопросы противодействия коррупции» [9] и от 15.07.2015 г. № 364 «О мерах по совершенствованию организации деятельности в области противодействия коррупции» [10].

Правовую основу противодействия коррупции помимо Закона о противодействии коррупции и упомянутых Указов Президента РФ составляют также другие федеральные законы, например Федеральный Закон от 17.07.2009 г. № 172-ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» [2], от 06.12.2011 г. № 39-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ в связи с ведением ротации на государственной гражданской службе» [3], от 17.05.2013 г. № 79-ФЗ «О запрете отдельным категориям лиц открывать и иметь счета (вклады, хранить наличные денежные средства и ценности в иностранных банках, расположенных за пределами территории Российской Федерации, владеть и (или) пользоваться иностранными финансовыми инструментами» [4]; международные договоры РФ - Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции от 31 октября 2003 года [5] и Конвенция об уголовной ответственности за коррупцию, подписанная от имени РФ 27 января 1999 года [6] в г. Страсбурге; нормативные правовые акты Правительства РФ и иных федеральных органов государственной власти; нормативные правовые акты органов государственной власти субъектов РФ и муниципальные правовые акты.

Более подробно остановимся на анализе положений закона о противодействии коррупции, в п. 1 ст. 1 которого дано понятие коррупции - «злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами» [1].

В свою очередь, противодействие коррупции - это «деятельность федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов РФ, органов местного самоуправления, институтов гражданского общества, организаций и физических лиц в пределах их полномочий: а) по предупреждению коррупции, в том числе по выявлению и последующему устранению причин коррупции (профилактика коррупции); б) по выявлению, предупреждению, пресечению, раскрытию и расследованию коррупционных правонарушений (борьба с коррупцией); в) по минимизации и (или) ликвидации последствий коррупционных правонарушений» (п.2 ст.1 Закона о противодействии коррупции).

В соответствии со ст.3 Закона о противодействии коррупции, «противодействие коррупции в Российской Федерации основывается на следующих основных принципах:

1) признание, обеспечение и защита основных прав и свобод человека и гражданина;

2) законность;

3) публичность и открытость деятельности государственных органов и органов местного самоуправления;

4) неотвратимость ответственности за совершение коррупционных правонарушений;

5) комплексное использование политических, организационных, информационно-пропагандистских, социально-экономических, правовых, специальных и иных мер;

6) приоритетное применение мер по предупреждению коррупции;

7) сотрудничество государства с институтами гражданского общества, международными организациями и физическими лицами» [1].

При этом следует отметить, что «Российская Федерация в соответствии с международными договорами РФ и на основе принципа взаимности сотрудничает в области противодействия коррупции с иностранными государствами, их правоохранительными органами и специальными службами, а также с международными организациями в целях:

1) установления лиц, подозреваемых (обвиняемых) в совершении коррупционных преступлений, их местонахождения, а также местонахождения других лиц, причастных к коррупционным преступлениям;

2) выявления имущества, полученного в результате совершения коррупционных правонарушений или служащего средством их совершения;

3) предоставления в надлежащих случаях предметов или образцов веществ для проведения исследований или судебных экспертиз;

4) обмена информацией по вопросам противодействия коррупции;

5) координации деятельности по профилактике коррупции и борьбе с коррупцией» (ч.1 ст.4 Закона о противодействии коррупции).

В уголовном законодательстве РФ нет определения коррупции как самостоятельного состава преступления, здесь коррупция выступает в качестве собирательного понятия, которое представляет собой совокупность должностных преступлений. При этом Пленум Верховного суда РФ отмечает, что «наиболее распространенным и опасным является взяточничество. Оно посягает на основы государственной власти, нарушает нормальную управленческую деятельность государственных и муниципальных органов и учреждений, подрывает их авторитет, деформирует правосознание граждан, создавая у них представление о возможности удовлетворения личных и коллективных интересов путем подкупа должностных лиц, препятствует конкуренции, затрудняет экономическое развитие» [14].

По мнению социологов, которые исследовали современную коррупцию в России, основная закономерность экономической жизни страны, которую Н.М. Карамзин еще полтораста лет назад определил емким словом «воруют», следующая: в России на взятки ежегодно тратится 37 млрд долларов, то есть сумма, которая примерно равна доходной части годового бюджета страны [18, с. 90].

В соответствии с положениями главы 30 УК РФ должностные преступления представляют собой общественно опасные деяния, которые совершаются вопреки интересам службы с использованием виновным своего служебного положения и причиняющие либо создающие непосредственную угрозу причинения значительного вреда правам и законным интересам граждан или организаций, либо охраняемым законом интересам общества и государства.

Социальная опасность указанных преступлений заключается в следующем. Проблема коррупции в России и в мире возникла достаточно давно, а в настоящее время приобрела угрожающий характер, так как распространилась на все ветви власти, все сферы жизни общества. Значительная общественная опасность этих преступлений вызвана тем, что данные преступления совершаются теми лицами, кто по роду своей деятельности обязаны сами бороться с правонарушениями и осуществлять правопорядок в нашей стране, которая по уровню коррупции в настоящее время занимает одно из «ведущих» мест в мире: по некоторым оценкам в этом отношении Россия стоит в одном ряду с такими государствами, как Колумбия, Нигерия и Боливия [15, с. 63].

Согласно исследованиям, которые были проведены международной организацией Transparency International, и индексу коррумпированности за 2009 г. (индекс 2,2), Россия занимает 146-е место из 180 стран и относится к тем странам, где существует наивысший уровень коррупции на данный момент. Только у таких стран, как Таджикистан (индекс CPI - 2), Ангола (индекс CPI - 1,9), Сомали (индекс CPI - 1,1), ситуация более тяжелая [19, с. 13].

Государственная политика в области противодействия коррупции определена в Национальном плане противодействия коррупции на 2016-2017 годы, в котором дан перечень мероприятий, направленных на решение следующих основных задач:

«совершенствование правовых основ и организационных механизмов предотвращения и выявления конфликта интересов в отношении лиц, замещающих должности, по которым установлена обязанность принимать меры по предотвращению и урегулированию конфликта интересов;

совершенствование механизмов контроля за расходами и обращения в доход государства имущества, в отношении которого не представлено сведений, подтверждающих его приобретение на законные доходы, предусмотренных Федеральным законом от 3 декабря 2012 г. N 230-ФЗ "О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам";

повышение эффективности противодействия коррупции в федеральных органах исполнительной власти и государственных органах субъектов Российской Федерации, активизация деятельности подразделений федеральных государственных органов и органов субъектов Российской Федерации по профилактике коррупционных и иных правонарушений, а также комиссий по координации работы по противодействию коррупции в субъектах Российской Федерации;

повышение эффективности противодействия коррупции при осуществлении закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд;

усиление влияния этических и нравственных норм на соблюдение лицами, замещающими государственные должности Российской Федерации, государственные должности субъектов Российской Федерации, муниципальные должности, должности государственной и муниципальной службы, запретов, ограничений и требований, установленных в целях противодействия коррупции;

расширение использования механизмов международного сотрудничества для выявления, ареста и возвращения из иностранных юрисдикций активов, полученных в результате совершения преступлений коррупционной направленности;

повышение эффективности информационно-пропагандистских и просветительских мер, направленных на создание в обществе атмосферы нетерпимости к коррупционным проявлениям» [12].

Основные направления деятельности государственных органов по повышению эффективности противодействия коррупции раскрыты в ст.7 Закона о противодействии коррупции. К ним, в частности, относятся:

«1) проведение единой государственной политики в области противодействия коррупции;

2) создание механизма взаимодействия правоохранительных и иных государственных органов с общественными и парламентскими комиссиями по вопросам противодействия коррупции, а также с гражданами и институтами гражданского общества;

3) принятие законодательных, административных и иных мер, направленных на привлечение государственных и муниципальных служащих, а также граждан к более активному участию в противодействии коррупции, на формирование в обществе негативного отношения к коррупционному поведению;

4) совершенствование системы и структуры государственных органов, создание механизмов общественного контроля за их деятельностью;

5) введение антикоррупционных стандартов, то есть установление для соответствующей области деятельности единой системы запретов, ограничений и дозволений, обеспечивающих предупреждение коррупции в данной области;

6) унификация прав государственных и муниципальных служащих, лиц, замещающих государственные должности Российской Федерации, государственные должности субъектов Российской Федерации, должности глав муниципальных образований, муниципальные должности, а также устанавливаемых для указанных служащих и лиц ограничений, запретов и обязанностей» [1] и др.

В борьбе с коррупционной и должностной преступностью особое значение имеет предупреждение, то есть позитивное воздействие на ее условия и причины, пресечение и профилактика преступной деятельности отдельной категории лиц.

Так, в соответствии со ст.6 Закона о противодействии коррупции «профилактика коррупции осуществляется путем применения следующих основных мер:

1) формирование в обществе нетерпимости к коррупционному поведению;

2) антикоррупционная экспертиза правовых актов и их проектов;

2.1) рассмотрение в федеральных органах государственной власти, органах государственной власти субъектов Российской Федерации, органах местного самоуправления, других органах, организациях, наделенных федеральным законом отдельными государственными или иными публичными полномочиями, не реже одного раза в квартал вопросов правоприменительной практики по результатам вступивших в законную силу решений судов, арбитражных судов о признании недействительными ненормативных правовых актов, незаконными решений и действий (бездействия) указанных органов, организаций и их должностных лиц в целях выработки и принятия мер по предупреждению и устранению причин выявленных нарушений;

3) предъявление в установленном законом порядке квалификационных требований к гражданам, претендующим на замещение государственных или муниципальных должностей и должностей государственной или муниципальной службы, а также проверка в установленном порядке сведений, представляемых указанными гражданами;

4) установление в качестве основания для освобождения от замещаемой должности и (или) увольнения лица, замещающего должность государственной или муниципальной службы, включенную в перечень, установленный нормативными правовыми актами Российской Федерации, с замещаемой должности государственной или муниципальной службы или для применения в отношении его иных мер юридической ответственности непредставления им сведений либо представления заведомо недостоверных или неполных сведений о своих доходах, расходах, имуществе и обязательствах имущественного характера, а также представления заведомо ложных сведений о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера своих супруги (супруга) и несовершеннолетних детей;

5) внедрение в практику кадровой работы федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления правила, в соответствии с которым длительное, безупречное и эффективное исполнение государственным или муниципальным служащим своих должностных обязанностей должно в обязательном порядке учитываться при назначении его на вышестоящую должность,

присвоении ему воинского или специального звания, классного чина, дипломатического ранга или при его поощрении;

6) развитие институтов общественного и парламентского контроля за соблюдением законодательства Российской Федерации о противодействии коррупции» [1].

Наряду с перечисленными специально-криминологическими мерами, существенное значение для предупреждения коррупционных и должностных преступлений также имеют следующие меры: повышение уровня жизни населения, устранение негативных последствий реформирования экономики, усиление ее цивилизованных начал, а равно повседневная эффективная защита хотя и охраняемых законом, но весьма часто нарушаемых государством прав и законных интересов юридических и физических лиц.

Одним из существенных условий, которые могут способствовать совершению коррупционных и должностных преступлений, являются недостатки организационно-распорядительного характера и социального контроля.

Недостатки социального контроля находят свое отражение, в частности, также и в неполной реализации как законодательных, так и иных нормативных правовых актов, направленных на снижение уровня коррупции, в отсутствии четко выработанного механизма их исполнения.

В своем ежегодном Послании Федеральному Собранию от 1 декабря 2016 г. В.В. Путин отдельно остановился на теме борьбы с коррупцией. Он отметил, что «в последние годы было немало громких дел в отношении чиновников муниципального, регионального, федерального уровня. … но ни должность, ни высокие связи, ни былые заслуги не могут быть прикрытием для нечистых на руку представителей власти. Однако… борьба с коррупцией - это не шоу, она требует профессионализма, серьезности и ответственности, только тогда она даст результат, получит осознанную, широкую поддержку со стороны общества» [13].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Федеральный закон Российской Федерации от 25 декабря 2008 г. N 273-ФЗ «О противодействии коррупции» (ред. от 02.04.2013) // Собрание законодательства РФ. - 2008. - № 52 (ч.1). - Ст. 6228.
2. Федеральный закон Российской Федерации от 17.07.2009 г. № 172-ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативно-правовых актов» // Собрание законодательства РФ. - 2009. - № 29. - Ст. 3609.
3. Федеральный закон Российской Федерации от 06.12.2011 г. № 39-ФЗ «О внесение изменении в отдельные законодательные акты РФ в связи с введением ротации на государственной гражданской службе» // Собрание законодательства РФ. - 2011. - № 50. - Ст. 7337.
4. Федеральный закон Российской Федерации от 17.05.2013 г. № 79-ФЗ «О запрете отдельным категориям лиц открывать ими счета (вклады), хранить наличные денежные средства в иностранных банках, расположенных за пределами территории Российской Федерации, владеть и (или) пользоваться иностранными финансовыми инструментами» // Собрание законодательства РФ. - 2013. - № 19. - Ст. 2306.
5. Федеральный закон Российской Федерации от 08.03.2006 г. № 40-ФЗ «О ратификации Конвенции ООН против коррупции» // Собрание законодательства РФ. - 2006. - № 12. - Ст. 1331.
6. Федеральный закон Российской Федерации от 25.07.2006 г. №125-ФЗ «О ратификации Конвенции ООН об уголовной ответственности за коррупцию» // Собрание законодательства РФ. - 2006. - №31 (ч.1). - Ст. 3424.
7. Указ Президента Российской Федерации от 19.05.2008 г. № 815 «О мерах по противодействию коррупции» // Собрание законодательства РФ. - 2008. - № 21. - Ст. 2429.
8. Указ Президента Российской Федерации от 02.04.2013 г. № 309 «О мерах по реализации отдельных положений Федерального закона "О противодействии коррупции"» // Собрание законодательства РФ. - 2013. - № 14. - Ст. 1670.
9. Указ Президента Российской Федерации от 08.07.2013 г. № 613 «Вопросы противодействия коррупции» // Собрание законодательства РФ. - 2013. - № 28. - Ст. 3813.
10. Указ Президента Российской Федерации от 15.07.2015 г. № 364 «О мерах по совершенствованию организации деятельности в области противодействия коррупции» // Собрание законодательства РФ. - 2015. - № 29 (ч.2). - Ст. 4471.
11. Указ Президента Российской Федерации от 13.04.2010 г. № 460 «О национальной стратегии противодействия коррупции и национальном плане противодействия коррупции на 2010-2011 годы» // Собрание законодательства РФ. - 2010. - № 16. - Ст. 1875.
12. Указ Президента Российской Федерации от 01.04.2016 г. № 147 «О национальной плане противодействия коррупции на 2016-2017 годы» // Собрание законодательства РФ. - 2016. - № 14. - Ст. 1985.
13. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 1 декабря 2016 г. // [Электронный ресурс] - http://importozamechenie.ru/poslanie-prezidenta-federalnomu-sobraniyu-na-2017-god-polnyj-tekst-ot-1-dekabrya-2016-goda/
14. Постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» от 09.07.2013 г. (ред. от 03.12.2013) // Бюллетень Верховного Суда РФ. - 2013. - № 9. - С. 2-10.
15. Борьба с коррупцией - осознанная необходимость или политический лозунг? // Российская юстиция. - 2009. - № 5.
16. Васильев В.Л. Юридическая психология: Учеб. для вузов. - 6-е изд. - СПб.: Питер, 2010.
17. Еникеев М.И. Энциклопедия. Юридическая психология. - М.; Приор, 2001.

18. Клеандров М.И. Экономическое правосудие в России: прошлое, настоящее, будущее. - М.: Волтерс Клувер, 2006.
19. Лешков С.Г. Коррупция и ее влияние на эффективность борьбы с организованной преступностью // Российский следователь. - 2010. - № 21.
20. Мишин А.А. Конституционное (государственное) право зарубежных стран: Учеб. для вузов. - 14-е изд. - М.: Юстицинформ, 2008.
21. Российская юридическая энциклопедия / Гл. ред. А.Я. Сухарев. - М.: Инфра-М, 1999.

REFERENCES

1. Federal'nyj zakon Rossijskoj Federacii ot 25 dekabrya 2008 g. N 273-FZ «O protivodejstvii korrupcii» (red. ot 02.04.2013). [Federal law of the Russian Federation dated 25 December 2008 No. 273-FZ "On combating corruption" (ed. by 02.04.2013)]. Sobranie zakonodatel'stva RF. 2008. №52 (ch.1). St.6228 = Meeting of the legislation of the Russian Federation. 2008. No. 52 (part 1). St.6228. (in Russ.).
2. Federal'nyj zakon Rossijskoj Federacii ot 17.07.2009g. №172-FZ «Ob antikorrupcionnoj ehkspertize normativnyh pravovyh aktov i proektov normativno-pravovyh aktov». [Federal law of the Russian Federation from 17.07.2009 №172-FZ "About anticorruption examination of regulatory legal acts and drafts of normative legal acts"]. Sobranie zakonodatel'stva RF. 2009. №29. St.3609 = Meeting of the legislation of the Russian Federation. 2009. No. 29. St.3609. (in Russ.).
3. Federal'nyj zakon Rossijskoj Federacii ot 06.12.2011g. №39-FZ «O vnesenie izmenenii v otdel'nye zakonodatel'nye akty RF v svyazi s vvedeniem rotacii na gosudarstvennoj grazhdanskoj sluzhbe». [Federal law of the Russian Federation of 06.12.2011 №39-FZ "On the amendments to individual legislative acts of the Russian Federation in connection with the introduction of rotation for civil service"]. Meeting of the legislation of the Russian Federation. 2011. No. 50. St.7337 = Sobranie zakonodatel'stva RF. 2011. №50. St.7337 (in Russ.).
4. Federal'nyj zakon Rossijskoj Federacii ot 17.05.2013g. №79-FZ «O zaprete otdel'nym kategoriyam lic otkryvat' imi scheta (vklady), hranit' nalichnye denezhnye sredstva v inostrannyh bankah, raspolozhennyh za predelami territorii Rossijskoj Federacii, vladet' i (ili) pol'zovat'sya inostrannymi finansovymi instrumentami». [Federal law of the Russian Federation dated 17.05.2013 g. №79-FZ "On the prohibition of certain categories of persons to open their accounts (deposits), store cash in foreign banks located outside the territory of the Russian Federation, own and (or) to use foreign financial instruments"]. Sobranie zakonodatel'stva RF. 2013. №19. St.2306 = Meeting of the legislation of the Russian Federation. 2013. No. 19. St.2306(in Russ.).
5. Federal'nyj zakon Rossijskoj Federacii ot 08.03.2006g. №40-FZ «O ratifikacii Konvencii OON protiv korrupcii» [Federal law of the Russian Federation dated 08.03.2006 g. №40-FZ "On ratification of the UN Convention against corruption"].Sobranie zakonodatel'stva RF. 2006. №12. St.1331=Meeting of the legislation of the Russian Federation. 2006. No. 12. St.1331(in Russ.).
6. Federal'nyj zakon Rossijskoj Federacii ot 25.07.2006g. №125-FZ «O ratifikacii Konvencii OON ob ugolovnoj otvetstvennosti za korrupciyu» [Federal law of the Russian Federation dated 25.07.2006, №125-FZ "On ratification of the UN Convention on criminal liability for corruption"].Sobranie zakonodatel'stva RF. 2006. №31. (ch.1). St.3424 = Meeting of the legislation of the Russian Federation. 2006. No. 31. (h. 1). St.3424(in Russ.).
7. Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 19.05.2008g. №815 «O merah po protivodejstviyu korrupcii»[The decree of the President of the Russian Federation dated 19.05.2008 No. 815 "About measures on corruption counteraction"]. Sobranie zakonodatel'stva RF. 2008. №21. St.2429 = Meeting of the legislation of the Russian Federation. 2008. No. 21. St.2429 (in Russ.).
8. Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 02.04.2013g. №309 «O merah po realizacii otdel'nyh polozhenij Federal'nogo zakona «O protivodejstvii korrupcii» [The decree of the President of the Russian Federation of 02.04.2013 No. 309 "About measures for implementation of certain provisions of the Federal law "On combating corruption"]. Sobranie zakonodatel'stva RF. 2013. №14. St.1670 =Meeting of the legislation of the Russian Federation. 2013. No. 14. St.1670(in Russ.).
9. Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 08.07.2013g. №613 «Voprosy protivodejstviya korrupcii»[The decree of the President of the Russian Federation dated 08.07.2013 No. 613, "combating corruption"]. Sobranie zakonodatel'stva RF. 2013. №28. St.3813= Meeting of the legislation of the Russian Federation. 2013. No. 28. St.3813(in Russ.).
10. Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 15.07.2015g. №364 «O merah po sovershenstvovaniyu organizacii deyatel'nosti v oblasti protivodejstviya korrupcii». [The decree of the President of the Russian Federation from 15.07.2015, No. 364 "About measures on improvement of organization of activities in the field of corruption counteraction"].Sobranie zakonodatel'stva RF. 2015. №29. (ch.2). St.4471=Meeting of the legislation of the Russian Federation. 2015. No. 29. (part 2). St.4471(in Russ.).
11. Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 13.04.2010g. №460 «O nacional'noj strategii protivodejstviya korrupcii i nacional'nom plane protivodejstviya korrupcii na 2010-2011 gody». [The decree of the President of the Russian Federation of 13.04.2010, №460 "About national strategy of counteraction of corruption and national anti-corruption plan for 2010-2011"]. Sobranie zakonodatel'stva RF. 2010. №16. St.1875 = Meeting of the legislation of the Russian Federation. 2010. No. 16. St.1875(in Russ.).
12. Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 01.04.2016g. №147 «O nacional'noj plane protivodejstviya korrupcii na 2016-2017 gody». [The decree of the President of the Russian Federation from 01.04.2016 city №147 "On the national anti-corruption plan for 2016-2017]. Sobranie zakonodatel'stva RF. 2016. №14. St.1985 =Meeting of the legislation of the Russian Federation. 2016. No. 14. St.1985(in Russ.).
13. Poslanie Prezidenta RF Federal'nomu Sobraniyu ot 1 dekabrya 2016g. [The message of the President of the Russian Federation to the Federal Assembly on December 1, 2016]. http://importozamechenie.ru/poslanie-prezidenta-federalnomu-sobraniyu-na-2017-god-polnyj-tekst-ot-1-dekabrya-2016-goda/(in Russ.).

14. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo suda Rossijskoj Federacii №24 «O sudebnoj praktike po delam o vzyatochnichestve i ob inyh korrupcionnyh prestupleniyah» ot 09.07.2013g. (red. ot 03.12.2013). [The resolution of Plenum of the Supreme court of the Russian Federation No. 24 "On court practice on cases of bribery and other corruption offences" dated 09.07.2013 (as amended on 03.12.2013)]. Byulleten' Verhovnogo Suda RF. 2013. №9. S.2-10 =The Bulletin of the Supreme Court. 2013. No. 9. C. 2-10(in Russ.).
15. Bor'ba s korrupciej - osoznannaya neobhodimost' ili politicheskij lozung? [The fight against corruption - perceived need or political slogan?]. Rossijskaya yusticiya. 2009. № 5=The Russian justice. 2009. No. 5(in Russ.).
16. Vasil'ev V.L. YUridicheskaya psihologiya: [legal psychology].Uchebnik dlya vuzov. 6-e izd. SPb.: Piter, 2010 = Textbook for high schools. 6-e Izd. SPb.: Peter, 2010(in Russ.).
17. Enikeev M.I. EHnciklopediya. YUridicheskaya psihologiya. [legal psychology]. M.; Prior, 2001=encyclopedia. Legal psychology. M.; Prior, 2001(in Russ.).
18. Kleandrov M.I. EHkonomicheskoe pravosudie v Rossii: proshloe, nastoyashchee, budushchee. [Economic justice in Russia: past, present, and future.]M. Volters Kluver, 2006 =Volters Kluver, 2006(in Russ.).
19. Leshkov S.G. Korrupciya i ee vliyanie na ehffektivnost' bor'by s organizovannoj prestupnost'yu. [Corruption and its impact on the effectiveness of the fight against organized crime]. Rossijskij sledovatel'. 2010. №21 = Russian investigator. 2010. No. 21(in Russ.).
20. Mishin A.A. Konstitucionnoe (gosudarstvennoe) pravo zarubezhnyh stran[Constitutional (state) law of foreign countries]Uchebnik dlya vuzov. 14-e izd.M.: YUsticinform, 2008 =Textbook for high schools. 14th ed.M.: Yustitsinform, 2008 (in Russ.).
21. Rossijskaya yuridicheskaya ehnciklopediya. [Russian legal encyclopedia].Gl. red. A. YA. Suharev. M.: Infra-M, 1999

Информация об авторе

Зайко Тамара Михайловна, кандидат юридических наук, доцент, кафедра правовой психологии и судебных экспертиз, Уральского государственного юридического университета,
г. Екатеринбург, Россия
tmzayko@mail.ru

Получена: 02.12.2016

Для цитирования статьи: Зайко Т. М., Коррупция: угроза национальной безопасности России. Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. Том. 8. № 6. Часть 2. с. 15-22.
DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-6/2-15-22.

Information about the author

Tamara M. Zayko, Candidate of Law, Associate Professor, Department of Legal Psychology and Forensic Examinations, Ural State Law University,
Ekaterinburg, Russia
tmzayko@mail.ru

Received: 02.12.2016

For article citation: Zayko T. M., Corruption: threat to the national security of Russia. Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatelnaya mys'l = Historical and Social Educational Ideas. 2016. Vol . 8. no. 6. Part. 2. Pp. 15-22.
DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-6/2-15-22. (in Russian)

УДК 94(47).084.3+351.746.1

DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-6/2-23-28

КОБЕЛЕВА Екатерина Аркадьевна
Пермская государственная сельскохозяйственная академия имени академика Д.Н. Прянишникова
г. Пермь, Россия
kobelewa.ek@yandex.ru

МОЛОДЫЕ КАДРЫ ЗАПАДНОУРАЛЬСКИХ ОРГАНОВ ГОСБЕЗОПАСНОСТИ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Статья посвящена проблеме кадрового состава советских органов госбезопасности, чрезвычайных комиссий, на примере одного из важных регионов страны - Западного Урала. Одной из специфических характеристик работников ЧК являлась возрастная категория. Молодые чекисты до 25 лет не обладали ни профессиональным, ни жизненным опытом, отличались низким образовательным уровнем. Это приводило к ошибкам и недочетам, широкому применению насильственных методов в работе. Вторая проблема, изучаемая в статье, - это наличие комсомольцев в органах безопасности. Коммунистическая партия являлась ядром советской политической системы, а комсомол был ее кадровым резервом, это касалось и органов защиты государства от внутренних врагов. Молодые кадры органов безопасности были вынуждены учиться на практике, совершая ошибки, принимать серьезные решения. Как следует из анализа источников, на Западном Урале молодые чекисты, приобретя определенный опыт, предпочитали вступать в правящую партию, а не в комсомол. Советские и современные российские исследователи шли в основном по пути рассмотрения отдельных фактов работы молодых кадров и комсомольцев в ЧК, системно проблема не изучалась. Новизна данной статьи заключается в акценте на деятельности западноуральских органов ЧК под руководством молодых работников, осуществлявших политику подавления врагов революции как следуя директивам центра, так и реагируя на местные опасности.

Ключевые слова: государственная безопасность, Западный Урал, советские органы государственной безопасности, ЧК, чрезвычайные комиссии, специальные службы, кадры органов безопасности, чекисты, комсомол, комсомольцы, молодежь.

Ekaterina A. KOBELEVA
Perm State Agricultural Academy named after Academician D.N. Pryanishnikov
Perm, Russia
kobelewa.ek@yandex.ru

YOUNG STAFF MEMBERS OF THE STATE SECURITY FORCES AT THE WESTERN URALS DURING THE CIVIC WAR

The article focuses on issues of staffing of state security forces, extraordinary commissions (Cheka) at the Western Urals, one of the most important regions of Russia. Age-grade is a particular category for extraordinary commission's staff members. Young chekists under 25 years of age didn't have neither professional skills nor life experience. They were not well educated. This leaded to mistakes and faults as well as to extensive use of violent means in their work. The article is also devoted to Komsomol members' activities at security bodies. The Communist party was the core of the soviet political system; Komsomol members formed its labor pool, which includes the state security forces. Young staff members had to learn by practicing, making mistakes and making huge decisions. Following the analysis of sources, at the Western Urals young chekists after acquiring specific experience preferred to join a ruling party rather than Komsomol. Soviet and contemporary researchers have pursued the path of studying specific factors of young chekists' and Komsomol members' work. The researchers have never used systematic approach in studying the abovementioned issue. The novelty of the article resides in the special focus on activities of the Western Ural security forces and extraordinary commissions under the direction of young staff members, who implemented a policy of combating counter-revolution, following both central instructions and local specifics.

Keywords: state security, West Urals, Soviet state security, Cheka, emergency committee, special services, staffers security agencies, security officers, Komsomol, members of Komsomol, youth

Каждая политическая система нуждается в защите и в органах, ее осуществляющих. Не стала исключением и советская система. Ее становление произошло через революционные события, насильственным путем. Кардинальным образом изменились властные структуры - от самодержавия до советской республики. Властные функции выполняли Советы и РКП(б). Практически сразу же после революции 1917 г. ее противники выступили с оружием в руках, стремясь уничтожить систему, отличавшуюся от буржуазной. Функцию защиты государства от внутренних врагов в любой системе выполняют специальные организации. В РСФСР таковыми были чрезвычайные комиссии. Власть поставила перед органами ВЧК важнейшие задачи. Реализацию задач производили сотрудники органов государственной безопасности.

Руководство РКП(б) определило самые общие требования к кадрам. По словам В.И. Ленина, для чекистов требуется «решительность, быстрота, а главное - верность» [1, с. 92].

Кадровую проблему органов ВЧК начали рассматривать уже в период Гражданской войны. Этим занимались сами чекисты, которые стремились оправдать свои действия. Руководящий работник ВЧК М.Я. Лацис выявил такие принципы отбора сотрудников, как партийность и ротация кадров. В ЧК требовались люди «с выдержанным характером, непреклонной волей, объективным взглядом, с установившимися политическими убеждениями и хорошей личной репутацией» [2, с. 11].

Тема молодежи в органах ВЧК начала изучаться советскими историками достаточно поздно - в 1960-е гг. Она неразрывно связана с проблемой работы комсомольцев. Малоизвестная книга «Из истории комсомольской организации ВЧК-ОГПУ-КГБ» была написана на основе

воспоминаний ветеранов-чекистов в виде полухудожественных очерков. Комсомольская организация ВЧК была создана достаточно поздно. 10 марта 1920 г. по инициативе бюро ячейки РКП(б) ВЧК и Московского городского комитета РКСМ было созвано собрание комсомольцев - сотрудников ВЧК и Московской ЧК. В конце 1920 г. в организацию входило около 100 человек [3, с. 7, 23].

В последующем историки приводили только отдельные факты. Так, советский исследователь поволжских органов госбезопасности В.В. Романенко отметил факт работы в Бугурусланской ЧК комсомольца В. Симагина. Руководство характеризовало его как «честного чекиста». «Делу революции предан» - было написано в его служебной характеристике [4, с. 70].

Несмотря на все отличие историографии постсоветского периода от советского, проблеме молодежи и комсомола в органах безопасности не уделялось достаточного внимания. Наиболее важным исследованием кадрового состава является монография О.И. Капчинского «Гвардейцы Ленина» [5]. Она посвящена изучению социального, национального, образовательного и партийного состава чекистских кадров, однако проблема возрастных характеристик чекистов в ней не поднималась.

Книга А.Г. Теплякова посвящена изучению деятельности сибирских органов безопасности. Автор приводил факты работы комсомольцев в ЧК, причем занимавших высокие должности. Так, в конце 1919 г. 15-летний И.И Кавкун начал работать в Томской губЧК. В следующем году он стал уполномоченным районной транспортной ЧК. В 1920 г. 16-летний И.В. Завьялов поступил на работу в Омскую губЧК. В этом же году И.Б. Альперович в 19 лет стал председателем Якутской губернской ЧК [6, с. 72, 43, 74.].

Из недостаточной разработанности проблемы в историографии вытекает необходимость исследования молодых кадров органов безопасности в годы Гражданской войны на примере Западного Урала.

Необходимо обозначить, что именно мы подразумеваем под «молодыми кадрами». Общепризнанными являются границы молодежи от 14 до 25 лет. Хотя в современных условиях верхняя граница расширяется и до 30, но об этом нельзя говорить применительно к началу XX в. Продолжительность жизни была значительно меньше. По данным за 1896-1897 гг., средняя продолжительность жизни была всего 32,3 года [7]. Раньше завершалась первичная социализация, гораздо раньше начиналась трудовая деятельность, следовательно, люди раньше взрослели, становились полноценными членами общества.

После Октябрьской революции возраст гражданского совершеннолетия снизился, в царской империи он составлял 21 год. Согласно Конституции РСФСР 1918 г. правом избирать и быть избранными в Советы пользовались граждане с 18 лет [8]. Лица среднего и старшего поколения более консервативны, они уже достигли определенного положения в обществе. Поэтому стремление резко менять привычный уклад жизни выражено у них в меньшей степени, чем у людей моложе 25 лет. Идеи нового переустройства мира поддерживали, как правило, молодые люди. За счет них большевики стремились расширить свою социальную опору. Отсутствие кадров приводило к тому, что молодые люди занимали весьма значительные посты. Это относится и к региональным органам безопасности.

Первый руководитель Пермской губернской ЧК Федор Николаевич Лукоянов (1894 г., Кыновский завод Кунгурского уезда Пермской губернии - 1947 г., Москва) возглавил комиссию в 24-летнем возрасте. Председателем он являлся с 18 марта по июль 1918 г. Он обладал наиболее высоким образовательным уровнем среди руководителей данной структуры. Окончил Пермскую гимназию, с 1912 г. до августа 1916 г. учился на юридическом факультете МГУ. Являлся членом РСДРП(б) с 1913 г. [9, с. 351, 355; 10, л. 74; 11, Л. 5], что способствовало его назначению на высокие государственные посты.

Пермский окружной чрезвычайный комитет, как называлась губЧК до августа 1918 г., проходил период организационного становления. Чекисты под руководством Ф.Н. Лукоянова предпринимали попытки контроля ситуации, как правило, только в Перми. ЧК расследовал различные преступления: хранение, продажу спиртных напитков и самогоноварение, пьянство, спекуляцию, карточные игры, взяточничество, «нарушение общественной тишины» и др. Только незначительный процент можно отнести к функциям именно органов госбезопасности, например хранение и ношение оружия или «оскорбление Советской власти». В следственную комиссию было передано шесть дел [10, л. 79-79об., 82об.-83.]. ОкрЧК пытался контролировать общественный порядок и политическую жизнь в городе. Так, 13 июня 1918 г. было опубликовано распоряжение о проведении всех митингов, собраний, спектаклей только с разрешения ЧК [10, л. 84].

Конфликт духовенства Перми, возглавляемого архиепископом Андроником, с советской властью произошел из-за недовольства декретом Совнаркома «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» (23 января 1918 г.). Андроник неоднократно предавал анафеме захватчиков монастырского или церковного имущества. Перед арестом архиепископ своим распоряжением закрыл пермские и мотовилихинские церкви.

Значительную роль в подавлении «забастовки попов» сыграли чекисты. На совещании, которое состоялось вечером 15 июня 1918 г. в Пермском окружном ЧК, представители различных организаций решили арестовать Андроника ночью. В принятии этого решения участвовал и Ф.Н. Лукоянов. В аресте и убийстве архиепископа, которое состоялось 17 или 18 июня 1918 г., принимали участие чекисты П.И. Малков и В.А. Иванченко [12, с. 106, 373, 385, 393; 13, л. 10 об.-13; 14, 18 июня, 20 июня; 15, 19 января, 15, 16, 25 апреля].

6-7 июля 1918 г. в Москве состоялось восстание левых эсеров. 18 июля в Перми, в городском театре, был проведен митинг, во время которого неизвестные лица бросили бомбу. В соответствии с постановлением губЧК в Перми и уездах были арестованы кадеты и левые эсеры, всего 81 человек. Арестованные в дальнейшем были освобождены под поручительство и подписку [12, с. 109; 10, л. 69-70; 14, 28 июля].

В целом Пермский окрЧК под руководством Ф.Н. Лукоянова осуществлял меры по стабилизации ситуации в городе, выполняя при этом распоряжения центра.

С 1919 г. Ф.Н. Лукоянов работал в Пермском губкоме РКП(б) и в местной газете «Звезда», которую он создал и редактировал. В начале 1930-х годов Лукоянов был направлен на хозяйственную работу в Москву. В 1934-1937 гг. работал в редакции газеты «Известия». Статья с его биографией имеется в Википедии [16].

Кадровый голод распространялся и на уездные органы безопасности. Сложной была обстановка в Оханском уезде. 16 мая 1918 г. на заседании уездного исполкома была организована уездная ЧК. Ее первым председателем стал Степан Архипович Болотов. Он родился 24 апреля 1894 г. в дер. Тупики Острожской волости Оханского уезда, получил начальное образование, русский. В партию вступил 1 июня 1918 г. Возглавлял ЧК Болотов с 16 мая по 12 июня. Затем выехал в Москву на I Всероссийскую конференцию ЧК [13, л. 4 об.; 17, л. 26-26 об.; 18, с. 89-90].

После возвращения из Москвы, будучи одним из руководителей уездной ЧК, Болотов участвовал в подавлении Шлыковского восстания в Оханском уезде (26-28 июня 1918 г.). Причиной восстания были действия работников продотряда. В результате были зверски убиты как минимум десять красноармейцев и продотрядников. Волнение охватило 700 человек. 27 июня на подавление был направлен отряд красноармейцев Оханской уездной ЧК под командованием начальника взвода П. Заякина и С.А. Болотова. На следующий день были расстреляны более 30 человек, в том числе руководители выступления.

С.А. Болотов отметил в своем докладе Пермской губернской ЧК, что расстрелы были лишь реакцией на увиденные зверства. «…Я и мои товарищи… должны были переродиться в зверей и расстреливать всех поименованных преступников и предателей революции…». В ответ на упреки ЧК в излишней жестокости Болотов заявил: «…Мы никого не расстреливали без дела и без тщательного расследования, а если зверски убивают наших товарищей при исполнении ими революционного долга, то мы должны представлять из себя ничто иное, как бронированный автомобиль и уничтожать на своем пути всех гадов, препятствующих нам идти честно к царству труда и равенству народов и пусть знают контрреволюционеры все черные вороны, что мы сильны верой в самое дело, смелы духом и всякое поднимание головы и карканье против трудящихся понесет собой свою гибель» [13, Л. 4об.-6об.; 19].

С.А. Болотов продолжил работу на руководящих должностях в органах безопасности в Вятке, Ейске, Перми, Забайкалье, Новороссийске, Донецке. В 1929 г. Особым совещанием ГПУ был приговорен к 10 годам лишения свободы. В 1932 г. был освобожден. С 1932 по 1934 г. работал в Вишерлаге, Дальлаге. Застрелился в 1947 г. [20].

Наиболее высокое положение среди прикамских чекистов занял Николай Михайлович Быстрых. Он родился 26 января 1893 г. в Мотовилихинском заводе. Получил начальное образование, русский, начал трудовую деятельность в 14 лет. Вступил в РКП(б) в октябре 1917 г. В мае 1918 г. пришел на работу в Оханскую уездную ЧК, в 25-летнем возрасте, с июня по сентябрь 1918 г. руководил этой структурой. Дальнейшая его деятельность протекала в органах безопасности. Он занимал руководящие посты в Вятской губЧК, Особых отделах 3-й армии, 1-й революционной армии труда, Екатеринбургской губЧК, 16-й и 6-й армий, Крымской ЧК. С 1922 г. Н.М. Быстрых продолжил службу в пограничных структурах. В 1931-1933 гг. являлся начальни-

ком Главного управления пограничной охраны и войск ОГПУ. Звание - комиссар госбезопасности 3-го ранга. Расстрелян в 1939 г., реабилитирован в 1956 г. [21; 22, с. 73; 23, с. 333-334].

Молодые кадры продолжили возглавлять уездные структуры безопасности и в дальнейшем, несмотря на окончание военных действий. Чердынским политбюро с 24 февраля 1920 г. по 1921 г. руководил Максим Филиппович Третьяков. Он родился 6 сентября 1895 г. Окончил трехклассное училище, рабочий. В партии состоял с февраля 1917 г. [24, л. 39-39об.]. В декабре 1920 - июне 1921 г. Оханское политбюро возглавлял Василий Михайлович Вострецов. Он родился 29 декабря 1896 г. Член РКП(б) с ноября 1918 г., окончил двухклассное начальное училище, рабочий [25, л. 76; 26, л. 5-5об.]. Органы, выполнявшие в основном карательные функции, в большей степени нуждались в преданных сотрудниках, чем в квалифицированных специалистах.

В рассматриваемый период изменились методы деятельности органов безопасности. Значительное место стали занимать постановка на учет и наблюдение за политическими противниками. В период с 15 марта по 15 апреля 1920 г. Оханское политбюро отметило значительный всплес контрреволюционной агитации. Чекисты взяли на учет много неблагонадежных элементов. В декабре это же политбюро взяло на учет девять «подпольных анархистов и монархистов» в Очерском заводе, а Чердынское - 128 бывших левых эсеров [28, л. 22 об., 23, 42]. С середины 1919 г. у ЧК занялись расследованием дел на лиц, служивших у белых. В уездных органах безопасности количество следственных дел было невелико. Например, в Чердынском политбюро на 1 мая 1920 г. числилось 10 дел данной категории, а в течение мая поступило еще 28 [29, л. 29].

В целом, следует отметить, что молодые сотрудники западноуральских органов госбезопасности должны были набираться опыта в практической деятельности, ошибаться и принимать важные решения. Эта ситуация была показателем кадрового кризиса советской власти.

РКП(б) достаточно быстро стала единственной правящей партией, а комсомол явился средством политической социализации, кадровым резервом и проводником коммунистических идей в наиболее активную молодежную среду. Первые организации молодежи возникли на Урале еще в 1917 г. В ноябре в Екатеринбурге состоялся областной съезд союзов молодежи. 1 октября 1918 г. в Перми открылся II Областной съезд союза молодежи. 40 представителей избрали делегатов на Всероссийский съезд [30, с. 20-23]. Комсомольцы активно участвовали в боях с врагами на фронтах. Уральский делегат Н. Хазан на I Всероссийском съезде РКСМ (29 октября - 4 ноября 1918 г.) отметил, что «Урал красен кровью той молодежи, которая умирала за революцию. Почти все члены наших Союзов ушли на фронт…». На съезде был принят Устав РКСМ. Согласно документу членами союза могли быть лица до 23 лет [31, с. 25, 67].

В основу формирования органов безопасности как «боевого отряда партии» был положен основополагающий принцип партийности, который перевешивал все остальные. Поэтому в ЧК комсомольцы составляли небольшой процент. В Пермской губернской ЧК по состоянию на декабрь 1919 г. был 321 сотрудник. Членами РКСМ были всего пятеро (1,5%). Наибольший стаж, с 1917 г., имел работник Особого отдела В. Никандров. Остальные не указали год вступления в комсомол. Д. Соколов являлся сотрудником контрольно-пропускного пункта Особого отдела на ст. Пермь-2, К. Куклин - помощником коменданта губЧК, И. Коновалов - канцеляристом Юридического отдела, а И. Петухов - делопроизводителем того же отдела [32, л. 16 об. - 20 об.]. Должности, которые занимали комсомольцы, относились к среднему составу и даже к техническому персоналу.

Решением X съезда РКП(б) (8-16 марта 1921 г.) была объявлена партийная перерегистрация. В ячейку Пермской губЧК входили два бывших комсомольца. 25 сентября 1921 г. проходило обсуждение членов ячейки. А. Пеккерман вступил в РКП(б) в 1920 г., после освобождения губернии от белых организовал союз молодежи. Н.Ф. Казаринов был комсомольцем с 1919 г., в том же году поступил работать в ЧК [33, Л. 2об., 6 об.].

Итак, в составе органов безопасности, в том числе и в регионах, было немало молодых людей. Однако в силу специфики чекистской работы, в силу стремления РКП(б) увеличить партийную прослойку в этих органах, лица, молодые по возрасту, но уже имевшие определенный опыт, чаще вступали в партию, чем в комсомол. Лица до 25 лет являлись самыми мобильными, отличались высоким потенциалом, возможностью и способностью воспринимать новации. Они хотели показать свою значимость, вырваться из традиционных стереотипов поведения и контроля старших. Выполнение же охранительной функции требовало большого опыта, специализированных навыков, партийности, политической грамотности, которых молодые люди пока не имели. Поэтому процент комсомольцев в органах безопасности не имел принципиального значения для их формирования и функционирования.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. В.И. Ленин и ВЧК. 1917-1922 гг.: Сб. документов. - М.: Политиздат, 1987. - 642 с.
2. Лацис М.Я. (Судрабс). Чрезвычайные комиссии по борьбе с контрреволюцией. - М.: ГИЗ, 1921. - 62 с.
3. Из истории комсомольской организации ВЧК-ОГПУ-КГБ. - М., 1965. - 115 с.
4. Романенко В.В. Чекисты на Восточном фронте (1918-1920 гг.) // Великий Октябрь и гражданская война в Поволжье: межвуз. сб. науч. трудов / Куйбышевский пед. ун-т. - Куйбышев, 1986. - С. 56-73.
5. Капчинский О.И. Гвардейцы Ленина. Центральный аппарат ВЧК: структура и кадры. - М.: Крафт+, 2014. - 416 с.
6. Тепляков А.Г. «Непроницаемые недра»: ВЧК - ОГПУ в Сибири. 1918-1929 гг. / под ред. Г.А. Бордюгова. - М.: АИРО-XXI, 2007. - 288 с.
7. Прохоров Б.Б. Общественное здоровье в России за 100 лет (1897-1997) // Россия в окружающем мире: 2000 : Аналитический ежегодник [Электронный ресурс] // URL: http://www.rus-stat.ru/stat/3072000_9.pdf (дата обращения: 22.01.2016).
8. Конституция РСФСР (принята V Всероссийским Съездом Советов в заседании от 10 июля 1918 г.) [Электронный ресурс] // URL: http://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1918/ (дата обращения: 22.01.2016).
9. Революционеры Прикамья: 150 биографий деятелей революционного движения, работавших в мье. - Пермь, 1966. - 818 с.
10. Государственный архив Пермского края (ГАПК). Ф. р-301. Оп. 1. Д. 11.
11. ГАПК. Ф. р-301. Оп. 1. Д. 5.
12. Упрочение Советской власти в Пермской губернии: Документы и материалы. - Пермь, 1966. - 429 с.
13. ГАПК. Ф. р-656. Оп. 1. Д. 25.
14. Известия Пермского губернского исполнительного комитета Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов. - 1918.
15. Освобождение России. - 1919.
16. Лукоянов, Фёдор Николаевич [Электронный ресурс]. - URL : https://ru.wikipedia.org/wiki/87#cite_note-1 (дата обращения: 22.01.2016).
17. ГАПК. Ф. р-19. Оп. 1. Д. 329.
18. Записки председателя Оханской ЧК (Оханск в 1916-19 гг.) / под ред. А. Ширинкина. - Пермь, 2005. - 193 с.
19. Кобелева Е.А. Дубровско-Острожское восстание как угроза безопасности советского государства // Государственная власть и крестьянство в XIX - начале XXI века: сб. ст. / отв. ред. А.И. Шевельков. - Коломна: Московский государственный областной социально-гуманитарный институт, 2013. - С. 260-264.
20. Степан Архипович Болотов [Электронный ресурс]. - URL **:** http://ru.rodovid.org/wk/8C:918621 (дата обращения: 22.01.2016).
21. Марченко А. Большая жизнь // Подвиг пермских чекистов: Очерки. - Пермь, 1982. - С. 35-51.
22. ВЧК. 1917-1922. Энциклопедия / Авт.-сост. А.М. Плеханов, А.А. Плеханов. - М.: Вече, 2013. - 512 с.
23. Пограничная служба России: Энциклопедия. Биографии / Г.Н. Симаков, К.Н. Маслов, В.В. Терещенко и др.; ФСБ РФ, Погранич. научно-исслед. центр. - М.: Военная книга, Кучково поле, ПНИЦ ФСБ России, 2008. - 512 с.
24. ГАПК. Ф. р-78. Оп. 1. Д. 409.
25. ГАПК. Ф. р-78. Оп. 1. Д. 34.
26. ГАПК. Ф. р-19. Оп. 1. Д. 411.
27. Пермский государственный архив новейшей истории (ПермГАНИ). Ф. 557. Оп. 2. Д. 45.
28. ПермГАНИ. Ф. 557. Оп. 2. Д. 49.
29. ГАПК. Ф. р-78. Оп. 3. Д. 22.
30. История комсомола Прикамья. - Пермь, 1968. - 408 с.
31. Первый Всероссийский съезд РКСМ. 29 октября - 4 ноября 1918 г. - Изд. 2-е. - М.: Молодая гвардия, 1924. - 102 с.
32. ПермГАНИ. Ф. 557. Оп. 1. Д. 70.
33. ПермГАНИ. Ф. 557. Оп. 2. Д. 47.

REFERENCES

1. V.I. Lenin i VChK : Sbornik dokumentov. (1917-1922 gg.). [V.I. Lenin and the Cheka: Collection of documents (1917-1922 years)]. 2 Edition revised and enlarged. Moscow: Publishing political literature, 1987. 642 p. (in Russ.).
2. Latsis MJ (Sudrabs). Chrezvychaynye komissii po bor'be s kontrrevolyutsiey. [Extraordinary Commission for Combating Counter-Revolution]. Moscow: GIZ, 1921. 62 p. (in Russ.).
3. [Iz istorii komsomol'skoy organizatsii VChK-OGPU-KGB. [From the history of the Komsomol organization of the Cheka-OGPU-KGB]. Moscow: 1965. 115 p. (in Russ.).
4. Romanenko VV V bor'be s kontrrevolyutsiey: Iz istorii sozdaniya ChK Povolzh'ya i Urala v 1918-1922 gg.. [In the struggle against counter-revolution : From the history of the KGB of the Volga and the Urals in the years 1918-1922]. Saratov: Saratov University Publishing House , 1985. 154 p. (in Russ.).
5. Kapchinsky OI. Gvardeytsy Lenina. Tsentral'nyy apparat VChK: struktura i kadry. [Guardsmen Lenin. Central apparatus of the Cheka: structure and kadry]. Moscow: Kraft+, 2014. 416 p. (in Russ.).
6. Tepljakov AG «Nepronitsaemye nedra»: VChK - OGPU v Sibiri. 1918 - 1929 gg. ["Impervious subsoil»: Cheka - OGPU in Siberia. 1918 - 1929 years. Ed. GA Bordyugova]. Moscow: AIRO-XXI, 2007. 288 p. (in Russ.).
7. Obshchestvennoe zdorov'e v Rossii za 100 let (1897-1997). [Prokhorov BB Public Health in Russia for 100 years (1897-1997)] (Russia in the surrounding world: 2000: Analytical Yearbook) Available at: http://www.rus-stat.ru/stat/3072000_9.pdf (date view: December 22, 2016). (in Russ.).
8. Konstitutsiya RSFSR (prinyata V Vserossiyskim S"ezdom Sovetov v zasedanii ot 10 iyulya 1918 g.). [Constitution of the RSFSR (adopted V Congress of Soviets in the meeting of 10 July 1918)]. Available at: http://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1918/ (date view: December 22, 2016). (in Russ.).
9. Revolyutsionery Prikam'ya: 150 biografiy deyateley revolyutsionnogo dvizheniya, rabotavshikh v Prikam'e. [The revolutionaries of the Kama area: 150 biographies of the revolutionary movement who worked in the Kama area]. Perm, 1966. 818 p. (in Russ.).

10. State Archive of Perm Region (SAPR). F. p-301. I. 1. C. 11. (in Russ.).
11. SAPR. F. p-301. I. 1. C. 5. (in Russ.).
12. Uprochenie Sovetskoy vlasti v Permskoy gubernii: Dokumenty i materialy. [The consolidation of Soviet power in the province of Perm : Documents and Materials]. Perm, 1966. 431 p. (in Russ.).
13. State Archive of Perm Region (SAPR). F. p-656. I. 1. C. 25. (in Russ.).
14. Proceedings of the Perm Province Executive Committee of Soviets of Workers', Soldiers' and Peasants' Deputies. 1918. (in Russ.).
15. The liberation of Russia. 1919. (in Russ.).
16. Lukoyanov, Fedor Nikolaevich. [Lukoyanov, Fedor Nikolaevich]. Available at: http://ru.rodovid.org/wk/8C:918621 (date view: December 22, 2016). (in Russ.).
17. SAPR. F. p-19. I. 1. C. 329. (in Russ.).
18. Zapiski predsedatelya Okhanskoy ChK (Okhansk v 1916-19 gg.). [Notes Okhansk chairman of the Cheka (Okhansk in 1916-19 gg.)]. Ed. A. Shirinkin. Perm, 2005. 193 p. (in Russ.).
19. Kobeleva EA., Dubrovsko-Ostrozhskoe vosstanie kak ugroza bezopasnosti sovetskogo gosudarstva [Dubrovsky-Ostroh uprising as a threat to the security of the Soviet state] «Government and the peasantry in the nineteenth century - the beginning of XXI century: Sat. Art. Hole. Ed. AI Shevelkov. Kolomna Moscow State Regional Socio-Humanitarian Institute, 2013. P. 260-264. (in Russ.).
20. Stepan Arkhipovich Bolotov [Stepan Arkhipovich Bolotov]. Available at: http://ru.rodovid.org/wk/8C:918621(date view: December 22, 2016). (in Russ.).
21. Marchenko A Bol'shaya zhizn'. [Great Life]. (Perm Cheka Feat: Essays). Perm, 1982. S. 35-51. (in Russ.).
22. VChK. 1917-1922. Entsiklopediya. [Cheka. 1917-1922. Encyclopedia]. Avt.-status. AM Plekhanov, AA Plekhanov. Moscow: Veche, 2013. 512 p. (in Russ.).
23. Pogranichnaya sluzhba Rossii : Entsiklopediya. Biografii. [Border Guard Service of Russia: Encyclopedia. Biographies]. GN Simakov, KN Maslov, VV Tereshchenko, etc .; FSB, borderlands. Scientific research. Centre. Moscow: Association "Military Book" Kuchkovo field PNITS FSB of Russia, 2008. 512 p. (in Russ.).
24. SAPR. F. p-78. I. 1. C. 409. (in Russ.).
25. SAPR. F. p-78. I. 1. C. 34. (in Russ.).
26. SAPR. F. p-19. I. 1. C. 411. (in Russ.).
27. Perm State Archive of Contemporary History (PermSACH). F. 557. I. 2. C. 45. (in Russ.).
28. PermSACH. F. 557. I. 2. C. 49. (in Russ.).
29. SAPR. F. p-78. I. 3. C. 22. (in Russ.).
30. Istoriya komsomola Prikam'ya. [History Komsomol Kama region]. Perm, 1968. 408 p. (in Russ.).
31. First All-Russian Congress of the Komsomol. October 29 - November 4, 1918. [Pervyy Vserossiyskiy s"ezd RKSM. 29 oktyabrya - 4 noyabrya 1918 g.]. Ed. 2nd. Moscow: M.: Young Guard, 1924. 102 p. (in Russ.).
32. PermSACH. F. 557. I. 1. C. 70. (in Russ.).
33. PermSACH. F. 557. I. 2. C. 70.. 2. C. 47. (in Russ.).

Информация об авторе

Кобелева Екатерина Аркадьевна, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории, социологии и права, Пермская государственная сельскохозяйственная академия имени академика Д.Н. Прянишникова,
г. Пермь, Россия
kobelewa.ek@yandex.ru

Получена: 03.12.2016

Для цитирования статьи: Кобелева Е. А., Молодые кадры западноуральских органов госбезопасности в годы гражданской войны. Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. Том. 8. № 6. Часть 2. с. 23-28.
DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-6/2-23-28.

Information about the author

Ekaterina A. Kobeleva, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of History, Sociology and Law, Perm State Agricultural Academy named after Academician D.N. Pryanishnikov,
Perm, Russia
kobelewa.ek@yandex.ru

Received: 03.12.2016

For article citation: Kobeleva E.A., Young staff members of the state security forces at the western urals during the civic war. Istoricheskaya i sotsial’no-obrazovatelnaya mys’l = Historical and Social Educational Ideas. 2016. Vol . 8. no. 6. Part. 2. Pp. 23-28.
DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-6/2-23-28. (in Russian)

Исторические науки

Historical Sciences

УДК 930.1 DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-6/2-31-36

АЛФЕРОВ Анатолий Александрович
Южный федеральный университет
Ростов-на-Дону, Россия
antal@list.ru

Anatoly A. ALFEROV
Southern Federal University
Rostov-on-Don, Russia
antal@list.ru

ПРОЯВЛЕНИЯ НАТУРАЛИСТИЧЕСКОГО ПОДХОДА К ИСТОРИИ

MANIFESTATIONS OF NATURALISTIC APPROACH TO HISTORY

В статье рассматриваются сущность и проявления натуралистического подхода в интерпретации истории. Натуралистический подход к истории определяется как стремление мыслить и изучать историю так, как естественные науки мыслят и изучают природу. В качестве проявлений натурализма в понимании истории автор выделяет перенесение на историю законов природы (действительных или мнимых) и попытки связать природу и историю в единую цепь развития; установление в качестве движущих сил истории тех или иных природных условий и влияний; попытку сблизить методологию исторического познания с методологией естествознания. Даются критические оценки концепций эволюционизма в истории, концепции «универсальной истории», позитивистской интерпретации исторического познания, применения в историческом познании аппарата синергетики. Делается общий вывод, что в силу принципиального отличия исторической реальности от природной существуют принципиальные ограничения на применение натуралистических моделей и методов к истории.

Ключевые слова: природа, история, естествознание, натуралистический подход, эволюционизм, движущие силы истории, историческое познание, методология, позитивизм, синергетика.

The article discusses the nature and manifestations of naturalistic approach in interpretation of history. As manifestations of naturalistic approach in the understanding of history considered, first, the transfer history of the laws of nature (real or imaginary) attempts to link nature and history in a single chain of development. In this regard, provides a critical assessment of the views of I.G. Gerder, H. Spencer, concepts of evolutionism and the concept of "universal history". In article the author consider, and secondly, attempts to set as the driving forces of history, certain natural conditions and influence. In this regard involved the views of geographical determinism, racial approach to history, social Darwinism, ideas of Russian scientist A.L. Chizhevsky. The conclusion is that history belongs to Man, not nature, and nature is not the driving force of history, though certain effect arising from the nature and changes occurring in it affect directly or indirectly on the social development. As an expression of the naturalistic approach to history are discussed, thirdly, the attempts to bring the methodology of historical knowledge to the methodology of science. In this regard, it critically examines the philosophical views of positivism are also assessed attempts to use historical knowledge of the unit of synergetics. There is the next general conclusion: because of fundamental differences of historical reality from the natural there are fundamental limitations on the use of naturalistic models and methods to history.

Keywords: nature, history, science, naturalistic approach, evolutionism, driving force of history, historical knowledge, methodology, positivism, synergetics

Натуралистический подход к истории - это стремление и попытка мыслить и изучать историю так, как естественные науки мыслят и изучают природу. Этот подход - мощная тенденция в философии истории, затрагивающая и историческую науку. Обращаясь к истории науки в Новое время, мы видим, что сначала прочно стали на ноги естественные науки, изучавшие природу, опытно-математическое естествознание. Это естествознание относительно рано добилось очень значительных, впечатляющих успехов. Успехом явилась прежде всего классическая механика, созданная трудами Галилея, Кеплера, Ньютона и ряда других ученых. И получилось, таким образом, что естественные науки в силу своих успехов стали выступать в качестве идеала и образца научности, научного подхода вообще - в качестве образца, следовательно, для социально-гуманитарного познания. Полагали, что социально-гуманитарные науки пока еще (временно) не дотягивают до уровня естественных наук в смысле строгости и точности, но они должны подходить к изучению своих объектов, то есть общества, человека, истории и культуры, так же и с помощью тех же приемов и методов, которыми пользуется естествоиспытатель, изучающий природу. Мыслители, которые не разделяли подобную точку зрения и считали, что история принципиально отличается от природы, а историческое познание (или, шире, все социально-гуманитарное познание) решительно отличается от естественно-научного познания, стали именовать эту точку зрения натурализмом, вкладывая в термин «натурализм» негативное значение.

Стремление мыслить историю по образу природы составляло характерную черту философии Просвещения. Просветители вели борьбу с господствовавшим теологическим мировоззрением, а в области истории - с провиденциалистским взглядом на историю, рассматривавшим ее как осуществление божественной воли, божественного провидения, и в этой борьбе они счи-

тали возможным и необходимым апеллировать к природе и в ней искали обоснование истории. Натуралистическая тенденция Просвещения в истолковании истории рельефно проявилась у немецкого философа И.Г. Гердера. Он в своих работах опирался на идею развития. На него оказали большое влияние естественнонаучные теории его времени, впервые тогда представившие в эволюционном ключе возникновение Солнечной системы, Земли, формирование видов растений и животных. Гердер использовал идею развития применительно к обеим природам (неживой и живой) и к жизни общества. При этом неживую природу, живую природу и общество он рассматривал как разные уровни единого мирового организма. История общества у него примыкает к истории природы. Он не проводил качественной грани между развитием общества и развитием в природе.

Историю человечества Гердер рассматривал как закономерный процесс. Законы, действующие в истории, мыслились им как естественные законы, берущие начало в природе. В природе происходит закономерное движение от низшего к высшему, ведущее к появлению человека, и далее начинается история общества, которая есть как бы продолжение развития, имевшего место в природе. И поскольку развитие совершается от низшего к высшему, то это развитие есть прогресс. То есть закон, который направляет у Гердера историю человечества, есть тот же закон, который действует в природе, и это есть всеобщий закон прогресса.

Немецкий мыслитель, правда, не ограничился столь абстрактным обоснованием истории. В своем главном труде, названном им «Идеи к философии истории человечества», он делал попытку продемонстрировать действие закона прогресса в истории, и делал он это на материале культуры. Гердер стремился показать, что, несмотря на крушения и утраты, происходящие в истории человечества, культура растет и различные ее проявления и достижения у различных народов являются звеньями в общей цепи ее развития. Но так как прогресс в истории Гердер трактует как продолжение прогресса в природе, то и начинает он свой труд, посвященный истории, с изложения возникновения и развития Солнечной системы и нашей планеты.

Такую же схему мышления, какая имела место у Гердера, демонстрируют сегодня те, кто разделяет идею «универсальной истории» («большой истории», «мегаистории»); только начинают они «большую историю» не с возникновения Солнечной системы, а с возникновения Вселенной. Эта концепция, которая именуется еще универсальным эволюционизмом, сложилась в последние десятилетия XX в. Ее сторонники пытаются связать воедино эволюционную космологию - физическое учение о «большом взрыве» и последующих трансформациях Вселенной, эволюционную теорию видов живых организмов и человеческую историю. Они пытаются доказать, что эти три разнородных процесса представляют собой единый направленный восходящий процесс. В качестве аргумента в пользу «большой истории» приводится, в частности, соображение, что если бы фундаментальные физические константы, определяющие мироздание, были иными, чем они есть, то возникновение живых организмов и человека оказалось бы невозможным (так называемый «антропный принцип»). Предполагается, что существующие значения этих констант отнюдь не случайны, что они служат как раз тому, чтобы на определенном этапе эволюции могли возникнуть жизнь и сознание. Весь этот ход рассуждений базируется на представлении о предопределенности совершившегося развития и не принимает в расчет, отбрасывает именно возможность случайных определений в развитии природы и общества.

Отчетливо выраженный натуралистический характер имели взгляды на историю Г. Спенсера, одного из основоположников позитивизма. Он делал далеко идущие аналогии в строении, функционировании и развитии биологических организмов и обществ. Общество, по его мнению, похоже на биологический организм в том отношении, что оно растет, усложняется и внутренне дифференцируется. Г. Спенсер претендовал на установление всеобщего закона эволюции, охватывающего природу и общество, при этом эволюцию он понимал как движение от однородного и недифференцированного к разнородному и внутренне связанному, как повышение организованности систем. Этот процесс, по его мнению, определил возникновение Солнечной системы, формирование Земли, живых организмов, этот же процесс, как он пытался доказать, прослеживается и в развитии человеческого общества, то есть в истории.

Спенсеровский глобальный эволюционизм, а также появившаяся практически одновременно с ним теория биологической эволюции Ч. Дарвина способствовали утверждению эволюционистских концепций в культурологии, этнологии, социологии - концепций, интерпретировавших развитие общества и культуры как единонаправленный, закономерный, естественный, поступательно-восходящий процесс, проходящий определенные стадии. В культурологии в начале XX в. эволюционизм (представленный Г. Спенсером, Л. Морганом, Э. Тайлором и др.) был вытеснен школами, не признававшими единство культурного развития (Ф. Боас, Б. Малиновский, А. Рэдклиф-Браун и др.), однако в начале 60-х годов XX в. возник неоэволюционизм, вос-

производивший постулаты традиционного эволюционизма, но несколько видоизменявший их. Претензии эволюционизма на установление направленности и закона исторического развития были подвергнуты критике К. Поппером. Он рассматривал эволюционизм как натуралистическую версию историцизма, понимая под историцизмом как раз представление о том, что существуют законы исторического развития, на основании которых можно делать предсказания о будущем человечества. По убеждению К. Поппера, таких законов не существует.

Натуралистический подход к истории проявляется, далее, в определенном истолковании движущих сил истории. А именно, он заключается в том, что движущие силы истории ищут и находят в природе, в определенных естественных условиях и влияниях. В качестве таковых воздействий, определяющих историю, называлось прежде всего воздействие географической среды. Делались попытки однозначно выводить из географических условий (климата, характера почвы, рельефа местности, географического положения страны и др.) характер социальной жизни и историю тех или иных народов. Такие попытки получили наименование географического детерминизма.

В качестве обоснования истории и в роли ее движущей силы называли также такой природно-антропологический фактор, как раса. В этих концепциях движущей силой истории оказывались «чистота расы», определенный антропологический тип. Первым подобные взгляды высказал француз Ж.А. Гобино в своем труде «Опыт о неравенстве человеческих рас». Историю он рассматривал как борьбу между расами, обусловленную их различной биологической природой. В этой борьбе побеждает наиболее совершенная раса. Таковой он считал белую расу, а в ней выделял расу арийскую. Именно арийцами, по утверждению Ж.А. Гобино, были созданы все известные в истории человечества цивилизации (он насчитывал десять цивилизаций), а упадок и гибель цивилизаций происходит в результате их неспособности сохранить расовую чистоту.

Натуралистическое толкование движущих сил истории дает и еще одно направление социальной мысли XIX-XX вв., распространяющее на жизнь и развитие общества принципы биологической эволюционной теории, - социал-дарвинизм. В нем движущей силой истории оказываются борьба за существование и отбор.

Натуралистические истолкования истории весьма разнообразны. Так, российский ученый XX в. А.Л. Чижевский изучал воздействие физических факторов внеземного происхождения, главным образом солнечной активности, на динамику жизнедеятельности в биосфере. Он пришел к выводу, что с этими воздействиями связаны возникновение, распространение и интенсивность таких явлений на Земле, как эпидемии, эпизоотии, эпифитии. Но он утверждал также, что этим воздействиям подвержена и социосфера, что они провоцируют всплески в социальном поведении, стихийные массовые явления в человеческом сообществе, и одна из книг А.Л. Чижевского имеет название «Физические факторы исторического процесса».

Общество живет во взаимодействии с природой, поэтому влияние природной среды на общество и историю не подлежит сомнению. Но признавать влияние природной среды - еще не значит признавать ее движущей силой истории. Люди как живые существа включены многообразно в систему природы и испытывают самые разные ее воздействия, и об этих воздействиях мы знаем еще далеко не все и в будущем, по-видимому, узнаем о неизвестных еще природных факторах, воздействующих на человека. Принимая это во внимание и пытаясь оценить влияние природной среды на историю, мы неизбежно выйдем к принципиальному вопросу о том, обладает ли человек самоопределением или он природно обусловлен, и от его решения будет зависеть и ответ на вопрос, кому принадлежит история - человеку или природе? Если исходить из того, что животные - вполне природные существа, а человек отличается от животных и возникновение человека, как бы его ни трактовать, знаменовало отделение человека от природы, и что он играет активную роль в своем отношении к природе и даже может так бесцеремонно противопоставить себя природе, как это делает современный человек, то мы придем к выводу, что история принадлежит человеку, а не природе, и природа не есть движущая сила его истории, хотя те или иные влияния, исходящие от природы, и изменения, происходящие в ней, влияют прямо или косвенно на общественное развитие. Натуралистический подход к истории стирает грань между историей и природой, не признает автономии истории. Природе и человеку в его природных определениях приписывается активность, а человек истории мыслится пассивным, обусловленным, испытывающим воздействия.

Натуралистический подход к истории проявляется также в понимании того, какова методология исторического познания, - проявляется в попытках сблизить ее с методологией естествознания. Подобные попытки в XIX и XX вв. совершались главным образом под влиянием философского позитивизма. Позитивизм с самого своего возникновения ориентировался на

естественнонаучное познание и рассматривал его в качестве единственно и подлинно научного. При этом позитивизм тяготел к эмпиризму, он давал определенную интерпретацию методологии естествознания, и эта интерпретация, как стало ясно в свете последующего развития философии науки, отнюдь не бесспорна. Основоположник позитивизма О. Конт считал, что научный метод состоит в установлении с помощью наблюдения научных фактов, которые затем обобщаются, в результате чего устанавливаются общие положения - законы.

Призыв позитивизма опираться на факты встретил понимание среди историков, поскольку установление исторических фактов действительно составляет важнейшую часть исторического познания. Однако то обстоятельство, что исторический факт по своей природе и способам установления решительно отличается от фактов, фиксируемых естественными науками, методология позитивизма оставляла в тени. Реально позитивистское влияние на историографию выразилось в нацеливании ученых-историков на сбор конкретно-исторического материала. Р. Коллингвуд отмечал, что результатом влияния первого позитивизма на историческую науку был громадный прирост конкретного исторического знания, основанного на беспрецедентном по своей точности исследовании источников, лучшие историки этого времени стали величайшими знатоками исторической детали [см. 7, часть 3, § 9]. Однако контовская методология познания вслед за установлением фактов предполагала еще один и важнейший шаг, заключающийся в обнаружении законов, а вот этим историки похвастаться не могли - описывая ход исторических событий, они не открывали каких-то законов истории. Не случайно О. Конт предложил создать науку социологию, которая должна была, по его мысли, устанавливать законы общества. А исторической науке в его программе отводилась роль поставщика исторических фактов, которые затем должны были обобщаться социологом. Такая подсобная роль для историков, вполне ощущающих самостоятельность и самодостаточность своей науки, представлялась неприемлемой. С Конта начинается полемика между историками и социологами.

Представители логического позитивизма выявили логическую схему научного объяснения. Согласно этой схеме объяснение заключается в подведении объясняемого явления под какие-то общие положения, законы, из которых объясняемое должно логически следовать. Эта модель объяснения получила наименование дедуктивно-номологической, ее разрабатывал один из лидеров логического позитивизма К. Гемпель. Этой модели, выполняемой в естественных науках, К. Гемпель придавал универсальный характер; он пытался доказать, что и в исторической науке объяснения основываются на подведении под общие законы. Однако последующая критика показала, что применимость этой схемы объяснения в исторической науке находится под большим вопросом.

На роль исследовательской программы в социально-гуманитарном познании ныне претендует синергетика. Эта область знания рассматривает процессы самоорганизации в открытых нелинейных системах. Она заостряет внимание на когерентных эффектах в системах этого типа - эффектах, выражающихся в том, что элементы системы начинают вести себя согласованно, «дружно». Синергетика возникла в физике и химии, но в ее появлении сыграло роль стремление преодолеть противоречие между вторым началом термодинамики, согласно которому развитие идет от более упорядоченных состояний к менее упорядоченным, и развитием в живой природе, сопровождающимся повышением уровня организации живых существ. Синергетика показала возможность движения в сторону упорядоченности и в неживой природе, установив, что процессы в открытых системах вообще могут быть процессами самоорганизации. На основе идей синергетики в терминах упорядоченности-неупорядоченности возникает определенная модель развития. А именно, развитие предстает как смена неупорядоченных, хаотических и упорядоченных состояний. При этом важную роль в интерпретации развития играют идеи неопределенности и необратимости, присутствующие в синергетике.

Идеи синергетики оказались приемлемыми для интерпретации социального развития и, по-видимому, могут послужить сближению естествознания и социознания. Как отмечает С.Г. Гомаюнов, воздействие синергетики на биологию и обществоведение отчасти объясняется «"своеобразным узнаванием" синергетики биологами, социологами, экономистами, историками» [10, с. 100]. Действительно, историку, например, хорошо знакомы по истории и необратимый характер развития, устанавливаемый синергетикой, и роль случайностей, и возможность различных путей развития, открывающаяся в определенные критические моменты истории, и то, что малые и случайные события могут стать катализаторами важных социально-исторических изменений. «Узнавание» синергетики историческими науками определяется тем, что синергетика внесла историзм в понимание процессов, совершающихся в природе.

Воздействие синергетики на социально-гуманитарное познание (в экономической науке, социологии, социальной психологии, истории, языкознании, политологии и других областях зна-

ния) происходит на уровне использования ее понятийно-концептуального аппарата и на уровне привлечения и ее математического аппарата. В последнем случае можно говорить о синергетическом математическом моделировании. С его помощью пытаются устанавливать зоны устойчивости и неустойчивости той или иной человеко-размерной системы, переходы между этими состояниями, варианты развития системы. Задачи и области, к которым пытаются применить математический аппарат синергетики, очень разнообразны. Однако во многих случаях использование синергетического математического аппарата в социально-гуманитарных науках оказывается просто иллюстрацией тех или иных зависимостей, уже установленных с помощью содержательного анализа, в лучшем случае - прояснением этих зависимостей. Принципиальное сомнение по поводу возможностей синергетического математического моделирования в социально-гуманитарном познании состоит в том, что синергетика устанавливает определенные закономерности в мире природы, а социально-гуманитарные науки имеют дело с людьми, обладающими сознанием. (Это соображение, высказываемое относительно распространения на социально-гуманитарное познание естественно-научных методов, старо, но не утратило своей актуальности). Попытки использования математических моделей синергетики в социальном познании основываются на предпосылке, что в социальных процессах и в общественном сознании действуют те же принципы самоорганизации, что и в природе. Подобное представление весьма заманчиво, но и весьма проблематично.

В природе действуют слепые природные силы, а история является результатом деятельности людей, в том и другом случаях мы имеем дело с совершенно разными по своему происхождению и способу существования реальностями. Это сразу ставит принципиальные ограничения использованию натуралистических моделей и методов применительно к истории. Тем не менее их использование в постижении истории возможно и в определенных отношениях продуктивно.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Гердер И.Г. Идеи к философии истории человечества. - М.: Наука, 1977. 703 с. - М.: Наука, 1977. - 703 с.
2. Назаретян А.П. Универсальная (большая) история: версии и подходы // Историческая психология и социология истории. - 2008. - № 2. - С. 5-24.
3. Спенсер Г. Основания социологии // Соч. - СПб.: Товарищество И.Д. Сытина, 1898. - Т. 1. - 432 с.
4. Поппер К. Нищета историцизма. - М.: Прогресс, 1993. - 188 с.
5. Гобино Ж.А. Опыт о неравенстве человеческих рас. - М.: Одиссей; Олма-пресс, 2000. - 765 с.
6. Чижевский А.Л. Земное эхо солнечных бурь. - М.: Мысль, 1976. - 368 с.
7. Коллингвуд Р. Идея истории // Р. Коллингвуд. Идея истории. Автобиография. - М.: Наука, 1980. - С. 5-320.
8. Конт О. Дух позитивной философии. (Слово о положительном мышлении). - Ростов н/Д: Феникс, 2003. - 251 с.
9. Гемпель К. Мотивы и «охватывающие» законы в историческом объяснении // Философия и методология истории. - М.: Прогресс, 1977. - С. 42-62.
10. Гомаюнов С.Г. От истории синергетики к синергетике истории // Общественные науки и ность. - 1994. - № 2. - С. 99-106.

REFERENCES

1. Gerder I.G. Idei k filosofii istorii chelovechestva. [Ideas to the philosophy of history of humanity]. M.: Nauka, 1977. 703 p.
2. Nazaretjan A.P. Universal'naja (bol'shaja) istorija: versii i podhody. [Universal (big) history: versions and approaches.]. Historical psychology and sociology history. 2008. No. 2. Pp. 5-24.
3. Spenser G. Osnovanija sociologii. [The Foundation of sociology]. Op. SPb.: Tovarischestvo I.D. Sytina, 1898. Vol. 1. 432 p.
4. Popper K. Nishcheta istoricizma. [The poverty of historicism]. M. : Progress, 1993. 188 p.
5. Gobino Zh.A. Opyt o neravenstve chelovecheskih ras. [The essay on the unequality of human races]. M.: Odysseus; OLMA-press, 2000. 765 p.
6. Chizhevskij A.L. Zemnoe jeho solnechnyh bur'. [Earth echo of solar storms]. M.: Mysl, 1976. 368 p.
7. Kollingvud R. Ideja istorii. [The idea of history]. R. Kollingvud . Ideja istorii. Avtobiografija. [R. Collingwood. The idea of history. Autobiography]. M.: Nauka, 1980. Pp. 5-320.
8. Kont O. Duh pozitivnoj filosofii. (Slovo o polozhitel'nom myshlenii). [The spirit of positive philosophy. (The word about the positive thinking)]. Rostov n/D: Feniks, 2003. 251 p.
9. Gempel' K. Motivy i «ohvatyvayushchie» zakony v istoricheskom ob"yasnenii. [Motives and «covering» laws in historical explanation]. Filosofiya i metodologiya istorii. [Philosophy and methodology of history]. M.: Progress, 1977. Pp. 42-62.
10. Gomajunov S.G. Ot istorii sinergetiki k sinergetike istorii. [From the history of synergetics to synergetic history]. Obshhestvennye nauki i sovremennost'. [Social Sciences and modernity]. 1994. No. 2. Pp. 99-106.

Информация об авторе

Алферов Анатолий Александрович, доктор философских наук, профессор, кафедра социальной философии, Южный федеральный университет,
г. Ростов-на-Дону, Россия
antal@list.ru

Получена: 12.12.2016

Для цитирования статьи: Алферов А. А., Проявления натуралистического подхода к истории. Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. Том. 8. № 6. Часть 2. с. 31-36.
DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-6/2-31-36.

Information about the author

Anatoly A. Alferov, Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Department of Social Philosophy, Southern Federal University,
Rostov-on-Don, Russia

antal@list.ru

Received: : 12.12.2016

For article citation: Alferov A.A., Projavlenija naturalisticheskogo podhoda k istorii. [Manifestations of naturalistic approach to history]. Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatelnaya mys'l = Historical and Social Educational Ideas. 2016. Vol . 8. no. 6. Part. 2. Pp. 31-36.
DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-6/2-31-36. (in Russian)

УДК 94 (47)

DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-6/2-37-39

ВАСИН Алексей Викторович
Российский университет дружбы народов
Москва, Россия
ofisrudn2014@mail.ru

Aleksey V. VASIN
Russian University of Peoples' Friendship
Moscow, Russia
ofisrudn2014@mail.ru

СРЕДСТВА МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ КАК РЕГУЛЯТОР ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ВОЕННЫХ КОНФЛИКТОВ в 1990—2000-е гг.

MEDIA AS A REGULATOR OF PUBLIC OPINION IN MILITARY CONFLICTS IN 1990-2000-IES

В статье характеризуется роль средств массовой информации в качестве регулятора общественного мнения в условиях изменения общественно-политической повестки в России в 1990-х гг. Актуализирован широкий спектр военных конфликтов на геополитическом пространстве в 1990—2000-х гг., в том числе имеющих этническую, территориальную, языковую и религиозную природу. В статье ключевое место занимает анализ информационного сопровождения («информационной войны») вооруженных конфликтов. Рассматриваются как традиционные, так и специальные информационные технологии влияния на общественное мнение, используемые в условиях современных вооруженных конфликтов, адекватные максимальному уровню и накалу противостояния, а также масштабы и возможности влияния СМИ на общественное мнение. В качестве важного средства информационного сопровождения вооруженных конфликтов в 1990—2000-е гг. в статье анализируется информирование в режиме реального времени (технология non stop). Систематизированы основные источники информации и факторы (политический, организационно-информационный, правовой и военный), повлиявшие на корректировку курса по изменению общественного мнения относительно целей и результатов военных конфликтов в рассматриваемый период. Освещены стратегии информирования общественности и проблема своевременного доступа к информации для ее последующей передачи массовой аудитории, контекстная выбору источников информации и возможности осуществления на практике стандартов свободы слова. Упомянуто влияние эскалации конфликта на процессы коммуникации между враждующими сторонами и на объемы дезинформации. Особое внимание уделено особенностям информационного поля и историческому опыту СМИ в его изменении в условиях военных конфликтов.

The article characterized the role of the media as a regulator of public opinion in the changing socio-political agenda in Russia in the 1990s. To actualize a wide range of military conflicts in the geopolitical space in 1990- 2000-ies., including those ethnic, territorial, linguistic and religious natures. The article takes a key position analysis of information support ("information war") armed conflicts. We consider both traditional and special information technology influence on public opinion used in today's armed conflicts, appropriate maximum level and intensity conflict, as well as the scope and possibilities of the media to influence public opinion. As an important means of information support of the armed conflict in 1990- 2000-ies. The article analyzes the information to the real-time (non stop technology). Systematized basic information sources and factors (political, organizational, informational, legal and military), influenced the course correction to change public opinion on the objectives and results of military conflicts in the period under review. When covering a strategy to inform the public and the problem of timely access to information for its subsequent transfer to a mass audience, context selection of information sources and the possibility of practicing the standards of freedom of speech. Mentioned influence the escalation of conflict in the communication process between the warring parties, and on the volumes of misinformation. Particular attention is paid to the peculiarities of the information field and the historical experience of the media in its change in military conflicts.

Ключевые слова: средства массовой информации (СМИ), общество, государственная политика, военные конфликты.

Keywords: media, society, public policy, military conflicts

В условиях изменения общественно-политической повестки в России в 1990-х гг. вновь возник интерес к проблеме национальной безопасности, доступа к общественно значимой информации, в том числе о вооруженных конфликтах как международного, так и немеждународного характера.

Отличаясь по характеру и степени вызова, на геополитическом пространстве в 1990—2000-е гг. был представлен широкий спектр внутренних конфликтов. Некоторые из них были порождены стремлением этнического меньшинства к реализации права на самоопределение в форме создания независимого государственного образования (Абхазия, Южная Осетия), другие были нацелены на восстановление прав депортированных народов (осетино-ингушский конфликт о принадлежности Пригородного района). Имели место территориальные и статусные конфликты (Нагорный Карабах, Южная Осетия). Большинство из них включали не только этническую или территориальную, но и языковую или религиозную составляющую, различались по длительности, масштабу, роли политических элит и последствиям.

Средства массовой коммуникации имели колоссальное значение в этих событиях. Традиционно одним из основных элементов вооруженного конфликта является информационное сопровождение, «информационная война», то есть атака против информационной функции, независимо от применяемых средств, которые оказывают явные и скрытые целенаправленные информационные воздействия систем друг на друга с целью получения определенного выигрыша [3].

В ситуации вооруженного конфликта информационные ресурсы столь же важны, как и военная техника; они используются и с целью «нападения» на противника, и с целью формирования общественного мнения.

За последние десятилетия широкое распространение получили традиционные информационные технологии влияния на общественное мнение, используемые в условиях вооруженных конфликтов. К их числу относится создание в СМИ образа врага (чужого) посредством предвзятого отбора или подтасовки фактов, приклеивания ярлыков, использования дезинформации. Как правило, для этого используются исторические, идеологические, религиозные или этнические концепты, отличающиеся устойчивостью.

В условиях развития конфликта результативными могут быть также специальные информационные технологии, адекватные максимальному уровню и накалу противостояния, например локальная закрытость информационного пространства, блокировка информационных потоков, в том числе Интернета, телефонии (Грузия, 2008; Египет, 2011). В последнее десятилетие важным средством информационного сопровождения вооруженного конфликта является информирование в режиме реального времени (технология non stop), которая нацелена на опережение противника в сфере освещения происходящих событий. Главным источником информации становится военное руководство, формой предъявления информации — брифинги и пресс-конференции.

Важным в деятельности СМИ, как регулятора общественного мнения в условиях вооруженного конфликта, является не только информирование собственного населения о ситуации, трансляция новостей в режиме реального времени, но и защита собственной информационной системы с привлечением общественного мнения на свою сторону.

В данном контексте особую актуальность приобретает проблема своевременного доступа к информации для ее последующей передачи массовой аудитории. Решение данной проблемы контекстно выбору источников информации и возможности осуществления на практике стандартов свободы слова.

Основными источниками информации в условиях вооруженных конфликтов являются представители органов власти, официальные государственные организации, представители силовых структур, пресс- службы органов власти и силовых ведомств, средства информации своей, противоборствующей и третьей (нейтральной) сторон, частные лица, эксперты в различных областях знаний.

Право на поиск, получение, передачу и распространение информации относится к числу конституционных прав и свобод граждан Российской Федерации [1]. В соответствии с Законом РФ «О средствах массовой информации» журналист имеет право посещать как общественные, так и государственные организации, а также специально охраняемые места (в том числе места аварий и катастроф, массовых беспорядков), запрашивать информацию у должностных лиц, получать доступ к тем или иным документам [4].

Однако в условиях вооруженного конфликта всегда имеет место как процесс оперативного информирования СМИ о тех или иных событиях (зачастую в режиме реального времени), так и постоянное давление на СМИ относительно масштабов распространения, степени эмоциональности и характера информации. Это связано с особенностями эскалации конфликта, в ходе которого объективно уменьшается коммуникация между его сторонами и увеличивается объем дезинформации, поступающей через СМИ; как следствие, возникает тенденция использовать СМИ в качестве манипулятора общественным мнением.

На корректировку курса по изменению общественного мнения влияют политический, организационно-информационный, правовой и военный факторы.

Влияние политического фактора обусловлено информационной политикой СМИ в период вооруженных конфликтов, действиями политической цензуры, а также интересами тех или иных политических кругов. Организационно-информационный фактор детерминирован качеством используемой в СМИ информации, степенью ее достоверности и своевременности.

Влияние правового фактора зависит от степени разработанности нормативно-правовой базы применительно к деятельности СМИ в условиях вооруженного конфликта.

При развертывании информационной кампании особо заметна роль военного фактора, что проявляется как в действиях военной цензуры, так и в широком использовании дезинформации.

Тем не менее в освещении вооруженных конфликтов СМИ, как правило, стремятся не только информировать население о предпосылках, причинах и ходе конфликта, но и представлять аналитическую информацию относительно вариантов и способов разрешения ситуации. Данный процесс может сопровождаться актуализацией в массовом сознании негативных стереотипов, фобий, что затормаживает поиск оптимального решения в конфликте.

СМИ, выполняя функцию регулятора общественного мнения в условиях военных конфликтов, могут освещать события беспристрастно, но с показом абсолютно всех фактов, даже оказывающих травмирующее воздействие на психику. Зачастую СМИ занимают позицию, в со-

ответствии с которой освещение событий конфликта является строго дозированным, допуская замалчивание как фактов, так и их интерпретации.

Вне зависимости от выбранной стратегии информирования общественности недопустима публикация непроверенных материалов, создание представлений об этнической или религиозной группе как заведомо враждебной, а также оправдания жестокости, террора, независимо от того, какими мотивами руководствовались лица, в них виновные [5, с. 413].

В условиях вооруженного конфликта СМИ могут акцентировать внимание на возможности ведения диалога конфликтующими сторонами, вариантах эффективных решений в создавшейся ситуации и моделях урегулирования конфликта.

Таким образом, основная роль СМИ как регулятора общественного мнения в условиях военных конфликтов заключается в изменении информационного поля разногласий посредством привлечения внимания международного сообщества к развивающемуся конфликту и просветительской работы среди конфликтующих сторон. В этой связи СМИ могут мобилизовать международное осуждение тех СМИ, которые пропагандируют любые формы социальной ненависти, помочь лидерам, ведущим переговоры, сохранить доверие групп, которые они представляют [2, с. 335]. Особо важным представляется информирование сторон конфликта об интересах и ценностях другой стороны и показ потенциальных ресурсов, использование которых позволит разрешить конфликт, в том числе: уважение национальных особенностей, отделение отдельных криминальных элементов от народа в целом и приоритет интересов государства над всеми иными.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Конституция Российской Федерации // Собрание законодательства РФ. — 03.03.2014. — N 9. — Ст. 29. Ч.1.
2. Манофф Р. Роль СМИ в предотвращении и смягчении конфликтов / Р. Манофф // Российская пресса в поликультурном обществе: толерантность и мультикультурализм как ориентиры профессионального поведения. — М., 2001.
3. Мухин А.А. Информационная война в России / А.А. Мухин. — М., 2000.
4. О средствах массовой информации: закон РФ // Законодательство Российской Федерации о средствах массовой информации. — М., 1996. — Ст. 47.
5. Свенцицкая Н.П. Конфликтологическая подготовка журналистов / Н.П. Свенцицкая // Современная конфликтология в контексте культуры мира: материалы I международного конгресса конфликтологов. — М., 2001.

REFERENCES

1. The Constitution of the Russian Federation. Meeting of the legislation of the Russian Federation. 03.03.2014. N 9. Art. 29. Part 1.
2. Manoff R. Role of Media in Conflict Prevention and Mitigation. R.Manoff. Russian press in a multicultural society: tolerance and multiculturalism as the professional conduct guidelines. Moscow, 2001.
3. Mukhin A.A. Information warfare in Russia. A.A.Muhin. Moscow, 2000.
4. On the Media: the law of the Russian Federation. the Legislation of the Russian Federation on mass media. Moscow, 1996. Art. 47.
5. Sventsitskaya N.P. Conflictological training of journalists. NP Sventsitskaya. Modern Conflict in the context of the Culture of Peace: Proceedings of the I International Congress of Conflict Resolution. Moscow, 2001.

Информация об авторе

Васин Алексей Викторович, научный сотрудник, Российский университет дружбы народов, г. Москва, Россия
ofisrudn2014@mail.ru

Получена: 18.12.2016

Для цитирования статьи: Васин А. В., Средства массовой информации как регулятор общественного мнения в условиях военных конфликтов в 1990- 2000-е гг. Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. Том. 8. № 6. Часть 2. с. 37-39.
DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-6/2-37-39.

Information about the author

Aleksey V. Vasin, Researcher, Russian University of Peoples' Friendship,
Moscow, Russia
ofisrudn2014@mail.ru

Received: 18.12.2016

For article citation: Vasin A. V., Sredstva massovoj informacii kak reguljator obshhestvennogo mnenija v uslovijah voennyh konfliktov v 1990- 2000-e gg.. [Media as a regulator of public opinion in military conflicts in 1990-2000-ies]. Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatelnaya mys'l = Historical and Social Educational Ideas. 2016. Vol . 8. no. 6. Part. 2. Pp. 37-39.
DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-6/2-37-39. (in Russian)

УДК 94 (47) DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-6/2-40-43

ДРОБЫШЕВА Лилиана Валерьевна
Российский университет дружбы народов
Москва, Россия
ofisrudn2014@mail.ru

Liliana V. DROBYSHEVA
Russian University of Peoples' Friendship
Moscow, Russia
ofisrudn2014@mail.ru

СОТРУДНИЧЕСТВО РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ СО СТРАНАМИ СНГ В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ В 1991-2015 гг.: ИЗ ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ СЛАВЯНСКИХ УНИВЕРСИТЕТОВ

COOPERATION OF RUSSIA AND CIS COUNTRIES IN THE FIELD OF EDUCATION IN 1991-2015 -IES: FROM THE HISTORY OF SLAVIC UNIVERSITIES

В статье рассматривается один из важнейших аспектов сотрудничества Российской Федерации со странами Содружества Независимых Государств (СНГ) в сфере образования в 1991-2015 гг. Речь идет о предпосылках и процессе создания и развития Славянских университетов в странах СНГ. Актуализируются основные задачи и направления деятельности университетов, контекстные приоритетам развития систем образования в странах Содружества. Особое внимание в статье уделено анализу совместных договоров со странами Содружества в области образования, а также программы поддержки интеграционных процессов в области образования и программы мер по поддержке соотечественников за рубежом в исследуемый период. Важным являются приведенные в статье количественные показатели, характеризующие тенденции изменения образовательных систем стран СНГ, в том числе по подготовке, переподготовке и повышению квалификации научных и педагогических кадров, а также прохождению стажировок и научно-педагогической практики молодых ученых и обмену опытом работы с использованием новейших компьютерных достижений в сфере образования, накопленных в высшей школе. Рассматриваются результаты создания в университетах факультетов и научных центров, научно-исследовательских институтов и диссертационных советов, а также особенности совместного использования кадровых, финансовых и материально-технических ресурсов университетов в целях создания единого образовательного пространства. Выявлена роль органов управления образованием государств - учредителей университетов, бизнес-сообщества и общественных организаций не только в формировании бюджета университета, но и в осуществлении контроля за его распределением и использованием. Охарактеризована деятельность совместных российско-национальных Славянских университетов в контексте формирования кадрового потенциала для независимых суверенных государств.

Ключевые слова: Содружество Независимых Государств (СНГ), образовательные системы, Славянские университеты.

The article considers one of the most important aspects of cooperation between the Russian Federation with the countries of the Commonwealth of Independent States (CIS) in the field of education in 1991 and 2015. This is the background and the process of creation and development of the Slavic University in CIS countries. Actualizes the main tasks and activities of the university context priorities the development of education systems in the countries of the Commonwealth. Special attention is paid to the analysis of joint agreements with the CIS countries in the field of education, as well as programs to support the integration processes in the field of education and the program of measures to support compatriots abroad in the study period. Important are listed in the article quantitative indicators describing trends in the educational systems of the CIS countries, including training, retraining and advanced training of scientific and teaching staff, as well as internships and scientific-pedagogical practice of young scientists and the exchange of experience using the latest computer achievements in the field of education, accumulated in higher education. The results of the creation of university departments and research centers, research institutions and dissertation councils, and especially the sharing of human, financial and material resources of universities in order to create a single educational space. The role of education authorities states - founders of universities, the business community and non-governmental organizations not only in the formation of the university budget, but also in monitoring its distribution and use. It describes the activities of the joint Russian-Slavic national universities in the context of formation of personnel potential for independent sovereign states.

Keywords: Commonwealth of Independent States, educational system, Slavic universities

С распадом СССР и созданием СНГ начался качественно новый этап в формировании национальных образовательных систем. Первые годы существования новых суверенных государств связаны с тенденцией уменьшения числа учебных заведений. В частности, если в 1992-1993 г., например, в Казахстане насчитывалось 8 895 средних школ и лицеев, то к 1998 г. - 8 091 [6, с. 94]. В то же время возросло число высших учебных заведений. Например, в 1990 г. их было 55, а в 1991 - уже 133, и только 57 из них являлись государственными [3]. Похожая ситуация сложилась и в Российской Федерации, других странах СНГ, хотя в России эта картина выглядела позитивнее по причине наличия трех основных обстоятельств: во-первых, достаточности финансовых ресурсов; во-вторых, кадрового высокопрофессионального потенциала; в-третьих, необходимой материально-технической базы.

Все это позволило Российской Федерации подписать ряд совместных договоров со странами Содружества в области образования. Причем, как показывает анализ, контроль за реализацией этих договоров взяли на себя правительства, главы министерств образования стран СНГ, а в приграничных областях еще и ассоциации органов образования [5, с. 93].

В Договоре о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи от 25 мая 1992 г. особо отмечалось, что страны СНГ в сфере подготовки высокопрофессиональных специалистов по многим

престижным направлениям должны стремиться к единому образовательному процессу с использованием новейших методик и программ. Одновременно рекомендовалось принять необходимые методы для реализации полноценного сотрудничества в сфере фундаментальных и прикладных наук, использования их достижений для приоритетных областей народного хозяйства стран Содружества [2].

Надо отметить, что в 1996 г. Указом Президента РФ Б.Н. Ельциным была утверждена программа поддержки интеграционных процессов в области образования в СНГ, а постановлением Правительства РФ - Программа мер по поддержке соотечественников за рубежом [4]. В данных документах были определены конкретные задачи по организации и поддержке российско-национальных университетов за рубежом. Позднее подобные совместные высшие учебные заведения были созданы, кроме Киргизии, в Таджикистане - Российско-Таджикистанский Славянский университет, в Армении - Российско-Армянский Славянский университет. В 2000 г. совместным решением министерств образования и науки РФ и Республики Беларусь был открыт Российско-Белорусский университет. С участием Российской Федерации и Республики Беларусь было подготовлено и утверждено совместное Соглашение, согласно которому был принят Устав университета, определены контрольные цифры приема абитуриентов и т.д. В 2003 учебном году в этот вуз было зачислено свыше 100 российских абитуриентов. В целом большинство белорусских вузов в той или иной степени сотрудничают с российскими на основе совместных договоров и программ. За последние десять лет исследуемого периода вузы России и Беларуси реализовали около 50 совместных проектов в сфере образования.

В целом можно отметить, что российско-национальные Славянские университеты создали благоприятные условия для развития совместного образовательного процесса в странах СНГ, в том числе по подготовке, переподготовке и повышению квалификации научных и педагогических кадров, а также прохождению стажировок и научно-педагогической практики молодых ученых и обмену опытом работы с использованием новейших компьютерных достижений в сфере образования, накопленных в высшей школе.

Как известно, особое значение для любого вуза играет состояние материально-технической базы. Что касается материально-технической базы Славянских университетов, то она создавалась совместно с органами управления Российской Федерации и страны ее нахождения с обязательным учетом существующего законодательства и нормативов высшего учебного заведения.

В частности, вышесказанное можно подтвердить на примере деятельности Российско-Киргизского Славянского университета, который в 1993 г. был открыт в столице государства - г. Бишкеке. На первый курс было зачислено 500 выпускников российских и киргизских образовательных школ, независимо от национальности, вероисповедания, пола, политических взглядов и социального положения. Однако уже через пять лет в университете обучалось более 3 500 студентов. Обучение осуществлялось на русском языке, но освоение национального языка являлось обязательным. Примечательно, что учебные планы отвечали стандартам Российской Федерации и Республики Кыргызстан. Окончившим университет вручались дипломы обоих государств. Особое внимание министерства образования и науки России и Кыргызстана уделяли качеству профессорско-преподавательского состава. В результате к 2012 г. их 433 преподавателей университета насчитывалось: 31 доктор наук, 37 профессоров, 115 кандидатов наук, 82 доцента [1, с 37]. Такой высокий кадровый потенциал позволил ректорату создать в университете 7 факультетов, в частности естественно-технический, экономический, юридический, медицинский, международных отношений, гуманитарный, переподготовки и повышения квалификации. Кроме них в университете стали функционировать 7 крупных научных центров: «Перспективные технологии и материалы», научно-инженерный новых технологий и проектов, научно-информационный «Арал» и т.д.

Одновременно получили развитие и эффективно работали три научно-исследовательский института - регионального славяноведения, равных прав и возможностей, социально-рыночной экономики и т.д. Такие возможности стали реальностью при наличии в университете диссертационных советов по 10 специальностям [7, с. 41-42]. Российско-национальный славянский университет в Кыргызстане в результате такой позитивной деятельности получил большую известность за рубежом. В частности, он до сих пор успешно тесно сотрудничает с 8 российскими университетами и 4 научно-исследовательскими институтами РАН, а также с учебными заведениями Великобритании, Греции, Нидерландов, Южной Кореи, Соединенных Штатов Америки. Кроме этого, университет входит на правах действительного члена в состав Международной академии наук высшей школы, Международной академии информатизации, Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы. Ре-

зультаты его многогранной деятельности позитивно оценен правительствами России и Киргизии, а также деловыми кругами других стран СНГ.

Примечательно, что контроль за распределением и использованием бюджета данного университета, что является общепринятым для других Славянских университетов, осуществляли непосредственно министерства образования и науки Российской Федерации и органы управления образованием государств-учредителей. Кроме этого, бюджеты Славянских университетов, как правило, пополнялись добровольными пожертвованиями бизнес-сообщества, общественных организаций.

Приоритеты и основные направления деятельности Славянских университетов определялись их уставами, которые утверждались органами исполнительной власти в сфере образования. Примечательно, что образовательный процесс в Славянских университетах строился на основе российского государственного образовательного стандарта высшего образования с обязательным использованием национально-региональных компонентов. Их ректоры, согласно Уставам, избирались коллективом университетов и утверждались на коллегиях министерств образования и науки сроком на четыре года. Славянским университетам большую практическую помощь оказывали попечительские советы, в состав которых включались представители министерств, русских общин, общественных и предпринимательских структур. В этой связи необходимо отметить, что ключевые проблемы деятельности университетов, в том числе проблемы лицензирования и государственной аккредитации, процесса подготовки молодых специалистов, присвоения ученых степеней и званий, обсуждались совместно органами исполнительной власти в сфере образовательной политики.

В целом, деятельность совместных российско-национальных Славянских университетов являлась важней частью формирования кадрового потенциала для независимых суверенных государств, стала реальным фактором формирования общего образовательного пространства.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Барманкулов М. Образование Кыргыстана в системе СНГ / М. Барманкулов. - Бишкек, 1997. - С. 37.
2. Государственный архив Российской Федерации (далее - ГАРФ). Ф.10192. Оп.1. Д.553. Л.4.
3. ГАРФ. Ф.10096. Оп.1. Д.1. Л.12.
4. ГАРФ. Ф.10197. Оп.1. Д.200. Л.14.
5. Документы заседаний МПК и Пленарных заседаний Межпарламентского Комитета. - СПб,, 1997-2005, 2006. - С. 93.
6. Образование и культура России и Казахстана. Казахстан в цифрах и фактах. - Алматы, 2000. - С. 94.
7. Ожакбаев Ф.С. Из истории Славянского университета в Кыргыстане / Ф.С. Ожакбаев. - Бишкек, 2010. - С. 41-42.

REFERENCES

1. Barmankulov M. Education of Kyrgyzstan in the CIS system. M. Barmankulov. Bishkek, 1997. P. 37.
2. GARF. F.10192. Op.1. D.553. L.4.
3. GARF. F.10096. Op.1. E.1. L.12.
4. GARF. F.10197. Op.1. D.200. L.14.
5. Documents IPC meetings and plenary session of the Interparliamentary Committee. St. Petersburg, 1997-2005, 2006. P. 93.
6. Education and culture of Russia and Kazakhstan. Kazakhstan in figures and facts. Almaty, 2000. P. 94.
7. Ozhakbaev, F. From the history of the Slavic University in Kyrgyzstan. F. Ozhakbaev. Bishkek,, 2010. Pp. 41-42.

Информация об авторе

Дробышева Лилиана Валерьевна, научный сотрудник, ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов», Москва, Россия
ofisrudn2014@mail.ru

Information about the author

Liliana V. Drobysheva, Researcher, Russian University of Peoples' Friendship,
Moscow, Russia
ofisrudn2014@mail.ru

Получена: 28.11.2016

Received: 28.11.2016

Для цитирования статьи: Дробышева Л. В., Сотрудничество Российской Федерации со странами СНГ в сфере образования В

For article citation: Drobysheva L. V., Sotrudnichestvo Rossijskoj Federacii so stranami SNG v sfere obrazovanija V 1991 2015 gg.: iz istorii

1991-2015 гг.: из истории создания Славянских университетов. Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. Том. 8. № 6. Часть 2. с. 40-43.
DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-6/2-40-43.

sozdanija Slavjanskih universitetov. [Cooperation of Russia and CIS countries in the field of education in 1991-2015 -ies: from the history of Slavic universities]. Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatelnaya mys'l = Historical and Social Educational Ideas. 2016. Vol . 8. no. 6. Part. 2. Pp. 40-43.
DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-6/2-40-43. (in Russian)

УДК 94 DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-6/2-44-47

КАЗАМБИЕВА Патимат Магомедхабибовна
Дагестанский государственный педагогический университет
г. Махачкала, Россия
patimat-kazambieva@yandex.ru

Patimat M. KAZAMBIEVA
Dagestan State Pedagogical University
Makhachkala, Russia
patimat-kazambieva@yandex.ru

АВАРСКОЕ ХАНСТВО В ИСТОРИИ ДАГЕСТАНА: ИСТОРИЧЕСКИЙ ЭКСКУРС

AVAR KHANATE IN THE HISTORY OF DAGHESTAN: HISTORICAL FLASHBACK

В статье проводится исследование, как формировалось Аварское ханство, одно из крупных владений на Кавказе. Рассматривается процесс происхождения, становления и развития аварского средневекового государства Сарир в горном Дагестане. К VI в. относится начало формирования политического объединения, где имеется организация власти в виде господства одного лица с деспотическим характером власти, которое в X в. приобретает законченную форму.
Государство Сарир охватывало значительную территорию нагорного, предгорного и часть равнинного Дагестана, объединяя в себе ряд государств-княжеств и племен, стоявших на разных ступенях общественного развития, В военно-служилой знати заметен тюркский этнический элемент, что было характерным не только для Сарира, но и для других феодальных владений Дагестана.
В статье также показано, как в XII в. государство Серир распалось на мелкие территории и образовалось несколько вольных обществ. А на территории нынешнего Хунзахского района возникло Аварское нуцальство, просуществовавшее с XII по XIX век.. На территории Аваристана с древнейших времен формировалось государственное образование, первоначально известное как Серир, затем как Аварское ханство, Аварское нуцальство и Аварский округ.

In the article the author research the forming of Avar Khanate as one of the largest state space in the Caucasus. We consider the origin of the process of formation and development of the Avar medieval state of Sarir in the mountainous Dagestan. To the VI century there is beginning the formation of political union, where was an organization of power in the form of domination of one person with the despotic nature of power, which in the X century gets its final form. Sarir territory covered a large area highland, foothill and planar portion of Dagestan, which combines a number of states, kingdoms and tribes standing at different stages of social development. The military servile nobility is noticeable Turkic ethnic element. This was not unique to Sarir, it was characteristic of other feudal domain of Dagestan. The article shows also how the state Sarir in the XII century broke up into small areas. On the territory of Khunzakh district was formed Avar Nutsal Space that existed from the XII to XIX centuries. On the territory of Avaristan since ancient times formed state formation first known as Sarir, Avar Khanate, Avar Nutsal Space, Avar District.

Ключевые слова: Сарир, Ширван, Аварское ханство, Андуник, Булач-нуцал, нуцальство, шамхальство, Аварский округ, нагорный Дагестан, союзы сельских обществ, военные походы, феодальные владения.

Keywords: Sarir, Shirvan, Avar Khanate, Andunik, Bulach-Nutsal, Nutsal Space, Shamkhalate, Avar District, Mountainous Dagestan, associations of rural societies, military campaigns, feudal domains

На сегодняшний день актуальной является проблема формирования государственности, в том числе и Дагестана. Одним из важных моментов в процессе становления государственности является возникновение и развитие феодальных владений и сельских обществ Дагестана, которые представляют уникальный момент наличия двух форм правления: соответственно, феодальное владение и сельское общество.

По своей значимости выделяется Аварское ханство, как одно из крупных феодальных владений Кавказа, чему и посвящена данная статья.

Согласно Т.В. Гаджиеву, «…датой возникновения государства Сарир при возможной незначительной погрешности следует признать 562 год, когда Хосров Ануширван заключил с Византией мир, развязавший Ирану руки для решения на своих северных границах проблем, возникших в связи с вторжением в равнинные районы Северного Кавказа хазар…. »[1 с86-87].

Т.В. Гаджиев дает следующее толкование происхождения названия этой области: «…Название государства Сарир происходит, как уже было сказано, от иранского слова "вершина", означая при этом "страна вершин", т.е. "горная страна"» [1 с88].

Государство Сарир объединяло в себе множество народностей и племен Дагестана, стоявших на различных этапах своего развития. Во владения данного государства входили не только горные и равнинные земли современного Дагестана, но также соседние территории.

Арабские историки Ибн Руста и Ал-Мусиди указывают, что Сарир граничил с Аланией и Хазаром. В состав Сарира вошли и некоторые территории Аррана [3].

Очень много спора вызывает и утверждение о вхождении в Сарир территории Филан, земли союза обществ, известного как Акуша-Дарго.

В IX в. границы Сарира начали расширяться за счет Кайтага, Шайдана (Филан) и Гулика [4].

В представлении персидских авторов, Сарир - это крупное владение, труднодоступное и густонаселенное. В состав Сарира входили различные народности, допустимо и завоевание этих территорий, благодаря чему страна в IX-XII вв. [5] укрепилась, но стабильности в этом процессе не наблюдалось. Известно также о существовании в Сарире феодальных правителей,

которые являлись собственниками земли и верховными военачальниками. Общепринятой, единой терминологии в определении титула правителя Сарира нет, но известно о существовании династической монархической власти, где престолонаследие переходило от отца к сыну.

Известно, что с XV в. до 1646 г. титул нуцала переходил не от отца к сыну, а от старшего в одной ветви к старшему в другой. Это явствует из примера завещания Андуник нуцала своему племяннику Булач нуцалу.

С XIII-XIV вв. передача власти по наследству была прервана в результате политической обстановки и из-за семейных обстоятельств. Все же наследственная власть нуцалов была восстановлена. С этого момента царь Сарира обладал принудительной властью и был верховным собственником земли. «У него 12 тыс. селений», - пишет Масу-ди; Ибн-Руста сообщает, что «царю принадлежат 20 тыс. долин, населенных людьми разного рода, которые имеют там свои поместья и деревни».

Правитель Сарира часто прибегал к династическим бракам для установления желаемых внешнеполитических связей и союзнических отношений с другими владениями. Источники отмечают династические браки правителей Сарира с представителями почти всех правителей соседних феодальных государственных образований - Алана, Дербента, Ширзана и Тифлиского эмиратства. Как видно, правители Сарира основывали брачные связи не на религиозных взглядах, а на эксплуататорских классовых интересах.

В X-XI вв. наблюдается процесс проникновения тюрок и оседание тюркского элемента на территории Дагестана, который сыграл важную роль в истории Сарира.

Тюркское влияние на аварский язык нельзя не заметить. К примеру, возьмем Сафилова Амикилича (ум. в 791 г.х/1388-1389 гг.): килич - древнетюркское *меч*; а имя правителя XV в. Булача возможно происходит от хазарского - Бладжан (В.Ф. Минорский) [2].

«Владетель трона успешно нападал на хазар и мог использовать пленных и наемников для своих экспедиций; термин тархан ("свободный от налогов") мог применяться к их начальникам» [2]. Д.М. Атаев и Ш.М. Ахмедов полагали, что военная прослойка тарханов формировалась из числа тюрков-наемников и представляла собой подобие мамлюкской гвардии. Многочисленные и общеизвестные факты свидетельствуют о тесных социально-политических и военных контактах дагестанцев с тюркоязычными народами начиная с эпохи булгар, хазар, гуннов и т.п. Многие термины, относящиеся к феодальному устройству и военной организации обществ Нагорного Дагестана, заимствованы из тюркской среды.

В равнинные районы Дагестана проникновение тюрок и оседание тюркского элемента имело место еще в первые века 1 тысячелетия н.э., но «в X-XI вв. этот процесс приобретает значительные размеры (огузы, кипчаки, сельджуки). Об огромном влиянии тюрок свидетельствует одно лишь то, что в XV в. тюркизация основной территории равнинного Дагестана была уже сложившимся фактом» [2].

Тюрки играли, как отмечается исследователями, важную роль в истории Дербента и других владений, в частности и Сарира. Но при историко-этимологическом анализе культурно-исторических, социально-политических терминов, относящихся к феодальному периоду истории Дагестана, нельзя забывать, что простое сопоставление может создать неполное, а порой и ошибочное представление об истории тюрко-аварских контактов, да и вообще дагестанском развитии.

В «Истории Ширвана и Дербента упоминается об участии тюрок в военной экспедиции войск царя Сарира против Дербента в 1064 г. Фольклор, эпиграфика, ономастика, данные лингвистики подкрепляют скудные сообщения источников о присутствии и влиянии тюркского элемента в социальной структуре Сарира и довольно широкое его распространение на военную организацию. В Хунзахе, по преданиям, был привилегированный род «гузилал», а, по легендам, в селении Тануси «во времена "Сураката" жили потомки Агузхана и им принадлежали окрестные земли». По сообщениям Ибн Сайда, среди жителей Сарира произошло смешение арабов и отмежевание от тюрок. На Хунзахском плато расположено селение Тумагъари, которое, по преданию, возникло у «холма, где погибли тумалы». Особенно заметно тюркское влияние на аварский язык в рамках социально-политического и военного понятийного аппарата.

Войско царя Сарира не было наемным и включало в себя пехоту и кавалерию. В XI в. царское войско располагало ок. 4 тыс. конницей. В IX-XI вв. правители Сарира совершали грабительские военные походы на мусульманский юг, что служило источником богатства государства. Военная организация послужила толчком к укреплению военных позиций.

В XII в. Сарир распался на мелкие территории, и вместе с этим название «Сарир» было заменено на «Аварское нуцальство». Государственная территория Аварского нуцальства соответствовала центральной части территории государства Сарира. Но Аварское нуцальство не охватило полностью территорию, заселенную аварцами. Первоначально границы нуцальства были сужены, а к началу XV в. территория расширилась.

В период правления нуцала Сурака в состав его владения входили вилаят Черкес, два города Шемаха, а также область Туш (Тушетия - область Грузии). После внутрифеодальных столкновений на престол в конце XIII в. вступил Амир-Султан и возглавил десятилетнюю борьбу против соседей-мусульман, в том числе и шамхальства. В начале XIV в. многие владения приняли ислам. Аварские правители с целью расширения границ государства продолжали наступательные походы на соседей - аварцев-язычников и на андо-цезские союзы сельских общин.

В с. Хунзах сосредоточилась богатая, сильная знать, которая являлась центром Аварского нуцальства. Территория Аварии тянулась от Аварского Койсу до западной части Андийского хребта, кроме того в состав территории Аварского нуцальства входили горцы до земель Ингушетии, горцы Чечни (горные чеченцы) и сельские общества: Саситское, Гакавское, Хваршинское, Силдинское, Хваршинское, Хуршитское.

Согласно «Завещанию Андуника» границы Аварии на Западе доходили до Миясугатан («часовная Миясу»), на Востоке - до середины аула Гоцатль, на юге - от Хучада до арачного Голатлинского моста, на севере - до Сала-меэр. Если рассмотреть современные территории Дагестана, то нуцальство занимало территории Казбековского, Гумбетовского, Унцукульского, Хунзахского, Чарадинского, Ботлихского и части Шамильского районов.

«Компиляция Гебека Сиухского» определяет границы между Аварским нуцальством Булача и владением Хаджи-Али-шамхала: на территории выше горы Цебекьуру до Миясухатан и землях до Сала-меэр осуществлял свое правление Булач-нуцал, а на территориях ниже горы и на землях до сел. Гоцатль и Майдан-Тули правил Хаджи-Али-шамхал.

Таким образом, наступил мир между правителями Аварского нуцальства и Шамхальства. К большому сожалению, мир между ними сохранился лишь до смерти их дяди Андуника, что и стало причиной очередной междоусобицы. Булач-нуцал расправился с Хаджи-али-шамхалом и разрушил с. Хучада, где располагалась резиденция шамхала. Сыну Ганбулату с небольшой группой советников удалось бежать в Тиндиб.

Во время правления Булач-нуцала произошло расширение территории нуцальства и стабилизация государственных границ. В XIV-XV вв. в Аварском нуцальстве прослеживается процесс расширения владения и установление устойчивых границ.

На государственной территории Аварского нуцальства в XIII-XV вв. распространились различные подати, штрафные выплаты, натуральные повинности в пользу нуцала. В источниках упоминается о взимании хараджи, джизьи и ушры с населения нуцальства. Джизья взималась с немусульманского населения, а ушра - натуральная десятина с мусульманского населения в XIV-XV вв..

В XIII-XV вв. в Аварии сформировалось и организованное войско, которое получило название «бо». Для содержания военного аппарата были выделены специальные земли, доход с которых предназначался для военных нужд. Сбор дани и податей осуществлялся на местах с помощью военных отрядов. Интересно и то, что по наследству от одного правителя к другому переходил размер дани и население, отбывающее повинности.

В XIII-XV вв. произошли заметные социально-политические изменения в государстве Аварии. Нашествие монголо-татар, походы легендарного Тимура хотя и оказали влияние на формирование государственной территории, негативно воздействовали на процесс развития Аварии.

В XV в. Авария представляла собой государство с многочисленным населением.

Таким образом, интересен следующий момент. На территории Аваристана с древнейших времен формировалось государственное образование, первоначально известное как Серир, затем как Аварское ханство, Аварское нуцальство и Аварский округ. Безусловно, эти феодальные и административные образования менялись в зависимости от политической ситуации, но это уже тема отдельного исследования.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. ГаджиевТ.В.. Государство, общество и право в Дагестане до второй четверти XIX в. : диссертация ... доктора исторических наук : 07.00.07. - Махачкала, 2001. - 443 с.
2. Минорский В.Ф. История Ширвана и Дербента. - М., 1963. - 296с.
3. Йакуби. История / Текст и пер. с араб. П.К. Жузе. - Баку, 1927.
4. Рашид-ад-Дин. Сборник летописей. - М.; Л.: Изд-во АН СССР в 2 т. Т.1.4.1, 1952. - 221 с.; Т. 1.4.2, 1952. - 313 с .; Т.2, 1960. - 248 с.
5. Джанашвили М. Известия грузинских летописей и историков о Северном Кавказе и России // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. 22. - Тифлис, 1897. - С. 1-65.

REFERENCES

1. Gadzhiev T.V.. Gosudarstvo, obshhestvo i pravo v Dagestane do vtoroj chetverti XIX v. [State, law and society in Dagestan before the second quarter of the XIX century : thesis ... doctor of historical Sciences : 07.00.07]. Makhachkala, 2001. 443 p.
2. Minorskij V.F. Istorija Shirvana i Derbenta. [History of Shirvan and Derbent]. M., 1963. 296p.
3. Jacobi. Istorija .Tekst i per. s arab. P.K. Zhuze. [Story.Text and transl. from Arab. P. K. Zhuz]. Baku, 1927.
4. Rashid-ad-Din. Sbornik letopisej. [Collection of Chronicles]. Moscow; Leningrad: Izd-vo AN SSSR, 2 vols vol.1.4.1, 1952. 221 p.; V. 1.4.2, 1952. 313 .; Vol. 2, 1960. 248 p.
5. Dzhanashvili M. Izvestija gruzinskih letopisej i istorikov o Severnom Kavkaze i Rossii. Sbornik materialov dlja opisanija mestnostej i plemen Kavkaza. [Janashvili, M. Izvestia of the Georgian Chronicles and historians of the North Caucasus and Russia. Collection of materials for description of districts and tribes of the Caucasus]. Vol. 22. Tiflis, 1897. pp. 1-65.

Информация об авторе

Казамбиева Патимат Магомедхабибовна, аспирант кафедры «История Дагестана», Дагестанский государственный педагогический университет,
г. Махачкала, Россия
patimat-kazambieva@yandex.ru

Получена: 07.12.2016

Для цитирования статьи: Казамбиева П. М., Аварское ханство в истории Дагестана: исторический экскурс. Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. Том. 8. № 6. Часть 2. с. 44-47.
DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-6/2-44-47.

Information about the author

Patimat M. Kazambieva, Postgraduate Student, Department of “History of Dagestan”, Dagestan State Pedagogical University,
Makhachkala, Russia

patimat-kazambieva@yandex.ru

Received: : 07.12.2016

For article citation: Kazambieva P.M., Avarskoe hanstvo v istorii Dagestana: istoricheskij jekskurs. [Avar khanate in the history of Daghestan: historical flashback]. Istoricheskaya i sotsial’no-obrazovatelnaya mys’l = Historical and Social Educational Ideas. 2016. Vol . 8. no. 6. Part. 2. Pp. 44-47.
DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-6/2-44-47. (in Russian)

УДК 94 (470.67) DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-6/2-48-51

КАСУМОВ Сергей Магомедович
Северо-Осетинский госуниверситет имени К.Л. Хетагурова
г. Владикавказ, Россия
kasum8100@mail.ru

Sergey M. KASUMOV
North Ossetian State University named after K.L. Khetagurov
Vladikavkaz, Russia
kasum8100@mail.ru

УЧАСТИЕ ГАМЗАТ-БЕКА В ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЯХ ВОЙСК ИМАМА ГАЗИ-МУХАММЕДА В 1831 ГОДУ

GHAMZAT-BEKC'S PARTICIPATION IN MILITARY ACTIONS OF IMAM GHAZI-MUHAMMAD'S FORCES IN 1831

В начале статьи кратко рассказывается о военных акциях первого имама Дагестана и Чечни Гази-Мухаммада в равнинном Дагестане в 1831 г. Основным лейтмотивом статьи является попытка разобраться в одном из спорных эпизодов в биографии его будущего ка - второго имама Гамзат-бека. Речь идет о его участии в военных действиях в ноябре-декабре 1831 г. под руководством первого имама Дагестана и Чечни Гази-Мухаммеда. Автор анализирует сведения пристава при Шамиле П.Г. Пржецлавского о якобы возникших в этот период противоречиях между Гази-Мухаммадом и Гамзат-беком и приходит к выводу об их беспочвенности. По мнению автора, при наличии существенных разногласий между этими двумя лидерами мюридистского движения невозможно объяснить, каким образом Гази-Мухаммад доверил Гамзат-беку руководство обороны своей опорной базы в предгорьях Агач-калы, а также сам факт последующего избрания именно Гамзат-бека его преемником. В статье также описан ход самих боев у названых населенных пунктов, в ходе которого приводятся свидетельства очевидцев с обеих сторон конфликта. В конце статьи автором затронуто значение поражения у Агач-калы для последующей судьбы первого имама.

Ключевые слова: Гази-Мухаммад, Гамзат-бек, имам, мюриды, Г.В. Розен, П.Г. Пржецлавский, Агач-кала, Чумкескент.

In the beginning of the article briefly covers military activity of the first imam of Dagestan Ghazi-Muhammad in the lowland Dagestan areas in 1831. The principal goal of the article understands a controversial episode in the biography of Ghazi-Muhammad's successor the second imam Ghamzat-bek. Specifically, the article covers Ghamzat-bek's participation in military actions in November-December 1831 under command of the first imam Ghazi-Muhammad. The author analyses records made during the Shamil's period by Russian constable P.G. Przhetslavskiy, which contain information about alleged conflicts between Ghazi-Muhammad and Ghamzat-bek, and the author of the article concludes them to be groundless. In his view, in case there were substantial disagreements between the leaders of murid movement, it would be impossible to explain the level of truth when Ghazi-Muhammad ordered Ghamzat-bek to be a head of defense of his key base in the foothills in Agach-Kala, along with the fact that Ghamzat-bek was to even become his successor. In addition, the article covers the course of military operations near the localities already mentioned. In the ending the author reasons the significance of the Agach-Kala defeat for the fate of the first imam.

Keywords: Ghazi-Muhammad, Gamzat-Beck, imam, murids, Rosen, Agach-kala, Chumkeskent

Кавказская война до сих пор остается одной из актуальных проблем отечественной исторической науки. Среди главных причин широкого общественного интереса к истории Кавказской войны мы можем отметить события 1990-х годов в северокавказском регионе, в связи с которыми в последние десятилетия зачастую злоупотребляли аналогиями с эпохой Кавказской войны, однако детальное исследование ее эпизодов и их контекста позволяет развеять мифы и упрощенно-шаблонный подход к проблеме присоединения народов Дагестана к Российской империи.

В конце 1820-х годов в Нагорном Дагестане чрезвычайную популярность приобрели идеи мюридизма и газавата, так называемой «войны с неверными». Несмотря на то, что советская историография и в первую очередь М.Н. Покровский тщательно старались придать мюридистскому движению классовый, антифеодальный характер, снижая тем его религиозную составляющую, с самого начала его развития к его лидеру имаму Гази-Мухаммаду примкнул ряд дагестанских аристократов. Наиболее выдающейся фигурой среди них, безусловно, был, будущий второй имам Дагестана и Чечни Гамзат-бек из рода гоцатлинских беков.

Гамзат-бек являлся одной из ключевых фигур Кавказской войны, но вместе с тем его биография остается малоизвестной, полной пробелов и противоречивых оценок. В нашей статье делается попытка разобраться в одном из спорных эпизодов его биографии, а именно в участии Гамзат-бека в военных операциях 1831 г., в частности в боях у Агач-Калы. Эти события особенно интересны, поскольку являются первой попыткой сторонников мюридизма вырваться из границ Аварии и Чечни, в которых собственно и сформировалась идеология мюридизма, распространить его на Кумыкскую плоскость и даже овладеть опорными пунктами российских владений на Северо-Восточном Кавказе - городами Кизляр и Дербент.

По сведениям дореволюционных авторов, встреча между имамом и Гамзат-беком произошла в Гимрах не позднее 1830 г. После продолжительного совещания, состоявшегося между ними, Гамзат охотно принял предложение Гази-Мухаммада о распространении шариата и «с тех пор сделался ревностным сподвижником и помощником имама» [12, с. 66].

В мае-июне 1831 г., несмотря на прибытие подкрепления к царским войскам, сторонники Гази-Мухаммада осадили крепость Бурная над селением Тарки и крепость Внезапная у селения Эндирей [8, с. 178]. В середине июня 1831 г. вспыхнуло восстание в Южном Дагестане, воспользовавшись которым имам в августе осадил Дербент. 13 сентября 1831 г. командиром Отдельного Кавказского корпуса был назначен генерал от инфантерии барон Г.В. Розен, который начал активно предпринимать действия для «умиротворения края», но и после этого, 1 ноября 1831 г., имам Гази-Мухаммад во главе тысячного отряда захватил город Кизляр. По свидетельству летописца аль-Карахи, имам «захватил его, взял… огромные богатства и многих пленил» [8, с. 29]. Естественно, у имама не хватило сил для удержания города, и этот «захват» скорее походил на стремительный набег. Перед угрозой окружения царскими войсками имам со своими воинами-мюридами спешно покинул город. В этот период наибольших успехов Гази-Мухаммада Гамзат-бек находился в своем селе, так как его племянник находился в аманатах, то есть заложниках, в Тифлисе.

Осенью 1831 г. Гази-Мухаммад под нажимом царских войск отступил в близлежащие к его родному аулу Гимры предгорья, расположился лагерем в урочище Чумкескент на территории владений вассала царя шамхала Тарковского и «занялся укреплением своих позиций и восстановлением влияния в окрестных селениях» [6, с. 239]. Параллельно с этими событиями до Гамзат-бека дошла весть о смерти его племянника в Тифлисе. Теперь он больше не был скован в своих действиях и вскоре прибыл в Чумкескент к Гази-Мухаммаду. Л. Богуславский сообщает, что Гамзат-бек привел с собой к имаму подкрепление, насчитывавшее 400 человек, и его прибытие очень ободрило имама [3, с. 418]. Вопреки словам Л. Богуславского, Н.И. Покровский писал о якобы имевшей место в эти дни размолвке Гази-Мухаммада и Гамзата: «В этот момент обнаружились опять какие-то расхождения между имамом и одним из его помощников - Гамзат-беком. Последний, вернувшись из неудачного похода к крепости Новые Закаталы, явился в Агач-кала с какими-то широкими планами» [10, с. 239]. Н.И. Покровский ссылается на П.Г. Пржецлавского, поясняя, что планы эти, поддержанные Аслан-ханом Газикумухским, заключались в попытке овладеть аварским ханским престолом, о чем якобы мечтал Гамзат (суть этих планов заключалась в личных интересах Аслан-хана). Далее, ссылаясь на Мухаммада Тахира аль-Карахи, Н.И. Покровский объясняет ситуацию следующим образом. Имам «одобрил планы Гамзата, советовал до времени отложить их исполнение и затем, указывая на скорое прибытие… русского отряда, просил Гамзат-бека соединиться с ним и общими силами дать решительный отпор русским, но на предложение это Гамзат-бек не дал положительного ответа» [9, с. 290]. К этому объяснению прибавляется и высказывание П.Г. Пржецлавского: «Кази-мулла не желал, чтобы Гамзат… действовал самостоятельно, между тем как последний жаждал личной славы» [12, Д. 44. Л.7-8]. Высказывание взято из перевода-переработки сочинения Мухаммада Тахира аль-Карахи «Блеск дагестанских шашек в некоторых шамилевских битвах». «В конце концов, Гамзат, - завершает Н.И. Покровский, - несмотря на разногласия, остался в Агач-кале» [10, с. 290]. Проясним ситуацию, представленную Н.И. Покровским, который использовал труды аль-Карахи и П.Г. Пржецлавского. Если, по свидетельству аль-Карахи, Гамзат-бек не дал положительного ответа на предложение имама Гази-Мухаммада общими силами дать решительный отпор русским, это не значит, что между ними появились разногласия. Что касается цитирования сведений П.Г. Пржецлавского, бывшего пристава при Шамиле в Калуге, то их тенденциозность, основанная на личной неприязни к третьему имаму, хорошо известна. Данный автор также скомпрометировал себя попытками издать искаженный им перевод сочинения Мухаммада Тахира аль-Карахи [5, с. 367-389]. Потому нет особых причин доверять и его утверждению о размолвке в стане лидеров мюридистского движения. На наш взгляд, доверие, оказанное Н.И. Покровским «сведениям» П.Г. Пржецлавского, основано на их удобстве для марксистского толкования включения в «антифеодальное» мюридистское движение аристократа Гамзат-бека, дабы его персона не вступала в неминуемое противоречие с формируемым образом классической крестьянской войны.

Пытаясь покончить с имамом Гази-Мухаммадом, российское командование предприняло шаги к уничтожению его опорного пункта в предгорьях Агач-калы, которое «состояло из высокого тройного сруба с бойницами, заваленного землею и окруженного с южной стороны рвом до 50-ти сажень глубиной» [1, с. 549]. По сведениям перебежчика Маклача, обороной названного укрепления командовал лично Гамзат-бек, который «укрепил лагерь с юго-западной стороны, которая была слабее других» [4, с. 8]. Действиями по овладению укрепления Чумкескент руководил командир 42-го Егерского полка полковник Миклашевский, который, оставив «вагенбург в сел. Казанище, под прикрытием двух рот Куринского полка с двумя орудиями выступил 1 де-

кабря для нападения на Кази-Муллу, который в Чумкескенте умножил свою партию свою до 1 000 чел. …» [1, с. 549].

Миклашевский, оставив роту Куринского полка на единственной дороге, ведущей к укреплению, остальное войско повел в обход. Писатель-декабрист А. Бестужев-Марлинский, находившийся в составе атакующих, так описал это событие в своих «Письмах из Дагестана»: «…Скрытые за непроницаемой оградой, горцы били на выбор; солдаты наши, несмотря на это, бесстрашно кинулись вперед; но когда град пуль срезал целые ряды храбрейших, когда несколько офицеров легли на окровавленный снег, натиск превратился в перестрелку жестокую, убийственную…» [2, с. 52]. Несмотря на героическую защиту укрепления, участь его была предрешена, поскольку силы были неравными и защитники не могли противостоять вновь прибывающим силам российских войск.

Секретарь Шамиля аль-Карахи свидетельствует об участии в этой защите и Гамзат-бека: «Хамзат, Шамиль и часть тех, кто были в крепости вместе с ними, дали сильное сражение. Они убили много неверных, которые уж окружили крепость со всех сторон, но никак не могли заскочить внутрь…»…» [8, с. 30]. К вечеру участь укрепления была практически предрешена. «…Ожесточенные солдаты руками срывали сруб, - продолжает А. Бестужев-Марлинский, - лезли наверх, ломали кровлю и вломились, наконец, в укрепление, падали друг на друга; друзья и недруги - все смешалось…» [2, с. 53]. С наступлением темноты после команды «отбой» войска отошли на свои позиции. Защитники укрепления, использовав, благоприятную ситуацию, вышли из него и ушли в горы. 2 декабря солдаты приступили к разрушению укрепления, покинутого его защитниками.

В своем рапорте генерал Панкратьев приводил такие сведения о результатах сражения: «Более 150 тел неприятельских и 70 лошадей остались убитыми на месте сражения… По уверению жителей, Кази-Мулла должен быть или убит или ранен, ибо видима была кровь в той пещере, в которой он скрывался... и занимался чтением Корана» [1, с. 550]. Вместе с тем о самом факте нахождения имама Гази-Мухаммада в укреплении во время военных действий существуют два противоположных мнения. Некоторые российские источники свидетельствуют, что он находился там, и факт присутствия его лошади в уборе, захваченной в качестве трофея, говорит в пользу этой версии. Другие утверждают, что именно «во время отсутствия Кази-Муллы Чумкескент был атакован отрядом полковника Миклашевского» [10, с. 10]. Летописец аль-Карахи также утверждает, что «Гази-Мухаммада там тогда не было; в нем находились: Шамиль, Хамзат и Саид Игалинский» [9, с. 29]. Возможно, до атаки русскими войсками или в самом начале осады укрепления и сам имам находился в нем, а затем по каким-то причинам его покинул.

Весна и лето 1831 г. - это период наибольших успехов мюридизма в Дагестане. Вопреки утверждениям П.Г. Пржецлавского, Гамзат-бек до конца хранил верность Гази-Мухаммаду и делу мюридизма, что, в частности, проявилось в его руководстве обороной Агач-калы и было бы невозможно при их разногласиях. Несмотря на упорное сопротивление, повстанцы потерпели поражение.

Военные неудачи и потери, понесенные у Чумкескента и Агач-Калы, подорвали влияние Гази-Мухаммада в регионе. Его надеждам на распространение своего политического влияния с гор в предгорья и на равнину не суждено было сбыться. Сражения на равнине и в предгориях против артиллерии продемонстрировали уязвимость мюридов вне родных гор. Большие потери среди его людей, в том числе и среди его приближенных, предрешили изоляцию в родном селении и последующую гибель первого имама Дагестана и Чечни Гази-Мухаммада, на смену которому пришел его ближайший сподвижник - Гамзат-бек.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Акты Кавказской археографической комиссии. - Тифлис, 1881. Т. 8. - 1033 с.
2. Бестужев-Марлинский А. Сочинения. В 2 т. - Т. 2. - М.: Гос. изд-во худ. лит-ры, 1958. - 591 с.
3. Богуславский Л. История Апшеронского полка. - Махачкала, 1993. - 518 с.
4. Гамзат-бек, второй имам Чечни и Дагестана // Кавказский сборник. - 1911. - Т. 31. - С. 1-30.
5. Захарьин И.Н. Встреча с сыном Шамиля и его рассказы об отце // Русская старина. - 1901. - № 8. - Т. VII. - С. 367-389.
6. Кавказская война: народно-освободительная борьба горцев Северного Кавказа в 20-60-х гг. XIX в. - Махачкала: Юпитер, 2006. - 520 с.
7. Кидирниязов Д.С. Взаимоотношения ногайцев с народами Северного Кавказа и Россией в XVI-XIX вв. - Махачкала: Эпоха, 2003. - 217 с.

8. Мухаммад Тахир аль-Карахи. Блеск дагестанских шашек в некоторых шамилевских битвах. - Махачкала, 1990. Ч. 1. - 146 с.
9. Неверовский А.А. Истребление аварских ханов в 1834 г. - СПб., 1848. - 37 с.
10. Покровский Н.И. Кавказские войны и имамат Шамиля / под ред. В.Г. Гаджиева, Н.Н. Покровского. - М.: Российская политическая энциклопедия, 2009. - 584 с.
11. Рукопись Пржецлавского «Краткий очерк военных действий трех имамов Дагестана в период времени с 1829 по 26 августа 1859 г. / Архив РАН. Ф.100. Оп.1. Д.44.
12. Эсадзе С. Штурм Гуниба и пленение Шамиля. Исторический очерк Кавказской войны в Чечне и Дагестане. - Тифлис, 1909. - 424 с.

REFERENCES

1. Akty Kavkazskoy arkheograficheskoy komissii. [Acts of the Caucasian arkheografik commission]. Tiflis, 1881. T. 8. 1033 p.
2. Bestuzhev-Marlinsky A. Compositions. in 2 t. T. 2. M.: State. publishing house it is thin. liters, 1958. 591 p.
3. Boguslavsky L. History of the Apsheron regiment. Makhachkala, 1993. 518 p.
4. Gamzat-bek, second imam of Chechnya and Dagestan. Caucasian collection. 1911. T. 31. P. 1-30.
5. Zakharyin I. N. Vstrecha s synom Shamilya i ego rasskazy ob ottse. [Meeting with Shamil's son and his stories about the father]. Russian old times. 1901. No. 8. T. VII. Pp. 367-389;
6. Caucasian war: people's liberation fight of mountaineers of the North Caucasus in the 20-60th of the 19th century. Makhachkala: Floodlight, 2006. 520 p.
7. Kidirniyazov D. S. Relationship of Nogais with the people of the North Caucasus and Russia in the 16-19th centuries. Makhachkala: Era, 2003. 217 p.
8. Mahomed Takhir al-Karakhi. Gloss of the Dagestan checkers in some the shamilevskikh fights. Makhachkala, 1990. P.1. 146 p.
9. Neverovsky A. A. Destruction of the Avarian khans in 1834 of SPb, 1848. 37 p.
10. Pokrovsk N. I. The Caucasian wars and имамат Shamil. under the editorship of V. G. Gadzhiyev, N. N. Pokrovsky. M.: Russian political encyclopedia, 2009. 584 p.
11. Przhetslavsky's manuscript "A short sketch of military operations of three imams of Dagestan in the period of time from 1829 to August 26, 1859. RAS Archive F. 100. Оп. 1. A. 44.
12. Esadze S. Storm of Guniba and Shamil's capture. Historical sketch of the Caucasian war in Chechnya and Dagestan. Tiflis, 1909. 424 p.

Информация об авторе

Касумов Сергей Магомедович, соискатель, кафедра гуманитарных наук, Северо-Осетинский госуниверситет имени К.Л. Хетагурова,
г. Владикавказ, Россия
kasum8100@mail.ru

Получена: 05.12.2016

Для цитирования статьи: Касумов С.М., Участие Гамзат-Бека в военных действиях войск имама Гази-Мухаммеда в 1831 году. Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. Том. 8. № 6. Часть 2. с. 48-51.
DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-6/2-48-51.

Information about the author

Sergey M. Kasumov, Competitor, Department of Humanities, North Ossetian State University named after K.L. Khetagurov,
Vladikavkaz, Russia

kasum8100@mail.ru

Received: 05.12.2016

For article citation: Kasumov S. M., Ghamzat-Bekc's participation in military actions of imam Ghazi-Muhammad’s forces in 1831. Istoricheskaya i sotsial’no-obrazovatelnaya mys’l = Historical and Social Educational Ideas. 2016. Vol . 8. no. 6. Part. 2. Pp. 48-51.
DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-6/2-48-51. (in Russian)

УДК 94 DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-6/2-52-55

ЛОПАТИНА Елена Борисовна
Институт славяноведения РАН
Москва, Россия
ellolebo@gmail.com

Elena B. LOPATINA
Institute of Slavic Studies of Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia
ellolebo@gmail.com

О ПОПЫТКАХ УСИЛИТЬ ПОЗИЦИИ ПРАВОСЛАВИЯ В ПРИВИСЛИНСКОМ КРАЕ В КОНЦЕ XIX ВЕКА

ATTEMPTS TO STRENGTHEN THE POSITION OF ORTHODOXY IN PRIVISLINSKY REGION IN THE LATE XIX CENTURY

В статье раскрывается тема отношений между католической и православной церквями в конце XIX в. на территории Привислинского края. Вопрос об интеграции национальных окраин в Российской империи всегда представлял интерес для исследователей; в фокусе данной статьи - попытки провести интеграцию польских земель в составе России посредством религии, что является актуальным для понимания политики империи на национальных окраинах в XIX в. Объектом исследования является конфессиональный аспект преобразовательного процесса в Привислинском крае и обусловленность этого процесса меняющейся ситуацией в империи и в регионе. Цель работы - выяснить, насколько усилия администраторов Российской империи в конфессиональном вопросе были эффективны и способствовали идейной консолидации национальных меньшинств России. Подобное исследование позволяет в новом ключе осветить проблемы польско-русских взаимоотношений конца XIX в. в аспекте конфессиональной политики. В статье рассматриваются вопросы о мерах по усилению влияния православия в Привислинском крае, о положении униат в регионе, о позиции католицизма и противодействии распространению православия на польских землях. Делаются выводы о степени эффективности конфессиональной политики российских властей на территории бывшего Царства Польского, о причинах неудач преобразований в регионе на примере провалов в религиозной политике. В рамках данного исследования ключевое значение имел следующий аспект, совершенно обойденный вниманием в предшествующей историографии: преобразования конца XIX в. проходили в условиях слабой законодательной базы в части определения функций высших провинциальных администраторов, недостаточного финансирования и непрофессионализма чиновников на местах.

The article refers to the relationships between the Orthodox and the Catholic Churches in Privislinsky region at the end of the XIX century. The issue of the country's provinces integration within the Russian Empire has always drawn the interest of researchers. This particular article reveals how the Russian government used religion as a means for integration that is a topical issue on the XIX century policies. The subject of research is the confessional aspect of the reforming procedure in Privislinsky region. The aim of the current work is to reveal how effective the efforts of the Russian administrators used to be and whether they provided the basis for national consolidation or not. Such research would contribute to creating a more precise picture of Russian-Polish relations at the end of the XIX century in terms of confessional practices. The article focuses on issues of the Greek Catholic Church within the territory of Privislinsky region, the developments made by the Orthodox administration and the issue of rival, between the Orthodox and the Catholic entities. The author concludes how effective the confessional policies in Polish lands were during the reign of Alexander III. The key conclusion made is the following: the reforms in the country's provinces conceived at the end of the XIX century were undertaken in spite of the insufficient financing and the unprofessionalism of lower officials.

Ключевые слова: Привислинский край, И.В. Гурко, Александр III, конфессиональная политика, униаты, национальные окраины, православие, католицизм, миссионерство, Царство Польское.

Keywords: Privislinsky region, I.V. Gurko, Alexander III, confessional policies, uniates, country's provinces, Ortodox church, Catholic church, missionary, Kingdom of Poland

Конец XIX века - один из наиболее острых периодов в отношениях православной и католической церквей на польских землях в составе Российской империи: необходимо было укрепить российское государство, и религия стала одним из инструментов государственной политики в регионе.

Усиление влияния православия предполагалось осуществлять с помощью нескольких возможных рычагов: посредством школы, где обязательно преподавалась религия в качестве одного из предметов, с помощью административных мер, могущих осложнить миссионерскую деятельность католического духовенства, а также привлечением униатов в лоно православия (большинство униатов проживали в Холмской епархии, а именно в губерниях Седлецкой, Люблинской и Сувалкской).

Исполнять в жизнь концепцию центральных властей по конфессиональному вопросу в Привислинском крае в 1880-1890-е годы должны были главные представители власти в регионе - генерал-губернатор края И.В. Гурко и попечитель Варшавского учебного округа А.Л. Апухтин. При этом Апухтин отвечал за религиозное воспитание в школе и за формирование преподавательских кадров, куда традиционно включались и представители церкви. К ведению Гурко относились вопросы, связанные с пресечением оппозиционных действий католических священников: он должен был обеспечивать политическую и социальную стабильность в обществе.

Следовательно, синхронность действий двух сановников в религиозном вопросе в Привислинском крае была важным фактом, хотя и не единственным, оказывавшим непосредственное влияние на результативность преобразований в крае и на уровень социальной стабильности в регионе.

Концепция административной политики в отношении католической церкви исходила из идеи традиционно враждебного отношения католических кругов к российским властям - со времен восстаний считалось, что ксендзы помогают создавать идеологическую основу антиправительственных выступлений. Мнение администраторов, придерживавшихся позиции усиления государства, коих было большинство среди высокопоставленных сановников Российской империи, высказал В.И. Гурко. По его убеждению, именно католическое духовенство было зачинщиком всякого выступления в крае, ведь оно «по мере своего участия а антиправительственной борьбе внесло определенность целей, организованную систему, редкое самообладание, постоянство и неуклонность, - качества, совершенно не свойственные польской народности». В.И. Гурко же предлагал действенный, но радикальный рецепт по противодействию католическому духовенству: «Разбить централизацию, ослабить зависимость католического духовенства от Рима… - вот к чему должна стремиться русская власть, ибо лишь таким образом достигнет она освобождения ксендза от обязанности исполнения самых незаконных в отношении государственном распоряжений духовной власти … Безусловно лучшим исходом было бы образование в России латинской церкви, не зависимой от папы».

Традиционно в политике по отношению к костелу были популярны запретительные меры - запрет деятельности тех или иных католических братств, закрытие семинарий и костелов. В частности, в связи с возможным покровительством антиправительственной деятельности на территории Привислинского края была закрыта Келецкая семинария (в 1893 г., сроком на четыре года). В ней, согласно отчетам местных жандармов, в преподавании «господствовала антиправительственная направленность» и клириков воспитывали «в духе, враждебном всему русскому» [2, с. 207.] А переломным моментом в борьбе с подпольной деятельностью католических братств стал указ И.В. Гурко от 12 ноября 1888 г. Согласно этому документу, вводились регулярные инспекционные проверки деятельности религиозных обществ, которые должны были, с одной стороны, определить степень их влияния на население, с другой - при выявлении минимальных нарушений в их деятельности ограничить число братств. Однако в результате подобных мер численность религиозных обществ только увеличилась: по данным местной полиции, только в сейненской децизии в 1888 г. существовало около 480 разного рода братств [7, с. 78.].

Помимо чисто административных рычагов регулирования конфессионального вопроса, был еще один, казалось бы, не менее действенный инструмент влияния на настроения в среде людей католического вероисповедования - это школа.

В соответствии с программой общего образования, действовавшей в центральных губерниях и положенной в основу школьного преподавания в национальных окраинах, на Закон Божий приходилось 6,5% учебного времени, в то время как «на русский язык с церковнославянским и словесностью - 12% учебного времени, на латинский язык - 24%, на греческий язык - 17%, на математику - 18%, на историю - 6%, на географию - 5%, на французский и немецкий языки - 9%, на чистописание - 2%, на основания логики - 0,5%». В Царстве Польском за счет сокращения часов преподавания латинского и греческого языков шло обучение польскому языку, что по количеству часов сравнимо с преподаванием французского или немецкого.

В Привислинском крае важным аспектом учебного процесса в начальных школах был вопрос об участии ксендзов в преподавании. В том числе и по инициативе А.Л. Апухтина, в 1880-е годы ксендзы отстранялись от преподавания в связи с подозрениями в антирусской и антиправительственной агитации со стороны католического духовенства в школе. Комментарий И.В. Гурко, данный в отчете о своей деятельности на посту генерал-губернатора Привислинского края, состоял в том, что «отстранять ксендзов от преподавания Закона Божьего в народных школах следует допускать лишь в самых исключительных случаях», ведь «ксендзы, не допущенные до школы, вредят ей гораздо более ксендза, которому вверено преподавание в ней своей веры, поскольку они всячески пытаются если не открыто восстать против нее, то при случае бросить в нее камень, что достаточно, чтобы вселить недоверие к ней со стороны темного сельского люда». «Но за последнее время, - продолжал отчет Гурко, - учебное ведомство систематически удаляет ксендзов от преподавания в народных школах… в девяти десятых из них преподавание Закона Божьего поручено светским лицам, иногда не католического вероисповедания. Это сказалось на посещении школы детьми - с каждым годом все менее…». В итоге генерал-губернатор предлагал «…насколько возможное допущение римско-католического духовенства к обучению правилам веры в народных сельских училищах».

Нужно заметить, что в Российской империи религиозному воспитанию уделялось значимое время, большее, чем географии или истории. Более того, в центральных губерниях в сфере начального образования в 1880-е годы начался переход народных школ в ведомство православного исповедания, или, иначе, Священного Синода. В связи с этим увеличилось финансирование начальных школ. «Ассигнования государственного казначейства на начальные школы, состоящие в ведении духовенства, достигли в 1894 г. 4,9 млн руб., а с 1 января 1900 г. к этой сумме добавлено еще 1,8 млн руб.». Показательно, что из этой суммы на финансирование начальных школ в западных губерниях приходилась минимальная доля - всего 5%. Сам же Гурко, будучи генерал-губернатором Царства Польского, с опаской говорил о возможном влиянии католического духовенства на местное население: «Нужно продолжать контролировать духовенство, т.к. оно может отрицательно влиять на умы прихожан».

Несмотря на усилия администрации, положение православной церкви в Привислинском крае было не столь устойчивым, как это хотели бы видеть власти. Чтобы привлекать на свою сторону верующих, в том числе из униатов, было необходимо демонстрировать мощь православной церкви.

Конечно, на польских землях Российской империи традиции православия исторически не были сильны. Во-первых, количество православных верующих было невелико (497 тыс. человек - «незначительный процент», по словам Имеретинского, а более или менее сплошные массы православных проживали только в Седлецкой, Сувалкской и Люблинской губерниях (показательно, что на эти же регионы приходилась основная доля униатов). Во-вторых, финансовые вложения, которые были в первую очередь необходимы для усиления позиций православия, если и осуществлялись, то менее необходимого объема. Использование же административного ресурса для привлечения верующих было, безусловно, недостаточным фактором для укрепления православия.

Центральным властям ничего не оставалось, как снова действовать запретительными мерами. При Александре III на территории Российской империи закрыли двадцать костелов и пять часовен в «целях ограждения русской народности» от влияния католицизма.

Возможной мерой воздействия на детей униатов в плане мотивации принятия православия была школа, что могло быть особенно действенным в районе под названием русское Забужье, где число униатов было наибольшим. Отчет И.В. Гурко, написанный в 1890 г., содержал такую мысль: «Цель политики в Русском Забужье - присоединить к православной церкви бывших униатов. Здесь обязательное обучение детей школьного возраста - наш якорь спасения, для окончательного искоренения унии. Однако школа эта должна быть обязательно светская, лишь с участием в ней православного священника, но отнюдь не духовная, могущая лишь обострить положение униатского дела и явиться таким пугалом для народа, каким являются некоторые наши миссионеры». Однако планируемые результаты были с трудом достижимы. Так, читаем в отчете Гурко, написанным вскоре после его назначения на должность генерал-губернатора: «Состояние православия мало утешительно… Бывшие униаты не исполняют духовных треб по православному обряду. Почти треть униатов не желает духовно слиться с православными». Как видим, генерал-губернатор констатировал, что успешных результатов по привлечению на сторону православия униатов добиться не удалось.

Одним из важных моментов демонстрации финансовой силы православной церкви было строительство православных храмов, однако даже вопрос о строительстве православной церкви в Варшаве откладывался в долгий ящик по причине отсутствия финансирования. Князь Имеретинский напрямую говорил об убогости православных храмов и необходимости строить церкви в Привислинском крае. В отчете А.К. Имеретинского, написанном сразу после его назначения на должность генерал-губернатора, читаем следующее: «До 1890 года ежегодно из казны выделялись по 100 000 на церковно-строительные нужды, которые обеспечивались под руководством генерал-губернатора. С 1890 года духовное ведомство выделило всего 211 000 на последующие 6 лет». В том же отчете Имеретинский упоминает о судьбе православного храма в Варшаве: «Храм в Варшаве, задуманный Гурко… Первые два года собраны около 500 000 пожертвования от крестьян и мещан со всей России плюс ежегодно выделялось по 50 000 из казны. Но этого … мало». Хотя, согласно выводам польского исследователя А. Шварца, интенсивное строительство православных церквей шло в течение всего XIX в. Например, новые церкви возводились в Люблине и в Калише. В 1894-1912 гг. был воздвигнут собор св. Александра Невского на Саксонской площади (plac Saski) в Варшаве [6].

Наконец, один из русских служащих в Привислинском крае констатировал неутешительное положение православной церкви в Царстве Польском и невозможность какого бы то ни было соперничества православной церкви с костелом за униатскую паству. «Мало-помалу благодаря усилиям католического духовенства православный элемент стал слабым и, наконец, слился с католичеством в так называемой унии, причем униатская церковь сделалась достоянием исключительно только крестьянского населения. Шляхта же, которая исповедовала ранее

православную веру, приняла католичество». Более того, продолжает свою записку чиновник, «православные церкви по-прежнему пусты, а католические по-прежнему полны». В данном случае мы снова видим, что успехи российского правительства по усилению позиций православия были минимальны.

Итак, несмотря на все усилия российских властей, укрепить положение православной церкви в Царстве Польском вряд ли получилось. Основными причинами этого были традиционная сила католицизма на польских землях, громоздкость бюрократической машины Российской империи, переоценка финансовых и миссионерских возможностей православия.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Каппелер А. Россия - многонациональная империя: возникновение, история, распад. - М., 2000.
2. Общий обзор деятельности министерства внутренних дел за время царствования императора Александра III. - СПб., 1902.
3. Миллер А.И. Империя Романовых и национализм. - М., 2006.
4. Chwalba A. Imperium korupcji w Rosji i w Królestwie Polskim w latach 1861-1917. - Kraków, 1995.
5. Smyk G. Rusyficacja obsady personalnej organów zarządu gubernialnego Królestwa Polskiego w latach 1867-1915. Czasopismo Prawno-historyczne. T. 51. 1999.
6. Szwarc A. Architektura i polityka. Rusificacja przestrzeni miejskiej po powstaniu styczniowym // Mówią wieki. - 2010. - N 5. - S. 10-15.
7. Wiech St. Społeczeństwo Królestwa Polskiego w oczach carskiej policji politycznej (1866-1896). - Kielce, 2002.

REFERENCES

1. Kappeler A. Rossija - mnogonacional'naja imperija: Vozniknovenie, istorija, raspad. [Kappeler A. Russia is a multinational Empire: the Emergence, history, decay]. M., 2000.
2. Obshhij obzor dejatel'nosti ministerstva vnutrennih del za vremja carstvovanija imperatora Aleksandra III. SPb. [An overview of the activities of the Ministry of internal Affairs during the reign of Emperor Alexander III]. 1902.
3. Miller A.I. Imperija Romanovyh i nacionalizm. [Miller A.I. Romanov Empire and nationalism.]. M., 2006.
4. Chwalba A. Imperium korupcji w Rosji i w Królestwie Polskim w latach 1861-1917. [Chwalba A. Imperium korupcji w Rosji i w Królestwie Polskim w latach 1861-1917]. Kraków, 1995.
5. Smyk G. Rusyficacja obsady personalnej organów zarządu gubernialnego Królestwa Polskiego w latach 1867-1915. Czasopismo Prawno-historyczne. [Smyk G. Rusyficacja obsady personalnej organów zarządu gubernialnego Królestwa Polskiego w latach 1867-1915. Czasopismo Prawno-historyczne]. T. 51. 1999.
6. Szwarc A. Architektura i polityka. Rusificacja przestrzeni miejskiej po powstaniu styczniowym. Mówią wieki. [Szwarc A. Architektura i polityka. Rusificacja przestrzeni miejskiej po powstaniu styczniowym. Mówią wieki] 2010. N 5. S. 10-15.
7. Wiech St. Społeczeństwo Królestwa Polskiego w oczach carskiej policji politycznej (1866-1896). Kielce, 2002.

Информация об авторе

Лопатина Елена Борисовна, кандидат исторических наук, Институт славяноведения РАН, г.Москва, Россия
ellolebo@gmail.com

Получена: 27.10.2016

Для цитирования статьи: Лопатина Е. Б., О попытках усилить позиции православия в привислинском крае в конце xix века. Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. Том. 8. № 6. Часть 2. с. 52-55.
DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-6/2-52-55.

Information about the author

Elena B. Lopatina, Candidate of Historical Sciences, Institute of Slavic Studies of Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia
ellolebo@gmail.com

Received: 27.10.2016

For article citation: Lopatina E. B., O popytkah usilit' pozicii pravoslavija v privislinskom krae v konce xix veka. [Attempts to strengthen the position of orthodoxy in privislinsky region in the late xix century]. Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatelnaya mys'l = Historical and Social Educational Ideas. 2016. Vol . 8. no. 6. Part. 2. Pp. 52-55.
DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-6/2-52-55. (in Russian)

УДК 908 DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-6/2-56-59

ПУЗАНОВ Владимир Дмитриевич
Шадринский государственный педагогический университет
г. Шадринск, Россия
Alan1971@bk.ru

Vladimir D. PUZANOV
Shadrinsk State Pedagogical University
Shadrinsk, Russia
Alan1971@bk.ru

РУССКОЕ ГОСУДАРСТВО И МИССИОНЕРСТВО ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В СИБИРИ XVII в.

RUSSIAN STATE AND MISSIONARY ORTHODOX CHURCH IN SIBERIA IN XVII CENTURY

В 1620 г. на востоке России была основана Сибирская епархия. В научной литературе отмечалось, что в Сибири XVII в. представители Православной Церкви не вели развернутой миссионерской деятельности среди народов края. Историк А.Ю. Конев, изучая политику государства в отношении народов Сибири, отмечал, что характер конфессиональной политики в Сибири в XVII в. определялся «мировоззренческими установками деятелей самой Русской православной церкви». Глава Сибирской епархии архиепископ Макарий полагал, что крещение в православную веру иноверцев Сибири было желаемым делом, но при этом только тогда, когда оно было добровольным и свободным, без малейшего подозрения на вынужденность этого любыми внешними обстоятельствами. В 1624 г. в Тобольск из Москвы был послан государев указ, разрешавший крестить всех желающих ясачных людей, верстая жалованием. Духовенство Сибири в это время соглашалось на крещение в православную веру иноверцев только по доброй воле оных. К 1634 г. среди тюрков Западной Сибири имелось всего 530 чел., принявших православие. Положение в Сибири XVII в. было проявлением старых традиций русской культуры и политики. Глубокая приверженность духовенства и мирян русской Церкви православной вере, свидетельством которой стало Смутное время, сочеталась с терпимостью к представителям других религиозных традиций. Русское государство поддерживало прежде всего Православную Церковь, при этом и другие традиционные религии, которые разделяли народы России, пользовались значительной терпимостью.

In 1620 Siberian diocese was founded in eastern Russia. In the scientific literature, it was noted that in Siberia XVII century representatives of the Orthodox Church were not deployed missionary activity among the peoples of the region. Historian Alexander Y. Konev, studying the state policy towards the peoples of Siberia, noted that the nature of religious policy in Siberia in the XVII century was defined "world outlook figures most of the Russian Orthodox Church." The head of the Siberian Diocese Archbishop Makarios believed that baptism in the Orthodox faith infidels Siberia was desirable thing, but only if it was voluntary and free, without the slightest suspicion of a forced landing of any external circumstances. In 1624 Tobolsk was sent from Moscow sovereign's decree allowing all wishing to baptize people tributaries, mile and a half salary. Clergy Siberia at this time agrees to the baptism in the Orthodox faith infidels Siberia only when it is voluntary and free. By 1634 among the Turks of Western Siberia, there were only 530 people accepted Orthodoxy. The situation in Siberia XVII century was a manifestation of the old traditions of the Russian culture and politics. A deep commitment to the clergy and laity of the Church Russian Orthodox faith, evidence of which was the Time of Troubles, combined tolerance to representatives of other religious traditions. Russian state supported, first of all, the Orthodox Church, while other traditional religions, who shared the peoples of Russia, enjoyed considerable tolerance.

Ключевые слова: Православная Церковь, епархия, архиепископ, поп, миссионерство.

Keywords: Orthodox Church, Diocese, Archbishop, pop, missionary

Первые десятилетия XVIII в. - правление Петра I в Сибири - стали эпохой крупных православных экспедиций на Север и крещения десятков тысяч представителей сибирских народов. В научной литературе отмечалось, что в Сибири XVII в. не было подобной развернутой миссионерской деятельности Православной Церкви. Почему же религиозная политика Русского государства в Сибири XVII в. носила другой характер? Крупный исследователь истории Сибири Н.А. Миненко полагала, что правительство Русского государства в XVII в. запрещало в Сибири значительную миссионерскую деятельность в экономических целях, чтобы не потерять «ясачные платежи» [7, с. 264]. Позднее А.Ю. Конев, изучая политику государства в отношении народов Сибири, справедливо отмечал, что «...мотивы, определявшие характер конфессиональной политики в Сибири в XVII в., следует искать не в сфере фискальных интересов государства, не в наличии или отсутствии материальных ресурсов или в какой-то абстрактной веротерпимости. Многое определялось мировоззренческими установками деятелей самой Русской православной церкви». По мнению исследователя, «государство активно не вмешивалось в эту сферу, считая ее церковной компетенцией, а в своих указах и наказах лишь задавало желательные параметры процесса христианизации среди "ясашных иноземцев", формулировало условия, благоприятствовавшие добровольному принятию крещения, и жестко ограничивало корыстное по своим целям "миссионерство" со стороны представителей местной администрации и служилых людей» [6, с. 54].

По словам историка П.Н. Буцинского, «к чести русского правительства нужно сказать, что, распространяя свою власть на обширных пространствах этого края, оно никогда не забывало великой исторической задачи русского народа - распространения христианства между покоренными иноверцами» [2, с. 201]. В 1620 г. на востоке России была основана Сибирская епархия. В грамоте государь Михаил Федорович и патриарх Филарет воеводе Тобольска писали

о цели открытия епархии - сохранить православных христиан и тех, которые Бога не познали, в Его познание и славословие привести «и совершая свою пресвятую заповедь, которую Бог Слово изрек своими святыми устами - да проповедают во всех концах вселенной его святые заповеди и да просветят все концы земли крещением... да будет избран в нашу отчину, в Сибирское царство пастырь и учитель, дабы Божие слово и апостольское учение проповедывалось по всем городам. Изволением Божиим и содействием Святого Духа избрали и святейший патриарх благословил в нашу отчину, в Сибирское царство, в первоимянитый град Тобольск архиепископа Киприана...» [2, с. 201].

Какими способами происходило распространение христианства? В советской литературе эпохи воинствующего атеизма было общее представление, что православное миссионерство имело насильственный характер. К сожалению, и в наше время на представления общества о роли Русской Православной Церкви в истории России оказывают влияние откровенные фальсификации конвейера фабрики «научного атеизма». Материалы архивов, исследования историков представляют другую картину. Русские цари в грамотах о крещении народов Сибири отмечали, чтобы крестить только тех, которые «похотят креститься своею волею, а неволею их к тому не нудить».

В грамоте архиепископу Сибири государев наказ отмечал, что иноверцы имели право на защиту от воеводы на дворе архиепископа во всех винах, кроме государственной измены, если «похочет креститись». Архиепископ должен был писать об этом государю и отцу его св. патриарху «подлинно, кто от каковы вины прибежит, а до их государского указу не крестить» и не отдавать воеводам и их чиновникам. Михаил Федорович и патриарх Филарет такие дела решали лично. В результате желание креститься избавляло от наказания за большинство преступлений представителей местных народов. Однако подобные планы «великих государей» не всегда принимались даже высшим духовенством. Второй после Киприана глава Сибирской епархии архиепископ Макарий высказал другое отношение к вопросу распространения христианства в грамоте государю, отмечая желание одного мусульманина креститься, по внешним причинам, писал - «А в правилах де апостольских и отеческих писано - велено принимать во крещение вольных людей, чтоб ни от смерти, ни от беды, ни от напасти для того, что примет крещение и причащение, да опять заворовав обусурманится». Таким образом, для архиепископа Макария крещение в православную веру иноверцев Сибири было желаемым делом, но при этом только тогда, когда оно было добровольным и свободным, без малейшего подозрения на вынужденность этого любыми внешними обстоятельствами. Архиепископ не испугался при этом указать царю и патриарху на то, что выше их повелений «правила апостольские и отеческие» [2, с. 272].

Белое духовенство Сибири в вопросе о крещении занимало более категоричную позицию, чем епископы. В 1624 г. в Тобольск из Москвы был послан государев указ, разрешавший крестить всех желающих ясачных людей, «буде кто из ясачных людей похочет креститца своею волею и тех людей велети крестити добровольно и устроить их в твою государеву службу», верстая жалованием. По указу разрешалось крестить по их желанию женщин из народов востока России, выдавая их замуж за служилых людей. 12 октября 1624 г. служилый человек «литвин» Федор Мосальский с товарищи и представительница юртовских татар из Кузнецкого острога обратились с просьбой на государево имя «чтобы ты великий государь их пожаловал, велел крестить в православную христианскую веру». Воевода Кузнецкого острога Федор Голенищев-Кутузов от имени государя приказал священнику Ивану Иванову крестить желающих, однако последний отказался. «И он поп меня холопа твоего не послушал, тех иноземцев не крестил, и сказал: у меня де литве и татарам крещения нет». В 1625 г. литовцы Кузнецкого острога должны были ездить для крещения в Томский город.

Федор Голенищев-Кутузов жаловался на действия попа воеводе Тобольска князю Трубецкому. Только в 1626 г. архиепископ Сибири Макарий послал попу Ивану Иванову грамоту, приказывая крестить желающих иноземцев в православие. Но священник Кузнецкого острога отказался даже брать грамоту архиепископа Макария. Воевода Кузнецкого острога дал новое указание крестить Федора Масальского и женщину, «и тот поп меня холопа твоего не послушал и архиепископовы грамоты, литвы не крестил». На этот раз священник Иван Иванов дал православную молитву хотящим креститься.

2 мая 1627 г. Федор Голенищев-Кутузов писал о крещении в Кузнецком остроге новому воеводе Тобольского разряда князю Андрею Хованскому. По его данным, в Кузнецком уезде жили молодые юртовские татары, которые хотели креститься в православную веру, знали русский язык, годились в военную службу в остроге, но «их крестить в Кузнецком остроге некому». Федор Мосальский с товарищи подали в 1627 г. новую челобитную о крещении. В итоге вопрос о крещении в Кузнецком остроге был направлен Федором Голенищевым-Кутузовым в Москву государю Михаилу Федоровичу. Государь повелел писать воеводам в Тобольск, чтобы они узнали у архиепископа Макария, знает ли он «про то попово непослушание». А если знает - то

архиепископ должен был наказать попа, «он бы о том учинил указ по своему святительскому уложению». Иноземцев, «которые хотят креститься... велели их по их челобитью крестить, и за крещение государево жалование велели дати, по государеву указу, как давано за крещенье иным таким же иноземцем».

Русские цари в грамотах о крещении народов Сибири отмечали, чтобы крестить только тех, которые «похотят креститься своею волею, а неволею их к тому не нудить». В городах Сибири в конце XVI-XVII в. сложилась особая группа служилых людей, выходцев из народов края, принявших православие, - новокрещеный список. П.И. Годунов, воевода Тобольска в 1667-1669 гг., писал, что в новокрещеный список брались принявшие православную христианскую веру представители народов Сибири. В столице русской Сибири Тобольске в 1627 г. служили 13 новокрещенов, к 1633 г. их количество выросло до 25 чел., в 1649 г. в городе служили 27 чел. В Тюмени в списке 1627 г. отмечаются 7 новокрещенов, 5 татар и 2 черемисина, к 1660 г. отмечается 1 новокрещен. В Пелыме в стрельцах служили 3 новокрещена из манси. На Верхотурье в 1660 г. среди служилых людей отмечаются 2 новокрещена ойрата. На Таре в 1638 г. служили 3 новокрещена ойрата, в 1649 г. список отмечает в службе 1 ойрата. После крещения и зачисления на «государеву службу» новокрещены во втором поколении уже мало отличались от других групп служилых людей [8, с. 189]. К 1634 г. среди тюрков Западной Сибири имелось всего 530 чел., принявших православие [9, с. 147].

Идеи А.Ю. Конева об определяющей роли «мировоззренческих установок деятелей самой Русской православной церкви» при православном миссионерстве представляются вполне справедливыми и обоснованными. Однако возникает вопрос: а чем же определялись эти мировоззренческие установки? Положение в Сибири XVII в. было проявлением старых традиций русской культуры и политики. Глубокая приверженность духовенства и мирян русской Церкви православной вере, свидетельством которой стало Смутное время, сочеталась с терпимостью к представителям других религиозных традиций.

Один из крупнейших русских историков В.В. Болотов справедливо писал, что именно христианство принесло в мир идею религиозной свободы [2, с. 41]. Учителя Православной Церкви проповедывали милость к представителям других религий. Святой Феодосий Печерский, основатель Киево-Печерской лавры, один из самых почитаемых православных учителей Древней Руси, писал великому князю киевскому Изяславу Ярославичу, внуку Владимира Святославича, крестителя Руси, в послании о вере латинской: «Милостыней же милуй всякого, не своей только веры, но и чужого. Когда видишь нагого или голодного, страждущего от зимней стужи или какой беды, будь он жидовин или сарацын, болгарин или еретик, латынин или язычник, - всякого, как можешь, помилуй и от беды избавь, и не останешься без Божьего воздаяния. Бог ведь и сам в этой жизни сохраняет и язычников, и христиан. Язычникам и иноверным в нынешнем веке дано попечение от Бога, в будущем же чужды они будут благого воздаяния. А мы, живущие в правой вере, и здесь пребываем Богом соблюдаемы, и в будущем веке будем спасаемы Господом нашим Исусом Христом».

Русская власть на востоке России, в Сибири, развивала традиционную политику веротерпимости. В конце XVI в. Посольский приказ сообщил послу папы Антонио Поссевино, что «... в Московском государстве много разных вер, и мы ни у кого воли не отнимаем, живут, кто как хочет ... и своим обыкновением, и к русским людям не пристают, а кто бы и похотел пристати, того тому чинить не попускают». А.В. Карташев отмечает, что в XI-XII вв. в Прибалтике «русские князья до самого прихода сюда немцев совсем не имели ни религиозной, ни политической ревности к обращению покоренных народов в свою веру», и приводит данные немецкой хроники Генриха Латвийского о завоевании немцами края, который писал, что «у русских князей существует обычай, когда они завоевывают какой-нибудь народ, - подчинять его не вере христианской, а сбору даней и денег» [5, с. 155]. Голштинский дипломат в России Адам Олеарий утверждал: «Не слышно, чтобы русские насильно кого обращали в свою веру, напротив каждому они предоставляют свободу совести, хотя бы это были их подданные или рабы». Послы царя Алексея Михайловича говорили на переговорах польским политикам в Варшаве: «Которые у великого государя подданные римской, лютерской, кальвинской, калмыцкой и других вер служат верно, тем никакой тесноты в вере не делается, за верную службу жалует их великий государь». Как справедливо отмечал крупнейший славист США Г.В. Вернадский, «царь не вмешивался в религиозные верования татарских и калмыцких вассалов и подданных. Русским казалось естественным, что восточные народы должны унаследовать свою собственную веру - будь то ислам или буддизм» [3, с. 12].

Русское государство поддерживало прежде всего Православную Церковь, при этом и другие традиционные религии, которые разделяли народы России, пользовались значительной терпимостью. Профессор Кельнского университета Андреас Каппелер заметил, что политика Русского государства была прагматичной и толерантной по отношению к народам империи и терпимой к разным религиозным группам [4, с. 59]. Ряд европейских исследователей еще в

XVIII в. отмечали эту особенность религиозного устройства Российской империи. Так, Г. Шторх писал о России: «Ни одно другое государство на земле не содержит такой мешанины и такого многообразия населяющих его жителей, русские и татары, немцы и монголы, финны и тунгусы проживают здесь в невероятном отдалении друг от друга и под различными небесами как сограждане одной державы, одного государства, спаянные друг с другом политическим устройством страны, но до крайних контрастов различные и непохожие друг на друга по их физической природе, языку, религии, образу жизни и нравам».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Болотов В.В. Лекции по истории древней Церкви. Т. 3. - М., 1994. - 340 с.
2. Буцинский П.Н. Сочинения. Т. 2. - Тюмень, 1999. - 328 с.
3. Вернадский Г.В. Московское царство. Т. 1. - М., 1997. - 412 с.
4. Каппелер А. Россия - многонациональная империя. - М., 1997. - 344 с.
5. Карташев А.В. Очерки по истории русской Церкви. Т. 1. - М., 1992. - 686 с.
6. Конев А.Ю. О роли конфессионального фактора в процессе интеграции народов Западной Сибири в состав России. XVII век // Проблемы взаимодействия человека и природной среды. - Вып. 5. - Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2004. - С. 51-55.
7. Миненко Н.А. Северо-Западная Сибирь в XVIII - первой половине XIX в. - Новосибирск: Наука, 1975. - 308 с.
8. Пузанов В.Д. Военные факторы русской колонизации Западной Сибири (конец XVI - XVII вв.). - СПб., 2010. - 432 с.
9. Томилов Н.А. Тюркоязычное население Западно-Сибирской равнины в конце XVI - первой четверти XIX в. - Томск, 1980. - 276 с.

REFERENCES

1. Bolotov V.V. Lekcii po istorii drevnej Cerkvi. M., 1994. T. 3. 340 p.
2. Bucinskij P.N. Sochineniya. T. 2. Tyumen', 1999. 328 p.
3. Vernadskij G.V. Moskovskoe carstvo. M. 1997. T. 1. 412 p.
4. Kappeler A. Rossiya - mnogonacional'naya imperiya. M. 1997. 344 p.
5. Kartashev A.V. Ocherki po istorii russkoj Cerkvi. M., 1992. T. 1. 686p.
6. Konev A.Yu. O roli konfessional'nogo faktora v processe integracii narodov Zapadnoj Sibiri v sostav Rossii. XVII vek. Problemy vzaimodejstviya cheloveka i prirodnoj sredy. Vyp. 5. Tyumen': Izd-vo IPOS SO RAN, 2004. pp. 51-55.
7. Minenko N.A. Severo-Zapadnaya Sibir' v XVIII — pervoj polovine XIX v. Novosibirsk: Nauka, 1975. 308 p.
8. Puzanov V.D. Voennye faktory russkoj kolonizacii Zapadnoj Sibiri. (konec XVI - XVII vv.) Spb. 2010. 432p.
9. Tomilov N.A. Tyurkoyazychnoe naselenie Zapadno-Sibirskoj ravniny v konce XVI - pervoj chetverti XIX v. Tomsk, 1980. 276 p.

Информация об авторе

Пузанов Владимир Дмитриевич, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории и права, Шадринский государственный педагогический университет,
г. Шадринск, Россия
Alan1971@bk.ru

Получена: 26.11.2016

Для цитирования статьи: Пузанов В.Д., Русское государство и миссионерство православной церкви в Сибири XVII в. Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. Том. 8. № 6. Часть 2. с. 56-59.
DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-6/2-56-59.

Information about the author

Vladimir D. Puzanov, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of History and Law, Shadrinsk State Pedagogical University,
Shadrinsk, Russia
Alan1971@bk.ru

Received: 26.11.2016

For article citation: Puzanov V.D., [Russian state and missionary orthodox church in Siberia in XVII century]. Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatelnaya mys'l = Historical and Social Educational Ideas. 2016. Vol . 8. no. 6. Part. 2. Pp. 56-59.
DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-6/2-56-59. (in Russian)

УДК 94 (470):351.74 DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-6/2-60-65

РАТУШНЯК Валерий Николаевич
Кубанский Государственный Университет
г. Краснодар, Россия
ratushnyak_@mail.ru

Valeriy Nikolaevich RATUSHNYAK
Kuban State University
Krasnodar, Russia
ratushnyak_vn@mail.ru

ОСНОВНЫЕ ЗАДАЧИ И ФУНКЦИИ РОССИЙСКОЙ ПОЛИЦИИ В 60-90-е гг. XIX в.

В статье рассматриваются должностные обязанности российской полиции, детально расписанные в законодательных актах и многочисленных инструкциях. Большое внимание уделялось контролю за населением страны с помощью различных документов (паспортов, паспортных книжек, письменных видов, временных свидетельств и т.п.). Выдача их зависела от сословной, служебной, религиозной, а иногда и этнической принадлежности граждан. Рассмотрены методы полицейского надзора за потенциальными правонарушителями. В ведомстве общей полиции разрешалось создавать розыскные отделения, что сближало функции полицейских и жандармских управлений, создавая условия для координации их деятельности в борьбе с революционным движением. Была разработана система поощрений и наказаний чинов полиции. Она служила одной цели – неукоснительному выполнению предназначенных полиции функций.

Ключевые слова: полиция, обязанности, документы, награды, наказания, служба, функции.

MAIN TASKS AND FUNCTIONS OF THE RUSSIAN POLICE IN 1860-1890s

The article deals with official duties of the Russian police, which are being particularly described in legislative acts and numerous instructions. Much attention is given to the control over population by use of various documents (passports, passport books, temporary certificates etc.). Its issuance depended on class, official, religious and sometimes ethnic belonging of citizens. There are examined methods of police supervision over would-be criminals. Department of General police allowed to form investigation offices which aligned functions of police and gendarme departments, providing conditions for coordination of their counter-revolutionary activities. It was developed reward and penalty system for police officials. It served the only purpose – strict performance of duties imposed on the police.

Key words: police, duties, documents, rewards, penalties, service, functions.

В дореволюционной России не было министерства более значимого и многофункционального нежели министерство внутренних дел. Оно решало важнейшие задачи внутреннего управления крупнейшей в мире империи, а его должностные лица проводили политику министерства в жизнь от столицы до далекой

В составе МВД насчитывалось более двух десятков центральных учреждений, в том числе департамент полиции, хозяйственный и медицинский департаменты, управления по делам печати, почт, телеграфов, воинской повинности, переселенческое и ветеринарное, центральный статистический и технико-строительный комитеты и другие. В министерство входило и управление отдельным корпусом жандармов. МВД по сути дела управляло всеми основными сферами общественно-экономической жизни Российской империи: здравоохранением и продовольствием, пенитенциарной системой (до 1895 г.) и страхованием, воинской повинностью и строительством, цензурой и общественно-административными учреждениями, налогами и демографическими процессами и т.д.

Разносторонние функции в решении многих внутренних задач в империи выполняла полиция и ее центральный орган - Департамент полиции. Попытка выделить его еще в 1811-1819 гг. в отдельное министерство была признана неудачной, видимо, прежде всего потому, что полиция в России всегда решала многие вопросы, выходившие далеко за рамки собственно правоохранительных функций. Так, кроме последних ей приходилось еще заниматься делами казенного управления, общественного хозяйства, оказывать всестороннюю помощь судебному и военному ведомствам.

С введением временных полицейских правил в 1862 г. главные функции полиции многие десятилетия оставались неизменными, но основная из них была «по наблюдению за исполнением законов, охранению безопасности и делам общественного благоустройства»[1,.с.269]. Эта небольшая постановляющая часть законодательства включала в себя громадное число должностных обязанностей, возлагавшихся на уездную и городскую полицию. Назовем лишь некоторые из них. Это доведение до всех заинтересованных лиц указов и постановлений правительства, конкретных извещений и объявлений начальства. Охрана общественного порядка, прав и обрядов православной церкви и других вероисповеданий. Борьба с пожарами, нищенством и «праздношатательством», помощь сирым и убогим, призрение брошенных младенцев, расследование случаев насильственной смерти, помощь при кораблекрушениях. Предупреждение и противодействие распространению эпидемий среди людей и животных. Надзор за торговлей, за чистотой в городах и селениях, за устройством мостов и переправ, за выполнением дорожной повинности, правил охоты и рыбной ловли. Составление статистических сведений о населении, его миграции, о заводах, фабриках, школах и всех других учреждениях в губерниях и уездах. Приведение иностранцев к присяге на подданство России и т.д. Все обязанности полиции были детально расписаны в законодательных актах и многочисленных инструкциях. Например, поли-

ция должна была следить за тем, чтобы дома красились в установленные властью цвета, еженедельно брать сведения у волостных правлений о ценах на хлеб и другие продукты первой необходимости и доставлять их губернскому (областному) статистическому комитету. Полиция составляла списки присяжных заседателей, лиц, имеющих право участвовать в выборах в городские думы, а позже и в государственную думу. Большую работу проводила полиция по прописке и выдаче видов на жительство и контролю за соблюдением паспортного режима. В то время каждое сословие имело свои, законом установленные виды на жительство или паспорта. Их не обязательно было иметь по месту постоянного жительства, но обязательно при переезде в другие места. Бессрочные паспорта выдавались лишь чиновникам, закончившим службу, и членам их семей. Мещане и крестьяне при отъезде из дома на расстояние свыше 30 верст (32 км) получали от городских дум или волостных сельских правлений краткосрочные именные билеты (от одного до трех месяцев) или печатные паспорта сроком от 6 месяцев до 3-х лет. Их жены и дети до 21-го года записывались в эти же документы, если выезжали вместе с мужем или отцом. Всякий, кто брал человека в квартиранты, должен был немедленно сообщать о нем полиции. [2, с.45,47,53,60].

В 1895 г. система регистрации населения была усовершенствована. Бессрочные паспорта получали дворяне, чиновники, духовенство, почетные граждане и разночинцы. Однако большинство по-прежнему не обязаны были иметь вида на жительство по месту постоянного проживания. Исключение составляли фабрично- заводские рабочие, которые по требованию фабричной инспекции или местной полиции должны были иметь такие документы. Отлучки без документов разрешались теперь на расстояние до 50 верст от своего уезда. Паспорта не выдавались лицам, состоявшим под надзором полиции, подвергшимся судебным ограничениям, цыганам, не имевшим оседлости, и немощным калекам. Особые удостоверения личности на специальной цветной бумаге выдавались офицерам и чиновникам запаса. Нижние воинские чины запаса при своем перемещении обязаны были прописываться в полиции. Помимо паспортов полиция выдавала паспортные книжки, плакатные паспорта, письменные виды, билеты, временные свидетельства о личности в зависимости от сословной, служебной, религиозной и даже этнической принадлежности граждан. Например, евреям, которые выезжали за пределы черты оседлости, выдавались билеты с указанием разрешенного им срока пребывания, например, в Кубанской области. Священнослужители всех вероисповеданий, кроме римско-католического, получали бессрочные паспортные книжки. Специальные виды на жительство при отъезде в другие губернии давались сезонным рабочим. На Кубани действовали свои временные правила. Но в 1897 г. Государственный Совет постановил: «положение о видах на жительство в полном его объеме распространить на мещан, ремесленников и сельских обывателей Кубанской области»[3,с.399] И все же для горцев и особенно для казаков, связанных с постоянной воинской службой, оставалась своя система регистрации. Местной полиции приходилось учитывать это в своей работе. Кроме указанных функций, относящихся непосредственно к системе охраны правопорядка, полиция активно помогала судебному ведомству. В частности, она должна была обеспечивать явку свидетелей в суд, участвовать в описях и оценке описанных по суду имений, искать тех, кто шел по бракоразводным процессам, следить за благоустройством в местах заключения и т.д. В обязанности полиции входили учет и призыв на действительную службу нижних чинов армии в том числе и казаков.. Уездный начальник следил, например, за тем, чтобы все казаки имели справное обмундирование и строевых лошадей, особенно те из них, которые вызывались на лагерные сборы. Выполнение этого он возлагал на станичных атаманов[4, л.14]. Для усиления контроля с 1 января 1886 г. участковым приставам было поручено осматривать снаряжение казаков, идущих на службу, и строго наказывать станичных атаманов, которые плохо за этим следили[5, л.79].

На плечах полиции лежали еще и обязанности, связанные с «делами казенного управления и общественного хозяйства», которые включали в себя взыскание всевозможных недоимок, казенных и общественных платежей, акцизных сборов, надзор за торговлей, промыслами, таможенными делами и пр. Изданные в 1864 г. судебные уставы подтвердили постановление 1860 г., ограничившие следственные функции полиции. В них говорилось, что отныне полиция должна была проводить лишь предварительное дознание по преступлениям и выполнять законные требования судебных органов. В соответствии со статьей 254 «Устава уголовного судопроизводства» полиция была обязана проводить дознание «посредством розысков, словесными расспросами и негласным наблюдением». Следственные действия полиция могла проводить лишь тогда, когда следы преступления могли исчезнуть до прибытия судебного следователя. С прибытием последнего полиция обязана была передавать ему собранные ею материалы дознания и затем выполнять его поручения[6, с.115]. Таким образом, полиция освобождалась от одной из своих многочисленных обязанностей, что, однако, не очень сильно разгружало ее деятельность, которая оставалась обширной.

В случае объявления местности на положении усиленной или чрезвычайной охраны карательно-охранительные функции полиции возрастали. Так, при объявлении области на поло-

жении усиленной охраны местным начальникам полиции разрешалось предварительное задержание до двух недель всех лиц, вызывающих подозрение в совершении государственных преступлений или принадлежности к противозаконным сообществам. Если этого требовали обстоятельства дела, полиция могла производить обыски везде и во всякое время, накладывать арест на имущество подозреваемых [7,с.56-57]. Крупные уголовные преступления, не говоря уже о политических, нередко наказывались по законам военного времени.

14 августа 1881 г. правительство приняло «Положение о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия», которое установило, что в местностях, объявленных на положении усиленной или чрезвычайной охраны, генерал-губернаторам и министру внутренних дел предоставляется право передавать на рассмотрение военного суда все дела «... в видах ограждения общественного порядка и спокойствия для суждения по законам военного времени»[8].

3 декабря 1883 г. было утверждено Положение «Об устройстве секретной полиции в Империи». Оно предусматривало возможность создания розыскных отделений не только в составе жандармских управлений, но и в ведомстве общей полиции. Это еще больше сближало два ведомства по части охраны общественного спокойствия в империи, тем более, что общая полиция была всегда тесно связана с жандармскими управлениями, оказывая им помощь при задержании революционеров и политически неблагонадежных лиц. В обязанности полиции входило и конвоирование арестантов как политических, так и обвиняемых по уголовным и иным делам. В конвой назначались обычно городовые в городах и казаки в станицах. Число конвоиров всегда должно было быть на одного больше, чем конвоируемых. Арестантов обязаны были вести только посредине улицы. Для призыва на помощь городовые могли подавать два коротких свистка, а для привлечения внимания к противоправному действию - один продолжительный [9, с.211]. В 1892 г. были утверждены «Временные правила употребления полицейскими и жандармскими чинами в дело оружия», в которых регламентировались обстоятельства, при которых представитель органов внутренних дел имел право применять оружие. Это: 1) для отражения всякого вооруженного на него нападения, 2) для отражения нападения невооруженными лицами или даже одним лицом, но при таких условиях, когда нет иного средства защиты, 3) для обороны других лиц при угрозе их жизни и здоровью, 4) при задержании сопротивляющегося преступника или когда невозможно преследовать или настичь убегающего, 5) при преследовании бежавшего арестанта, если он сопротивляется задержанию или невозможно его настичь. Обо всех этих случаях полицейский или жандармский чиновник был обязан подробно информировать свое начальство.

При массовых беспорядках оружие можно было применять только в случае неизбежной необходимости, когда никакими другими способами нельзя было прекратить неповиновение властям. Правила также гласили, что «к действию оружием можно приступить только после троекратного громогласного предварения неповинующихся о том, что начнется действие оружием»[3, с.405-406].

Важнейшей функцией полиции был надзор за потенциальными правонарушителями, к числу которых относились как политически неблагонадежные лица, так и привлекавшиеся к судебной ответственности по уголовным и гражданским делам. Полицейский надзор был гласный и негласный. Лицам, высланным на жительство в определенные местности, гласный надзор устанавливался на срок высылки. Если же гласный надзор устанавливался по месту жительства, то определялась и продолжительность этого надзора. У лиц, которые попадали под надзор полиции, забирали документы о звании и виды на жительство (паспорта и пр.). Взамен им выдавались свидетельства на проживание в определенной местности, в которых, однако, не указывалось, что владельцы этих документов состоят под надзором полиции. По уважительным причинам и при примерном поведении поднадзорный мог покидать установленное для него место жительства с разрешения местных властей. Такое разрешение при передвижении в пределах уезда давал местный начальник полиции, в пределах губернии - губернатор, за пределы губернии - министр внутренних дел. Поднадзорному, получившему разрешение на отлучку, выдавалось проходное свидетельство и маршрутный лист, в котором подробно описывался маршрут следования поднадзорного. В проходном свидетельстве указывалось время разрешенной отлучки. После возвращения поднадзорного он возвращал полиции проходное свидетельство и маршрутный лист, получая обратно свои документы. В любое время у поднадзорного полиция имела право производить обыски, составляя при этом протокол [3, с.357-359].

Негласный надзор устанавливался таким образом, чтобы лицо, попавшее в сферу внимания полиции, не знало об этом. Нередко гласный надзор предшествовал негласному и наоборот. Так, в делах полицейских приставов Кубани можно нередко встретить списки лиц, находившихся под надзором местной полиции. В них указывались не только причины, по которым устанавливался полицейский надзор, но и «от кого последовало распоряжение». Последнее могло быть «по предписанию станичного атамана», «вследствие отношения судебного следователя» и т.д. А Диапазон правонарушений, устанавливающих полицейский надзор, был до-

вольно широкий. Так, в списке поднадзорных на Таманском полуострове значились лица, обвиненные в свое время в изнасиловании, двоеженстве, за подачу подложных документов об открытии питейных заведений и др. Темрюкский мещанин П.В. Назаренко, например, находился под надзором полиции «за разные проступки, совершенные им в бытность его сельским старостой в сел. Золотаревка»[10, л.191-196].

Общефункциональные обязанности полиции были обязательными для полицейских управлений всех губерний империи, но и имели свою специфику, вытекавшую из местных особенностей. Так, на Кубани в горских районах была своя горская милиция. В то же время в кубанских городах в рассматриваемое время рядовой штат полиции составляли только старшие и младшие городовые. Не было, как в других губернских городах, околоточных надзирателей, конных стражников, городовых полицейского резерва (полицейских служителей). Поэтому в обязанности полицейских городовых на Кубани входили в частности и те, которые в других городах выполняли околоточные надзиратели (наблюдение за санитарным состоянием города, работа секретных агентов сыскной полиции и т.п.). А сколько времени из-за отсутствия рассыльных приходилось тратить российским городовым на розыск и вызов граждан в полицейские управления, вручение массы повесток в суды, окладных листов, извещений торговым и промышленным предприятиям от казенной палаты, податных инспекторов и т.д.!

Приставы и городовые следили за чистотой городов, требуя от домовладельцев очищать «мощеные улицы, тротуары и лотки от грязи», препятствовали проведению запрещенных законом кулачных боев - традиции, сохранившейся с давних времен, всевозможных азартных игр [11, л.3, 14, 83].

В поле внимания полиции находились также проститутки и публичные дома. В России, как и в ряде европейских стран, существовала система регистрации проституток. Они заносились в специальные книги и получали вместо паспортов особые билеты. Российские законы разрешали заниматься указанным ремеслом не ранее 21 года. Запрещалось насильно удерживать женщин в притонах и публичных домах. Преследовались и мужчины, склонявшие женщин к этому промыслу [12, с.404]. Позже они получат название сутенеров. Привлекать их к ответственности тоже вменялось в обязанности полиции.

Не меньше работы было и у сельской полиции, прежде всего в лице уездных начальников, участковых приставов и выполнявших полицейские функции станичных атаманов. У сельской полиции правоохранительные функции были в основном такие же, как и у городской, но не без своей специфики..

Немало времени у полиции отнимала борьба с периодически повторявшейся эпизоотией скота нашествием саранчи. А еще надо было выполнять свои самые непосредственные обязанности - следить за охраной правопорядка. И если в станицах для этой цели всегда можно было мобилизовать казаков, то в городах все это ложилось в основном на плечи немногочисленного штата полиции. Так, в быстрорастущем Майкопе штат полиции в 35 человек, утвержденный в 1883 г., не менялся почти четверть века. Установленное в том же году месячное жалованье городовым в 13 руб. 33 коп. также оставалось неизменным, хотя цены на продукты и промышленные товары выросли [13, л.200]. Между тем полицейским чинам «воспрещались какие - либо посторонние службе занятия». Мало того, даже «женам и неотделенным членам семейств служащих в полиции воспрещаются торговля и промыслы, сопряженные с выборкою торговых документов или открытием мастерских. Равным образом им возбраняются все занятия, находящиеся по существу своему под наблюдением полиции»[14, с.189]. А под наблюдением полиции находилось практически все. Вот почему городские полицмейстеры, каждый посвоему, изыскивали возможности сохранения необходимого штата полиции и повышения окладов подчиненным. Тот же майкопский полицмейстер обращался к начальнику Кубанской области с просьбой «о понуждении Майкопского городского самоуправления установить жалованье (городовым - В.Р.), если не до 20 руб. в месяц, то хотя бы 18 руб.»[15,л.200].

Руководитель анапской полиции ходатайствовал о том, чтобы его полицию содержало государственное казначейство, а попутно был озабочен тем, как наполнить городскую казну за счет строительства и эксплуатации общественной купальни в Анапе[[16 л.3-4; д.96, л.8-9].

Екатеринодарский полицмейстер предлагал установить доплату городовым, которые дежурили во время представлений в театрах и других развлекательно-культурных учреждениях, тем более, что такие дежурства были довольно частыми [17, л.71].

Правительство стремилось расходы на содержание полицейских команд в городах в основном возложить на городское самоуправление, которое обязано было отводить для полицейских чинов квартиры и давать средства на вооружение (шашки и револьверы). Кроме того, 3 июля 1892 г. были изданы «Правила о преимуществах службы городовых», заключающиеся в том, что при «беспорочной службе» в течение первых 7 лет городовым полагалась прибавка к жалованью в размере 1/3 получаемого оклада, затем еще через 5 лет, а за 20 лет службы при увольнении в отставку - единовременное пособие в размере 250 руб. После 30- летней службы назначалась пенсия в 90 руб. в год. Размеры пенсий у высших чинов полиции были иные. Так,

полицмейстер Ейска, выходя на пенсию, при годовом жалованье 700 руб. получал пенсионное обеспечение в сумме 345 руб. в год.[18, л.23,26] Расходы все эти должны были нести города, включенные в особый список. В первую очередь в нем значились областные и губернские центры. Такие же города, как Темрюк, Анапа в этом списке не значились [19, л.36-39].

Для поощрения служебной деятельности нижних чинов полицейских и пожарных команд, а также полицейских урядников в 1876 г. были установлены правила о награждении их серебряными медалями на Аннинской ленте (красная с золотистой каймой) с надписью «за беспорочную службу в полиции». Ими награждались лица, безупречно прослужившие в органах внутренних дел не менее 5 лет и продолжавшие служить дальше. Прослужившие еще 5 лет пользовались правом носить пожалованную медаль и после увольнения. Оставлявшие же службу ранее 10 лет были обязаны возвратить медаль своему начальству. Для представления к награде, например, городовых, полицмейстер обращался с ходатайством к начальнику Кубанской области (в губерниях к губернатору), который, после соответствующей проверки документов посылал раз в полугодие именные списки награждаемых в Министерство внутренних дел для получения из Капитула Орденов необходимого количества медалей.

В 1888 г. было издано положение о награждении околоточных, портовых надзирателей, полицейских урядников, служителей полицейских и пожарных команд за особо выдающиеся заслуги золотыми и серебряными медалями с надписью «За усердие» для ношения на шее: первой на Владимирской ленте (красная с черными полосами по краям), второй - на Аннинской. Причем к серебряной медали представлялись лишь те околоточные и полицейские, которые прослужили в данных должностях не менее 5 лет или же в полиции не менее 10 лет. В последнем случае, если они имели уже медаль «За беспорочную службу в полиции». Все остальные чины полиции (полицейские урядники, городовые и др.) имели право получить серебряную медаль «За усердие» после 15 лет беспорочной службы в полиции. К золотой медали представлялись прослужившие не менее 5 лет после получения серебряной медали «За усердие». Бывшие когда-то под следствием и судом и не оправданные в возведенных на них обвинениях, а также и те, кто был понижен в должности, к медалям не представлялись. Если служащий полиции имел золотую и серебряную медали, то первая размещалась на груди над второй [20, с.465-466].

Что касается офицеров полиции, имевших классные чины и входивших в табель о рангах, то они могли награждаться любыми российскими орденами и медалями за выслугу лет и конкретные заслуги.

В повседневной деятельности полиции действовала своя система поощрений и наказаний. О ней можно судить по копиям приказов полицмейстеров, которые 2 раза в месяц представлялись начальнику Кубанской области. В них бросается в глаза прежде всего то, что различные виды наказаний рядовых полицейских значительно преобладали над поощрениями их службы. Это объяснялось прежде всего некачественным подбором служителей полиции. В отличие от офицеров полиции, которые тщательно отбирались для полицейской службы на должность приставов, их помощников и полицмейстеров, среди городовых было немало людей случайных. Вот почему приказы полицмейстеров пестрят различными формами порицаний и административных наказаний, чаще всего материального свойства. За мелкие проступки обычно штрафовали от 50 коп. до 5 руб. с вычетом из жалованья полицейского. Штраф налагался за самовольную отлучку с поста, курение и щелканье семечек во время дежурства, появление на службе в нетрезвом виде, использование нецензурной лексики, неотдание воинской чести (приветствия) офицеру и т.п.

Формами наказаний также были назначение вне очереди в наряд, перевод из одной полицейской части в другую, арест на несколько суток и, наконец, увольнение из полиции. Начальник Кубанской области, просматривая копии приказов, мог изменить форму наказания, увеличить срок ареста или сумму штрафа. Интересно, что штрафы шли на улучшение быта самих полицейских [21, л.43].

За добросовестное исполнение своего долга, как правило, давали денежное вознаграждение. Для этого существовали так называемые наградные суммы. Можно было использовать и деньги, предназначенные для розыска преступников [22, л.99-100, 145-146]. При этом следует заметить, что все эти формы поощрения и наказания полицейских служащих никакими инструкциями не регламентировались (исключая награды, о чем говорилось выше) и отдавались полностью на усмотрение вышестоящего начальства. С одной стороны, это давало возможность более гибко, по обстоятельствам, использовать, например, систему материального поощрения сотрудников, с другой стороны, открывало возможности для злоупотреблений полицейских чинов. Такие факты, хотя и редко, были отмечены и на Кубани.

В целом же установившаяся система поощрений и наказаний сотрудников органов внутренних дел преследовала основную цель - обеспечить наиболее точное выполнение указаний полицейского руководства и тех многочисленных функциональных обязанностей, которые вменялись полиции.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Свод законов Российской империи. СПб.,1876. Т.2.
2. Сборник узаконений, постановлений и распоряжений, касающихся полиции. СПб.,1869.
3. Алфавитный указатель действующих узаконений для руководства чинов полиции по всем предметам полицейского ведения. Составил П.Е.Нечаевский. СПб., 1900.
4. Госархив Краснодарского края (ГАКК). Ф.721. Оп.1. Д.174.
5. Там же. Д.185.
6. Рубцов С.Н. История российской полиции. Иркутск,1998.
7. Министерство Внутренних Дел. Его права и обязанности. Сборник практических сведений. СПб.,1904.
8. Свод законов Российской империи. СПб., 1890. Т.14. Приложения к Уставу о предупреждении и пресечении преступлений. Приложение 1 к ст.1 , $ 17.
9. Настольный полицейский словарь. Сост.Л.А.Добкевич. Одесса, 1904.
10. ГАКК.Ф.723. оп.1.Д.35.
11. Там же. Ф.454. Оп.1. Д.278.
12. Вестник полиции. СПб.,1914. № 22.
13. ГАКК. Ф.454.Оп.1. Д.275.
14. Сборник правительственных распоряжений по казачьим войскам за 1890 г. СПб., 1891. Т.ХХУ1.
15. ГАКК. Ф.454. Оп.1. Д.275.
16. Там же. Ф. 604. Оп.1. Д.84.
17. Там же. Ф. 454. Оп. 1.Д.275.
18. Там же. Д. 280.
19. Исторический очерк образования и развития полицейских учреждений в России. СПб.,1913.
20. Награды. Энциклопедический путеводитель по истории российских наград. М.,1998..
21. ГАКК.. Ф.454. Оп.1. Д. 5200.
22. Там же. Д.3160.

REFERENCES

1. The laws of the Russian Empire. SPb.,1876. Vol.2.
2. A collection of laws, decrees and orders relating to the police. SPb.,1869.
3. Alphabetical list of existing laws for guidance of police officials in all police subjects of reference. Made P. E. Nechaev. SPb., 1900.
4. The state archives of the Krasnodar Krai (GAKK). F. 721. Op.1. D. 174.
5. Ibid. D. 185.
6. Rubtsov S. N. History of the Russian police. Irkutsk,1998.
7. The Ministry Of Internal Affairs. His rights and duties. The collection of practical information. SPb.,1904.
8. The laws of the Russian Empire. SPb., 1890. T. 14. Annexes to the Statute on the prevention and suppression of crime. Annex 1 to article 1 , $ 17.
9. Table police the dictionary. Comp.L..Dabcevic. Odessa, 1904.
10. GAKK.F.723. op.1.D.35.
11. Ibid. F. 454. Op.1. D. 278.
12. Bulletin of the police. SPb.,1914. No. 22.
13. GAKK. F. 454.Op.1. D. 275.
14. A collection of the governmental orders of the Cossack army in 1890, St. Petersburg 1891. So ХХУ1.
15. GAKK. F. 454. Op.1. D. 275.
16. Ibid. F. 604. Op.1. D. 84.
17. Ibid. F. 454. Op. 1.D.275.
18. Ibid. D. 280.
19. Historical sketch of the formation and development of police institutions in Russia. SPb.,1913.
20. Awards. Encyclopedic guide to the history of the Russian awards. M.,1998..
21. GAKK.. F. 454. Op.1. D. 5200.
22. Ibid. D. 3160.

Информация об авторе

Ратушняк Валерий Николаевич, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Кубанского госуниверситета
ratushnyak_@mail.ru

Получена: 15.12.2016

Для цитирования статьи: Ратушняк В. Н., Основные задачи и функции российской полиции в 60-90-е гг. XIX в. Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. Том. 8. № 6. Часть 2. с. 60-65.
DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-6/2-60-65.

Information about the author

Valeriy Nikolaevich Ratushnyak, Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Russian History,
Kuban State University
ratushnyak_vn@mail.ru

Received: 15.12.2016

For article citation: Ratushnyak V. N., Osnovnye zadachi i funkcii rossijskoj policii v 60-90-e gg. XIX v. [Main tasks and functions of the Russian police in 1860-1890s.]. Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatelnaya mys'l = Historical and Social Educational Ideas. 2016. Vol . 8. no. 6. Part. 2. Pp. 60-65.
DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-6/2-60-65. (in Russian)

УДК 94 DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-6/2-66-73

СЕРЕБРЕННИКОВ Сергей Владимирович
Кузбасский институт экономики и права
г. Кемерово, Россия
serebrennikov_s@list.ru

Sergey V. SEREBRENNIKOV
Kuzbass Institute of Economics and Law
Kemerovo, Russia
serebrennikov_s@list.ru

АВТОРЕФЕРАТЫ ДИССЕРТАЦИЙ О ЯПОНСКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ В СССР (1945-1956 гг.) КАК ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

ABSTRACTS OF THESIS ABOUT THE JAPANESE PRISONERS OF WAR IN THE USSR (1945-1956) AS THE HISTORIOGRAPHICAL SOURCE

В статье впервые представлены результаты исследования авторефератов защищенных в России в период 1994-2016 гг. кандидатских и докторских диссертаций, в которых освещаются вопросы пребывания японских военнопленных на территории СССР в период 1945-1956 гг. Отмечается, что до 1994 г. защит диссертаций не было, так как тема японских военнопленных в СССР является одной из новых в отечественной историографии; она перестала быть «закрытой» только на рубеже 1980-х и 1990-х годов. Анализ авторефератов проводился по ряду параметров, представленных в структуре статьи: количество диссертаций (соответственно, и авторефератов), годы защит, специальности; организации, в которых выполнялись диссертации; институциональный аспект защит; научные руководители (консультанты); оппоненты; ведущие организации; объект и предмет исследований; источниковая база; методология. Автор пришел к выводу о достаточно серьезной проработке соискателями обязательных разделов авторефератов диссертаций по историческим наукам. Отсутствие же в одном случае раздела «методология» было вызвано, на наш взгляд, ситуацией методологической неопределенности, с которой столкнулись соискатели в 1990-е и начале 2000-х годов. Автор констатировал наличие в подавляющем большинстве авторефератов основательной характеристики источниковой базы исследований, что говорит о серьезной поисково-исследовательской работе авторов и дает основания предполагать достаточно глубокую проработку ими проблем своих диссертаций. Автор пришел к выводу, что изученные авторефераты диссертаций представляют собой очень важный историографический источник.

Ключевые слова: авторефераты диссертаций, японские военнопленные, отечественная историография, историографический источник, исследования.

The paper first presents the results of research of abstracts of candidate and doctoral thesis, defended in Russia in the period of 1994-2016, which cover issues of stay of Japanese prisoners of war in the Soviet Union in the period 1945-1956. It is noted that until 1994 defense of the thesis was not, because theme of Japanese prisoners of war in the Soviet Union is one of the newest in Russian historiography; it ceased to be a "closed" only at the turn of the 1980s and 1990s. Analysis of abstracts was conducted on a number of parameters, presented in the structure of the article: number of thesis (respectively, abstracts), years of defenses, specialty; organization, which performed the thesis; institutional aspects of defense; supervisors (consultants); opponents; leading organizations; object and subject of research; source base; methodology. The author concluded that sufficiently serious consideration by candidates mandatory sections of dissertations on historical sciences. The absence in one case section "methodology" was caused, in our opinion, the situation of the methodological uncertainty faced by applicants in the 1990s and early 2000s. The author noted the presence in the vast majority abstracts solid characteristics of the source base studies that indicates a serious search and research work of the authors and gives reasons to believe sufficient deep study of their thesis problems. The author concluded that the studied abstracts of thesis are very important historiographical source.

Keywords: abstracts of thesis, Japanese prisoners of war, domestic historiography, historiographical source, researches

Авторефераты диссертаций – историографический источник, содержащий информацию о диссертациях, научных руководителях (консультантах), ведущей организации, оппонентах, публикациях соискателей по теме диссертации и др. Отношение к авторефератам диссертаций как полноценному историографическому источнику в научной среде положительное и, в целом, единое (в отличие от отношения к диссертациям: некоторые научные издания, в информации для авторов, делают оговорку, что при подготовке статьи не следует ссылаться на диссертации).

Материалом для анализа стали авторефераты диссертаций, защищенных в России в период 1994-2016 гг., в которых рассматриваются вопросы пребывания в СССР японских военнопленных после второй мировой войны. До 1994 годах защит не было, так как тема «Японские военнопленные в СССР» – одна из новых в отечественной историографии; в СССР ее изучение было невозможно (проблема японских военнопленных не укладывалась в русло идеологических установок; историки не имели доступа к архивным документам). Объектом исследования отечественных историков японские военнопленные становятся с начала 1990-х гг.

Анализ авторефератов проводился по ряду параметров, представленных в структуре статьи.

Количество диссертаций, годы защит, специальности

История пребывания в СССР японских военнопленных отечественными историками рассматривалась в пяти докторских и четырех кандидатских диссертациях.

В 1990-е годы были защищены две диссертации (в 1994 г. – докторская, в 1997 г. – кандидатская); в 2000-е гг. – пять диссертаций, из них три докторские (две – в 2004 г. и еще одна –

в 2007 г.) и две кандидатские (в 2001 и 2002 гг.); в 2010-е гг. – две диссертации (в 2012 г. – докторская, в 2016 г. – кандидатская).

Лишь одна диссертация (Е. Л. Катасоновой) защищена по специальности «всеобщая история» (07.00.03). Она исследовала гуманитарную проблему в межгосударственных отношениях России и Японии – одну из двух основных нерешенных проблем послевоенного урегулирования, – включающую в себя комплекс вопросов, связанных с пребыванием японских военнопленных на территории СССР после завершения второй мировой войны. Часть ее диссертации непосредственно посвящена освещению государственной политики СССР по вопросам содержания, трудового использования и репатриации японских военнопленных.

Остальные диссертации защищались по специальности «отечественная история» (07.00.02).

Один из соискателей (С. В. Карасев) защитил и кандидатскую, и докторскую диссертации по интересующей нас теме.

В диссертационном исследовании Е. Ю. Бондаренко рассматриваются находившиеся на Дальнем Востоке России в течение 1914-1922 и 1945-1956 гг. иностранные военнопленные. В диссертации Н. М. Маркдорф рассматриваются военнопленные второй мировой войны и другие «режимные» группы, содержавшиеся в лагерях, отдельных рабочих батальонах (ОРБ), спецгоспиталях НКВД (МВД), находившихся на территории Западной Сибири. Материал, касающийся пребывания в указанных регионах японских военнопленных после второй мировой войны соискателями приведен и проанализирован. Поэтому авторефераты Е. Ю. Бондаренко и Н. М. Маркдорф также включены в группу авторефератов для анализа.

Организации, в которых выполнялись диссертации

Из пяти докторских диссертаций – две были подготовлены в г. Иркутске: на кафедре новой, новейшей истории и международных отношений Иркутского государственного университета (ИГУ) (доцентом данной кафедры С. И. Кузнецовым) и на кафедре истории Иркутского государственного технического университета (ИрГТУ) (доцентом данной кафедры С. В. Карасевым). Одна докторская диссертация была подготовлена в Москве в Институте военной истории Министерства обороны Российской Федерации (Е. Л. Катасоновой – сотрудником Института Востоковедения РАН). Также одна докторская работа выполнена в секторе истории социально-экономического развития Института истории Сибирского отделения РАН (г. Новосибирск) (новокузнецким историком Н. М. Маркдорф). И еще одна докторская диссертация – на кафедре социальной и политической антропологии Владивостокского института международных отношений Дальневосточного государственного университета (местным историком Е. Ю. Бондаренко).

Таким образом, две докторские диссертации были выполнены в «классических» государственных университетах, одна – на кафедре истории технического вуза, две – в специализированных научных центрах.

Обратимся к кандидатским диссертациям. О. Д. Базаровым работа была выполнена на кафедре исторического наследия Восточно-Сибирской государственной академии культуры и искусств (г. Улан-Удэ) [1], М. Н. Спиридоновым – на кафедре отечественной истории Красноярского государственного педагогического университета [11], С. В. Карасевым – на кафедре современной отечественной истории Иркутского государственного университета [5]; С. П. Кимом – в Центре военной истории России Института Российской истории РАН [7].

Таким образом, по одной кандидатской диссертации были подготовлены в «классическом» государственном университете, в государственной академии культуры и искусств; в государственном педагогическом вузе, в академическом учреждении.

В целом по докторским и кандидатским диссертациям мы видим, что в Иркутске были подготовлены три диссертации; в Москве – две; в Новосибирске, Красноярске, Улан-Удэ и Владивостоке – по одной диссертационной работе.

Из девяти диссертаций три были подготовлены в «классических» (гуманитарных) государственных университетах, три диссертационные работы – в академических учреждениях Москвы и Новосибирска, по одной работе – на кафедрах истории технического университета, государственной академии культуры и искусств и педагогического университета.

Институциональный аспект защит

Три диссертации были защищены в специализированном совете при Иркутском государственном университете (С. И. Кузнецовым – докторская; О. Д. Базаровым и С. В. Карасевым – кандидатские).

По одной диссертации были защищены в диссертационных советах: при Институте монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (г. Улан-Удэ) [4]; при Институте военной истории Министерства обороны РФ (г. Москва) [6]; при Институте истории СО РАН (г. Новосибирск)

[9]; в Дальневосточном государственном университете (г. Владивосток) [2]; в Красноярском государственном педагогическом университете [11]; и, наконец, в диссертационном совете, созданном на базе Института российской истории РАН [7].

Таким образом, в диссертационных советах, созданных на базе академических учреждений Москвы и Новосибирска защищены четыре диссертации (три докторских и одна кандидатская); в диссертационных советах высших учебных заведений – пять диссертаций (две докторских и три кандидатских). География защит выглядит следующим образом: в Иркутске защищены три диссертационные работы; в Москве – две; по одной работе в Новосибирске, Красноярске, Улан-Удэ, Владивостоке.

Научные руководители и консультанты

Научными консультантами соискателей докторской степени являлись четыре доктора исторических наук (А. М. Кузнецов из Владивостока, С. С. Букин из Новосибирска, москвич В. А. Золотарев и иркутянин С. И. Кузнецов). В автореферате докторской диссертации С. И. Кузнецова научный консультант не указан.

Один из консультантов (Е. Л. Катасоновой) – В. А. Золотарев – являлся на момент защиты соискателем диссертации и доктором исторических наук, и доктором юридических наук.

Научными руководителями соискателей, готовивших кандидатские диссертации были пять докторов исторических наук (иркутяне И. И. Кузнецов и его сын С. И. Кузнецов, Л. В. Курас из Улан-Удэ, С. Н. Михалев из Красноярска, москвич К. Е. Черевко). У соискателя О. Д. Базарова в автореферате указаны два научных руководителя (И. И. Кузнецов и Л. В. Курас). С. И. Кузнецов выступал руководителем кандидатской диссертации С. В. Карасева, успешно защищенной в 2002 г., а затем, при его консультировании, С. В. Карасев подготовил докторскую диссертацию.

Научный руководитель соискателя С. П. Кима – К. Е. Черевко – являлся на момент защиты диссертации и доктором исторических наук, и доктором филологических наук.

Из числа научных руководителей и консультантов по два человека проживали в Москве и Иркутске, по одному – в Новосибирске, Красноярске, Улан-Удэ и Владивостоке.

Только С. И. Кузнецов из научных руководителей и консультантов защитил докторскую диссертацию, посвященную, как и многие его труды, японским военнопленным в СССР (1945-1956 гг.). С. С. Букин, консультировавший Н. М. Маркдорф, имел в своем багаже исследования о немецких военнопленных в Западной Сибири и небольшие статьи о военнопленных второй мировой войны (в т. ч. японских) в Сибири.

Из числа других руководителей и консультантов как знатоков вопросов пленения военнослужащих японской армии и их пребывания в советском плену следует назвать ведущего научного сотрудника Института российской истории РАН К. Е. Черевко и известного военного историка В. А. Золотарева.

В научных трудах К. Е. Черевко раскрываются многие аспекты пленения военнослужащих Квантунской армии и – отчасти – их пребывания в СССР [12-14]. В.А. Золотарев – заместитель председателя Главной редакционной комиссии (ГРК) 8-томной Военной энциклопедии, сопредседатель ГРК 4-томного труда "Великая Отечественная война 1941-1945 годов: Очерки истории" – возглавлял редколлегию серии сборников документов «Русский архив. Великая Отечественная война 1941-1945 гг.». В данной серии в 1996 г. вышел в свет сборник «Русский архив. Великая Отечественная. Иностранные военнопленные второй мировой войны в СССР»[10], в котором впервые был опубликован ряд документов о японских военнопленных.

Большинство руководителей и консультантов не имели на период руководства (консультирования) ни одной опубликованной работы о японских военнопленных в СССР.

Оппоненты

В качестве оппонентов привлекались 23 преподавателя высшей школы и научных сотрудника. Шесть оппонентов проживали в Москве (все – доктора исторических наук); пять – в Иркутске (в т. ч. четыре доктора исторических наук), четыре – в Улан-Удэ (в т. ч. три доктора исторических наук), два – во Владивостоке (оба – доктора исторических наук). По одному оппоненту (все – доктора исторических наук) представляли Екатеринбург, Нижний Тагил, Новосибирск, Красноярск, Благовещенск, Хабаровск.

Все оппоненты выступали при оппонировании диссертаций по японским военнопленным в СССР только по одному разу.

Среди оппонентов научные публикации, в том числе монографии, по проблеме японских военнопленных в СССР имелись лишь у С. И. Кузнецова (он оппонировал кандидатскую диссертацию красноярца М. Н. Спиридонова) и О. Д. Базарова (который спустя пять лет после своей защиты выступал оппонентом кандидатской диссертации С. В. Карасева). И С. И. Кузнецов, и

О. Д. Базаров, начавшие изучать проблемы пребывания в СССР японских военнопленных еще в 1990-е годы, сами защитили диссертации по данной проблеме, причем это были первые защиты по данной теме в нашей стране (1994 и 1997 гг.).

Иркутянин А. В. Шалак опубликовал в 2010-2012 гг. содержательные статьи о японских военнопленных на территории Сибири [15-18], однако, на момент оппонирования диссертации С. В. Карасева [4], еще не имел ни одной работы по данной теме.

В условиях, когда число историков, защитивших диссертации и имеющих научные публикации по данной теме, было невелико, приглашение в оппоненты специалиста, глубоко разбирающегося в проблематике диссертации, безусловно оправдано. Так, одним из оппонентов первой диссертации, защищенной в России по данной теме [8], стал известный дипломат, бывший советник посольства в Пакистане и Японии, научный сотрудник ИДВ РАН А. П. Марков.

Аналогичным образом следует, на наш взгляд, оценить приглашение стать оппонентом диссертации Е. Л. Катасоновой [6] известного японоведа, доктора исторических наук Э. В. Молодяковой.

А вот приглашение в оппоненты доктора исторических наук В. И Федорченко (г. Красноярск) [11] понять трудно: уважаемый профессор за 44 года научно-педагогической деятельности не опубликовал ни одной работы по проблеме японских военнопленных в СССР, а основная сфера его научных интересов – политическая история России XVIII-XIX вв.

Ведущие организации

Официальные отзывы на докторские диссертации представили Бурятский институт общественных наук СО РАН [8]; Иркутский государственный университет (ИГУ) [2]; Военный университет Министерства обороны РФ [6]; Восточно-Сибирский институт МВД РФ [4]; Саратовский государственный университет им. Н. Г.Чернышевского [9].

На кандидатские диссертации отзывы представили Восточно-Сибирский государственный технологический университет [1]; Институт военной истории Министерства обороны РФ [11]; Региональное управление ФСБ РФ по Читинской области [5]; Иркутский государственный университет (ИГУ) [7].

Таким образом, официальные отзывы были подготовлены в 5-ти российских вузах (из них два – в ИГУ), 2-х академических учреждениях, а также – в региональном управлении ФСБ РФ по Читинской области.

Объект и предмет исследований

Объектом диссертационных исследований трех соискателей (О. Д. Базаров, М. Н. Спиридонов, С. В. Карасев [5]) являлись японские военнопленные, размещенные в конкретных регионах Сибири: Бурятии, Красноярского края, Читинской области; предметом изучения – лагеря японских военнопленных, их функционирование; трудоиспользование японцев и иные вопросы, связанные с пребыванием данных военнопленных в плену.

Объект исследования Е. Ю. Бондаренко – иностранные военнопленные, которые в 1914-1922 и 1945-1956 гг. находились на Дальнем Востоке России (в том числе японские военнопленные в 1945-1956 гг.); предмет изучения – режим военного плена и взаимоотношения военнопленных с властными структурами в России и СССР.

Объектом исследования Н. М. Маркдорф стали военнопленные (в том числе японские) и другие «режимные» группы, содержавшиеся в лагерях, ОРБ, спецгоспиталях НКВД (МВД) в Западной Сибири; а предметом исследования – факторы, влиявшие на организацию лагерей; содержание, трудовое использование и репатриацию военнопленных и интернированных.

Пять названных выше диссертаций в совокупности образуют каркас «регионального среза» историографии темы. О пребывании японских военнопленных в ряде регионов Сибири и Дальнего Востока к настоящему времени опубликовано относительно много научных работ, и ключевую роль в этом сыграли проведенные диссертационные исследования.

Другая группа диссертаций относится к набравшему силу к середине 2000-х годов второму направлению в историографии темы – подготовке обобщающих трудов, посвященных историческим и правовым аспектам советского плена японцев.

Объектом исследования соискателя ученой степени кандидата наук С. П. Кима стали японские военнопленные, содержащиеся в лагерях СССР. Объекты исследований соискателей докторской степени Е. Л. Катасоновой и С. В. Карасева – шире. У Е. Л. Катасоновой – это круг вопросов, связанных с историей пребывания японских военнопленных в СССР и их репатриацией на родину, а также состояние данной проблемы в контексте межгосударственных отношений России и Японии на момент написания диссертации. У С. В. Карасева – не только пребыва-

ние японских военнопленных в лагерях НКВД (МВД) СССР, но и история пленения японцев, а также идеологическая работа, как с военнослужащими противника, так и с местным населением на территории Маньчжурии.

Предметом исследования С. П. Кима являлась система содержания японских пленных в лагерях НКВД (МВД) СССР и их репатриация. Предметом исследования Е. Л. Катасоновой – политика руководства СССР в отношении японских военнопленных и реакция на нее в Японии и мире; политическая линия Российской Федерации в данном вопросе. Формулировка предмета исследования в автореферате докторской диссертации С. В. Карасева лишь отчасти отражает содержание его диссертации: «Предметом исследования являются военнопленные японской армии и армий ее союзников, противостоящих войскам РККА в августе-сентябре 1945 г. на Дальнем Востоке» [4, с. 5].

В автореферате С. И. Кузнецова – исследователя, заложившего основы данного направления в историографии темы – раздел «объект и предмет исследования» отсутствует.

Источниковая база

Анализ авторефератов показал, что соискатели использовали широкий круг как опубликованных, так и неопубликованных материалов. Это и опубликованные сборники документов, и документы, находящиеся на хранении в архивах (в том числе и личных), мемуары, публицистика, публикации в периодической печати и пр.

Работа по рассекречиванию документов, находящихся на хранении в различных архивах, начатая на рубеже 1980-1990-х гг., способствовала выходу в свет в 1996 г. сборника документов в серии «Русский архив» [10]. Это издание позволило исследователям изучить нормативные документы правительства СССР, органов НКВД-МВД, относящиеся к вопросам приема, размещения японских военнопленных, политической работы среди них в лагерях и ряду других. Об этом сборнике говорится в авторефератах М. Н. Спиридонова, Е. Л. Катасоновой, С. В. Карасева [4], С. П. Кима.

В 2000 г. вышел из печати сборник документов под редакцией М. М. Загорулько [3], который «восполнил пробел в документированной истории XX в., касающийся вопросов плена периода Второй мировой войны» [4, с. 18]. О значимости данного сборника, представлявшую на тот момент наиболее полную научную публикацию широкого круга документов по проблеме пребывания иностранных военнопленных в СССР, говорится во всех авторефератах, подготовленных после выхода в свет данного сборника.

В 2013 г. был издан фундаментальный сборник документов «Японские военнопленные в СССР: 1945-1956». Воспользоваться материалами данного сборника мог только С. П. Ким, защитившийся после его издания. В автореферате С. П. Кима о сборнике говорится [7, с. 7].

Анализ авторефератов показал, что все соискатели целенаправленно работали с материалами федеральных архивов: Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ), Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ), Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО РФ), Российского государственного военного архива (РГВА). Е. Л. Катасонова, кроме того, работала с документами Архива внешней политики Российской Федерации (АВП РФ), а Е. Ю. Бондаренко – документами Российского государственного исторического архива Дальнего Востока (РГИА ДВ).

О. Д. Базаров отметил, что работал с документами Особого архива при Главном архивном управлении СССР (ОА ГАУ СССР) [1, с. 8], а С. В. Карасев назвал среди архивных документов, с которыми работал, документы Центра хранения историко-документальных коллекций (ЦХИДК) [5, с. 14-15]. Оба говорили об одном и том же архиве: секретный ЦГОА (Особый архив) с 1992 г. стал называться Центром хранения историко-документальных коллекций (ЦХИДК), а в марте 1999 г. объединен с РГВА. Учитывая время, когда О. Д. Базаров и С. В. Карасев работали с документами данного архива, а также даты защит диссертаций (22.05.1997 и 18.12.2002 соответственно), О. Д. Базарову безусловно следовало указывать не ОА ГАУ СССР, а ЦХИДК; а С. В. Карасеву – вероятно, – не ЦХИДК, а РГВА.

Бóльшая часть диссертационных работ впервые разрабатывалась в территориальных рамках конкретных сибирских и дальневосточного регионов, в которых в послевоенный период находились значительные контингенты военнопленных японской армии. Заслугой соискателей является изучение и анализ большого количества документов региональных архивов.

Соискатели использовали документы целого ряда региональных архивов: Национального архива Республики Бурятия (НАРБ); государственных архивов: Кемеровской области - ГАКО, Новосибирской области - ГАНО, Красноярского края - ГАКК, Читинской области - ГАЧО, Приморского края - ГАПК, Хабаровского края - ГАХК, и других.

Работали соискатели и с документами ведомственных архивов: ИЦ ГУВД Алтайского края, Красноярского края, Кемеровской и Тюменской областей; архива МВД Республики Бурятия, архива УВД Читинской области, архива Управления ФСБ РФ по Республике Бурятия, архива Регионального управления ФСБ РФ по Читинской области, и др.

Два соискателя отметили [2, с. 23; 9, с. 14], что обнаружили определенные сведения в документальных фондах музеев: Новокузнецкого краеведческого музея, Научно-технического музея имени И. П. Бардина Новокузнецкого металлургического комбината, Амурского областного краеведческого музея им. Г. С. Новикова-Даурского (г. Благовещенск), Военно-исторического музея Восточного (Дальневосточного) военного округа (г. Хабаровск).

Некоторые соискатели указали в разделе «источниковая база» иностранные источники, с которыми они работали: японские [8, с. 10-11; 6, с. 9; 4, с. 19-20] и американский [8, с. 9-10; 4, с. 19]. Но если С. И. Кузнецов подробно охарактеризовал американский источник – документы Мемориального архива Д. Макартура (Ричмонд, штат Вирджиния) – и объяснил, каким образом он получил к ним доступ, то С. В. Карасев ограничился тремя словами: «Архив генерала Д. Макартура», что не может не вызывать к нему вопросов.

В трех авторефератах [6, с. 9; 5, с. 19; 4, с. 19-20] среди значимых источников назван издававшийся в Цуруоке (Япония, префектура Ямагата) бюллетень Всеяпонской ассоциации бывших военнопленных, имевший специальные выпуски на русском языке.

В ходе работы над диссертациями всеми авторами, как видно из авторефератов, изучались материалы периодической печати. Использовались и воспоминания японских военнопленных, позволившие соискателям дополнить сведения об их содержании в плену.

Все диссертанты использовали и источники, находящиеся в их личных архивах: записи личных бесед с бывшими военнопленными, переписка с различными организациями (в т. ч. японскими).

Недостатком обзоров источников ряда соискателей является то, что авторы, отметив, что ввели в научный оборот новые документы и материалы, не указали, какие именно. Но С. И. Кузнецов, Е. Ю. Бондаренко, Н. М. Маркдорф в своих авторефератах это сделали. Так, Е. Ю. Бондаренко пишет, что использовала «новый вид опубликованных источников» – выпущенные в 1990-е гг. топографические карты «двухкилометровки» с нанесенными по архивным данным японскими кладбищами и схемами. Карты – отметила она, – результат работы хабаровской ассоциации «Справедливость», созданной при дальневосточном аэрогеодезическом предприятии «Дальаэрогеодезия» в 1991 г. [2, с. 22-23]

В целом же данный раздел авторефератов представлен соискателями весомо. Это говорит о большой работе, проделанной историками.

Методология

Изучая раздел авторефератов «методологические основы исследования», мы обращали внимание на ведущие методологические подходы, принципы, общенаучные и специальные исторические методы, которые авторы применяли в диссертациях. Содержание данного раздела некоторых авторефератов говорит о ситуации методологической неопределенности, с которой соискатели столкнулись в 1990-е и начале 2000-х годов. Не случайно, в автореферате М. Н. Спиридонова данный раздел вообще отсутствует. А в авторефератах С. В. Карасева и О. Д. Базарова разделы о методологии совпадают [1, с. 9-10; 5, с. 12].

Большинство соискателей в качестве ведущего подхода (метода) применяли обновленный диалектико-материалистический подход в сочетании с другими подходами (системный, многофакторный и др.), с известными принципами (историзма - прежде всего) и общенаучными и историческими методами.

Но, отметим, что почти половина соискателей ограничились перечислением «стандартного набора» подходов, принципов и методов, не раскрывая их применительно к теме своего исследования.

В авторефератах докторских диссертаций данный раздел представлен более основательно, чем в авторефератах кандидатских работ. С. В. Карасев в автореферате докторской диссертации уже не пытался никого копировать, а подготовил серьезный раздел о методологии своего исследования [4, с. 6-7].

Е. Л. Катасонова, раскрывая принцип научной объективности применительно к теме своего исследования, отметила: «руководствуясь этим принципом, автор видит свою задачу в том, чтобы преодолеть сложившиеся стереотипы в нашем историческом сознании и обеспечить объективное раскрытие проблемы, уходя от конъюнктурных наслоений и политической ангажированности в подходах отдельных исследователей и политиков» [6, с. 8].

Выводы

Результаты анализа авторефератов диссертаций по указанной теме подтвердили целесообразность проведения данного исследования.

Бесспорна актуальность и общественная востребованность изучения вопросов перемещения на территорию СССР бывших военнослужащих японской армии, их размещения в лагерях системы ГУПВИ, жизнеобеспечения в плену, трудоиспользования, политической работы среди них, и др.

Большинство соискателей добросовестно представили в авторефератах материал, отражающий структуру и содержание своих добротных диссертаций; постарались донести до читателей свои взгляды и подходы к изучению этой непростой темы.

Раздел авторефератов «методологические основы исследования», свидетельствуют о том, что к 2004 году соискатели преодолели ситуацию методологической неопределенности, и в качестве ведущего подхода (метода) стали применять обновленный диалектико-материалистический подход в сочетании с системным, многофакторным и др., с известными принципами (историзма - прежде всего), общенаучными и историческими методами.

Раздел «источниковая база исследования» представлен в авторефератах весомо, что говорит о большой работе, проделанной историками в период подготовки и диссертаций, и авторефератов.

Положительным качеством большинства соискателей является отсутствие замкнутости (ведомственной, корпоративной, региональной), стремление к расширению научных контактов, к объективному рассмотрению их диссертационных исследований. Это прослеживается и по географической принадлежности ведущих организаций и оппонентов, и по наличию в ряде выбранных ведущими организациях специалистов высокой квалификации по теме диссертации.

Хотя имели место и случаи назначения оппонентов, у которых не было научных публикаций по теме «Японские военнопленные в СССР». В двух организациях, ставших ведущими, ее сотрудники в научном плане темой соискателя, по нашим сведениям, не занимались [1, 4]. Однако следует иметь в виду, что специалистов по данной теме у нас и сейчас немного, а в 1990-е и начале 2000-х гг. было еще меньше.

В целом, рассмотренные авторефераты диссертаций для изучения историографии темы «Японские военнопленные в СССР» представляют собой очень важный материал.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Базаров О. Д. Японские военнопленные в Бурятии (1945-1948 гг.): автореф. дисс. ... к.и.н. Иркутск, 1997. 18 с.
2. Бондаренко Е. Ю. Иностранные военнопленные на Дальнем Востоке России (1914-1956 гг.): автореф. дис. ... д.и.н. Владивосток, 2004. 45 с.
3. Военнопленные в СССР. 1939-1956. Документы и материалы / сост. М. М. Загорулько, С. Г. Сидоров, Т. В. Царевская; под ред. М. М. Загорулько. М.: Логос, 2000. 1120 с.
4. Карасев С. В. История плена: советско-японская война и ее последствия (1945-1956 годы): автореф. дисс … д.и.н. Улан-Удэ, 2007. 39 с.
5. Карасев С. В. Японские военнопленные на территории Читинской области (1945-1949 гг.): автореф. дисс. … к.и.н. Иркутск, 2002. 30 с.
6. Катасонова Е. Л. Решение гуманитарной проблемы японских военнопленных в отношениях СССР (РФ) и Японии (1945-2003 гг.). Исторический аспект: автореф. дисс …д.и.н. М., 2004. 43 с.
7. Ким С. П. Японские военнопленные на территории Советского Союза (1945-1956 гг.): автореф. дисс. …к.и.н. М., 2016. 28 с.
8. Кузнецов С. И. Японские военнопленные в СССР после второй мировой войны (1945-1956 гг.): автореф. дисс. … д.и.н. Иркутск, 1994. 39 с.
9. Маркдорф Н. М. Иностранные военнопленные и интернированные в Западной Сибири: 1943-1956 гг.: автореф. дисс. …д.и.н. Новосибирск, 2012. 40 с.
10. Русский архив: Великая Отечественная. Иностранные военнопленные второй мировой войны в СССР. Т.24 (13). М.: ТЕРРА, 1996. 560 с.
11. Спиридонов М. Н. Японские военнопленные в Красноярском крае (1945-1948 гг.): проблемы размещения, содержания и трудового использования: автореф. дисс. …к.и.н. Красноярск, 2001. 26 с.
12. Черевко К. Е. Россия на рубежах Японии, Китая и США (2-я половина XVII - начало XXI века) / отв. ред. О. А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2010. 688 с.
13. Черевко К. Е. Серп и молот против самурайского меча. М.: Вече, 2003. 384 с.
14. Черевко К. Е., Кириченко А. А. Советско-японская война (9 августа – 2 сентября 1945 г.). Рассекреченные архивы (предыстория, ход, последствия). М.: МППА «БИМПА», 2006. 320 с.
15. Шалак А. В. Трудовое использование японских военнопленных на территории Восточно-сибирского экономического района в 1945-1949 гг. // Известия Иркутской государственной экономической академии. 2012. № 3 (83). С. 180-186.
16. Шалак А. В. Японские военнопленные в Забайкальском крае: проблемы размещения и трудовой деятельности (на примере лагеря № 24) // Историко-экономические исследования. 2010. Т. 11. № 3. С. 29-42.
17. Шалак А. В. Японские военнопленные на территории Иркутской области: динамика численности, условия проживания, трудовое использование (1945-1949 гг.) // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2011. Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2011. С. 225-237.

18. Шалак А. В. Японские военнопленные лагеря № 34 на территории Красноярского края (1945-1948 гг.) // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2012. Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2012. С. 246-255.
19. Японские военнопленные в СССР: 1945-1956. Сборник документов / Сост. В. А. Гаврилов, Е. Л. Катасонова. М.: МФД, 2013. 784 с.

REFERENCES

1. Bazarov O. D. Japanese prisoners of war in Buryatia (1945 1948): abstract. dis. kand. ist. Sciences. Irkutsk, 1997. 18 p.
2. Bondarenko E. Y. Foreign prisoners of war in the far East of Russia (1914 1956): author. dis. ... d-ra ist. sciences. Vladivostok, 2004. 45 p.
3. Prisoners of war in the Soviet Union. 1939 1956. Documents and materials / Ed. M. M. Zagorulko, S. G. Sidorov, V. T. Tsarevskaya; edited by M. M. Zagorulko. M.: Logos, 2000. 1120 S.
4. Karasev, S. V., history of the captivity: Soviet-Japanese war and its aftermath (1945 1956): author. dis ... d-ra ist.Sciences. Ulan-Ude, 2007. 39 p
5. Karasev, S. V., Japanese prisoners of war in the territory of the Chita region (1945 1949 gg.): author. dis. kand. ist. Sciences. Irkutsk, 2002. 30 p.
6. Katasonova, E. L. a Review. Available at: www.iriran.ru/sites/default/files/KIM_otzyv_Katasonova (date accessed: 15.10.2016).
7. Katasonova, E. L. Solution of humanitarian problems of Japanese prisoners of war in relations between the USSR (Russia) and Japan (1945-2003). Historical aspect: Avtoref. dis ...d-ra ist. Sciences. M., 2004. 43p.
8. Kim S. P. Japanese prisoners of war in the Soviet Union (1945 and 1956): author. dis. kand. ist. Sciences. M., 2016. 28 p.
9. Kuznetsov, S. I. Japanese prisoners of war in the Soviet Union after the second world war (1945 and 1956): author. dis. ... d-ra ist. Sciences. Irkutsk, 1994. 39 p
10. Markdorf N. M. Foreign prisoners and internees in Western Siberia: 1943 1956: author. dis. ...d-ra ist. Sciences. Novosibirsk, 2012. 40 p.
11. Russian archive: Great Patriotic war. Foreign prisoners of world war II in the Soviet Union. Vol. 24 (13). Moscow: TERRA, 1996. 560 p.
12. Spiridonov M. N. Japanese prisoners of war in the Krasnoyarsk territory (1945 1948): problems of accommodation, maintenance and labor utilization: abstract. dis. kand. ist. Sciences. Krasnoyarsk, 2001. 26 p
13. Cherevko, K. E. Russia on the borders of Japan, China and USA (2nd half of XVII beginning of the XXI century). ed. edited by O. A. Platonov. Moscow: Institute of Russian civilization, 2010. 688 p
14. Cherevko, K. E. hammer and Sickle against a samurai sword. M.: Veche, 2003. 384 p.
15. Cherevko, K. E., Kirichenko, A. A., Soviet-Japanese war (August 9 to September 2, 1945). Declassified files (background, course, consequences). M.: MPPA "BIMPA", 2006. 320 p.
16. Salak A.V. Labor the use of Japanese prisoners of war in the East-Siberian economic region in 1945 and 1949. news of Irkutsk state economic Academy. 2012. No. 3 (83). Pp. 180-186.
17. Salak A.V. Japanese prisoners of war in the TRANS-Baikal region: problems of placement and employment (for example, camp No. 24). Historical-economic research. 2010. T. 11. No. 3. Pp. 29-42.
18. Salak A.V. Japanese prisoners of war in the territory of the Irkutsk region: the population dynamics, living conditions, labor use (1945 1949 gg.).Irkutsk historical and economic Yearbook: 2011. Irkutsk: Publishing house bguep, 2011. PP. 225-237.
19. Salak A.V. Japanese prisoners of war camp No. 34 on the territory of Krasnoyarsk Krai (1945 1948). Irkutsk historical and economic Yearbook: 2012. Irkutsk: Publishing house bguep, 2012. Pp. 246-255.

Информация об авторе

Серебренников Сергей Владимирович, кандидат исторических наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Кузбасского института экономики и права (КузИЭП)
г. Кемерово, Россия
serebrennikov_s@list.ru

Получена:15.12.2016

Для цитирования статьи: Серебренников С. В., Авторефераты диссертаций о японских военнопленных в СССР (1945-1956 гг.) как историографический источник. Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. Том. 8. № 6. Часть 2. с. 66-73.
DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-6/2-66-73.

Information about the author

Sergey V. Serebrennikov, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of State and Legal Disciplines, Kuzbass Institute of Economics and Law,
Kemerovo, Russia
serebrennikov_s@list.ru

Received: 15.12.2016

For article citation: Serebrennikov S. V., Abstracts of thesis about the japanese prisoners of war in the USSR (1945-1956) as the historiographical source. Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatelnaya mys'l = Historical and Social Educational Ideas. 2016. Vol . 8. no. 6. Part. 2. Pp. 66-73.
DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-6/2-66-73. (in Russian)

УДК 94 DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-6/2-74-77

СУСЛОВ Михаил Григорьевич
Пермский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
г. Пермь, Россия
suslovmi@yandex.ru

Mikhail G. SUSLOV
Perm Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
Perm, Russia
suslovmi@yandex.ru

ПОДПРЯТОВ Николай Вячеславович
Пермский государственный национальный исследовательский университет
г. Пермь, Россия

Nikolay V. PODPRIATOV
Perm State National Research University
Perm, Russia

СОВРЕМЕННЫЕ УГРОЗЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В РОССИИ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

ACTUAL THREATS TO RUSSIAN NATIONAL SECURITY: REGIONAL ASPECT

Перечень современных угроз отдельным странам и регионам весьма велик от глобализации, глобализующей все процессы, до третьей мировой войны, которая из фазы очаговых вооруженных конфликтов начинает движение к сценарию Первой и Второй мировых войн. Как отдельным регионам, так и целым странам немалые угрозы будут представлять две тенденции мирового развития, а именно - интеграции и дезинтеграции, которые действуют одновременно, но с разной силой в разное время и разных регионах. Интеграция чревата нарастающими миграционными потоками и порожденными ими многочисленными проблемами и конфликтами. Дезинтеграция или распад многонациональных и даже мононациональных государств будут связаны с ростом национального самосознания народов, национальными движениями. В настоящее время мир вступает в четвертый этап национальных движений, когда обозначит себя борьба за создание этнически чистых государств, что будет сопровождаться мягкими и жесткими, даже кровавыми этническими чистками как в отдельных регионах, так и в странах в целом. Будет набирать силу тенденция дезинтеграции и на социально-экономической основе, когда богатые и развитые регионы не буду желать содержать и дотировать депрессивные регионы. В России была попытка реализовать идею Б.Н. Ельцина о создании Уральской республики. Первая попытка была пресечена, но угроза регионального сепаратизма не снята и не будет снята до тех пор, пока в регионах существует разный уровень развития и жизни граждан. В статье отмечены и другие угрозы, а также высказаны рекомендации о том, как избежать или понизить градус этих угроз на общегосударственном и региональном уровнях.

Ключевые слова: прямые и косвенные, внутренние и внешние угрозы для России и ее регионов, которые несут глобализация, Третья мировая война, тенденции интеграции и дезинтеграции, рост национального самосознания народов, четвертый этап национальных движений, неравномерность социально-экономического развития регионов.

List of modern threats to individual countries and regions is quite large from globalization that globalizes all processes to the third world war, which from the focal phase of armed conflict starts to move to the script of the First and Second world wars. As individual regions and the whole country a lot of threats will present two trends of world development, namely, integration and disintegration, which act simultaneously but with different strengths at different times and different regions. Integration is fraught with growing migration flows and generated numerous problems and conflicts. Disintegration or the disintegration of the multinational and even mono-ethnic States will be associated with the growth of national consciousness of peoples, national movements. Currently the world is entering the 4th stage of national movements, when you represent yourself, the struggle for the creation of ethnically pure States, followed by soft and hard, even the bloody ethnic cleansing, as in some regions and countries in General. Will increase the tendency of disintegration and socio-economic basis, when the rich and developed regions will not be willing to support and subsidize the depressed regions. In Russia there was an attempt to implement the idea of the bn. Yeltsin about creation of the Ural Republic. The first attempt was foiled, but the threat of regional separatism has not been removed and will not be charged until, while in regions of different development level and people's life. The article noted other threats, and made recommendations on how to avoid or reduce the degree of these threats at the national and regional levels.

Keywords: direct and indirect, internal and external threats for Russia and its regions, which are globalization, Third world war, trends of integration and disintegration, growth of national consciousness of peoples, fourth stage of national movements, uneven socio-economic development of regions

Проблемы национальной безопасности для современной России становятся все острее и значимее. Это связано со многими факторами как внешнего, так и внутреннего характера. Мир вступает в новую стадию своего развития, которая порождает новые угрозы. Глобализация, то есть превращение рынка и капитализма в глобальную мировую систему, ведет к глобализации всех процессов, в том числе и угроз на глобальном, национальном и региональном уровнях.

К таким глобальным угрозам можно отнести мировые экономические кризисы, череда которых только наступает [1, с. 882-885]. Если после Великой депрессии 1929-1933 гг. 75 лет не было столь глубокого мирового экономического кризиса, то создавалось ощущение, что времена глубоких мировых экономических кризисов миновали. Об этом немало писали зарубежные и отечественные ученые, пока в 2008 г. не обозначил себя новый мировой экономический кризис. В силу масштабности и характера этого кризиса не только страны, но и отдельные регионы многих стран будут испытывать трудности, порожденные мировыми экономическими кризисами.

К числу глобальных угроз следует отнести и третью мировую войну, которая из фазы очаговых и локальных вооруженных конфликтов начинает продвигаться к войне по сценарию Первой и Второй мировых войн. Однако собственно глобальные угрозы для стран или их регионов - это особая тема.

Что касается проблем национальной безопасности на региональном уровне, то они тоже тесно связаны с глобальными процессами. В настоящее время в глобальном мировом масштабе срабатывают две основные тенденции: интеграции и дезинтеграции. Интеграционные процессы, происходившие в Европе и приведшие к созданию Европейского союза, сегодня дополняются созданием ШОС, БРИКС, Евразийского союза и других международных организаций, отражающих общемировые интеграционные процессы. Степень интегрированности стран в указанных организациях достаточно различна, но тем не менее каждая из организаций отразила именно интеграционные тенденции на мировом глобальном уровне.

Казалось бы, интеграция прямой угрозы регионам не несет, но этот процесс усиливает и увеличивает миграционные потоки, которые могут создавать и уже создают весьма серьезные проблемы, трудности и угрозы национальной безопасности как на национально-государственном, так и на региональном уровнях.

Запредельный уровень насыщения того или иного региона мигрантами может резонировать этно-национальными и межконфессиональными конфликтами, ухудшением криминогенной обстановки, ростом заболеваемости населения и, что еще хуже, ростом социальной напряженности, связанной с падением цены на рабочую силу, ростом безработицы и понижением уровня жизни коренного населения того или иного региона или страны в целом.

Достаточно серьезны процессы дезинтеграции, которые обозначаются не только в Европе, но и на других континентах земного шара. Дезинтеграция обозначила себя на двух основах: на социально-экономической и национальной. Дезинтеграция на национальной основе уже привела к распаду ряда многонациональных государств. Распались Чехословакия, Югославия, Советский Союз. В других многонациональных государствах дают о себе знать национальные движения, ставящие себе целью обретение независимости, обособление или отделение.

Процесс распада многонациональных государств продолжится и впредь. Для этого есть веские объективные причины. А именно - рост национального самосознания народов в многонациональных государствах, формирование национальной буржуазии в национальных регионах, слабость обществоведческой науки, ее отставание от запросов жизни и воздействие внешнего фактора в виде поддержки сепаратистских настроений в том или ином регионе из-за рубежа. Поскольку современная Российская Федерация является многонациональным государством, то эта угроза уже давала о себе знать в двух чеченских войнах и может вновь стать реальной как для отдельных регионов, так и для страны в целом.

Следует иметь в виду и то, что мир вступает в четвертый этап национальных движений, когда на повестку дня встает вопрос о формировании этнически чистых государств. Сразу оговоримся, что нигде и никому не удастся создать этнически чистое государство, но идея создания такого государства будет обозначать себя, приводя к межнациональным конфликтам и этническим чисткам. Примеры проявления этнических чисток на местном уровне наблюдались и наблюдаются во многих странах мира, в том числе и в некоторых российских регионах.

Отдаленную угрозу регионам и стране в целом может представлять рождаемость. Уже сегодня статистика рождаемости и смертности среди коренного населения и мигрантов в нашей стране и за рубежом указывает на существенные диспропорции, когда у мигрантов рождаемость превышает смертность, тогда как у коренного населения зачастую смертность превышает рождаемость [2].

По данным Т. Соботки, доля рождений у женщин-мигранток, приехавших из других стран, в европейских странах в общем числе рождений составляла в 2004-2006 гг.: 11-15% в Австрии, Дании, Италии, Франции, 17-19% в Бельгии, Германии, Испании, Нидерландах и Швеции, 22% в Англии и Уэльсе, 26% в Швейцарии [3]. Во всех странах, где имеются соответствующие данные в динамике, отмечается значительное увеличение вклада иммигрантов. Так, в Англии и Уэльсе иммигрантки обеспечивали 13% всех рождений в 1980 г., а в 2006 - 22%, в Германии, соответственно, 15% и 18%, в Швейцарии - 15% и 26% за те же годы. Особенно быстро этот показатель в последние годы увеличивается в Испании (с 3% в 1996 г. до 17% в 2006 г.) и Италии (с 5% в 1999 г. до 12% в 2005 г.) [4].

По итогам 2013 г., Россия впервые за 22 года вышла на положительный естественный прирост, составивший 23 тыс. человек. В масштабах России уровень рождаемости практически совпадает с уровнем смертности уже в течение нескольких лет. При этом в России на протяжении долгого времени регистрируется положительное миграционное сальдо, то есть число иммигрантов превышает число эмигрантов. В итоге население России на протяжении нескольких последних лет непрерывно растет.

В январе 2016 г. глава Минтруда РФ Максим Топилин сообщил, что естественный прирост населения России за 11 месяцев прошлого года составил около 24 тыс. человек. По данным за июль 2016 г., количество родившихся россиян (165 340 младенцев) превысило число умерших (155 922) на 18 466 человек. Это почти вдвое больше июньского прироста [5].

В связи с меньшими миграционными потоками в Россию демографическая ситуация пока не представляется угрожающей, но промышленно развитые регионы, крупные города и приграничные регионы Российской Федерации начинают ощущать появление и этой проблемы.

Тенденция дезинтеграции отдельных государств обозначила себя и на социально-экономической основе. Во многих случаях регионы, составляющие то или иное государство, очень различны по этно-национальному и социальному составу, по религиозным и культурным предпочтениям, по обычаям и традициям или по многим другим основаниям.

Россия заключает в себе особенно много различий. Более 160 народов проживает в Российской Федерации. Они находятся в достаточно различных природно-климатических условиях и на разных уровнях развития. Это хорошо прослеживается по воспроизводству в современной России общественных отношений минувших эпох. В современной России воспроизводятся, фактически, все отношения, которые знала мировая история.

Несмотря на господство рыночных отношений, в стране имеют место феодальные, дофеодальные, родоплеменные и даже первобытнообщинные отношения. Криминальная статистика России знает немало случаев работорговли, как и фактов торговли женщинами и детьми.

Воспроизводство исторически изживших себя отношений реальной угрозы ни регионам, ни стране не несет, хотя деформирующее воздействие на некоторые стороны жизни общества оказывает, что тоже можно рассматривать как своеобразную угрозу.

Гораздо большую угрозу стране несет неравенство в социально-экономическом развитии регионов. Вброшенную Б.Н. Ельциным в 1990 г. идею разделения Российской Федерации на семь республик не забыли [6]. Более того, главой Свердловской области Э.Э. Росселем предпринимались шаги по реализации ельцинской идеи, когда делались реальные попытки создания «Уральской республики». Под эти планы была подведена и теоретическая основа, когда А.А. Баков и В.Р. Дубичев выдали теорию Средиземья [7, с. 5-6]. Попытка была пресечена президентом, но это не значит, что к ней не попытаются вернуться вновь на Урале, в Сибири или каком-то другом регионе.

В условиях информационной насыщенности мира и информационной прозрачности, массы знают, в каком регионе и как живут их сограждане, какой регион дотационный и кто выступает в роли донора. Это наводит людей на мысль, что «наш» регион, как более развитой и имеющий большой сырьевой, энергетический и промышленный потенциал, стал бы жить гораздо лучше, если бы не тратился на дотационную поддержку других, более бедных регионов. Именно эта логика толкает людей к сепаратизму, создавая угрозу целостности государства.

Все перечисленное не исчерпывает перечня угроз на региональном уровне. Что же следует предпринять государству для снятия или ослабления этих угроз? 1. Должна возрасти регулирующая роль государства в ключевых сферах жизни общества. К этим ключевым сферам следует отнести регулирование финансовых потоков, энергоресурсов и социальной сферы. 2. Государство должно прилагать больше усилий для выравнивания социально-экономического и культурного уровней развития регионов. 3. Особое внимание федеральных и региональных властей должно уделяться контролю и регулированию миграционных потоков, соотнося миграционные потоки с потребностями и возможностями регионов. 4. Большее внимание федеральных и региональных властей должно уделяться демографической политике, исключающей контраст между рождаемостью и смертностью мигрантов и коренного населения. 5. Пора уделить внимание культуре межнационального общения, не исключая преподавание специального предмета в школах и вузах страны. 6. Следует ликвидировать отставание общественных наук от запросов времени. Общественная наука должна живее и адекватнее реагировать на новые реалии в развитии регионов, стран и мира в целом.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Suslov M.G., Zhukova T.M. What Has Caused the Modern Economic Crisis // World Applied Sciences Journal. - 2013. - № 25 (6). - Pp. 882-885.
2. Захаров С., Сурков С. Миграция и рождаемость в России // Домоскоп Weekly. Электронная версия бюллетеня Население и общество Институт демографии Государственного университета - Высшая школа экономики // [Электронный ресурс] - http://www.demoscope.ru/weekly/2009/0399/tema01.php (дата обращения: 10.11.2016).
3. Sobotka T. The rising importance of migrants for childbearing in Europe // Demographic Research. 2008. Vol. 19. Article 9 (Book 1 of Special collection 7. Childbearing Trends and Policies in Europe. Ed. by Frejka T., Sobotka T., Hoem J.M., Toulemon L.). Pp. 225-247.
4. См.: Sobotka T. Does Persistent Fertility Threaten the Future of European Populations? In: J. Surkyn, P. Deboosere, J. Van Bavel (Eds.) Demographic Challenges for the 21st Century: A State of the Art in Demography. - Brussels: VUBPRESS Brussels Univ. Press, 2008. - Pp. 27-89.
5. Демография России / [Электронный ресурс] - http://ruxpert.ru/%D0%94%D0%B5%D0%BC%D0%BE%D0%B3%D1%80%D0%B0%D1%84%D0%B8%D1%8F_%D0%A0%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%B8%D0%B8 (дата обращения: 22.11.2016).
6. Веприцкий В. Программа Ельцина // Уральский рабочий. - 1990. - 31 января.
7. Баков А., Дубичев В. Цивилизация Средиземья. - Екатеринбург: Уральский рабочий, 1995. - 192 с.

REFERENCES

1. Suslov M.G., Zhukova T.M. What Has Caused the Modern Economic Crisis . World Applied Sciences Journal. 2013. № 25 (6). Pp. 882-885.
2. Zakharov S., Surkov S. Migracija i rozhdaemost' v Rossii. Domoskop Weekly. Jelektronnaja versija bjulletenja Naselenie i obshhestvo Institut demografii Gosudarstvennogo universiteta - Vysshaja shkola jekonomiki. [Migration and the birth rate in Russia. Demoskop Weekly. The electronic version of the Bulletin Population and society, the Institute of demography, State University - Higher school of Economics]. Available at: http://www.demoscope.ru/weekly/2009/0399/tema01.php (date accessed: 10.11.2016)
3. Sobotka T. The rising importance of migrants for childbearing in Europe. Demographic Research. 2008. Vol. 19. Article 9 (Book 1 of Special collection 7. Childbearing Trends and Policies in Europe. Ed. by Frejka T., Sobotka T., Hoem J.M., Toulemon L.). Pp. 225-247.
4. Sm.: Sobotka T. Does Persistent Fertility Threaten the Future of European Populations? In: J. Surkyn, P. Deboosere, J. Van Bavel (Eds.) Demographic Challenges for the 21st Century: A State of the Art in Demography. Brussels: VUBPRESS Brussels Univ. Press, 2008. Pp. 27-89.
5. Demografija Rossii. [Demography Of Russia]. Available at: http://ruxpert.ru/%D0%94%D0%B5%D0%BC%D0%BE%D0%B3%D1%80%D0%B0%D1%84%D0%B8%D1%8F_%D0%A0%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%B8%D0%B8 (accessed: 22.11.2016).
6. Veprickij V. Programma El'cina. Ural'skij rabochij. 1990. 31 janvarja. [Warecki Programme Yeltsin. Ural worker.]
7. Bakov A., Dubichev V. Civilizacija Sredizem'ja. [Bakov A. and Dubichev V. Civilization of middle-earth]. Ekaterinburg: Izd. Ural'skij rabochij, 1995. 192 p.

Информация об авторе

Суслов Михаил Григорьевич, доктор исторических наук, профессор, Пермский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
г. Пермь, Россия
suslovmi@yandex.ru

Подпрятов Николай Вячеславович, доктор исторических наук, профессор, Пермский государственный национальный исследовательский университет,
г. Пермь, Россия

Information about the author

Mikhail G. Suslov, Doctor of Historical Sciences, Professor, Perm Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
Perm, Russia
suslovmi@yandex.ru

Nikolay V. Podpriatov, Doctor of Historical Sciences, Professor, Perm State National Research University,
Perm, Russia

Получена: 17.12.2016

Для цитирования статьи: Суслов М. Г., Подпрятов Н. В., Современные угрозы национальной безопасности в России: региональный аспект. Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. Том. 8. № 6. Часть 2. с. 74-77.
DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-6/2-74-77.

Received: 17.12.2016

For article citation: Suslov M.G., Podpryatov N.V., Actual threats to russian national security: regional aspect. Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatelnaya mys'l = Historical and Social Educational Ideas. 2016. Vol . 8. no. 6. Part. 2. Pp. 74-77.
DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-6/2-74-77. (in Russian)

УДК-355.359.5 DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-6/2-78-82

ТИТОРЕНКО Марина Федоровна
Краснодарский филиал Финансового университета при Правительстве Российской Федерации
г. Краснодар, Россия
luchshiitour911@yandex.ru

Marina F. TITORENKO
Krasnodar Branch of Financial University under the Government of the Russian Federation
Krasnodar, Russia
luchshiitour911@yandex.ru

КУБАНСКИЕ КАЗАКИ НА СЛУЖБЕ ОТЕЧЕСТВУ

KUBAN COSSACKS IN THE SERVISE OF THE FATHERLAND CASE

Война между Россией, Турцией и Ираном за Северный Кавказ завершилась в пользу России. Геополитическое расположение региона требовало укрепления позиций России в неспокойном крае. Надежным щитом в решении этого вопроса на большей части Северного Кавказа стали кубанские казаки. На Линиях (Старой и Новой) распорядок жизни казаков подчинялся военному режиму, обусловившему историческую разумность, обеспечившему выживание в новых условиях. Бюрократизация управления в общегосударственном масштабе способствовала усилению власти над организационными структурами казачества. Порядок формирования частей и сроки строевой службы в новых исторических условиях менялись. Во второй половине XIX в. казаки столкнулись с проблемой комплектации казачьих структур, для выхода из сложившейся ситуации был введен новый (жеребьевый) порядок несения полевой службы казаками. В результате военных реформ статус казачьих формирований заметно снизился, военное начало угасало. Мобилизационные возможности казаков по отбыванию воинской повинности становились все обременительнее. Вместе с тем высокие моральные качества, преданность России, чувство долга, боевая выучка, чувство собственного достоинства, занимавшие ведущее место в иерархии казачьих ценностей, выступали основополагающими категориями при подготовке достойных защитников Отечества. Лучшим из них предоставлялось право нести службу в конвое императора, Варшавском дивизионе, Бельведерском дворце и др. При повышении в чинах учитывались выслуга лет, усердие, образование.

Ключевые слова: кубанские казаки, служба, обязанность, реформы, политика, «огосударствление», дивизион, императорский конвой, офицеры, дворяне, полицейские функции.

The war between Russia, Turkey and Iran for the North Caucasus ended in favor of Russia. The geopolitical location of the region demanded the strengthening of Russia's positions in the troubled region. The Kuban Cossacks provided the reliable shield in most parts of the North Caucasus. On the Lines (Old and New) the Cossacks' daily life was led according to the historically dictated military regime, which ensured the survival in the new circumstances. The procedure of units' formation and terms of military service changed frequently in the new historical conditions. As a result, in the second half of the XIX century the Cossacks faced the problem of completing the Cossack units. In order to solve this problem a new (drawing kind) procedure of the Field Service for Cossacks was introduced. As a result of the military reforms the status of Cossack units declined significantly, the military spirit began to fade. The Cossacks' mobilization possibilities of military service became more and more of a burden. However, the high moral basis, devotion to Russia, sense of duty, combat training, self-esteem, which took a leading position in the hierarchy of the Cossacks' values, were fundamental categories in the preparation of decent defenders of the Fatherland. The best of them were granted the right to serve in the emperor's convoy, in the Warsaw division and the Belvedere Palace, and others. When it was time to be promoted in ranks, the length of service, hard work and education were taken into account. The bureaucratization of management on the national scale helped strengthen the power upon the Cossacks' units, which led to the extinction of the military spirit of the Cossacks and lower mobilization readiness.

Keywords: Kuban Cossacks, service, duty, reforms, policy, "nationalization", division, imperial guards, officers, sergeants, nobles, police function

Завершение многовековой борьбы между Россией, Турцией, Ираном и другими государствами в пользу России за сферу влияния на Северном Кавказе определило направленность российской политики в регионе. На первом этапе политика Российской империи по отношению к горцам Северного Кавказа носила характер «ласканий». Российские власти, региональные и столичные, стремились различными способами «умиротворить» горские народы, сулили выгоды от русского подданства [1]. Вместе с тем Россия оставляла за собой право применять силу, если существовала угроза ее безопасности, а действия и интересы горцев вступали в противоречие с российскими. Ее отношения с северокавказскими народами в этот период представляли собой сложное переплетение антироссийских выступлений и присяги на «подданство», борьбы с «неверными» и заключения договоров о сотрудничестве. Для упрочения своих позиций, обусловленных в первую очередь геополитической необходимостью, России важно было укрепить стратегические пути, соединяющие Северный Кавказ с Закавказьем, обеспечить безопасность южных рубежей и выход к Черному морю. Реализовать планы удалось путем строительства оборонительных сооружений и укреплений вдоль Старой и Новой Линий, заселения земель, обретенных в ходе длительной борьбы с Турцией, казаками, как наиболее мобильной и приспособленной к жизни в экстремальных условиях группы населения России.

Важное место в управлении казачьих общин в момент переселения на новые земли занимало военное начало. Порядок и структура управления определялись стремлением имперской России создать опору власти в лице казачьей верхушки [2]. При этом для линейных казаков приказы непосредственных начальников довольно часто были важнее и понятнее россий-

ских законов, так как военный режим держал их в границах возложенных обязанностей. При этом Северный Кавказ все отчетливее становился «тыловой территорией Российской империи»». Добровольная служба для казаков превращалась в государственную обязанность, влияние со стороны правительственных структур на казачество с каждым годом усиливалось. Издавались десятки распоряжений, формировались новые полки, станицы переводились из одного полка в другой, из бригады в бригаду. Изменился порядок формирования строевых частей и значимость родов войск. Казаков все чаще привлекали к несению полицейской службы. Произошло уравнивание в выплате жалования офицерам строевых частей казачьих войск с офицерами регулярной армии. Указом Александра II (1856) были ограничены права казаков на получение дворянского титула. Лишь дослужившись до чина полковника или капитана первого ранга (4 класс), они могли получить потомственное дворянство на действительной военной службе, остальные казачьи офицеры получали личностное дворянство [3]. Становление кубанского казачества от истоков до устья реки Кубань проходило под влиянием правительственных мер, воздействием исторических и социально-экономических условий, параллельно шло его «огосударствление».

В 1861 г. дивизион, укомплектованный казаками Кубанского казачьего войска, в рамках проводимых реформ был переименован в Кубанский казачий дивизион при Первой армии. Для службы в дивизионе отбирали лучших казаков из числа урядников и офицеров от разных полков. Казаков дивизиона командировали в различные части, они числились на действительной военной службе. В обязанности казаков дивизиона входило сопровождение главкома Первой действующей армии, наместника Царства Польского, командующего войсками Варшавского военного округа, они несли караульную службу в королевском замке и Бельведерском дворце. В общевойсковом плане дивизион подчинялся походному атаману донских казачьих полков, позже - начальнику штаба Варшавского округа. Выправка и выучка кубанских казаков Варшавского дивизиона была предметом восхищения на смотрах войск Варшавского военного округа. Генерал-инспектор кавалерии отмечал: «Кубанцы показали себя отлично, хорошо маневрировали, быстро и качественно выполняли боевую задачу» [4].

Кубанские казаки достойно несли службу и в конвойной сотне императора, охраняли его семью. В конвой, как правило, отбирали казаков из зажиточных семей, примерного поведения, отличившихся на службе, здоровых, видных лицом, ростом 177-191 см, не старше 30 лет. Это были проверенные и преданные престолу люди, боевые и физически крепкие. Служба в конвое считалась почетной, по возвращении в станицы к конвойцам относились с особым уважением. Тех, кто с отличными успехами служил в императорском конвое не менее четырех лет, награждали золотой или серебряной медалью с надписью «За усердную службу в Собственном конвое Государя Императора». Кроме того, казаков дивизиона направляли в специальные команды для несения службы при командующем войсками Кавказского военного округа. Кубанские казаки служили при Российской императорской миссии в Персии, Азербайджане, Афганистане, при консульствах. Численность казаков дивизиона с каждым годом увеличивалась, этого требовала сложность внутриполитической обстановки и необходимость усиления охраны чиновников миссии за границей [5].

Положение 1870 г. регулировало несение службы казаками в новых исторических условиях. Ее срок в пределах Кавказского края устанавливался командующим войсками округа, вне его пределов - военным министром. Согласно положению, казаков приготовительного разряда стали распределять на «первоочередных» и «дальнеочередных», был ликвидирован всеобщий характер полевой (строевой) службы казаков и введен жеребьевый. Для поступления на 15-летнюю полевую службу, при отсутствии необходимого числа добровольцев, среди 19-летних казаков проводилась жеребьевка (жеребьевый порядок призыва на действительную службу в Кубанском войске просуществовал до 1882 г.). Наряды на полевую и кордонную службу зависели исключительно от потребностей государства и неуклонно возрастали. Условия отбывания воинской повинности становились непосильными для большинства семей, нередко приводили к их разорению. Частично облегчил положение казаков Устав о воинской повинности (1875). В нем сохранялся «… прежний принцип приобретения лошадей, вооружения и снаряжения за счет самих казаков, но при этом предусматривался механизм возмещения понесенного казаками ущерба в ходе военных действий» [6].

К середине 80-х годов XIX в. казачьи войска столкнулись с острой проблемой комплектации строевых частей. Для выполнения воинских обязанностей у казаков уже не хватало мобилизационных возможностей. Воинская повинность в условиях развивающегося капитализма стала для них еще более обременительной. Трудно стало совмещать воинскую повинность и продуктивное ведение хозяйства. Согласно положению «О военной службе казаков Кубанского и Терского казачьих войск» (1882), служилый состав войска стал делиться на три разряда: приготовительный, строевой и запасной; изменились сроки пребывания в каждом из них. В приго-

товительном разряде казаки находились 3 года, в строевом и на действительной службе - 4 года, на льготе - 8 лет, в запасном разряде - 5 лет. Общий срок службы составлял 20 лет. От казаков, прибывших на действительную службу, требовали, чтобы «… лошади были в хороших телах, ружья, патроны, шашки, кинжалы и подсумки были приведены в исправность», чтобы у каждого имелись боевые патроны в полном комплекте, «в надлежащей чистоте и образцовом виде находились ружья и форменное обмундирование» [7].

Служба казаков требовала все больших затрат. Снаряжение определялась суммой более 100 руб., средняя лошадь стоила столько же. За годы службы казакам приходилось несколько раз обновлять снаряжение и приобретать лошадей (на это уходила большая часть семейного бюджета, довольно часто весь бюджет). В годы войн из каждой казачьей семьи нередко одновременно призывались на службу несколько человек. Земельные наделы уже не покрывали расходов, связанных со службой. За убитую лошадь во время прохождения службы казачьим офицерам и медицинским чиновникам из государственной казны выплачивали по 43 руб., рядовым казакам и фельдшерам - по 21 руб. 45 коп. Строевые части Кубанского казачьего войска подчинялись непосредственно наказному атаману и командующему войсками Кавказского военного округа. Находясь на действительной службе за пределами Кавказского округа, они в установленном порядке подчинялись начальникам тех округов, на территории которых располагались. Довольствие получали из войсковой казны со дня выхода на службу. Его выдача прекращалась по прибытии «на роспускные пункты» (плюс один день для осмотра). На строевых и упряжных лошадей выделялось фуражное довольствие. Отставные казаки не могли отлучаться за пределы войска без разрешения войскового начальства.

Подготовка офицеров для службы в строевых частях и на административных должностях велась в Ставропольском юнкерском училище. В училище принимали преимущественно детей потомственных и личностных (личных) дворян (120 мест: 70 - кубанцы, 20 - терцы, 30 - Кавказская кавалерийская дивизия). При юнкерском училище находился полевой лагерь для прохождения практики (устройство укрытий, строй, устройство и применение оружия, верховая езда, джигитовка, ковка лошадей). С 1898 г. офицеров Кубанского и Терского казачьих войск готовили в Донском и Владикавказском кадетских казачьих корпусах и в Майкопской артиллерийской школе [8].

Преимуществом при повышении в чинах пользовались казаки, успешно окончившие курсы в учебных командах и пробывшие на службе или в местной команде более одного года. Дети казаков производились в хорунжие по выслуге 12 лет на походной службе (в действительной армии) или 20 лет на канцелярских должностях при хорошем поведении, усердии в службе и значимых делах [9]. Дети потомственных дворян начиная с 16-летнего возраста беспрепятственно принимались в казачьи полки для прохождения воинской службы или на канцелярские должности. Льготой при производстве в высшие офицерские и генеральские чины пользовались лица, окончившие военные учебные заведения. Рядовых служащих в мирное время к повышению в чинах представлял наказной атаман, в военное, за особые отличия - начальство, которому непосредственно подчинялся полк: учитывались сроки службы, храбрость, способности. Производство в урядники состоявших на действительной службе за пределами войска предоставлялось командирам частей, в местных - наказным атаманам. Инициаторами продвижения казаков по службе выступали бригадные командиры, чему в значительной степени способствовал уровень образования (в Кубанском казачьем войске основная масса офицерского состава к концу XIX в. имела специальное военное образование).

В рамках военной реформы в российской армии была введена новая система военных званий и чинов. Для казачьих войск разработали практическое пособие по обучению казаков приготовительного разряда наездничеству, считавшемуся лучшей школой «для развития духа и тела». Спецификой кубанского казачества в вопросах наездничества были вольные индивидуальные и групповые упражнения («пирамида», «вертушка», вращение шашки, стоя в седле и др.). Слаженность движений и быстрота их выполнения, доведенная до автоматизма, являлись предметом восхищения во всем мире.

Отметим, что воинская повинность для казаков в мобилизационном плане была в три раза тягостнее, чем для остального населения России. При уходе в запас они обязаны были содержать в боевой готовности обмундирование, снаряжение и строевого коня для ежегодных сборов продолжительностью в три-четыре недели. Казаков внутренней службы привлекали к выполнению повинностей, не прописанных в уставах и положениях. За отказ от несения внутренней службы атаман станицы мог отдать казака под следствие или судить по закону [10]. В пореформенный период взамен внутренней службы казаки могли вносить в станичную казну от 50 до 100 рублей или делать «натуральные вспоможения» (в этом случае их освобождали на один-два года, вместо них службу несли наемники). Казакам, отбывающим внутреннюю службу, вменили в обязанность полицейские функции (за это у исследователей советского периода казаки получили «статус душителей революции, полицейского кнута самодержавия»). В годы ре-

волюционных потрясений казачьи подразделения находились на действительной службе под воинской присягой (в их обязанности входила защита существующего режима, подчинение командирам). В 1905-1907 гг. казаков привлекали для подавления революционных выступлений. Справедливости ради укажем, что из общего количества военных подразделений, участвовавших в расправе с восставшими, в 1905 г. казаки составляли 11,7%, в 1907 г. - 12,6% [11].

В Первую мировую войну, несмотря ни на что, Кубанское казачье войско выставило 37 казачьих полков, 22 пластунских батальона, 6 батарей, 31 особую сотню, 5 кубанских казачьих конвоев. Все они находились в действующей армии и принимали непосредственное участие в боевых действиях. Различную гарнизонную и тыловую службу несли 20 кубанских отдельных сотен. В пределах войска находились еще 4 запасных казачьих полка, 3 запасных пластунских батальона, 1 запасная батарея [12]. В Первую мировую войну погибли 71 298 русских офицеров, значительную их часть составляли казаки (за 8 месяцев - 32 739 чел.). В 1916 г. в Кубанском войске числилось 1 400 тыс. казаков. Службу несли 41 полк, 1 пеший и 2 конных дивизиона, 27 батальонов, 10 батарей и 35 сотен.

События 1917 г. развели казаков по разные стороны баррикад. Система назначений на руководящие командные посты в армии обрела политический характер, «во главу угла ставилась революционность». Под влиянием большевистской пропаганды среди казаков началось противоборство между сторонниками и противниками новой власти. Большая часть казаков при этом сохраняла нейтралитет.

Таким образом, законодательные акты и военные реформы, регламентирующие различные стороны жизни казачества, привели к глубочайшему кризису их систему жизнеобеспечения, ослабили боевую мощь. Принижение значения казачьих формирований до роли вспомогательных войск привело к тому, что высшие командные чины утратили опыт управления крупными соединениями, снизилась численность казаков на действительной военной службе. Вместе с тем воинская дисциплина, чувство долга перед Отечеством даже в годы революционных потрясений были для казаков неизменны.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Виноградов В.Б., Приймак Ю.В. Этнополитическая ситуация на Северном Кавказе в контексте фактора присоединения к России Крымского ханства (1772 -1829 гг.). - Армавир, 2016. - С. 159.
2. Щербина Ф.А. История Кубанского казачьего войска. Т.1. - Екатеринодар, 1913. - С. 104.
3. Полное собрание законов Российской империи. Т.31. № 31236.
4. Государственный архив Краснодарского края (далее - ГАКК). Ф. 396. Оп. 1. Д. 3411. Л. 2-3-об.
5. ГАКК. Ф. 396. Оп. 1. Д. 7780. Л.4-4-об.
6. Матвеев О.В. Военное дело / Очерки традиционной культуры казачеств. Т.1. - М.-Краснодар, 2002. - С. 412.
7. Омельченко И.А. Терское казачество. - Владикавказ, 1991. - С. 113.
8. Козлов В.Н. Подготовка офицерских кадров кавказского казачества во второй половине XIX века / Казачество как фактор исторического развития России. - СПб., 1999. - С. 122, 124.
9. Козлов В.Н. Возрождение казачества. - Ростов-на-Дону, 1995. - С. 98.
10. 10.Государственный архив Карачаево-Черкесской Республики (ГАКЧР). Ф. 4. Д. 55. Л. 43, 48.
11. Футорянский Л.И. Казачество на рубеже веков. - Оренбург, 1997. - С. 111.
12. Трут В.П. Казачий излом. - Ростов-на-Дону, 1997. - С. 63.

REFERENCES

1. Vinogradov V.B., Priymak Yu.V. An ethnopolitical situation in the North Caucasus in the context of a factor of accession to Russia of the Crimean khanate (1772 -1829). Armavir, 2016. P. 159.
2. Shcherbina F.A. History of the Kuban Cossack army. T.1. Ekaterinodar, 1913. P. 104.
3. Complete collection of laws of the Russian Empire. T.31. № 31236.
4. Public Records Office of Krasnodar Krai (further GAKK). T. 396. Оп. 1. 3411. L. 2-3-0б.
5. GAKK. T. 396. Оп. 1. 7780. L.4-4-об.
6. Matveev O.V. Military science//Sketches of traditional culture of kazachestvo. T.1. M - Krasnodar, 2002. P. 412.
7. Omelchenko I.A. Terskoye Cossacks. Vladikavkaz, 1991. P. 113.
8. Kozlov V.N Preparation of officer shots of the Caucasian Cossacks in the second half of the 19th century//Cossacks as a factor of historical development of Russia. SPb., 1999. Pp. 122, 124.
9. Kozlov V.N. Revival of the Cossacks. Rostov-on-Don, 1995. P. 98.
10. Public Records Office of the Karachay-Cherkess Republic (PROKCR). F.4. 55. L.43,48.
11. Futoryansky L.I. Cossacks at the turn of the century. Orenburg, 1997. P. 111.
12. Tryt V.P. Cossack break. Rostov-on-Don, 1997. P. 63.

Информация об авторе

Титоренко Марина Федоровна, доктор исторических наук, профессор, кафедра «Философия, история и право», Краснодарский филиал Финансового университета при Правительстве Российской Федерации,
г. Краснодар, Россия
luchshiitour911@yandex.ru

Получена: 11.12.2016

Для цитирования статьи: Титоренко М. Ф., Кубанские казаки на службе отечеству. Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. Том. 8. № 6. Часть 2. с. 78-82.
DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-6/2-78-82.

Information about the author

Marina F. Titorenko, Doctor of Historical Sciences, Professor, Department “Philosophy, History and Law”, Krasnodar Branch of Financial University under the Government of the Russian Federation,
Krasnodar, Russia
luchshiitour911@yandex.ru

Received: 11.12.2016

For article citation: Titorenko M.F., Kuban cossacks in the servise of the fatherland.
Istoricheskaya i sotsial’no-obrazovatelnaya mys’l = Historical and Social Educational Ideas. 2016. Vol . 8. no. 6. Part. 2. Pp. 78-82.
DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-6/2-78-82. (in Russian)

УДК 94(47).046

DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-6/2-83-86

ЧЕРНЕНКО Дмитрий Анатольевич
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
Москва, Россия
dmitcher@mail.ru

Dmitri A. CHERNENKO
Lomonosov Moscow State University
Moscow, Russia
dmitcher@mail.ru

СВЕДЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРИМЕЧАНИЙ К ГЕНЕРАЛЬНОМУ МЕЖЕВАНИЮ О ГОРОДСКИХ ЗЕМЛЯХ (на примере Владимирской губернии)

INFORMATION FROM ECONOMIC NOTES TO GENERAL LAND SURVEY ABOUT URBAN LANDS (VLADIMIR PROVINCE CASE)

История городов - одно из направлений в российской историографии, которое активно развивается в настоящее время. Большое внимание уделяется вопросам истории управления, культуры и повседневной жизни российских городов XVIII-XIX вв. Значительно меньше исследований посвящено проблеме экономического развития городов России этой эпохи. Одним из источников, который достаточно подробно характеризует эту сторону жизни российского города, являются Экономические примечания к Генеральному межеванию. Они зафиксировали важнейшие сведения о численности населения города, пригородных землях, торговле и промышленности в конце XVIII - первой половине XIX в. В данной статье представлены первые результаты анализа этого источника на примере Владимирской губернии. Основным объектом исследования были городские земли. Исследование показало, что во Владимирской губернии преобладали небольшие города с населением не более 2 тыс. чел., при этом численность населения двора составляла 7 человек. К этим городам могли быть примежеваны значительные земельные угодья, в том числе десятки сельских поселений, а общая площадь пригородных земель могла достигать 20-30 тыс. десятин. Структура городских земель могла быть различной, преобладать в ней могли и пашня, и покосы, и леса. Площадь угодий этих типов могла быть значительной. Например, даже в тех городах, которые не имели примежеванных населенных дач, средний размер пашни на один двор мог достигать 2-4 десятин. С учетом этой значительной аграрной составляющей очевидно, что экономика городов Владимирской губернии второй половины XVIII века носила многоукладный характер.

Ключевые слова: социально-экономическая история, историческая география, аграрная история, история городов.

The history of cities is one of the trends in Russian historiography, which is actively developing now. Much attention is paid to the management of history, culture and everyday life of Russian cities in XVIII - XIX centuries. Much less research is devoted to the problem of economic development of the Russian cities of that era. Economic notes to the General Land Survey is one of the sources, which describes in detail this aspect of life of the Russian city. They contain the most important information about the population of the city, suburban land, trade and industry. The first results of the analysis of this source are shown in this article on the example of Vladimir province. Research has shown that a small city with a population of less than 2,000 people prevailed in the Vladimir province, with a population of the yard of 7 persons. Significant lands, including dozens of rural settlements could be attached to these cities , and the total area of suburban land could reach 20-30 thousand acres. The structure of urban land would be various, arable land, meadows, forests could prevail. Area of these lands could be significant. For example, even in those cities that did not have attached populated villas, the average arable land per yard could reach 2-4 acres. In view of this significant agricultural component the economy of cities of Vladimir province had multiform character in the second half of the XVIII century.

Keywords: social and economic history, historical geography, agrarian history, urban history

Благодарность. Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта №16-01-50119.

Acknowledgement. The publication was prepared within the framework of a research project supported by the Russian Foundation for Humanities №16-01-50119.

Историческая урбанистика - одно из направлений в российской историографии, которое активно развивается в настоящее время. После выхода комплексного исследования Б.Н. Миронова [10] появились монографические исследования, в которых большое внимание уделяется вопросам истории управления [11], культуры [7] и повседневной жизни [3; 5; 6] российских городов XVIII-XIX вв. Значительно меньше исследований - по сравнению с историографией советского периода [4] - посвящено проблеме экономического развития городов России этой эпохи, в частности проблеме многоукладности экономики города и значимости аграрной составляющей в ее структуре, которая была поставлена еще в 1960-е годы Л.В. Миловым [8].

Одним из источников, который достаточно подробно характеризует эту сторону жизни российского города, являются Экономические примечания к Генеральному межеванию. Они зафиксировали важнейшие сведения о численности населения города, пригородных землях, торговле и промышленности в конце XVIII - первой воловине XIX в. [12]. В историографии известны примеры обращения к статистике по городским землям на основе этих материалов [2], а

сама тема состава, типологии пригородных земель стала предметом специального исследования А.В. Белова [1].

В данной статье представлены первые результаты анализа структуры городских земель во Владимирской губернии в конце XVIII в. на материалах Экономических примечаний. Все таблицы выполнены на основе материалов, опубликованных коллективом исследователей под руководством автора [12, с. 40-135].

Судя по материалам Экономических примечаний, в конце XVIII в. во Владимирской губернии преобладали небольшие по населению города. Так, если взять территорию собственно «городской селидебной земли», то есть непосредственно ареал городской застройки, обозначаемый в нашем источнике литерой А, то даже в губернском городе Владимире суммарное купеческое и мещанское население не достигало 4 тыс. чел., а еще в 6 из оставшихся 12 городов губернии оно не превышало и 2 тыс. чел. К этим городам были примежеваны так называемые «литерные» дачи - собственно пригородные земли, не входившие в состав земель уезда и образовывавшие вместе с городом сложный пространственно-хозяйственный комплекс. Среди этих дач могли быть как различные участки тех или иных угодий (пустоши, луга, пожни и т.п.), так и сельские поселения (слободы, села, деревни). Эти дачи могут быть обозначены как, соответственно, ненаселенные и населенные. В таблице 1 отражено, как распределялись эти дачи по городам губернии.

Таблица 1 Примежеванные дачи городов Владимирской губернии

Город	Населенные пригородные дачи		Ненаселенные пригородные дачи	
	абс.	%	абс.	%
Александров	88	52,1	81	47,9
Владимир	5	4,1	116	95,9
Вязники	0	0,0	2	100,0
Гороховец	0	0,0	1	100,0
Киржач	26	86,7	4	13,3
Ковров	0	0,0	1	100,0
Меленки	0	0,0	0	0,0
Муром	1	10,0	9	90,0
Переяславль-Залесский	1	33,3	2	66,7
Покров	0	0,0	2	100,0
Судогда	2	66,7	1	33,3
Суздаль	6	46,2	7	53,8
Шуя	0	0,0	2	100,0
Юрьев-Польский	0	0,0	3	100,0
Всего	**129**	**35,8**	**231**	**64,2**

Из таблицы видно, что преобладала ситуация, при которой к городу были примежеваны от 2 до 10 ненаселенных дач, хотя могли быть и серьезные исключения. Например, к Александрову и Киржачу были примежеваны целые волости, что, скорее всего, объясняется тем, что это новообразованные города, а к старому губернскому центру «тянули» больше сотни различных пустошей и лугов.

В результате суммарная площадь пригородных земель могла достигать внушительных размеров, что отражено в таблице 2.

Таблица 2
Количество земельных угодий, примежеванных к городам Владимирской губернии (дес.)

Город	Под поселением	Пашня	Покосы	Лес	Неудобные места	Всего
Александров	455,0	24 939,6	9 206,6	1 072,7	780,1	36 454,0
Владимир	0,0	1 078,4	3 563,5	3 166,5	761,9	8 570,3
Вязники	250,6	0,0	323,7	0,0	38,1	612,3
Гороховец	147,2	0,0	351,4	1 054,9	762,2	2 315,5
Киржач	293,8	7 815,0	544,3	11 577,8	502,6	20 733,5
Ковров	55,1	3 525,0	1 750,0	2 366,8	239,0	7 935,9
Меленки	0,0	1 529,5	262,9	3 323,0	103,6	5 219,0
Муром	0,0	25,2	762,3	0,0	76,1	863,6
Переяславль-Залесский	0,0	0,0	0,0	0,0	188,8	188,8

Покров	29,0	277,0	24,9	154,3	33,3	518,5
Судогда	91,0	786,5	231,5	2 079,4	47,1	3 235,5
Суздаль	95,6	15,0	190,2	0,0	48,0	348,8
Шуя	0,0	603,9	61,2	17,9	92,3	775,3
Юрьев-Польский	83,2	17,7	540,1	0,0	36,4	677,4
Всего	**1 500,5**	**40 612,7**	**17 812,6**	**24 813,3**	**3 709,4**	**88 448,6**

Из таблицы 2 видно, что площадь пригородных земель варьировалась очень сильно - от примерно 200 до 36 тыс. десятин. Для того чтобы нагляднее представить, какие типы земельных угодий преобладали в пригородных дачах, обратимся к таблице 3.

Таблица 3
Соотношение земельных угодий, примежеванных к городам Владимирской губернии (%)

Город	Под поселением	Пашня	Покосы	Лес	Неудобные места	Всего
Александров	1,2	68,4	25,3	2,9	2,1	100
Владимир	0,0	12,6	41,6	36,9	8,9	100
Вязники	40,9	0,0	52,9	0,0	6,2	100
Гороховец	6,4	0,0	15,2	45,6	32,9	100
Киржач	1,4	37,7	2,6	55,8	2,4	100
Ковров	0,7	44,4	22,1	29,8	3,0	100
Меленки	0,0	29,3	5,0	63,7	2,0	100
Муром	0,0	2,9	88,3	0,0	8,8	100
Переяславль- Залесский	0,0	0,0	0,0	0,0	100,0	100
Покров	5,6	53,4	4,8	29,8	6,4	100
Судогда	2,8	24,3	7,2	64,3	1,5	100
Суздаль	27,4	4,3	54,5	0,0	13,8	100
Шуя	0,0	77,9	7,9	2,3	11,9	100
Юрьев-Польский	12,3	2,6	79,7	0,0	5,4	100
Всего	**1,7**	**45,9**	**20,1**	**28,1**	**4,2**	**100**

В целом по Владимирской губернии в пригородах преобладали пашенные земли, однако от города к городу ситуация могла серьезно различаться. Так, в рассмотренных выше случаях присоединения к городам десятков сельских поселений (Александров и Киржач) пашенные земли действительно преобладали. Однако там, где к городам примежевывались ненаселенные дачи, в структуре пригородных земель преобладали уже сенокосные угодья (Вязники, Муром, Юрьев-Польский). Большие лесные массивы оказались в составе пригородных земель новообразованных уездных центров, расположенных в лесистой Мещерской низменности (Судогда, Меленки).

Позволяют ли эти сведения хотя бы в первом приближении оценить масштаб аграрной составляющей городского хозяйства? Обратимся вновь к данным по пашне пригородных дач. Своеобразным индикатором значимости сельскохозяйственного труда в жизни горожанина может быть такой показатель, как количество пашни на двор (при этом учитывалось население и города, и пригородов). В городах, к которым были примежеваны большие массивы сельских поселений, он получился ожидаемо высокий: в Киржаче - 8,1 дес. пашни на двор, а в Александрове - 14,7 дес. пашни на двор. Причем при помощи корреляционного анализа устанавливается однозначная обратная взаимосвязь: чем больше доля примежеванных к городу ненаселенных дач, тем меньше пашни на двор ($r = -0,78$). Следовательно, пригородные пашни распахиваются преимущественно крестьянским населением пригородов. Однако даже в тех городах, к которым не были примежеваны населенные дачи, то есть пашня, показанная в примечаниях применительно к этим городам, распахивалась, скорее всего, самими горожанами («градская выгонная земля»), количество этой пашни на двор могло достигать значительных размеров. Например, в Шуе оно составило 2 дес. на двор, в Покрове - 4,7 дес. на двор. Следовательно, в новообразованных городах этот показатель был вполне сопоставим с типичным и посильным для крестьянского пашенного хозяйства («тягла») размера запашки [9]. Таким образом, материалы Экономических примечаний позволяют наглядно показать многоукладный характер экономики российского города конца XVIII - первой половины XIX в.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Белов А.В. Москва, московские пригороды, пригородные поселения во второй половине XVIII - начале XX века (город и процессы урбанизации сельских окраин). - М., 2005.
2. Водарский Я.Е. Исследования по истории русского города (факты, обобщения, аспекты). - М., 2006.
3. Каменский А.Б. Повседневность русских городских обывателей. Исторические анекдоты из провинциальной жизни XVIII в. - М., 2006.
4. Клокман Ю.Р. Социально-экономическая история русского города. Вторая половина XVIII в. - М., 1967.
5. Козлова Н.В. (сост.) Городская семья XVIII века. Семейно-правовые акты купцов и разночинцев Москвы. - М., 2002.
6. Козлова Н.В. Люди дряхлые, больные, убогие в Москве XVIII века. - М., 2010.
7. Кошман Л.В. Город и городская жизнь в России XIX столетия: социальные и культурные аспекты. - М., 2008.
8. Милов Л.В. О так называемых аграрных городах России XVIII века // Вопросы истории. - 1968. - № 6.
9. Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. - М., 1998.
10. Миронов Б.Н. Русский город в 1740-1860-е годы: демографическое, социальное и экономическое развитие. - Л., 1990.
11. Середа Н.В. Реформа управления Екатерины Второй. - М., 2004.
12. Черненко Д.А., Голубинский А.А., Хитров Д.А. (сост.) Города Российской империи в материалах Генерального межевания. Центральная Россия. - М., 2016.

REFERENCES

1. Belov A.V. Moscow, Moscow suburbs, suburban settlements in the second half of XVIII - early XX century (the city and the urbanization processes in the rural outskirts). Moscow, 2005.
2. Wodarski J.E. Studies on the history of Russian cities (facts, generalizations, aspects). Moscow, 2006.
3. Kamenskii A.B. the Russian Everyday life of the urban inhabitants. Historical anecdotes of provincial life XVIII V. Moscow, 2006.
4. Klokman Y.R. Socio-economic history of the Russian city. The second half of the XVIII V. Moscow, 1967.
5. Kozlova N.V. (comp.) The urban family of the XVIII century. Family-legal acts of merchants and commoners of Moscow. Moscow, 2002.
6. Kozlova N. People decrepit, sick, miserable in Moscow of the XVIII century. Moscow, 2010.
7. Koshman L.V. City and town life in Russia in the XIX century: social and cultural aspects. Moscow, 2008.
8. Milov L.V. On the so-called agrarian cities of Russia XVIII century // Questions of history. 1968. No. 6.
9. Milov L.V. The Great Russian ploughman and peculiarities of Russian historical process. Moscow, 1998.
10. Mironov B.N. Russian town in 1740 - 1860-ies: demographic, social and economic development. Leningrad, 1990.
11. Sereda N.V. Management reform of Catherine the great. Moscow, 2004.
12. Chernenko D.A., Golubinsky A.A., Khitrov D.A. (ed.) City of the Russian Empire in the materials of General land survey. In Central Russia. Moscow, 2016.

Информация об авторе

Черненко Дмитрий Анатольевич, кандидат исторических наук, доцент, кафедра истории России XIX века – начала XX века, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
г. Москва, Россия
dmitcher@mail.ru

Получена: 25.10.2016

Для цитирования статьи: Черненко Д. А., Сведения экономических примечаний к генеральному межеванию о городских землях (на примере Владимирской губернии). Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. Том. 8. № 6. Часть 2. с. 83-86.
DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-6/2-83-86.

Information about the author

Dmitri A. Chernenko, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of Russian History of the XIX Century - Beginning of the XX Century,
Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia
dmitcher@mail.ru

Received: 25.10.2016

For article citation: Chernenko D. A., Svedenija jekonomicheskih primechanij k general'nomu mezhevaniju o gorodskih zemljah (na primere Vladimirskoj gubernii). [Information from economic notes to general land survey about urban lands (Vladimir province case)]. Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatelnaya mys'l = Historical and Social Educational Ideas. 2016. Vol . 8. no. 6. Part. 2. Pp. 83-86.
DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-6/2-83-86. (in Russian)

УДК 94(47) DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-6/2-87-90

ЮРЧЕНКО Валерия Сергеевна
Тюменский государственный университет
г. Тюмень, Россия
ducho-vel@list.ru

Valeriia S. IURCHENKO
Tyumen State University
Tyumen, Russia
ducho-vel@list.ru

СТРУКТУРА, ФУНКЦИИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОРГАНОВ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ СЕВАСТОПОЛЯ В 1921-1925 гг.

STRUCTURE, FUNCTIONS AND ACTIVITY OF SEVASTOPOL SOVIET INSTITUTIONS IN 1921-1925

С использованием неопубликованных архивных материалов в статье анализируются структура, функции и деятельность Севастопольского городского Совета в первые годы новой экономической политики (1921-1925). Горсовет в Севастополе появился 1 июля 1921 г. после упразднения чрезвычайных органов власти в лице ревкома. Совет состоял из 200 депутатов, и его состав близко соответствовал социальной структуре населения города. Но избрание горсовета не привело к существенным изменениям в деле городского управления. Процесс бюрократизации и отчуждения трудящихся от государственной власти, начавшийся в Советской России после октября 1917 г., отразился в работе городского Совета, властные функции которого перемещаются от его коллегиального органа к исполкому и президиуму. Проанализировав попытки «оживить» работу Совета путем организации выездных сессий, создания депутатских секций, административных взысканий по отношению к отсутствующим на заседаниях депутатам и т.д., автор пришла к выводу, что эти меры были направлены против отдельных симптомов растущей бюрократизации и не решали проблемы в целом.

Ключевые слова: новая экономическая политика, Советская власть, местные органы власти, Севастополь, горсовет, исполком, президиум, секции, отделы, кворум.

Using unpublished archived materials, the article deals with the structure, functions and activity of Sevastopol city Council during the first years of new economic policy (1921-1925). City Council was elected in Sevastopol on 1st July 1921 after abolition of extraordinary governing institutions that were presented by Revolutionary Committee. The Council consisted of 200 deputies and it reflected a social structure of the population of Sevastopol. However, the election of city Council did not lead to essential changes in city rule. The process of bureaucratization and alienation of workers from the state authority, which began in Soviet Russia after the October Revolution in 1917, impacted city Council activity, power functions of which were delegated from its collegial body to the executive committee and presidium. After analysis of the attempts to "revive" Council's activity by organization of on-set sessions, creation of deputy sections, administration punishment of deputies who failed to attend the sessions etc., the author came to a conclusion that those measures were directed against some symptoms of increasing bureaucracy and did not solve the problem.

Keywords: new economic policy, Soviet authority, local authorities, Sevastopol, city Council, executive committee, presidium, sections, departments, quorum, deputies

Октябрьская революция и установление советской власти стали началом процесса кардинальной перестройки всех сфер жизни. В первую очередь это коснулось структуры государственного аппарата, в том числе местных органов власти. Распространение системы Советов должно было способствовать активному вовлечению населения в дело управления государством [1].

В разных концах страны наблюдались схожие процессы формирования новых государственных структур. В этой связи интерес представляет Севастополь, в отношении которого еще не было проведено комплексного исследования по данному вопросу.

С момента своего основания Севастополь являлся южной военно-морской базой России. Это отразилось на административном статусе города. Накануне революционных событий 1917 г. в Севастополе было отдельное Севастопольское градоначальство, являвшееся частью Таврической губернии. Так как Черноморский флот (ЧФ) в ходе Гражданской войны был почти полностью уничтожен, в ноябре 1920 г. Севастополь становится обычным уездным центром (с октября 1921 г. - окружным) [2].

1 июля 1921 г. в Севастополе через избирательную кампанию были созданы городской и районный Советы (первые в Крыму) [3]. Численный состав горсовета Севастополя каждый год менялся: от 200 до 250 депутатов и кандидатов в депутаты. Исполком горрайсовета состоял из 20-25 человек, его президиум - из пяти человек [4].

Совет регламентировал хозяйственную и социально-культурную жизнь города. Также он осуществлял общее руководство своими подразделениями [5]. В теории данный орган должен был тесно взаимодействовать с населением, через него должна была реализовываться самодеятельность граждан в политической сфере. Однако сформированную в годы Гражданской войны систему ручного управления с опорой на исполнительный орган так и не удалось перевести в мирное русло.

Причиной этому стали тяжелые экономические условия в стране: кризис в промышленности и сельском хозяйстве, отсутствие стабильной финансовой системы, эмиссия совзнака и гиперинфляция [6]. Положение осложнилось голодом, продлившимся с конца 1921 по 1923 г. [7].

В таких условиях требовались быстрые оперативные решения, которые сложно было провести на многолюдных заседаниях. Поэтому модель руководства времен военного комму-

низма оказалась более действенной: важнейшие решения партии проводились через исполнительные органы на местах.

В итоге уже в первый год своей деятельности Совет превратился в орган, где главным образом заслушивались отчеты структурных подразделений, а также избирались депутаты на Всероссийский съезд Советов [8].

Но центральная власть не оставляла попыток активизировать деятельность Совета. После преодоления пика экономического кризиса (1921-1922 гг.) по инициативе центра началась кампания «оживления Советов». Так, в Севастополе была внедрена практика проведения торжественных заседаний горсовета, посвященных памятным датам, вопросам внутреннего и внешнего положения страны [9]. Кроме того, раз в год проводились публичные заседания Совета, где он отчитывался о своей деятельности [10]. Наконец, активно организовывались выездные сессии горсовета: на предприятия (Морзавод), окраины (например, Ушаковая балка) и т.д. [11].

Для того чтобы обеспечить максимальное участие депутатов в работе местных органов власти, при Советах были созданы секции, которые возглавлялись руководителями отделов исполкома. Все без исключения депутаты должны были записаться в какую-либо из секций. Но секции не принимали решения, а лишь обсуждали некоторые частные вопросы [12].

В Севастопольском горсовете секционный аппарат появился в 1922 г. Он состоял из подсекций, постоянных и временных комиссий. Первоначально при Севастопольском Совете было создано 10 секций: социального обеспечения (собеса), народного образования (ОНО), здравоохранения, производственно-кооперативная, земельная, топливная и финансовая секции, секция внешней торговли, коммунального хозяйства (комхоза) и Рабоче-Крестьянской инспекции (РКИ). Эффективными оказались лишь некоторые из них. Основная причина - недостаток слоя профессиональных управленцев. Менее эффективные в работе секции зачастую формировались из депутатов, которые не определились в выборе и указывали в своих заявлениях: *«Готов к работе в любой секции по усмотрению Совета»;* или подавали заявления сразу в несколько секций [13]. Диссонанс в работу секций вносило отсутствие четко прописанных функций и полномочий, которые нередко совпадали с полномочиями некоторых отделов, самого исполкома и президиума.

В итоге, например, секция собеса так и не набрала нужного количества депутатов. А другие секции не могли собрать кворума на заседаниях. Например, с июля 1922 по январь 1923 г. не состоялось ни одного (из четырех намеченных) заседания производственно-кооперативной секции [14].

При формировании Совета в 1923 г. оставили только три секции: здравоохранения, народного образования и коммунального хозяйства [15]. Соответственно, увеличился численный состав каждой из них - с 12-13 человек до 40-50 человек [16]. Помимо членов секций, на заседаниях присутствовали представители профильных учреждений с правом совещательного голоса (профессиональные врачи, учителя и т.д.). Они выступали с докладами. К примеру, в секции ОНО заслушивались доклады заведующих школами города. В дальнейшем все разработки рассматривал президиум исполкома, который одобрял или корректировал их.

Интенсивность работы секций отражалась в количестве проведенных заседаний. За полугодие 1923-1924 гг. секция ОНО провела 9 заседаний. Другие секции за 4 месяца провели всего по 4 заседания из-за невозможности собрать кворум (по регламенту нужно было провести по 10 заседаний). Периодичность собраний уменьшили до одного раза в две недели (в 1925 г.) [17]. Но и это не помогло. За декабрь 1924 - апрель 1925 г. секция комхоза собиралась всего 5 раз и рассмотрела 18 вопросов, в итоге плановые нормативы не были выполнены [18].

Создание секций при горсовете было попыткой воплощения в жизнь идеи демократии и народного самоуправления, так как на заседаниях могли присутствовать специалисты разных профессий, не являвшиеся депутатами горсовета. Но этот проект в Севастополе был реализован лишь частично. Успех был кратковременным, работа секций - нестабильной. Причина этому - сформировавшаяся в годы военного коммунизма модель государственного управления, когда власть была сконцентрирована в руках партии и ревкома.

Общей проблемой как секций, так и самого Совета была низкая посещаемость заседаний. В среднем пленумы горсовета посещали 60-65% депутатов (заседания считались действительными при наличии кворума в 50%) [19]. Посещаемость секций не была стабильной - от 33 до 90 %. Она зависела, помимо прочего, и от времени года: летом ниже, зимой выше [20].

Чтобы преодолеть это, применялись меры административного характера (выговор и лишение мандата). Они давали лишь временный эффект. Например, к середине декабря 1923 г. в секции поступило всего 30 заявлений (вместо 150) [21]. Подобная ситуация повторилась и в следующие два года.

Среди причин депутаты называли трудности организационного периода, когда новые властные структуры только начинали формироваться, а также перегруженность по службе [22]. Но за этим на самом деле скрывались как недостаток кадров, так и снижение интереса депутатов к участию в работе подразделений Совета в связи с возросшей ролью исполнительного ко-

митета и его президиума. Они сосредоточили в своих руках оперативное руководство и принятие решений, но их полномочия в 1921-1925 гг. не были четко разграничены.

Сосредоточение властных функций в исполнительном органе способствовало быстрому разрешению вопросов, но в то же время стало причиной бюрократизации и возрастающего отчуждения власти от народа [23].

В 1921 г. исполком состоял из 17 отделов. Каждый отдел делился на подотделы и подсекции, общее руководство которыми осуществлял член исполкома. Так как работников не хватало, некоторые члены исполкома возглавляли сразу несколько отделов (к примеру, заместитель председателя президиума горсовета одновременно руководил работой четырех подразделений).

В дальнейшем ввиду кадрового голода и во избежание бюрократизации аппарата количество отделов сократилось до четырех: народного образования, здравоохранения, управления и местного хозяйства. Реорганизации продолжались и в последующие годы. Самой значимой из них стало создание общего отдела, в который вошли отделы народного образования, здравоохранения, местного хозяйства и социального обеспечения. Одновременно сокращалась численность сотрудников, занятых в отделе - с 33 до 18 [24]. После многочисленных структурных перестроек к середине 1920-х годов при городском исполкоме функционировали четыре отдела: общий, земельный, финансовый и статистическое бюро, штаты которых снова были значительно сокращены [25].

Исполком заседал раз в месяц, рассматривая по 35 вопросов в год . Он занимался законотворчеством и ежемесячно издавал более 30 распоряжений и постановлений [26]. В основном они относились к регулированию торговой деятельности (от 16 до 50 %), местным налогам и сборам, благоустройству города, тарифам и жилищной политике [27]. Однако население города зачастую игнорировало эти приказы. Чаще всего это касалось бытовых моментов (например, вопросов благоустройства, соблюдения общественного порядка) и торговой деятельности [28]. На одном из заседаний исполкома даже было отмечено: *«Граждане не замечают выходящие приказы, значит, не уважают власть»* [29].

Решением текущих вопросов занимался президиум исполкома. Он собирался чаще, 2-3 раза в месяц; контролировал работу отделов исполкома [30]. Все доклады, которые затем заслушивались на пленумах Совета, прежде рассматривались и корректировались в президиуме. Интенсивность заседаний была очень высокой. Например, с декабря 1923 по март 1924 г. президиум разобрал 170 вопросов, а за январь-май 1924 г. - 250. За весь 1925 г. состоялось 49 заседаний, было разобрано 756 вопросов, 93% из них президиум разрешил самостоятельно и только 7% направил в центр [31]. Именно президиум стал наиболее работоспособным органом Совета.

Таким образом, в 1920-е годы не удалось преодолеть наметившуюся бюрократизацию государственного аппарата, несмотря на попытки активизировать деятельность депутатов горсовета. Властные функции Совета сосредоточились в его исполнительном органе.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Гимпельсон Е.Г. Формирование советской политической системы. 1917-1923 гг. - М.: Наука, 1995. - С. 4.
2. Государственный архив Республики Крым (ГАРК). Ф. Р-663. Оп. 1. Д. 387. Л. 3.
3. Колонтаев К.В. Создание и деятельность органов государственной власти в Крыму и Севастополе, и образование Крымской АССР в ноябре 1920 - в 1921 году. Машинопись, 2008. - С. 8.
4. Государственное казенное учреждение «Архив города Севастополя» (ГКУ АГС). Ф. Р-420. Оп. 7. Д. 5. Л. 28, 33.
5. Положение о волисполкомах и сельсоветах и инструкции по их применению. - Оренбург: издание организационного отдела Оренбургского губисполкома, 1925. - С. 7.
6. Денежное обращение и кредит в СССР. - М.: Финансы и кредит, 1985. - С. 61.
7. ГКУ АГС. Ф. Р-420. Оп. 3. Д. 30. Л. 25.
8. Маяк Коммуны. - 19 августа 1925. - С. 2.
9. ГКУ АГС. Ф. -79. Оп. 1. Д. 103. Л. 21.
10. ГКУ АГС. Ф. Р-420. Оп. 1. Д. 326. Л. 10.
11. ГКУ АГС. Ф. Р-420. Оп. 1. Д. 140. Л. 3.
12. ГКУ АГС. Ф. Р-79. Оп. 1. Д. 1. Л. 3.
13. ГКУ АГС. Ф. Р-420. Оп. 3. Д. 30. Л. 65-66.
14. ГАРК. Ф. Р-558. Оп. 3. Д. 416. Л. 167.
15. Маяк Коммуны. - 15 апреля 1923. - С. 3.
16. ГКУ АГС. Ф. Р-79. Оп. 1. Д. 105. Л. 4.
17. ГКУ АГС. Ф. Р-79. Оп. 1. Д. 123. Л. 97.
18. ГКУ АГС. Ф. Р-420. Оп. 1. Д. 140. Л. 10.
19. ГКУ АГС. Ф. Р-420. Оп. 1. Д. 48. Л. 1.
20. ГКУ АГС. Ф. Р-79. Оп. 1. Д. 124. Л. 23.
21. Маяк Коммуны. - 14 декабря 1923. - С. 2.
22. ГКУ АГС. Ф. Р-420. Оп. 1. Д. 140. Л. 28.
23. Восьмой съезд РКП (б). Март 1919 года. Протоколы. - М., 1959. - С. 169.
24. Маяк Коммуны. - 1 декабря 1923. - С. 3.
25. ГКУ АГС. Ф. Р-420. Оп. 1. Д. 2. Л. 2.

26. ГКУ АГС. Ф. Р-420. Оп. 1. Д. 30. Л. 22.
27. ГКУ АГС. Ф. Р-420. Оп. 7. Д. 10. Л. 2, 8, 14, 18.
28. ГКУ АГС. Ф. Р-527. Оп. 1. Д. 10. Л. 6, 21.
29. ГКУ АГС. Ф. Р-527. Оп. 2. Д. 99. Л. 250.
30. ГКУ АГС. Ф. Р-420. Оп. 1. Д. 157. Л. 3.
31. ГКУ АГС. Ф. Р-420. Оп. 1. Д. 31. Л. 1.

REFERENCES

1. Gimpelson E.G. Formirovaniye sovetskoy poloticheskoy sistemy. 1917-1923 gg. [Forming of Soviet political system. 1917-1923]. Moscow, Nauka Publ., 1995. p. 4. (in Russ.).
2. Gosudarstvenny arkhiv Respubliki Krym (GARK). [State archive of the Republic of Crimea]. F. R-663. Op. 1. D. 387. L. 3. (in Russ.).
3. Kolontayev K. V. Sozdaniye i deyatel'nost' organov gosudarstvennoy vlasti v Krymu i Sevastopole, i obrazovaniye Krymskoy ASSR v noyabre 1920-1921 godu. [Creation and activity of state institutions in Crimea and Sevastopol, and formation of Crimean Autonomous Soviet Socialistic Republic in November 1920- 1921]. Typewriting, 2008. p.8. (in Russ.).
4. Gosudarstvennoye kazennoye uchrezhdeniye "Arkhiv goroda Sevastpolya" (GKU AGS). [State institution "Sevastopol city archive"]. F. R-420. Op. 7. D. 5. L. 28, 33. (in Russ.)
5. Polojeniye o volispolkomakh i sel'sovetakh i instruktsii po ikh primeneniyu. [Statute about district executive committees and rural councils and instructions for its implementation]. Orenburg: izdaniye organizatsionnogo otdela Orenburgskogo gubispolkoma Publ. 1925. p.7. (in Russ.).
6. Denezhnoye obrashcheniye i kredit v SSSR. [Currency and credit in USSR]. Moscow, Finansy Publ., 1985. p.61. (in Russ.).
7. GKU AGS. F. R-420. Op. 3. D. 30. L.2. (in Russ.).
8. GKU AGS. F. R-79. Op. 1. D. 103. L.25. (in Russ.).
9. GKU AGS. F. R-420. Op. 1. D. 326. L.21. (in Russ.).
10. GKU AGS. F. R-420. Op. 1. D. 140. L.10. (in Russ.).
11. GKU AGS. F. R-79. Op. 1. D. 1. L.3. (in Russ.).
12. Mayak Kommuny. [Commune Leading Light]. 19th August 1925. p.3. (in Russ.).
13. GKU AGS. F. R-79. Op. 1. D. 103. L.65-66. (in Russ.).
14. GARK. F. R-558. Op. 3. D. 416. L.167. (in Russ.)
15. Mayak Kommuny.[Commune Leading Light]. 15th April 1923. p.3. (in Russ.).
16. GKU AGS. F. R-79. Op. 1. D. 105. L.4. (in Russ.).
17. GKU AGS. F. R-79. Op. 1. D. 123. L.97. (in Russ.).
18. GKU AGS. F. R-79. Op. 1. D. 1. L.10. (in Russ.).
19. GKU AGS. F. R-420. Op. 1. D. 48. L.1. (in Russ.).
20. GKU AGS. F. R-79. Op. 1. D. 124. L.23. (in Russ.).
21. Mayak Kommuny. [Commune Leading Light]. 14th December 1923. p.2. (in Russ.).
22. GKU AGS. F. R-79. Op. 1. D. 1. L.28. (in Russ.).
23. Vos'moi s"ezd RKP (b). Mart 1919. Protokoly. [8th congress of Communist Party. March 1919. Proceedings]. Moscow, 1959. p.169. (in Russ.).
24. Mayak Kommuny. [Commune Leading Light]. 1st December 1923. p.3. (in Russ.).
25. GKU AGS. F. R-420. Op. 1. D. 2. L.2. (in Russ.)
26. GKU AGS. F. R-420. Op. 1. D. 30. L.22. (in Russ.)
27. GKU AGS. F. R-420. Op. 7. D. 10. L.2, 8, 14, 18. (in Russ.)
28. GKU AGS. F. R-527. Op. 1. D. 10. L. 6, 21. (in Russ.)
29. GKU AGS. F. R-527. Op. 2. D. 99. L.250. (in Russ.)
30. GKU AGS. F. R-420. Op. 1. D. 157. L.3. (in Russ.)
31. GKU AGS. F. R-420. Op. 1. D. 31. L.1. (in Russ.).

Информация об авторе

Юрченко Валерия Сергеевна, Тюменский государственный университет
г. Тюмень, Россия
ducho-vel@list.ru

Information about the author

Valeriia S. Iurchenko, Postgraduate Student, Department of Russian History, Faculty of History, Tyumen State University,
Tyumen, Russia
ducho-vel@list.ru

Получена: 23.11.2016

Для цитирования статьи: Юрченко В. С. Структура, функции и деятельность органов советской власти Севастополя в 1921-1925 гг.Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. Том. 8. № 6. Часть 2. с. 87-90.
DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-6/2-87-90.

Received: 23.11.2016

For article citation: Iurchenko V. S., Structure, functions and activity of sevastopol soviet institutions in 1921-1925. Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatelnaya mys'l = Historical and Social Educational Ideas. 2016. Vol . 8. no. 6. Part. 2. Pp. 87-90.
DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-6/2-87-90. (in Russian)

Социологические и гуманитарные науки

Sociological and Humanities Sciences

УДК 316.6

DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-6/2-93-95

АРДАВОВ Михаил Мухамединович
Северо-Кавказский институт повышения квалификации сотрудников МВД РФ (филиал) Краснодарского университета МВД России
г. Нальчик, Россия

ЯХЬЯЕВ Турпалали Ломельевич
МВД РФ по Чеченской республике, г. Грозный, Россия
Северо-Кавказский институт повышения квалификации сотрудников МВД РФ (филиал) Краснодарского университета МВД России
г. Нальчик, Россия

Michael M. ARDAVOV
North - Caucasian Institute for Advanced Training (Branch) of Krasnodar University of the Russian Ministry of Internal Affairs
Nalchik, Russia

Turpalali L. YAHIAEV
Russian Ministry of Internal Affairs in the Chechen Republic, Grozny, Russia
North - Caucasian Institute for Advanced Training (Branch) of Krasnodar University of the Russian Ministry of Internal Affairs
Nalchik, Russia

ДЕЛИКВЕНТНОЕ ПОВЕДЕНИЕ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ - ФЕНОМЕН РОССИЙСКОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

На сегодняшний день особое опасение вызывает возрастающее количество преступлений, совершаемых несовершеннолетними. Несмотря на проводимую государством профилактику преступности несовершеннолетних, в обществе продолжают сохраняться факторы, детерминирующие ее развитие. Преступность несовершеннолетних составляет существенную часть общей преступности в стране, практически каждое десятое преступление в России совершается несовершеннолетними или при их участии. Рост преступности несовершеннолетних, как правило, свидетельствует о неблагоприятных социальных процессах, происходящих в обществе.

Дети относятся к числу наименее защищенных социальных групп. Они как подвержены воздействию со стороны криминала, являясь жертвами преступлений, так и сами являются субъектами преступлений. Реальная действительность такова, что наблюдается значительный рост преступности несовершеннолетних, вовлечение их в потребление алкоголя и наркотиков, жестокое обращение и насилие в отношении детей.

Складывается негативная тенденция роста сексуальных преступлений в отношении несовершеннолетних, в том числе малолетних лиц, каждое шестое половое преступление совершено в семьях. По статистике, уровень криминализации подросткового населения самый высокий, в полтора раза выше, чем взрослого. По справедливому замечанию Е.Л. Рубачевой, М.В. Мартиросян, «делинквентное поведение несовершеннолетних отличается от такого же поведения взрослых мотивацией, высокой латентностью, рецидивом, а также тем, что большинство преступлений совершаются в группе».

Феномен преступности несовершеннолетних наиболее полно охарактеризовала Я.И. Куринова как «совокупность общественно опасных действий, совершенных лицами в возрасте 14-17 лет, которая характеризуется увеличением удельного веса насильственных преступлений, носящих демонстративный характер, сопряженных с видеозаписью и последующим размещением в сети Интернет, ростом криминальной самостоятельности несовершеннолетних, их ранней криминализацией».

Ключевые слова: несовершеннолетний, преступность, профилактика, особое производство.

DELINQUENCY BEHAVIOR OF MINORS AS PHENOMENON OF RUSSIAN REALITY

Today, a special concern is the growing number of crimes committed by minors. Despite the ongoing state juvenile crime prevention in society persist factors determining its development. Juvenile delinquency is an essential part of the overall crime in the country, almost every tenth Russian crime committed by minors or with their participation. The growth of juvenile delinquency, as a rule, evidence of adverse social processes taking place in society. Children are among the most vulnerable social groups. They are affected by the crime, as victims of crime, and are themselves the subject of a crime. The reality is that there is a significant increase in juvenile crime, involving them in alcohol and drug use, abuse and violence against children. Gets a negative trend of growth of sexual crimes against minors, including minors, one in six sex crime committed in families. According to statistics, the level of criminalization of the teenage population is the highest one and a half times higher than the adult. According to the just remark E.L. Rubacheva, M.V. Martirosyan, "juvenile delinquent behavior differs from the behavior of the adults of the same motivation, high latency, recurrence, as well as the fact that most of the crimes committed by the group". The phenomenon of juvenile delinquency described more fully Frenkel Kurinova as "the totality of socially dangerous acts committed by persons aged 14-17 years, which is characterized by an increase in the proportion of violent crimes, wearing a demonstrative character, coupled with the video and the subsequent deployment of the Internet, increasing the independence of the criminal minors, their early criminalization".

Keywords: minor, crime prevention, special production

Одними из причин создавшегося в стране положения с преступностью в среде несовершеннолетних являются семейное неблагополучие, материальная необеспеченность и жестокость родителей по отношению к детям, а также отсутствие надлежащего контроля со стороны органов опеки и попечительства, социальной защиты населения, здравоохранения, образования, органов внутренних дел, подразделений по делам несовершеннолетних, комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав за семьями, находящимися в социально опасном положении, низкая выявляемость неблагополучных семей, недостаточный уровень взаимодействия между органами и учреждениями системы профилактики.

Преступность несовершеннолетних более восприимчива к жизненному уровню и уровню социального обеспечения семей, а также организации профилактической работы органов внут-

ренних дел. Работа правоохранительных органов с несовершеннолетними должна строиться на повышении профессионализма при проведении профилактики преступлений указанной категории лиц, более активном взаимодействии по данным вопросам с государственными органами и общественными объединениями.

Борьба с преступностью несовершеннолетних - одно из направлений деятельности аппаратов уголовного розыска органов внутренних дел, которые занимаются обеспечением повышения уровня осведомленности о несовершеннолетних правонарушителях и осуществляют на этой основе целенаправленные мероприятия по выявлению и разоблачению преступных групп и несовершеннолетних преступников, применяя тактику и методы оперативно-разыскной деятельности.

Наиболее важным фактором с точки зрения воздействия на личность в подростковом возрасте являются семейные отношения. «Безразличие родителей к воспитанию подростка толкает его на поиски авторитетных лиц, с которыми можно общаться на стороне. Поэтому безнадзорные подростки, которые более податливы, чем взрослые, легко попадают под влияние антиобщественных элементов, в частности из числа старших по возрасту лиц».

Переходя к генезису подростково-молодежной преступности, необходимо отметить, что она подчиняется общим закономерностям. Не существует каких-то особых, специфических причин преступности подростков и молодежи. Однако социально-экономическое неравенство, неравенство возможностей, доступных людям, принадлежащим к различным группам (стратам), своеобразно проявляется применительно к подросткам и молодежи.

Во-первых, во всех обществах понятия «старший» и «младший» означают не только возрастные, но и статусные различия. «Понятие "старшинство" имеет не только описательное, но и ценностное, социально-статусное значение, обозначая некоторое неравенство или, по меньшей мере, ассиметрию прав и обязанностей.

На всех языках мира понятие "младший" указывает не только на возраст, но и на зависимый, подчиненный статус». Различия возрастные оборачиваются социальным неравенством. И это характерно для всех стран. В российском обществе дети, подростки, молодежь также страдают не только от непонятости, заброшенности, репрессивных мер «воспитания», но и от неравенства положения, неравенства шансов, по сравнению со взрослыми, получить жилье, работу, вознаграждение за нее, защитить свои интересы. Подростки отличаются не только повышенной девиантностью, но и повышенной виктимностью.

Подростки совершают преступления чаще всего в связи с наличием в структуре их личности дефектов правосознания: либо потому что не имеют твердых установок законопослушного поведения; либо руководствуясь возникшей ситуацией, благоприятной для совершения преступления; либо обладая твердой криминальной ориентировкой.

В большинстве стран, в том числе и в России, в отношении несовершеннолетних предусмотрен особый порядок привлечения последних к уголовной ответственности. В отношении указанной категории лиц установлено специальное производство по уголовным делам. Данное производство осуществляется по общим правилам, с учетом особенностей, установленных в гл. 50 Уголовно-процессуального кодекса РФ, а также иными статьями УПК РФ.

Производство по делам несовершеннолетних имеет свои особенности, но в целом в российском праве оно подчиняется общим нормам уголовного процесса. К таким особенностям можно отнести следующее:

- уголовное дело в отношении несовершеннолетнего, если он участвовал в совершении преступления наряду со взрослыми лицами, подлежит выделению в отдельное производство;
- особенный (специальный) предмет доказывания по уголовным делам о преступлениях несовершеннолетних (возраст несовершеннолетнего и точная дата его рождения, условия жизни и воспитания несовершеннолетнего, уровень психического развития и т.д.);
- специфичный круг участников уголовного судопроизводства по делам о преступлениях несовершеннолетних (обязательное участие защитника в уголовном деле);
- особая процедура избрания меры пресечения в отношении несовершеннолетнего (например, заключение под стражу может быть избрано в отношении несовершеннолетнего только в случае, если он обвиняется в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления);
- особенности производства отдельных следственных действий в отношении несовершеннолетних (например, допрос несовершеннолетнего не может длиться более двух часов непрерывно и более четырех часов в день в общей сложности);
- другие особенности.

С сожалением приходится констатировать, что преступность несовершеннолетних - реалия современной действительности, профилактика которой, а также устранение и нейтрализация факторов, детерминирующих противоправное поведение несовершеннолетних, должны иметь первостепенное значение для государства и общества.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Рубачева Е.Л., Мартиросян М.В. Причины и условия, детерминирующие делинкветность и преступность несовершеннолетних // Общество и право. - 2014. - № 1 (47). - С. 128.
2. Куринова Я.И. Понятие современной преступности несовершеннолетних и ее специфические черты // Закон и право. - 2010. - № 7. - С. 89-92.
3. Чудин Н.М. Региональные характеристики преступности несовершеннолетних // VI Пермский конгресс ученых-юристов (г. Пермь, 16-17 октября 2015 г.): избранные материалы / В.В. Акинфиева, А.А. Ананьева, С.И. Афанасьева и др.; отв. ред. В.Г. Голубцов, О.А. Кузнецова. - М.: Статут, 2016. - С. 412.
4. Ситковская О.Д. Психология уголовной ответственности. - М.: НОРМА, 1998. - С. 70-115.
5. Машекуашева М.Х., Кочесокова З.Х. Некоторые особенности психологической подготовки сотрудников полиции в современных условиях // Новое слово в науке: перспективы развития. - 2015. - № 1 (3). - С. 104-105.
6. Голяндин Н.П., Ардавов М.М., Машекуашева М.Х. Взаимодействие органов внутренних дел с представителями религиозных конфессий // Теория и практика общественного развития. - 2014. - № 16. - С. 127-131.

REFERENCES

1. Rubacheva E.L., Martirosyan M.V. The causes and conditions that determine delinkvetnost and juvenile delinquency. Society and Law. № 1, 2014. (47). P. 128.
2. Kurinova Ya.I. The concept of the modern juvenile delinquency and its specific features. Laws and regulations. 2010. № 7. Pp. 89-92.
3. Chudin N.M. Regional characteristics of juvenile delinquency. VI Congress Perm legal scholars (Perm, 16-17 October 2015): Selected materials. V.V. Akinfiev, A.A. Ananiev, S.I. Afanasiev, etal.; Ed. V.G. Golubtsov, O. Kuznetsova. M .: Statut, 2016. 412 p.
4. Sitkovskiy O.D. Criminal liability Psychology. M .: Norma, 1998. pp 70-115.
5. Mashekuasheva M.H., Kochesokova Z.H. Some features of psychological training of police officers in modern conditions. The new word in science: prospects for development. 2015. number 1 (3). Pp. 104-105.
6. Golyandin N.P., Ardavov M.M., Mashekuasheva M.H. Interaction of Internal Affairs with representatives of religious denominations. Theory and practice of social development. 2014. № 16. Pp. 127-131.

Информация об авторе

Ардавов Михаил Мухамединович, кандидат юридических наук, полковник полиции, начальник кафедры специальных дисциплин, Северо-Кавказский институт повышения квалификации сотрудников МВД РФ (филиал) Краснодарского университета МВД России, г. Нальчик, Россия

Яхьяев Турпалали Ломельевич, кандидат социологических наук, подполковник полиции, начальник отдела управления экономической безопасности и противодействия коррупции, МВД РФ по Чеченской республике, г. Грозный, Россия
Северо-Кавказский институт повышения квалификации сотрудников МВД РФ (филиал) Краснодарского университета МВД России, г. Нальчик, Россия

Получена: 01.12.2016

Для цитирования статьи: Ардавов М. М., Яхьяев Т. Л., Деликвентное поведение несовершеннолетних как феномен российской действительности. Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. Том. 8. № 6. Часть 2. с. 93-95.
DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-6/2-93-95.

Information about the author

Michael M. Ardavov, Candidate of Law, Police Colonel, Head of Department of Special Disciplines,
North - Caucasian Institute for Advanced Training (Branch) of Krasnodar University of the Russian Ministry of Internal Affairs,
Nalchik, Russia

Turpalali L. Yahiaev, Candidate of Sociological Sciences, Police Lieutenant Colonel, Head of Division of the Department of Economic Security and Anti-Corruption,
Russian Ministry of Internal Affairs in the Chechen Republic, Grozny, Russia
North - Caucasian Institute for Advanced Training (Branch) of Krasnodar University of the Russian Ministry of Internal Affairs,
Nalchik, Russia

Received: 01.12.2016

For article citation: Ardavov M. M., Yahiaev T. L., Delikventnoe povedenie nesovershennoletnih kak fenomen rossijskoj dejstvitel'nosti. [Delinquency behavior of minors as phenomenon of russian reality]. Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatelnaya mys'l = Historical and Social Educational Ideas. 2016. Vol . 8. no. 6. Part. 2. Pp. 93-95.
DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-6/2-93-95. (in Russian)

УДК 314.74 DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-6/2-96-99

АРТЮХОВ Максим Николаевич
Донецкий национальный университет
г. Донецк, Украина
art-73@inbox.ru

Maxim N. ARTYUHOV
Donetsk National University
Donetsk, Ukraine
art-73@inbox.ru

МУСУЛЬМАНСКИЕ ОБЩЕСТВА ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ: ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ АДАПТАЦИИ

MUSLIM COMMUNITY IN WESTERN EUROPE: PROBLEMS OF SOCIAL-CULTURAL ADAPTATION

Современная глобализация поставила в острой форме проблему измерения рисков человеческой деятельности, которые появились как результат резко возросших производительных возможностей и трудности изменения социальной жизни. Можно говорить о глобальной структуре экономических и политических отношений, связывающих отдельные общества в единую систему. Однако наиболее сложен и противоречив характер глобализации в области культуры, религии, идеологии. В такой ситуации повышается уровень социальной напряженности, что в конечном итоге ставит под вопрос способность той или иной страны сохранять свой суверенитет и территориальную целостность. Учитывая миграционный кризис в Западной Европе, автор пытается раскрыть причину, затрудняющую адаптацию мусульман в европейском культурном пространстве и возможность (невозможность) ассимиляции инокультурных сообществ принимающей культурой.

Ключевые слова: мигранты, мусульманские общины, экстремизм, переселенцы, интеграция, адаптация, религиозная идентичность, толерантность, церковная иерархия, европейская цивилизация.

Contemporary globalization has put in an acute form the problem of measuring the risks of human activity that have emerged as a result of sharply increased the productive capacity and the difficulty of change of social life. You can talk about the structure of the global economic and political relations binding the individual company in a single system. In the political sphere, this is expressed in the emergence of supranational units of various sizes: military blocs, coalitions, regional associations, international organizations, etc. In the economic sphere enhanced integration of regional and global economic agreements, which increases the role of transnational corporations, the market is becoming a single economic mechanism. However, the most complex and contradictory nature of globalization in the field of culture, religion, ideology. As a result, there are opposite tendencies of revival and separation of national cultures, the emergence of new religious movements and thereby dramatically exacerbating the socio-cultural identity. In this situation, increased social tension, this ultimately calls into question the ability of a country to maintain its sovereignty and territorial integrity. Modern Europe suffers significant changes in the ethnic composition of the population, which, in maintaining the current migration from developing regions can lead to irreversible consequences, when the indigenous population of most countries of Western Europe could become a minority, as one aspect of the global demographic processes of the last decades has been the rapid growth of the population, professing the Muslim religion. Given this process, in this article the author tries to reveal the problem of the migration crisis in Western Europe and understand the cause of hindering the adaptation of Muslims in the European cultural space and the ability (inability) assimilating other cultures communities host culture.

Keywords: migrants, Muslim communities, extremism, immigrants, integration, adaptation, religious identity, tolerance, church hierarchy, European civilization

Европа в последнее время пытается осмыслить феномен культурного многообразия, когда из-за стремительного роста мигрантов крупные европейские города уже перестали быть моноэтническими. Переселенцы вместе с иной религией приносят в европейское пространство новые жизненные ориентиры и тем самым постепенно размывают локальные культуры. Тем более надо учитывать, что религиозные убеждения мигрантов определяют их форму поведения, которое может отличаться от образа жизни европейского сообщества, и как следствие, в ЕС стали часто возникать проблемы взаимодействия государства, например, с мигрантами из мусульманского мира.

Количество мусульман в Европе постоянно увеличивается, и по разным источникам сейчас их там проживает около 24 млн [1]. Однако определить реальное количество мусульман в Западной Европе очень сложно, так как наряду с легальными иммигрантами здесь проживает большое количество нелегальных. Конечно, если смотреть на общие цифры религиозности в Западной Европе, то мы увидим большой разрыв между христианами и мусульманами. Например, если возьмем Францию, то увидим, что к католикам там относят себя 43%, а мусульман всего 8% жителей. С одной стороны, в процентном отношении разница существенна. Но, с другой - быть верующим (следовать всем постулатам веры или хотя бы раз в месяц посещать богослужения), особенно живя в комфортных условиях толерантной Европы, и считать себя таковым - это «две

большие разницы» [2]. Поэтому истинное положение с количеством людей, исповедующих христианство и ислам в Западной Европе, может отличаться от официальных данных.

Увеличение числа европейских мусульман, помимо миграции, стимулирует специальная социальная программа ЕС, которая поощряет высокую рождаемость европейского населения. Стоит отметить, что сокращению коренного населения Западной Европы способствует сознательный отказ от рождения детей, так как многие европейцы считают, что дети могут стать проблемой для их карьерного роста, и многодетность мусульманских семей выделяется на этом фоне. Таким образом, отказ от традиционных семейных ценностей и нравственный кризис общества способствуют росту популярности ислама даже в среде коренного населения Европы.

Отстаивая идеи толерантности, европейские политики считали, что интеграция мусульманских переселенцев в европейское культурное пространство будет способствовать сближению христианской и исламской цивилизаций. Однако примеры, когда мусульмане успешно интегрировались в европейскую культуру, не имеют массового характера, а значительная часть переселенцев из мусульманского мира даже не проявляет подобного желания. Более того, в связи с тем, что число приверженцев ислама в Европе постоянно растет, прогнозы некоторых аналитиков о грядущей исламизации ЕС вызывают серьезную озабоченность. Рост числа мусульман в Европе имеет постоянный характер, и если эта тенденция сохранится, то доля выходцев из исламских стран в Европе к 2050 г. по некоторым прогнозам может составить треть или даже половину его населения [3]. Тогда возникает весьма резонный вопрос: возможна ли в будущем исламизация Европы? Безусловно, радикально настроенные мусульманские лидеры надеются на такой итог событий. Тем более, учитывая механическое следование по пути либерализма, которое ведет к дальнейшей обособленности местных мусульман и росту влияния радикального ислама, уже в скором времени данная тенденция может превратиться в реальную угрозу для существования современной европейской цивилизации. Однако результаты американского исследования, опубликованного институтом Pew Research Center on Religious and Public Life, внушают некоторый оптимизм в этом отношении. Согласно данному исследованию, количество мусульманского населения до 2030 г. будет расти значительно медленнее, чем это было в прошлом. По мнению американских исследователей, одной из главной причиной медленного роста является повышение уровня образования мусульманских женщин и, как следствие, снижение коэффициента рождаемости. Это прогнозы на будущее, но если анализировать настоящее время, то необходимо обратить внимание на одну важную деталь: мусульмане Европы моложе коренного населения.

При анализе общей демографической ситуации в ЕС, прежде всего, обращает на себя внимание данная особенность (мусульманское население Европы моложе коренного). Например, во Франции в целом доля жителей до 20 лет составляет 21%, а среди мусульман - 33%. В Германии цифры по соответствующим показателям - 18% и 33%. Примерно так же обстоит дело и в других странах ЕС [4]. В Амстердаме, Гааге и Роттердаме исповедующие ислам составляют 60% населения моложе 20 лет. Среди мусульман Брюсселя 35% составляет молодежь не старше 18 лет, тогда как среди бельгийцев аналогичный показатель равен 18%. При этом мусульманская молодежь более активно пытается найти «свое место» в инокультурной среде, чем их родители. Важно отметить, что в отличие от иммигрантов первой волны, неприятие окружающей культуры в среде мусульман второго и третьего поколения постоянно нарастало и постепенно приобретало более радикальные формы. В ситуации, когда мусульманские общины воспринимаются европейской средой как посторонний элемент, обладающий иным опытом социализации, языком и культурой, общинам приходится прибегать к таким стратегиям адаптации, как «Flight» или «Fight», о которых пишет А. Понамарева [5, с. 18]. Таким образом, будущие перспективы Европы будут зависеть от того, сумеет ли ЕС выработать адекватную политику по отношению к растущим и все менее интегрированным мусульманским сообществам. Такая политика должна не только гарантировать сохранение религиозного и культурного своеобразия европейских мусульман, но также обеспечить интеграцию мусульман в современную европейскую цивилизацию. Однако политика интеграции не будет эффективна без движения навстречу со стороны общества, государства и самих переселенцев. Необходима единая концепция взаимодействия с мусульманскими общинами, так как на современном этапе каждое государство ЕС действует в этой сфере обособленно. Поэтому важной задачей, стоящей перед Европой, является переосмысление политики в отношении интересов мусульманских меньшинств и препятствование их дальнейшему отчуждению, так как практика показала, что стратегия, направленная на абсолютную ассимиляцию иных религиозно-культурных общностей, неэффективна.

Следует отметить еще одну важную причину, затрудняющую интеграцию мусульманских мигрантов. В исламе отсутствует церковная иерархия, и в связи с этим в рамках этого вероучения невозможно регулирование религиозной жизни, которое можно наблюдать, например, в католицизме. Влияние того или иного союза может распространяться на определенную этниче-

скую религиозную группу мусульман или на объединение нескольких этнических групп, но не на всех мусульман. Бесспорно, данное явление затрудняет интеграционный процесс и приводит к разным сложностям, например во взаимоотношениях со светским государством. Поэтому правительство стран ЕС заинтересовано в создании единого центра, представляющего интересы всей мусульманской общины. Однако до сих пор ни одна из мусульманских организаций не имеет возможности стать посредником между государством и религиозной общиной [6]. Это обусловлено в первую очередь этнической, культурной и идеологической разнородностью многочисленной мусульманской общины. Например, рост числа мусульманских мигрантов во Франции сопровождался созданием различного рода ассоциаций и союзов, которые в финансовом отношении зависели от Саудовской Аравии, Индии, Туниса, Пакистана, Ирана и т.д. Следовательно, созданные под их влиянием мусульманские организации объединяли выходцев отдельных государств арабского мира и Турции и в силу этого были не консолидированы.

Изучая причины, затрудняющие адаптации мусульман в европейском пространстве, можно выделить еще несколько из них. Например, в ряде западных стран мусульманские мигранты не могут получить гражданство из-за сложности закона о натурализации, даже если они родились и получили образование в стране проживания, ставшей для многих из них «новой родиной». Разного рода ограничения (социальные, бытовые, религиозные) вынуждают переселенцев вести замкнутый образ жизни, в пределах одного квартала и говорить только на родном языке. Такая культурная обособленность заставляет иммигрантов чувствовать себя не столько сирийцами, турками, афганцами, сколько прежде всего мусульманами. Религиозная общность сближает и сплачивает людей. К тому же у мусульман наблюдается обостренное чувство принадлежности к мусульманскому миру, так как в окружении единоверцев человек больше ощущает свою идентичность. Стоит отметить, что и для европейцев выходцы из мусульманских частей Азии и Африки воспринимаются в первую очередь как мусульмане, а только потом уже как представители определенного этноса. Поэтому в условиях растущего на Западе подозрительного отношения к мусульманам-иммигрантам увеличивается их солидарность с мусульманским миром, а всякий вызов мусульманским народам воспринимается ими как посягательство именно на ислам.

Очевидно, что в результате последнего миграционного кризиса, связанного с военными действиями в Сирии (а также с нестабильностью в ряде регионов ближнего Востока), в ближайшие годы напряженность в европейском культурном пространстве только усилится. Более того, этническая и конфессиональная раздробленность мигрантов, слабо интегрированных в европейское сообщество, становится реальной угрозой внутриполитической стабильности. В результате у определенной части населения возникает и укрепляется убеждение в том, что они дискриминируются именно вследствие этнических либо конфессиональных особенностей, у этих людей «формируется менталитет, угрожающий возникновением в обществе перманентного насилия» [7, с. 10]. В этих условиях Г.И. Мирский указывает на опасность возникновения своего рода «нового люмпен-пролетариата», отчужденного от преобладающей, более состоятельной части населения. Ведь недовольство социально-экономическим положением мусульманских мигрантов экстремисты используют для пополнения рядов своих сторонников. Необходимо отметить, что интеграция мусульман в европейские общества - часть длительного исторического процесса, и от его развития зависит не только судьба ислама, но и отношения мусульман с внешним миром. Однако существенным препятствием данному процессу является проявление ксенофобии со стороны коренных европейцев, что приводит к сохранению значительной части мусульман своей религиозно-культурной идентичности.

Таким образом, мусульманские сообщества Западной Европы, невзирая на постепенное формирование смешанной идентичности и появление даже атеистических взглядов у второго поколения мигрантов под воздействием европейской толерантности, в большинстве придерживаются все же своей религиозно-культурной идентичности. Культурной консервации мусульманской диаспоры в ЕС способствует целый ряд факторов, которые мы еще раз подчеркнем:

- изолированное проживание мусульманских мигрантов в этнических кварталах (гетто), что способствует сохранению своего языка, обычаев и религии;
- социально-экономическое положение мигрантов (безработица, отсутствие должного образования);
- историческая память напряженных отношений между Европой и мусульманским миром, сформировавшая предрассудки в отношении ислама;
- экстраполяция проявлений исламского экстремизма на международной арене на ситуацию внутри ЕС, что приводит к осторожному отношению к мигрантам из мусульманских стран;
- этническая и культурная неоднородность мусульманской иммиграции;
- сложное отношение коренного населения ЕС к мигрантам с другой ментальностью и образом жизни (проблема ксенофобии);

- различное христианское и мусульманское мировоззрение на основные вопросы бытия;
- нетерпимое отношение части радикально настроенных мусульман к европейским ценностям, что подрывает доверие местного населения и способствует формированию бытового понимания ислама;
- трудности с натурализацией мусульманских мигрантов в некоторых странах ЕС;
- отсутствие единого мусульманского (духовного) центра, который смог бы объединить всех мусульман Европы и при этом пользовался бы авторитетом всего мусульманского сообщества ЕС.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Варкентин А. Мусульмане в Германии: интеграция или сосуществование? [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.dw-world.de/dw/article/0,,5183910,00.html
2. Артюхов М.Н. Религиозная консервация мусульманских сообществ Западной Европы // Религия и этничность в светском государстве: материалы международной научно-практической конференции. - Астана, 2016. - С. 39-46.
3. Оришев А.Б. Ислам в Европе: первые волны исламизации // Запад-Россия-Восток: Археология. История. Философия. Юриспруденция. - 2013. - № 22-23 (1-2). - С. 39.
4. Мирский Г.И. Европа и мусульмане. [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.religare.ru/2 43509.html.
5. Пономарева А.М. Социокультурная адаптация мусульманских общин в западноевропейских обществах: автореф. дис. ... канд. социол. наук. - М., 2010.
6. Rödl W. Die Vielfalt des Islam in Deutschland // Freiburger Materialdienst für die Gemeindepastoral, Dialog mit Muslimen, Freiburg im Brisgau, 2003, H. 2. - S. 9-14.
7. Мирский Г.И. Возврат в Средневековье? // Россия в глобальной политике. - Сентябрь-октябрь 2006. - № 5.

REFERENCES

1. APA Style (2016), Musulmane v Germanii: integraziy ili sosuchestvovanie. [Muslims in Germany: integration or coexistence]. Available at: http://www.dw-world.de/dw/article/0,,5183910,00.html (accessed 18 August 2016)
2. Artyuhov M. N. Religiy i etnichnost v svetskom gosudarstve. [Religion and ethnicity in a secular state. Materials of the international scientific-practical conference], Astana, 2016, p. 39-46. (in Russian)
3. Orichev A. B. Islam v Evrope: pervye volny islamisazii. [Islam in Europe: the first wave of Islamization]. Zapad-Rosiy-Vostok: Arheologiy. Istoriy. Filisofiy. Yrisprudenziy. 2013. № 22-23 (1-2). P. 39. (in Russian)
4. APA Style (2016), Evropa i musulmane. [Europe and the Muslims]. Available at: www.religare.ru/2_43509.html (accessed 30 August 2016)
5. Ponomareva A. M. Soziokulturnay adaptaziy musulmanskix obchin v Zapodnoevropeyskix obchestvax. [The socio-cultural adaptation of the Muslim communities in Western societies]. avtoreferat disertazii kandidata soziologicheskih nauk. M. 2010. (in Russian)
6. Redl V. Mnogoodrazie izlama v Germanii. [The diversity of Islam in Germany]. Cluczba Frayburga. Materialu dly obchestvennosti i dialoga s musulmanami. Freiburg. 2003. 2. P. 9-14. (in Germany)
7. Mirskiy G. I. Vozvrat v Srednevekove? [Back in the Middle Ages?]. Rosiy v globalnoy politike. № 5. 2006. (in Russian)

Информация об авторе

Артюхов Максим Николаевич, аспирант, кафедра философии, Донецкий национальный университет,
г. Донецк, Украина
art-73@inbox.ru

Получена: 14.12.2016

Для цитирования статьи: Артюхов М. Н., Мусульманские общества Западной Европы: проблемы социально-культурной адаптации. Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. Том. 8. № 6. Часть 2. с. 96-99.
DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-6/2-96-99.

Information about the author

Maxim N. Artyuhov, Postgraduate Student, Department of Philosophy, Donetsk National University,
Donetsk, Ukraine
art-73@inbox.ru

Received: 14.12.2016

For article citation: Artyuhov M.N., Musul'manskie obshhestva Zapadnoj Evropy: problemy social'no-kul'turnoj adaptacii. [Muslim community in Western Europe: problems of social-cultural adaptation]. Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatelnaya mys'l = Historical and Social Educational Ideas. 2016. Vol . 8. no. 6. Part. 2. Pp. 96-99.
DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-6/2-96-99. (in Russian)

УДК 34.08 DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-6/2-100-103

ДАДОВ Аслан Валерьевич
Северо-Кавказский институт повышения квалификации (филиал) Краснодарского университета МВД России
г. Нальчик, Россия
mashekuasheva@mail.ru

Aslan V. DADOV
North - Caucasian Institute for Advanced Training (Branch) of Krasnodar University of the Russian Ministry of Internal Affairs
Nalchik, Russia
mashekuasheva@mail.ru

ОСНОВНЫЕ ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ СОТРУДНИКОВ ОВД ПО ВОПРОСАМ ФИЗИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКИ

BASIC VALUE ORIENTATIONS OF POLICE EMPLOYEES ON PHYSICAL TRAINING

Основной задачей полиции является охрана общественного порядка и борьба с преступностью. Выполняя указанную задачу в процессе служебной деятельности, сотрудникам полиции приходится осуществлять пресечение преступлений, административных правонарушений и задержание лиц, их совершивших. Особенное значение при этом приобретают система подготовки и тактика использования сотрудниками органов внутренних дел боевых приемов борьбы в ходе исполнения ими служебных обязанностей.

Условия выполнения профессиональной деятельности сотрудниками органов внутренних дел, постоянное нахождение в опасных для жизни и здоровья ситуациях приводит их к психологической и физической уязвимости, именно поэтому физическая подготовка является неотъемлемой частью профессиональной подготовки сотрудников полиции.

Чаще всего сотрудникам полиции приходится действовать в ситуациях, в которых правонарушители оказывают неповиновение законным распоряжениям и требованиям. В подобных конфликтных ситуациях в деятельности полиции преимущество отдается ненасильственным способам воздействия на правонарушителей путем ведения переговоров и как крайняя мера применяются силовые приемы (приемы боевой борьбы), специальные средства и огнестрельное оружие, то есть меры насильственного принуждения.

В современных условиях применение какого-либо рода принуждения сотрудником полиции зачастую вызывает общественный резонанс. Граждане страны юридически подкованы, и каждая ошибка человека, являющегося сотрудником полиции, расценивается как неграмотность, необразованность и непрофессионализм.

Приемы боевой борьбы являются одной из исключительных мер, используемых для предупреждения и пресечения противоправных действий лиц, угрожающих общественному порядку, личной безопасности граждан и сотрудников полиции, а также средством принуждения, применяемым при необходимости в отношении граждан, отказывающихся подчиняться законным требованиям представителей власти.

Ключевые слова: сотрудники полиции, приемы личной безопасности, физическое воздействие.

The main task of the police is to protect public order and combating crime. Perform this task in the process of performance management; police officers have to carry out suppression of crimes and administrative offenses and detention of persons who committed them. Of particular importance in this case become the system of training and tactics use by law-enforcement bodies to combat fighting techniques in the performance of their duties. Terms and conditions of professional activity by employees of law enforcement bodies, the constant presence in the life-threatening health situations and leads them to psychological and physical vulnerability, which is why physical fitness is an integral part of police training. Most often, police officers have to act in situations where the offender is disobedience to legal orders and requirements. In such situations of conflict in the work of the police priority is given to non-violent methods against offenders through negotiations, and as a last resort use of force techniques (methods of combat wrestling), special means and firearms, coercion measures. In modern conditions, the use of any kind of coercion by a police officer is often a public outcry. Citizens of the country legally savvy, and every human error, which is a police officer, is regarded as illiteracy, lack of education and lack of professionalism. A reception fighting is one of the exceptional measures employed to prevent and punish illegal activities of persons, threatening public order and personal safety of citizens and police officers, as well as a means of coercion used, if necessary, in relation to citizens who refuse to obey the legitimate demands of the authorities.

Keywords: police officers, personal security practices, physical impacts

Надлежащее соблюдение правил применения физической силы и приемов борьбы является гарантией обеспечения должного уровня безопасности, а тактически грамотные алгоритмы действий позволяют избежать характерных ошибок, допускаемых при совершении таких действий, сопряженных с негативными последствиями. Указанное обусловливает актуальность и безусловную значимость рассмотрения особенностей применения сотрудниками полиции физического воздействия и боевых приемов борьбы при осуществлении служебной деятельности.

Методические рекомендации направлены на достижение реальной готовности к эффективным действиям по применению боевых приемов борьбы сотрудников органов внутренних дел в типовых и экстремальных ситуациях, возникающих в процессе служебной деятельности. Пособие создано в помощь преподавателям, инструкторам образовательных учреждений МВД России, инструкторам боевой и физической подготовки ОВД, а также для самостоятельного изучения сотрудниками полиции боевых приемов борьбы. Основной задачей данного пособия является приближение процесса обучения к реальности. В обстановке опасности, вызывающей значительные психофизические нагрузки, результат борьбы с противником в полной мере бу-

дет зависеть от умелого и уверенного применения боевых приемов борьбы в быстро меняющихся ситуациях. Положительный эффект от использования данного пособия возможен только тогда, когда с изучением теории будет проводиться целенаправленная тренировка практических навыков выполнения боевых приемов борьбы. Это даст возможность использовать полученные знания, навыки и умения в служебной деятельности. В большинстве случаев боевые приемы различных видов борьбы, применяемые сотрудниками органов внутренних дел для пресечения преступлений и административных правонарушений, а также для задержания лиц, их совершивших, преодоления противодействия законным требованиям, в случае, когда невозможно исполнение обязанностей посредством ненасильственных способов, именуются физической силой. Однако содержание термина «физическая сила» законодательство не раскрывает, лишь выделяет в качестве одной из разновидностей физической силы «боевые приемы борьбы».

Под физической силой принято понимать «не сопровождающиеся применением специальных средств и огнестрельного оружия физические действия сотрудника органов внутренних дел, направленные против отдельных лиц либо имущества и состоящие в ограничении телесной неприкосновенности этих лиц, свободы их действий, передвижения или распоряжения какими-либо предметами, а также в повреждении или временном изъятии принадлежащего кому-либо имущества в целях прекращения активного противоправного поведения этих лиц или, в случае их противоправного бездействия, самостоятельного исполнения сотрудником своего законного требования» [3].

Несмотря на то, что из всех способов воздействия физическая сила является наиболее мягким, тем не менее ее применение ограничивает право лица на физическую неприкосновенность. Всеобщей декларацией прав человека 1948 г. [2] провозглашено, что при осуществлении своих прав и свобод каждый человек должен подвергаться только таким ограничениям, какие установлены законом исключительно с целью обеспечения должного признания и уважения прав и свобод других и удовлетворения справедливых требований морали, общественного порядка и общего благосостояния в демократическом обществе. Именно поэтому законодательно определяются общие условия и пределы применения физической силы (ст. 18-20 Федерального закона «О полиции» [2]. Эти нормы, являющиеся составной частью правил несения службы по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности, регламентируют правомерное применение силы. Основные принципы применения физической силы должностными лицами по поддержанию правопорядка были приняты VIII Конгрессом ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями и послужили основой главы 5 Федерального закона «О полиции». Данное правомочие подвержено более глубокому вторжению в сферу основных прав и свобод граждан и сопряжено с достаточно высоким риском наступления тяжких и необратимых последствий. Из вышеизложенного следует, что применение физической силы должно осуществляться сотрудниками в строгом соответствии с законом с использованием имеющегося правового регламента. Применение любых мер воздействия по отношению к человеку возможно при соблюдении нескольких условий:

первое условие применения физической силы - она может быть применена для пресечения опасных действий;

второе условие - может применяться, если исчерпаны все ненасильственные способы задержания лиц и пресечения опасных действий с их стороны, вследствие чего без применения физической силы не обеспечивается исполнение обязанностей по охране общественного порядка.

Главное, чтобы способ силового воздействия, избираемый сотрудником полиции, вид, сила, локализация и интенсивность ударов, удушающих, бросковых и других подобных приемов был соразмерен характеру и степени опасности пресекаемого правонарушения, лиц, его совершивших, силе оказываемого ему противодействия, то есть не был явно, очевидно для всех чрезмерным в данной ситуации. В случаях, когда сотрудник полиции находится в состоянии необходимой обороны и его жизни или жизни других лиц угрожает непосредственная опасность, допускается применение приемов борьбы, заведомо направленных на лишение жизни или тяжкого вреда здоровью посягающего лица, в том числе с использованием подручных средств. В то же время запрещается применять приемы, а также иные формы физического воздействия, направленные на унижение человеческого достоинства, а также носящие характер наказания, пытки или издевательства [5].

Во-вторых, применение физической силы может иметь форму иного, не имеющего характера борьбы мускульного воздействия со стороны сотрудника полиции, направленного на физических лиц или имущество, осуществляемое в целях, предусмотренных ст. 20 Федерального закона РФ «О полиции» (например, помещение лица, находящегося в состоянии опьянения и не способного самостоятельно передвигаться, в служебный автомобиль, извлечение ключа из

замка зажигания автомобиля, на котором остановленный правонарушитель пытается скрыться, выбивание ногой (плечом) двери в целях задержания предполагаемого преступника, стравливание воздуха из колес остановленного в результате преследования сотрудниками полиции транспортного средства, находящегося в розыске, водитель и пассажиры которого, отказываясь выходить, заперлись изнутри, либо повреждение стекол или дверных замков такого автомобиля для проникновения в него и задержания этих лиц и др.).

Многообразие задач, которые необходимо уметь решать и использовать в профессиональной деятельности сотрудника полиции, диктует необходимость самой многоплановой подготовки: умение противостоять без оружия более сильному, вооруженному противнику, вести бой как в ближней, так и в дальней дистанции, позволяющей наносить удары руками и ногами, и защитные действия от этих ударов, а также производить броски, подсечки, болевые приемы, освобождаться от захватов противника и удушений.

Владение техникой улучшается в процессе регулярных тренировочных занятий, но возможен и обратный процесс - после прекращения занятий.

Обучение рукопашному бою сотрудников полиции на современном этапе предусматривает не только овладение приемами боя с оружием и без оружия, но и развитие физических, морально-волевых качеств.

Применение того или иного вида приема нападения или самозащиты зависит от расстояния между противниками, от положения стоек их рук, ног, туловища, от наличия и вида оружия.

Техника отдельного приема характеризуется рациональным взаиморасположением всех звеньев двигательного аппарата и удержанием оперативной позиции в процессе его выполнения, соблюдением оптимальной траектории по направлению, форме и амплитуде, финальной точности удара, темпом, ритмом и т.д.

Профессиональная деятельность сотрудников органов внутренних дел часто осложняется тем, что постоянно меняются его условия, зависящие от множества факторов:

- положения нападающего;
- положения защищающегося;
- степени направленности их усилий;
- психического и физического состояния противников.

Часть 3 ст. 19 Федерального закон «О полиции» предписывает сотруднику полиции при применении физической силы действовать с учетом создавшейся обстановки, характера и степени опасности действий лиц, в отношении которых применяются данные меры государственного принуждения, характера и силы оказываемого ими сопротивления.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) // Российская газета. - 1995. - 05 апреля.
2. Федеральный закон от 07 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» (ред. от 13.07.2015) // СЗ РФ. - 2011. - № 7. Ст. 900; - 2015. - № 29 (ч. 1). Ст. 4374.
3. Кокорев А.Н. Меры административного пресечения, применяемые органами внутренних дел: Дис. … канд. юрид. наук. - М., 2007. - С. 11.
4. Юшков Ю.Н. Институт необходимой обороны и его роль в борьбе с преступностью в современных условиях // Государство и право. - 1992. - № 4.
5. Василенко Г.Н. Административное законодательство в условиях применения норм Федерального закона «О полиции» // Административное и муниципальное право. - 2012. - № 3. - С. 18-24.
6. Дадов А.В. Состояние и проблемы физической подготовки личного состава ОВД // Историческая и социально-образовательная мысль. - Краснодар. - 2016.

REFERENCES

1. Universal Declaration of Human Rights (adopted by the UN General Assembly 10.12.1948). The Russian newspaper. 1995. April 5.
2. Federal Law of February 07, 2011 № 3-FZ "On Police" (ed. By 13.07.2015). SZ the Russian Federation. 2011. № 7. Art. 900; 2015. № 29 (ch. 1).
3. Kokorev A.N. Measures of administrative suppression applied by the internal affairs bodies: Dis. ... Cand. jurid. Sciences. M., 2007. P. 11.
4. YUSHKOV Y.N. Institute of self-defense and its role in the fight against crime in modern conditions. State and right. 1992. № 4. P. 65.
5. Vasilenko G.N. Administrative law in the conditions of application of the rules of the Federal Law "On Police". Administrative and municipal law. 2012. № 3.
6. Dadov A.V. State and problems of physical training of the ATS. Historical and socio-educational thought. Krasnodar. 2016.

Информация об авторе

Дадов Аслан Валерьевич, преподаватель, кафедра физической подготовки, Северо-Кавказский институт повышения квалификации сотрудников МВД РФ (филиал) Краснодарского университета МВД России,
г. Нальчик, Россия
mashekuasheva@mail.ru

Получена: 14.12.2016

Для цитирования статьи: Дадов А. В., Основные ценностные ориентации сотрудников ОВД по вопросам физической подготовки. Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. Том. 8. № 6. Часть 2. с. 100-103.
DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-6/2-100-103.

Information about the author

Aslan V. Dadov, Lecturer, Department of Physical Training, North - Caucasian Institute for Advanced Training (Branch) of Krasnodar University of the Russian Ministry of Internal Affairs,
Nalchik, Russia
mashekuasheva@mail.ru

Received: 14.12.2016

For article citation: Dadov A. V., [Basic value orientations of police employees on physical training]. Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatelnaya mys'l = Historical and Social Educational Ideas. 2016. Vol . 8. no. 6. Part. 2. Pp. 100-103.
DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-6/2-100-103. (in Russian)

УДК 34.08 DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-6/2-104-107

КАРДАНОВ Руслан Рейзаевич
Северо-Кавказский институт повышения квалификации сотрудников МВД РФ (филиал) Краснодарского университета МВД России
г. Нальчик, Россия

Ruslan R. KARDANOV
North - Caucasian Institute for Advanced Training (Branch) of Krasnodar University of the Russian Ministry of Internal Affairs
Nalchik, Russia

МАШЕКУАШЕВА Маргарита Хасанбиевна
Северо-Кавказский институт повышения квалификации сотрудников МВД РФ (филиал) Краснодарского университета МВД России
г. Нальчик, Россия
mashekuasheva@mail.ru

Margarita Kh. MASHEKUASHEVA
North - Caucasian Institute for Advanced Training (Branch) of Krasnodar University of the Russian Ministry of Internal Affairs
Nalchik, Russia
mashekuasheva@mail.ru

КОММУНИКАТИВЫЙ АСПЕКТ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ СОТРУДНИКА ПОЛИЦИИ

COMMUNICATIVE ASPECT OF POLICE TRAINING

Возрастание требований к уровню профессиональной готовности, личностным и деловым качествам сотрудников органов, подразделений и учреждений внутренних дел обусловливает необходимость совершенствования их психологической подготовки, ориентацию на формирование и развитие личности. Успешному решению этих задач способствует психологическое обеспечение профессиональной деятельности, предполагающее комплексное использование возможностей психологической науки, ее средств, методов и технологий. В условиях совершенствования системы МВД России, изменения приоритетов и интенсификации деятельности полиции, возрастания психических нагрузок на сотрудников, «ухудшение» контингента лиц, поступающих на службу, актуальна разработка и внедрение в процесс профессиональной подготовки личного состава инновационных моделей обучения, применение нетрадиционных форм и методов проведения учебных занятий, ориентированных на реальную деятельность. Одним из перспективных направлений формирования коммуникативной культуры сотрудников является метод моделируемых ситуаций служебной деятельности, направленный на активизацию их мыслительной, коммуникативной и творческой активности, развитие профессионально важных качеств личности и как следствие - повышение эффективности всего процесса профессиональной подготовки.

Increasing requirements to the level of professional readiness, personal and professional qualities enforcement officers, departments and agencies of the Interior makes the need to improve their mental preparation, focus on the formation and development of personality. The successful solution of these problems contributes to the psychological support of professional activity, suggesting a comprehensive utilization of psychological science, its tools, techniques and technologies. In the context of improving the system of the Russian Interior Ministry, changing priorities, and the intensification of police activity, increasing mental stress on the staff, "deterioration" contingent of persons entering the service, urgent development and implementation of the process of training the personnel of the innovative models of training, the use of non-traditional forms and methods of training sessions, focused on real activity. One of the promising directions of formation of communicative culture of the employees is the method of simulated situations, performance management, aimed at enhancing their mental, communicative and creative activity, development of professionally important qualities of the person, and as a consequence - increase the efficiency of the entire training process.

Ключевые слова: коммуникация, сотрудник полиции, культура общения.

Keywords: communication, police officer, culture of communication

Коммуникативная компетентность - основа практической деятельности человека в любой сфере жизни, и деятельность сотрудников органов внутренних дел российской федерации не является исключением. Роль владения своей речью трудно переоценить. Профессиональные, деловые контакты, межличностные взаимодействия требуют от сотрудника полиции универсальной способности к порождению множества разнообразных высказываний как в устной, так и в письменной форме. Формирование и развитие у сотрудников органов внутренних дел навыков общения (коммуникативной компетентности) приобретает особую значимость в современной ситуации, когда неуклонно снижается уровень национальной языковой культуры в целом: в средствах массовой информации, в художественной литературе, в публицистике и в повседневном общении носителей языка.

Именно общение является необходимым аспектом всякой деятельности, не только профессиональной деятельности полицейского. Именно в процессе общения и только через него проявляется сущность человека, достигается взаимопонимание, слаженность при выполнении профессиональных задач, формируется способность прогнозировать поведение друг друга или иных обстоятельств, либо возникающие конфликты и моральные противоречия, разлад в работе, появляется способность предугадать поведение партнера по общению.

В процессе осуществления своей профессиональной деятельности оперативному сотруднику органов внутренних дел постоянно приходится общаться с различными людьми - это и сотрудники других подразделений и служб органа внутренних дел, с которыми он взаимодействует в ходе осуществления своей профессиональной деятельности, следственных отделов, прокуратуры, различных предприятий, организаций, органов местного самоуправления, граж-

дане, которые в различных ситуациях выступают в качестве различных субъектов оперативно-разыскной деятельности - в качестве потерпевших, лиц, обладающих оперативно значимой информацией, лиц, подозреваемых в совершении преступлений и др.

Несомненно, по истечении нескольких лет работы сотрудник органов внутренних дел приобретает определенные навыки общения, может легко вступать в коммуникативные контакты, играть различные социальные роли, оказывать коммуникативное воздействие на партнеров по общению. Однако это длительный путь освоения методом проб и ошибок. А ошибки порой стоят очень дорого, ведь от его профессионализма подчас зависят судьбы и даже жизни людей. При организации надлежащей профессиональной подготовки и переподготовки кадров, составной частью которой является коммуникативная подготовка, изучение наиболее важных психологических закономерностей общения, этот путь можно значительно сократить.

Мы все чаще сталкиваемся в обыденной жизни с небрежным обращением с русским языком. Вероятно, именно поэтому 2007 год был объявлен в нашей стране Годом русского языка. Коммуникативная направленность в изучении русского языка не только служит практической цели - формированию навыков общения и речи школьников, но и развивает общую образовательную культуру личности через «великий, могучий, правдивый и свободный русский язык». Как бы ни был значителен прогресс в области высоких технологий, он не вызывает «автоматического» роста человеческого сознания и не влияет напрямую на развитие мышления и речи. Специально организованный процесс формирования коммуникативной компетентности гарантирует не только формирование и развитие базовых личностных образований, напрямую зависящих от мышления и речи, но и становление высших уровней социализации индивида. Большое значение принадлежит дидактическому обеспечению процесса психологической подготовки личного состава полиции. В нем рассматривается теория коммуникативной культуры, основы диагностики коммуникативной компетентности, метод моделирования ситуаций служебной деятельности сотрудников и особенности его применения в профессиональной психологической подготовке; изложены цели и формы его использования в психотренинговой и развивающей работе. Степень сложности и многогранности профессиональной деятельности сотрудника полиции достаточно четко отражена в содержании профессиограммы, а 80% объема его работы проходит, как правило, в рамках общения. Рассматриваемые личностные особенности не присущи ему изначально. Процесс их формирования и развития - продолжительный, непрерывный и достаточно напряженный процесс, необходимый аспект профессионального становления и развития сотрудника органов внутренних дел, а их отсутствие или сформированность не на должном уровне препятствует эффективному осуществлению сотрудником органов внутренних дел своих профессиональных задач, порождает ошибки в его деятельности, способствует развитию процессов профессиональной дезадаптации и профессиональной деформации. Сотрудник полиции, являясь представителем власти, символом закона и чести, становится объектом повышенных требований: интеллектуальных, физических, психологических и, конечно же, коммуникативных. Профессионально-психологическая подготовка сотрудников полиции предполагает формирование конкретных умений, специальных навыков эффективного воздействия на правовое сознание граждан, что невозможно без знаний теоретических основ психологического взаимодействия и наличия навыков установления психологического контакта. Важнейшим условием эффективного взаимодействия с гражданами в профессиональной деятельности, безусловно, является умение преодолевать различные психологические барьеры в общении, которые могут возникать из-за отсутствия взаимопонимания, наличия неприязни, нежелания общаться с сотрудниками органов внутренних дел. Вполне естественно, что это неминуемо приводит к обострению взаимоотношений и формированию конфликтного противоборства. Следовательно, для устранения коммуникативных барьеров необходимы знание их природы и умение их диагностики.

Для успешной коммуникации необходимо придерживаться основополагающих характеристик эмпатии:

- внимательно слушать людей;
- понимать чувства других людей;
- проявлять заинтересованность к тому, что говорят другие люди;
- проявлять сочувствие к нуждам других людям;
- понимать точку зрения другого человека.

Культура профессионального общения предполагает соблюдение четких установленных регламентом рамок и ограничений, имеющих определенный тип, форму, конкретные цели, задачи, а также предполагающих учет национально-культурных традиций и общественных норм поведения.

Моделирование является частью системного анализа и отражает различные его аспекты, что приводит к разнообразию подходов осуществления формирования профессиональной компетентности. В результате анализа научной литературы и практического опыта формирования профессиональной компетентности сотрудников полиции в процессе выполнения профессиональных задач были определены следующие компоненты: мотивационный, операционально-деятельностный, рефлексивно-оценочный. А, соответственно, компетенциями определяются показатели уровня профессионализма: мотивационно-ценностный показатель - готовность и интерес к научно-познавательной работе; повышение квалификации, достижение профессионального мастерства;

операционально-деятельностный показатель - способность осваивать передовой опыт профессиональной деятельности; владение активными методами обучения; применение на практике новых методик;

рефлексивно-оценочный показатель: готовность к осуществлению аналитической и оценочно-информационной деятельности; методическая рефлексия, способность к саморазвитию, самореализации, самоконтролю и самооценке; способность к осуществлению методической деятельности.

А задачи, решаемые в профессиональной деятельности, - разработка и создание необходимых организационно-педагогических условий, направленных на формирования научно-методической компетентности сотрудников органов внутренних дел в процессе повышения квалификации; формирование личностной заинтересованности слушателей системы повышения квалификации в формировании научно-методической компетентности, являющейся важнейшей составляющей педагогической деятельности; накопление научно-методических знаний, умений и навыков, формирование готовности к их использованию в процессе профессиональной деятельности, их целостности, непрерывности, преемственности, открытости и доступности; соблюдение ситуативности и модульности в организации научно-методической деятельности на основе ситуаций и проблем оптимизации и интенсификации процесса профессионального становления; использование новизны и позитивности, учитывающих эффективность научно-методической деятельности в различных компонентах и подбора инновационных средств обучения.

Важнейшим фактором выступает стимулирование и развитие мотивации сотрудников органов внутренних дел к научно-методической деятельности. Мониторинг эффективности формирования научно-методической компетентности дает возможность выделить структуру данного процесса:

- активность и содержательность процесса формирования научно-методической компетентности преподавателей вузов в процессе повышения квалификации;
- стимулирование, создание обстановки, ориентированной на формирование научно-методической компетентности преподавателей вузов в процессе повышения квалификации;
- оказание индивидуальной и дифференцированной помощи в формировании научно-методической компетентности преподавателей вузов в процессе повышения квалификации;
- разработка соответствующего методического обеспечения.

В заключение следует отметить, что исходными стандартами человеческого поведения являются нравы. Именно нравы - элементы моральной оценки допустимости тех или иных форм как собственного поведения, так и поведения других людей. Поведенческие привычки - это то, что «по нраву» большинству людей в данном обществе и считается «естественным» в общении: как принято сидеть, с какой интонацией разговаривать, как контактировать с детьми, что допустимо в присутствии женщин и т.п. Санкции за отступление от этих привычных норм, как правило, заключаются в психологическом отчуждении от нарушителя.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Карданов Р.Р., Гаужаева В.А. Особенности организации взаимодействия участкового уполномоченного полиции с частными детективными и охранными предприятиями // Алтайский юридический вестник. - 2015. - № 9. - С. 113-115.
2. Машекуашева М.Х. Факторы профессионального становления сотрудников органов внутренних дел: психологический аспект //Инновационные технологии в науке и образовании. - 2016. - № 3 (7). - С. 314-315.
3. Машекуашева М.Х., Кочесокова З.Х. Некоторые вопросы профессионального общения в оперативно-розыскной деятельности: коммуникативный аспект / В сб.: Психология и педагогика XXI века: теория, практика и перспективы. Материалы II Международной научно-практической конференции. 2015. - С. 195-196.
4. Машекуашева М.Х., Кочесокова З.Х. Некоторые особенности психологической подготовки сотрудников полиции в современных условиях // Новое слово в науке: перспективы развития. - 2015. - № 1 (3). - С. 104-105.
5. Кочесокова З.Х., Машекуашева М.Х. Особенности моделирования индивидуальных стратегий коммуникативной компетентности в деятельности сотрудников полиции / В сб.: Общество в эпоху перемен: формирование новых социально-экономических отношений. Материалы V международной научно-практической конференции. 2014. - С. 121-123.

6. Геляхова Л.А., Машекуашева М.Х. Некоторые компоненты профессионально-психологической подготовки личного состава ОВД /В сб.: Научное и образовательное пространство: перспективы развития. Сборник материалов II Международной научно-практической конференции. 2016. - С. 210-211.

REFERENCES

1. Kardan RR, Gauzhaeva V.A., Osobennosti organizacii vzaimodejstvija uchastkovogo upolnomochennogo policii s chastnymi detektivnymi i ohrannymi predprijatijami. [Features of the organization of interaction of the police precinct with private detective and security enterprises. Altai Law Gazette. 2015. № 9. Pp. 113-115.
2. Mashekuasheva M.H. Faktory professional'nogo stanovlenija sotrudnikov organov vnutrennih del: psihologicheskij aspekt. [Factors professional development of police officers: the psychological aspect]. Innovative technologies in science and education. 2016. number 3 (7). Pp. 314-315.
3. Mashekuasheva M.H., Kochesokova Z.H., Nekotorye voprosy professional'nogo obshhenija v operativno-rozysknoj dejatel'nosti: kommunikativnyj aspekt. [Some problems of professional communication in operational and investigative activities: communicative aspect]. In: Psychology and Pedagogy of the XXI century: Theory, Practice and Prospects Materials II International scientific-practical conference. 2015. Pp. 195-196.
4. Mashekuasheva M.H., Kochesokova Z.H. Nekotorye osobennosti psihologicheskoj podgotovki sotrudnikov policii v sovremennyh uslovijah. [Some features of psychological training of police officers in modern conditions]. The new word in science: prospects for development. 2015. number 1 (3). Pp. 104-105.
5. Kochesokova Z.H., Mashekuasheva M.H. Osobennosti modelirovanija individual'nyh strategij kommunikativnoj kompetentnosti v dejatel'nosti sotrudnikov policii. [Features of modeling individual strategies of communicative competence in the activities of the police]. In: Society in an era of change: the formation of new social and economic relations of the V International Scientific and Practical Conference. 2014. Pp. 121-123.
6. Gelyahova LA., Mashekuasheva M.H., Nekotorye komponenty professional'no-psihologicheskoj podgotovki lichnogo sostava OVD. [Some components of the professional and psychological training of the ATS]. In: Scientific and educational space: prospects for development of the collection of materials of the II International Scientific and Practical Conference. 2016. Pp. 210-211.

Информация об авторе

Карданов Руслан Рейзаевич, кандидат юридических наук, начальник кафедры государственных и гражданско-правовых дисциплин, Северо-Кавказский институт повышения квалификации сотрудников МВД РФ (филиал) Краснодарского университета МВД России,
г. Нальчик, Россия

Машекуашева Маргарита Хасанбиевна, кандидат психологических наук, старший преподаватель, начальник кафедры государственных и гражданско-правовых дисциплин, Северо-Кавказский институт повышения квалификации сотрудников МВД РФ (филиал) Краснодарского университета МВД России,
г. Нальчик, Россия
mashekuasheva@mail.ru

Information about the author

Ruslan R. Kardanov, Candidate of Law, Head of Department of State and Civil Legal Disciplines, North - Caucasian Institute for Advanced Training (Branch) of Krasnodar University of the Russian Ministry of Internal Affairs,
Nalchik, Russia

Margarita Kh. Mashekuasheva, Candidate of Psychological Sciences, Senior Lecturer, Department of State and Civil Legal Disciplines, North - Caucasian Institute for Advanced Training (Branch) of Krasnodar University of the Russian Ministry of Internal Affairs,
Nalchik, Russia
mashekuasheva@mail.ru

Получена: 29.11.2016

Для цитирования статьи: Карданов Р. Р., Машекуашева М. Х., Коммуникативый аспект профессиональной подготовки сотрудника полиции. Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. Том. 8. № 6. Часть 2. с. 104-107.
DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-6/2-104-107.

Received: Получена: 29.11.2016

For article citation: Kardan R. R., Mashekuasheva M. H., Communicative aspect of police training . Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatelnaya mys'l = Historical and Social Educational Ideas. 2016. Vol . 8. no. 6. Part. 2. Pp. 104-107.
DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-6/2-104-107. (in Russian)

УДК: 316.4 DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-6/2-108-111

КОМАРОВА Светлана Анатольевна
Институт дополнительного профессионального образования работников социальной сферы
г. Москва, Россия
ludmila.k@dissertatus.ru

Svetlana A. KOMAROVA
Institute of Additional Professional Education of Workers of Social Sphere, Moscow, Russia
ludmila.k@dissertatus.ru

СОЦИАЛЬНАЯ МОБИЛЬНОСТЬ В СОВРЕМЕННОЙ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ КАРТИНЕ РОССИИ

SOCIAL MOBILITY IN THE CONTEMPORARY SOCIOLOGICAL PICTURE OF RUSSIA

Статья представляет собой обзор концептуальных основ понятия «социальная мобильность» применительно к новым реалиям современного российского общества. Краткий экскурс в теорию социальной мобильности позволил выделить наиболее оптимальные концепции, применимые к анализу институтов социальной мобильности. Социальная мобильность представляет собой комплексное понятие: в современной трактовке она являет собой не только процесс перемещения индивида внутри социальной структуры, но также и определенный ресурс для реализауции индивидом своих возможностей, качество его состояния как результат перемещений, а также и своего рода критерий реализации личностного потнциала индивида. Анализируются каналы социальной мобильности - семья, образование и воспитание, вооруженные силы, политические партии, собственность, иерархия и разделение труда, система административных и судебных наказаний, СМИ. Подчеркивается слабая роль в социальной мобильности таких каналов, как рынок труда и образование. Отмечается, что данные институты способны выступать в качестве инструментов управления практиками социальной мобильности благодаря наличию различных регуляторов. Социальная мобильность подразумевает наличие определенных «социальных лифтов», имеющих как объективные, так и субъективные основания. Наличие уверенности индивида в собственных возможностях к повышению социального статуса выступает ключевым условием открытости общества. Успешное функционирование «социальных лифтов» позволяет «выровнять» общество, уменьшить его поляризацию. Резюмируется, что процесс совершенствования управления социальными практиками и институтами социальной мобильности должен предполагать комплексность.

Article is an overview of concept «the social mobility» to new realities of modern Russian society. Short digression to the theory of social mobility allowed selecting the most optimum concepts applicable to the analysis of institutes of social mobility. Social mobility represents a complex concept. It is not only process of movement of the individual in social structure, but also a resource for realization of the individual opportunities. The author analyzes the channels of social mobility - a family, education, armed forces, political parties, property, hierarchy and job specialization, system of administrative and judicial punishments, media. It is noted that such channels as the labor market and education have the weak role in social mobility; these institutes are capable to act as management tools as practicians of social mobility thanks to availability of various regulators. Social mobility implies availability of certain «social lifts». They have both the objective, and subjective bases. Openness of society acts as result of availability of confidence of the individual in own opportunities to increase in the social status. Successful functioning of the «social lifts» allows to reduce the social polarization. It is summarized that process of enhancement of management of social practicians and institutes of social mobility shall assume complexity.

Ключевые слова: социальная мобильность, социальная группа, средний слой, социальный институт, концепция.

Keywords: social mobility, social group, center, social institute, concept

Введение

Понятие социальной мобильности и связанные с ним аспекты находятся в сфере интересов многих отечественных и зарубежных исследователей. Социальная мобильность рассматривается в единстве с социально-экономическими, социально-политическими и другими социально значимыми проблемами нашего общества.

В нашем исследовании социальная мобильность будет рассмотрена с точки зрения определения своего места в современной социологической картине России. Актуальность данной темы заключается в необходимости совершенствования процесса управления социальной мобильностью. Выбранная тема затрагивает каждого индивида и социальную группу, так как их жизнедеятельность предполагает непрерывное перемещение в социальной системе, обусловленное изменениями в обществе, экономике. Важен субъективный аспект: восприятие индивидом социального пространства и своего места в нем. Исследование построено на анализе теоретических источников, описывающих процессы социальной мобильности.

Результаты исследования

Впервые в социологии понятие «социальная мобильность» определил П. Сорокин. Социальная мобильность понималась им как любой переход индивида или социального объекта из одной социальной позиции в другую. Кроме того, ученым было выделено два типа социальной

мобильности: горизонтальный и вертикальный, определены каналы социальной мобильности [7].

Иные определения данного понятия в социологической литературе объединяет подчеркнутая динамичность: изменение, перемещение индивида, группы, социальной категории из одного социального слоя в другой. Так, социальная мобильность как социологическое понятие нашло отражение в работах Б. Барбера, М. Вебера, О.Д. Дункана, С.М. Липсета [1; 3]. В основе исследований представленных ученых лежат понятия статуса, роли, неравенства, власти, образования и престижа. Вместе с тем указанные авторы рассматривали социальную мобильность преимущественно применительно к западным, стабильным обществам.

В современной отечественной социологии понятие социальной мобильности встречается в работах Н.А. Аитова, В.А. Беляевой, Т.Ю. Богомоловой, В.В. Радаева, О.Е. Шкаратан. Их концепции основаны на экономической и социально-профессиональной мобильности. Исследователи рассматривают социальную мобильность в связи с динамикой социальной структуры, с формированием среднего слоя российского общества [1; 3].

Социальная мобильность представляет собой комплексное понятие: в современной трактовке она являет собой не только процесс перемещения индивида внутри социальной структуры, но также и определенный ресурс для реализации индивидом своих возможностей, качество его состояния как результат перемещений, а также и своего рода критерий реализации личностного потенциала индивида.

Социальная мобильность подразумевает наличие определенных «социальных лифтов», позволяющих индивиду преодолеть планку собственной социальной позиции и подняться на ступень или несколько ступеней вверх по социальной лестнице. «Социальный лифт» - понятие, имеющее дуальную природу: с одной стороны, оно означает объективную возможность индивида к изменению статуса, с другой стороны, подразумевает наличие субъективных предпосылок к его мобильности. Субъективные педпосылки обусловлены объективными факторами: наличие в обществе условий, благоприятствующих продвижению индивида вверх по социальной лестнице, формирует уверенность членов общества в собственных возможностях к изменению своего статуса. Общество в таком случае становится более открытым и динамичным.

В случае успешного функционирования в обществе «социальных лифтов» возрастает удельный вес среднего слоя, уменьшается социальная поляризация. Однако ни одно исследование сегодня не подтверждает прогрессивного развития среднего слоя российского общества [2; 4]. Важно заметить, что квалифицированные специалисты, интеллигенция, которые должны составлять основу среднего слоя, находятся пока за его пределами. Исключения составляют специалисты высокой квалификации, работники негосударственного и частного секторов, малый бизнес.

Обобщая исследования российских социологов, определим, что каналы социальной мобильности проходят через социальные практики и социальные институты, а их механизмы имеют двуединый характер, охватывая взаимосвязанные механизмы социального перемещения («социального лифта») и социального контроля («социального сита»). Это позволяет выделить социальные институты, способные выполнять роль трансформаторов социальной мобильности: семья, образование и воспитание, вооруженные силы, политические партии, собственность, иерархия и разделение труда, система административных и судебных наказаний, СМИ.

Системный анализ данных институтов социальной мобильности подтверждает наличие в их рамках разнообразных социальных практик перемещений и способность выделенных институтов выступать в качестве инструментов управления этими практиками благодаря наличию различных регуляторов.

Институты социальной мобильности, будучи объектами социального управления, выступают в качестве инструментов управления. Это один из сложнейших и многоплановых комплексных социальных процессов, охватывающих совокупность перемещений социальных индивидов и групп в рамках сложившейся иерархической структуры социальной системы и динамических изменений в самой социальной структуре в связи с ее развитием и видоизменением, а также субъективных восприятий социальными индивидами, группами и обществом в целом всех аспектов этой социальной динамики [5].

Процесс совершенствования управления социальными практиками и институтами возможен лишь при оптимизации управления данными практиками и институтами как единым комплексом [6].

Новым фактором социальной мобильности является развитие рынка труда, но пока он находится на стадии формирования и носит стихийно-вынужденный характер. Образование как

фактор социальной мобильности продолжает выполнять позитивную роль, но и в этой сфере наблюдаются негативные тенденции. Недоступность получения высшего образования для малоимущих слоев населения становится преградой к восходящей социально-профессиональной мобильности.

Немаловажную роль в изменениях направленности социальной мобильности выполняют субъективные факторы, такие как мотивация трудовой деятельности, ценностные ориентации и жизненные потребности. К негативным можно причислить социально-политические факторы: неравная возможность продвижения во властные структуры, ограниченная доступность жизненно необходимых благ. Отсутствие в современном российском обществе успешно функционирующих социальных лифтов в виде образования и конкуренции приводит к резкому снижению субъективных предпосылок к социальной мобильности: члены общества перестают доверять «открытым» каналам социальной мобильности, формируя предвзятое отношение к ним. Подобная ситуация приводит к апатии, снижению мотивации членов общества к повышению своего социального статуса.

В период трансформации социальной структуры общества в социальной мобильности наблюдается разделение независимых друг от друга критериев. Так, материальное положение, образование, вхождение во властные структуры, престиж профессии не всегда связаны с изменением статуса специалиста, с определением его места в социальной структуре общества.

Заключение

Ввиду того, что социально-профессиональная мобильность оказывает влияние на формирование социальных статусов в обществе, изменяя общую композицию социальной структуры, может происходить дезорганизация общества. Чтобы этого не произошло, нужны перемены в государственной социальной политике в области сбалансированности заработной платы специалистов; создание новых рабочих мест для специалистов на рынке труда; более продуманная ценовая и налоговая политика государственных структур; возврат к общедоступному высшему образованию и более эффективному использованию квалификационного потенциала специалистов. Все это должно способствовать изменению характера и направленности вертикалей социальной мобильности специалистов из нисходящего в восходящий уровень.

Формирование уверенности членов общества в том, что вознаграждены будут только лучшие и это вознаграждение будет осуществлено в форме повышения социального статуса, - единственный эффективный механизм стимулирования социальной активности индивидов. В этой связи создание объективных условий для действия «социальных лифтов» видится выходом из застойного, в смысле мобильности, состояния современного российского общества.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Байрамов В.Д. Социальный хаос в российском обществе: автореф. дис.. д-ра социол. наук: 22.00.04. - М., 2009. - 345 с.
2. Беляева Л.А. Социальные слои в России: опыт кластерного анализа / Л.А. Беляева // Социологические исследования. - 2005. - № 12. - С. 56-64.
3. Волков Ю.Г. Социология / Ю.Г. Волков, В.И. Добреньков, В.Н. Нечипуренко, А.В. Попов. - М.: Гардарики, 2008. - 512 с.
4. Голенкова З.Т. Социальная структура общества: в поиске адекватных ответов / З.Т. Голенкова, Е.Д. Игитханян // Социологические исследования. -2008. -№ 7. -С. 75-85.
5. Злобин Б.К. Эффективность социального управления: Учеб. пособие / Б.К. Злобин. -М.: Изд-во РАГС, 2009. -76 с.
6. Патрушев В.И. Основы общей теории социальных технологий [Кн. 2. / В.И. Патрушев. -М.: ИКАР, 2008. -320 с.
7. Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество / П.А. Сорокин. -М.: Политиздат, 1992. - 567 с.

REFERENCES

1. Bayramov V. Social chaos in the Russian society. Moscow. 2009. 345 p.
2. Belyaeva L. Social groups in Russia: experience of the cluster analysis. Sociologiceskiye issledovaniya. 2005. No. 12. Pp. 56-64.
3. Volkov Y. Sociology. Y. Volkov, V. Dobrenkov, V. Nechipurenko, A.Popov. Moscow. Gardarika. 2008. 512 p.
4. Golenkova, Z. Social structure of society: in search of adequate answers. Z. Golenkova, E. Igitkhanyan. Sociologiceskiye issledovaniya. 2008. No. 7. Pp. 75-85.
5. Zlobin, B. Efficiency of social management. Textbook. Moscow. RAGS publishing house. 2009. 76 p.
6. Patrushev, V. Bases of the general theory of social technologies. Volum 2. Moscow. Publishing house IKAR. 2008. 320 p.
7. Sorokin, P. Man. Civilization. Society. Moscow. Politizdat. 1992. 567 p.

Информация об авторе

Комарова Светлана Анатольевна, аспирант, Институт дополнительного профессионального образования работников социальной сферы, г. Москва, Россия
ludmila.k@dissertatus.ru

Получена: 20.12.2016

Для цитирования статьи: Комарова С. А., Социальная мобильность в современной социологической картине России. Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. Том. 8. № 6. Часть 2. с. 108-111. DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-6/2-108-111.

Information about the author

Svetlana A. Komarova, Postgraduate Student, Institute of Additional Professional Education of Workers of Social Sphere, Moscow, Russia
ludmila.k@dissertatus.ru

Received: 20.12.2016

For article citation: Komarova S. A., Social mobility in the contemporary sociological picture of Russia. Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatelnaya mys'l = Historical and Social Educational Ideas. 2016. Vol . 8. no. 6. Part. 2. Pp. 108-111.
DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-6/2-108-111. (in Russian)

УДК 316.354.4 DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-6/2-112-115

ЛЯУС Юлия Александровна
Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Северо-Западный институт управления)
г. Санкт-Петербург, Россия
tasenko.yu@mail.ru

Yulia A. LYAUS
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Northwest Institute of Management)
Saint-Petersburg, Russia
tasenko.yu@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ СОЦИОДИНАМИКИ НЕКОММЕРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

FEATURES OF SOCIO-DYNAMICS OF NON-PROFIT ORGANIZATIONS IN SAINT-PETERSBURG

Статья посвящена особенностям некоммерческих организаций в Санкт-Петербурге. В данной работе определяются факторы, влияющие на развитие самого феномена - института некоммерческих организаций в российском гражданском обществе на примере Санкт-Петербурга (в качестве зависимой переменной). Также, в связи с изучением особенности социодинамики некоммерческих организаций в Санкт-Петербурге, обозначено значение сотрудничества в НКО, волонтерского движения в НКО, значения фактора удовлетворенности и мотивации труда в НКО и рассмотрены потребители услуг НКО.Анализ деятельности некоммерческого сектора в России, определяет его весомую роль, в современных российских условиях, значение взаимодействия НКО с государством и коммерческим сектором. В работе определено, что многие проблемы в России игнорировались бы, если не вмешательство некоммерческих организаций, что определяет значение НКО, в современных условиях. В процессе работы был организован социологический опрос по выявлению показателей участия и потенциального участия граждан Санкт-Петербурга в НКО, а также осведомленности (правовой и экономической грамотности) граждан Санкт-Петербурга. Результаты этого исследования представлены нами во второй главе нашей диссертационной работы. Наше исследование описывает существующее положение дел в гражданском обществе России, связанное с работой НКО, нами предложены альтернативные теоретические интерпретации, объясняющие развитие гражданского общества и некоммерческого сектора, на примере Санкт-Петербурга, которые недостаточно представлены в российской исследовательской литературе. При этом социологический анализ, проведенный автором, позволяет говорить о том, что настоящий уровень социальной активности населения Санкт-Петербурга продолжает оставаться низким.

Ключевые слова: организация, некоммерческие организации, социодинамика, волонтерство, потребители услуг, социальная активность.

The article is devoted to peculiarities of non-commercial organizations in St. Petersburg. In this paper, the factors influencing the development of the phenomenon - Institute for non-profit organizations in Russian civil society in St. Petersburg (as dependent variable). Also, in connection with the study of the peculiarities of the socio-dynamics of non-commercial organizations in St. Petersburg marked the importance of cooperation in NGOs, volunteer organizations, in NGOs, the values of the factor of satisfaction and motivation in NGOs and the consumers of services of NGOs. The analysis of activity of noncommercial sector in Russia, defines its important role in modern Russian conditions, the value of the interaction of NGOs with government and the commercial sector. We determined that many of the problems in Russia were ignored if not for the intervention of non-profit organizations that determines the value of NGOs in the modern world. In the process, was organized a survey to identify indicators of participation and potential participation of citizens of St. Petersburg in NGOs, and awareness (legal and economic literacy), citizens of St. Petersburg. The results of this study are presented to us in the second Chapter of our thesis. Our study describes the current state of Affairs in the civil society of Russia, associated with the work of NGOs, we propose an alternative theoretical interpretation to explain the development of civil society and the nonprofit sector on the example of St. Petersburg that are underrepresented in the Russian research literature. In this sociological analysis, the author suggests that the real level of social activity of the population of St. Petersburg continues to remain low.

Keywords: organization, non-profit organizations, socio-dynamics, volunteering, customer service, social activity

Важную роль в современном гражданском обществе играет некоммерческий сектор, основной целью которого является реализация социальных, культурных, благотворительных проектов. Значение некоммерческой сферы с каждым годом трансформируется, но тема полномочий и обязательств НКО перед государством и обществом всегда остается актуальной.

Исследования, существующие в России, показывают, что более 30% НКО не имеют постоянных сотрудников, то есть таких работников, которые выполняют работу в организации за определенную зарплату. При этом около 18% руководителей НКО, определяют ненужность штатных сотрудников. Чаще отсутствие штатных работников свойственно общественным организациям (около 41%), а реже, отсутствие штатных работников наблюдается в потребительских кооперативах (около 19%).

Оставшимся НКО, имеющим штатных работников, характерно преобладание небольшого штата сотрудников: от пяти до десяти человек [4].

Мы провели собственное исследование и организовали опрос в Санкт-Петербурге, по выявлению показателей участия и потенциального участия граждан в НКО, а также осведомленности (правовой и экономической грамотности) и отношению жителей к происходящим в стране социально-экономическим и политическим изменениям. Опрос проводился в ноябре - декабре 2015 года в Санкт-Петербурге.

Как показывают эмпирические данные, население Санкт-Петербурга представляет российское общество динамично развивающимся и постоянно изменяющимся. Больше половины респондентов отмечают улучшение жизни после последних президентских выборов в России, что свидетельствует о существующей положительной динамики оценки власти и ее деятельности со стороны общества. Однако те респонденты, которые отрицательно ответили на вопросы анкеты, составляют достаточно большое количество граждан (около 25 -30 % негативно оценили ситуацию в стране и 41% не чувствуют себя полностью в безопасности). Это свидетельствует об определенных проблемах, которые должны быть решены государством и властью и которые призваны помогать решать, в том числе и НКО.

Следующий опрос касался отношению к НКО. Социологическое исследование, проведенное в июне - июле 2015 года в Санкт-Петербурге: «Некоммерческие организации в Санкт-Петербурге и представление о них с точки зрения современных граждан» содержал 6 вопросов, из которых 2 обязательных. В опросе приняли участие 115 человек в возрасте от 16 до 60 лет. Опрос показал, что:

- 62% респондентов обладают достаточными знаниями об НКО;
- 29% имеют некоторое представление, но не могут сформировать определение;
- 10% не знают, что такое НКО;
- 14% опрошенных, являются или являлись членом некоммерческой организации;
- 52% хотели бы участвовать в деятельности какой-нибудь НКО, что свидетельствует об активной гражданской позиции, причем наибольшая доля (17%) хотели бы вступить в благотворительную организацию;
- большая часть респондентов (53%) считает, что НКО в Санкт-Петербурге не достаточно распространены и активны.

Опрос показал заинтересованность опрошенных в деятельности НКО: 52% хотели бы участвовать в деятельности НКО, что свидетельствует об активной гражданской позиции, причем наибольшая доля (17%) хотели бы вступить в благотворительную организацию. При этом большинство респондентов считают, что НКО в Санкт-Петербурге не достаточно распространены и активны.

Конечно, если речь идет о благотворительном фонде, когда зарубежное финансирование может спасти чью-то жизнь, это является положительным фактом, но если финансируются радикальные, экстремистские организации или те, в уставных целях которых значится «развитие российской демократии» - возникают вопросы и, вряд ли, такое явление следует поощрять.

Следующий опрос касался изучения перспектив развития НКО на ближайшие 5 лет. Опрос проведен в сентябре 2015 года в Санкт-Петербурге. Было опрошено 100 человек.

Выводы по проведенным опросам можно сделать следующие:

- население Санкт-Петербурга представляет российское общество динамично развивающимся и постоянно изменяющимся;
- большинство респондентов не чувствуют себя в безопасности, что появляется ощущение неудовлетворенности существующим социальным порядком и желанию определенных перемен;
- большинство респондентов определяют современную социально-политическую ситуацию в качестве устойчивой и стабильной;
- большинство респондентов указали, что жизнь населения страны за последние два-три года улучшилась или, скорее всего улучшилась;
- большинство респондентов заинтересованы в деятельности НКО. Отмечается, что некоммерческие организации Санкт-Петербурга, в последнее время активно развиваются;
- отмечается, что НКО в Санкт-Петербурге больше не являются замкнутыми, необщественными системами;
- большинство опрошенных безразлично относятся к факту финансирования НКО Санкт-Петербурга, из-за рубежа.

Автором, также отмечается, что такой социальный субъект, как некоммерческие организации, выполняют функцию посредника между органами власти и гражданами в процессе их взаимодействия по решению проблем, значимых для больших групп населения. НКО в современной России и в Санкт-Петербурге, в частности являются единственным социальным субъектом, осуществляющим целенаправленную деятельность по развитию социальной активности населения.

Анализ ситуации в Санкт-Петербурге показал, что наиболее важным, системообразующим элементом гражданского общества выступают объединений граждан, а их социальная активность является главным фактором развития гражданского общества. В Санкт-Петербурге действенность этого фактора определяется не только самостоятельностью, массовостью и гражданской компетентностью объединений граждан, но также фактически осуществляемой по отношению к ним политикой, со стороны, прежде всего местных органов власти. При этом социологический анализ, проведенный автором, позволяет говорить о том, что настоящий уровень социальной активности населения Санкт-Петербурга продолжает оставаться низким. Примерно одна треть граждан города никогда не проявляли социальной активности. Те, кто проявлял ее, склонны к участию в эпизодических акциях. В тоже время люди, включенные в деятельность объединений граждан, готовы к систематическому коллективному проявлению социальной активности. Нами, в результате проведенного исследования была собрана необходимая информация индексов устойчивости НКО Санкт-Петербурга и других регионов РФ, что позволило привести сравнительную характеристику индексов устойчивости НКО Санкт-Петербурга и России, на 2015 год (Таблица 1) [4].

Уровень социальной активности объединений граждан выше среднего для российского общества. Объединения граждан Санкт-Петербурга выполняют функцию организатора и координатора социальной активности в этом городе. При этом региональные различия уровня рисков форм социальной активности в России высоки в силу высокой социокультурной гетерогенности, определившей существенные особенности степеней допустимого для региональных властей в отношении гражданского общества. Наиболее рискованной является правозащитная деятельность объединений граждан.

Исследования, проводимые в России, показали, что около двух третей россиян, так или иначе занимались волонтерской деятельностью, а именно около 60% опрошенных отмечали, что в разное время занимались благотворительностью [6]. Далее нами приводятся данные собранные в результате исследований [7]. По результатам проведенного исследования мы определили, что 50% опрошенных, из тех, кто признал свою вовлеченность в волонтерскую деятельность, отметили, что проводили ее, как правило, в одиночку. Около 8% опрошенных людей делали это на работе, а около 3% осуществляли такую работу посредством государственные учреждения. Около 5% были заняты в волонтерском движении по месту проживания, и только около 1% — через НКО. Из этого следует сделать вывод, что НКО, пока еще являются достаточно слабым каналом для организации волонтерского, добровольческого труда в России.

Санкт-Петербурга как канал институциональной благотворительности практически не развиты. Роль некоммерческих организаций как посредников благотворительной деятельности минимальна. Сферой, мобилизующей значительные добровольческие ресурсы, является самоорганизация по месту жительства. Однако участие в субботниках, мероприятиях по благоустройству подъездов, дворов, города декларируют лишь 12% опрошенных в Санкт-Петербурге.

Наконец, важно выяснить, в каких же видах деятельности НКО оказываются наиболее конкурентоспособными. Так, в Ленинградской области и Санкт-Петербурге, основная часть размещенных заказов предполагала поставку разного рода оборудования для нужд инвалидов (как их самих, так и их предприятий), протезно-ортопедических изделий, компьютерной техники и прочего. На основании проведенного выше исследования нами собрана актуальная информация, на основании которой возможно сделать вывод, что социально ориентированные некоммерческие организации Санкт-Петербурга оказывают свои услуги практически всем категориям населения: инвалидам, детям, одиноким женщинам с детьми, людям, попавшим в трудные жизненные ситуации и т.п., в зависимости от направления деятельности НКО [9]. Из них 50,8 % - направлены на решение социальных проблем, 20,3% - составляют религиозные организации, 12,7% - спортивное развитие, 6,3% - решение проблем национального самосознания, самоидентификации, 5,2 % - работу с ветеранами и пенсионерами и 4,7% - образовательные услуги. География деятельности общественных организаций в Санкт-Петербурге и Ленинградской области представлена широко, тем не менее, необходимо отметить, что большая часть некоммерческих организаций сконцентрирована в Санкт-Петербурге

Несмотря на активную деятельность НКО Санкт-Петербурга и Ленинградской области, существует ряд проблем, препятствующих развитию некоммерческого сектора в регионе, что говорит о том, что третий сектор необходимо изучать и развивать.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Знаменский Д.Ю. Деятельность социально ориентированных НКО в области науки и технологий: системно-динамический подход [Текст] / Д.Ю. Знаменский // Социодинамика. — 2014. - № 9. - С.1-14.
2. Макальская М.Л. Некоммерческие организации в России: Создание, права, налоги, учет, отчетность / М. Л. Макальская, Н. А. Пирожкова. - 6-е изд. - М. : Дело и Сервис, 2008. - 368 с.
3. Министерство Юстиции РФ."О деятельности некоммерческих организаций РФ".http://unro.minjust.ru/
4. МБОО "Центр РНО". - Режим доступа: http://www.crno.ru/;
5. О вопросе развития некоммерческих организаций в России. - Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/o-voprose-razvitiya-nekommercheskih-organizatsiy-v-rossii;
6. Развитие отношений с общественными организациями. - Режим доступа: http://www.peterburg2030.ru/priorities/economic/management/relations/;
7. Благотворительный фонд. - Режим доступа : http://www.lizonka.org/articles/volonterstvo.html;
8. Сайт «опора». - Режим доступа: http://opora-russia.ru
9. Общенациональный союз НКО. - Режим доступа: http://www.rosnko.ru/novosti/category/

REFERENCES

1. Znamenskiy D.Yu. Activities of socially oriented NGOs in the field of science and technology: a system-dynamical approach [Text]. D.Yu. Znamenskiy. Sociodynamics. 2014. No. 9. C. 1-14.
2. Michalska M.L. non-commercial organizations in Russia: Creation, law, taxes, accounting, reporting . M. L. Michalska, N.A. Pirozhkov. 6th ed. M.: Business and Service, 2008. 368 p
3. The Ministry of Justice of the Russian Federation."On the activities of non-profit organizations of the Russian Federation". Available at: http://unro.minjust.ru/
4. NGO "Center RNO". Available at: http://www.crno.ru/;
5. On the issue of NGO development in Russia. Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/o-voprose-razvitiya-nekommercheskih-organizatsiy-v-rossii;
6. The development of relations with public organizations. Available at: http://www.peterburg2030.ru/priorities/economic/management/relations/;
7. Charity. Available at: http://www.lizonka.org/articles/volonterstvo.html;
8. The website "support. Available at: http://opora-russia.ru
9. National Union NGO. Available at: http://www.rosnko.ru/novosti/category/

Информация об авторе

Ляус Юлия Александровна, аспирант, кафедра социологии и социальной работы, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Северо-Западный институт управления),
г. Санкт-Петербург, Россия
tasenko.yu@mail.ru

Получена: 18.12.2016

Для цитирования статьи: Ляус Ю. А., Особенности социодинамики некоммерческих организаций в Санкт-Петербурге. Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. Том. 8. № 6. Часть 2. с. 112-115.
DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-6/2-112-115.

Information about the author

Yulia A. Lyaus, Postgraduate Student, Department of Sociology and Social Work, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Northwest Institute of Management),
Saint-Petersburg, Russia
tasenko.yu@mail.ru

Received: 18.12.2016

For article citation: Lyaus Y. A., Osobennosti sociodinamiki nekommercheskih organizacij v Sankt-Peterburge. [Features of socio-dynamics of non-profit organizations in Saint-Petersburg]. Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatelnaya mys'l = Historical and Social Educational Ideas. 2016. Vol . 8. no. 6. Part. 2. Pp. 112-115.
DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-6/2-112-115. (in Russian)

УДК 316.7 DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-6/2-116-120

НУЖИНА Ирина Александровна
Институт социально-политических исследований РАН
г. Москва, Россия
nuzhini@mail.ru

Irina A. NUZHINA
Institute of Social and Political Researches of Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia
nuzhini@mail.ru

О НЕОБХОДИМОСТИ УПРАВЛЕНИЯ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ ЭВОЛЮЦИЕЙ ЗРЕЛИЩНЫХ ИСКУССТВ

NEEDS OF ADMINISTRATION OF INSTITUTIONAL EVOLUTION OF PERFORMING ARTS

В данной статье рассматривается значение зрелищных искусств как социального института, а также причины, в силу которых возникает необходимость управления и регулирования этого института, с учетом того обстоятельства, что в сфере культуры целесообразен косвенный метод регулирования, а не прямое воздействие на ценности, морали. Рассматривая механизмы управления институциональной эволюцией зрелищных искусств, необходимо отметить, что регулятивные механизмы социальных институтов реализуются в двух формах: саморегулирования и регулирования с целью социального взаимодействия. На основе проведенных исследований автор пришел к выводу, что зрелищные искусства следует рассматривать как социальный институт, создающий условия для удовлетворения общественных потребностей в эмоционально-эстетическом и идейно-эмоциональном общении посредством использования эффекта соучастия, сопереживания и сотворчества зрителя. Спецификацию зрелищных искусств составляет художественная культура. Изучение возникновения и развития зрелищных искусств выявляет, в первую очередь, те социально-нравственные функции, которые выполняют зрелища. В статье обосновывается, что для обеспечения развития зрелищных искусств как социального института и снижения негативных трансформационных процессов в отрасль шоу-бизнеса, нивелирующих выполнение социальных функций зрелищных искусств, необходимо обеспечить разумное сочетание государственных, негосударственных и смешанных форм функционирования зрелищных искусств

This article discusses the importance of performing arts as a social institution and examines the reasons for which there is a need of control and regulation, taking into account the fact that in the sphere of culture appropriate indirect method of regulation, rather than direct effects on values and morality. Considering the management arrangements institutional evolution of performing arts, it should be noted that regulatory mechanisms of social institutions implemented in two forms: self-regulation and regulation with the purpose of social interaction. Based on the conducted research the author came to the conclusion that the performing arts should be seen as a social institution that creates conditions for satisfaction of social needs in the emotional-aesthetic and ideological-emotional communication through the use of effect of complicity, empathy and co-creation viewer. Specification of visual arts is art culture. The study of the origin and development of performing arts reveals, first and foremost, the social and moral functions of the spectacle. The article explains that to ensure the development of the performing arts as a social institution and reduce the negative transformation processes in the industry of show business, leveling the fulfillment of social functions of performing arts, it is necessary to provide a reasonable combination of public, private and mixed forms of the functioning of performing arts.

Ключевые слова: зрелищные искусства, социальный институт, трансформация, культура, регулирование, управление, социальный капитал.

Keywords: Performing arts, social institution, transformation, culture, regulation, social capital

Теоретическое осмысление процессов эволюции зрелищных искусств в настоящее время является актуальным в связи с тем, что коренная трансформация природы и содержания зрелищных искусств, их практически полное превращение в шоу-бизнес, стремительно происходящее на памяти живущих поколений, обусловливает значительные социально-культурные, идеологические, политические и социально-экономические издержки.

По мнению автора, причина этих издержек кроется в первую очередь в том, что органы социального управления, в обязанности которых входит регулирование функционирования и развития зрелищных искусств, зачастую не принимают во внимание институциональную специфику системы зрелищных искусств и ее отдельных подсистем. К сожалению, в настоящее время отечественная социологическая наука только подошла к осознанию многих вопросов институциональной специфики зрелищных искусств, что вполне объясняет низкую эффективность, наблюдаемую в плоскости прикладных исследований, обеспечивающих возможности российского общества в целом и государства в частности к оптимизации процессов, связанных с трансформацией данной сферы.

Рассматривая механизмы управления институциональной эволюцией зрелищных искусств, необходимо отметить, что регулятивные механизмы социальных институтов реализуются в двух формах: саморегулирования и регулирования с целью социального взаимодействия. Механизм саморегулирования реализуется в процессе становления и развития социальных институтов и включает в себя ряд этапов, отражающих как объективный, так и управляемый характер становления института. На стадии становления института осуществляется процесс саморегуляции людей в сфере его влияния, в результате чего происходит закрепление новых образцов поведения в качестве обязательных норм, предписывающих действия в соответствии с выбранными стереотипами. Институциональная саморегуляция в обществе осуществляется не

только путем институционализации, но и в процессе развития функционирующих институтов. Управление этими процессами ставит вопрос об источниках развития: внутренних (эндогенных) и внешних (экзогенных). Эндогенные факторы вступают в действие, когда институт перестает эффективно обслуживать интересы групп, входящих в сферу его влияния. В этом случае происходит вытеснение отживающих эндогенных структур новыми, более подходящими для удовлетворения возникших интересов. Примером таких процессов является обновление института образования или института семьи в связи с изменяющейся реальностью, например, возникновение дистанционного обучения в образовании или гражданских браков в семейных отношениях [1].

Экзогенные (культурные и личностные) факторы находятся за пределами институциональной системы, но оказывают влияние на ее развитие. Так, развитие современных технологий, накопление новых знаний, появление в обществе харизматичных личностей являются факторами, способствующими изменению социальных институтов.

Целеориентированное регулирование предполагает наличие субъекта управления, придающий процессу направленный характер. В структуре социальных институтов выделяют нормативно-ориентирующие и нормативно-санкционирующие, ситуационно-конвенциальные механизмы управления.

Нормативно-ориентирующие механизмы управления обеспечивают мировоззренческую, идейную, морально-этическую ориентацию в поведении людей, осуществляя регуляционные процессы в обществе на основе этих критериев, утверждая общечеловеческие ценности, социальные кодексы, этику поведения в обществе.

Нормативно-санкционирующие механизмы управления обеспечивают социальную регуляцию поведения на основе норм, правил и предписаний, закрепленных в юридических и административных правовых актах. Обязательность выполнения норм обеспечивается принудительной санкцией их применения.

Ситуационно-конвенциальные механизмы управления основаны на более или менее длительном принятии договорных норм, их официальном и неофициальном закреплении, регулируют акты межгруппового поведения, например в молодежных группах.

Перечисленные институциональные механизмы социального управления реализуются в форме социального контроля над поведением отдельных личностей, социальных групп, организаций. Эталоном выступают общественные, групповые социальные нормы, отклонение от которых предполагает применение социальных санкций. Чем активнее осуществляется социальный контроль, тем выше социальный порядок.

Однако в настоящее время в России, при наличии социальной неопределенности, наблюдается деформация и даже дисфункция социальных институтов, вследствие чего они перестают эффективно выполнять свою нормативно-ориентирующую функцию, утрачивается четкость и однозначность в определении морально-этических ориентиров, деформируется механизм социальной регуляции, снижается уровень социального контроля и взаимной требовательности людей.

Эти изменения формируют новые институциональные отношения, которые характеризуются демократичностью нормативно-ориентирующих и гибкостью нормативно-санкционирующих механизмов (то есть можно все, что не запрещено законом). В то же время в обществе отмечается повышение роли ситуационно-конвенциональных механизмов, которые базируются на институциональном закреплении договорных норм, отвечающих за регулирование преимущественно повседневных контактов, что особенно заметно на уровне корпоративных взаимодействий (новые формы обслуживания, возрождение национальных праздников, обрядов).

В периоды социальной трансформации технологии, внедряющиеся в механизм социокультурной регуляции, могут быть преемственно связаны с традиционными, которые проходят сквозь «фильтр» прежних ценностей, создавая причудливые сочетания, называемые культурными гибридами, в которых причудливо сочетается несочетаемое.

Например, процесс формирования группового сознания молодежи происходит в ходе взаимодействия с множеством новых социальных посредников. Происходит изменение структуры духовных потребностей, интересов и ценностей, в результате чего в глазах молодого поколения теряют значимость локальные авторитеты, традиция, религия, народ, его обычаи и мораль, утрачивается этические нормы, принятые в локальной общности.

В.К. Сергеев отмечает, что государственные и общественные институты, а также сама молодежь нуждаются в выработке концептуальных основ и механизмов организации и управления сферой культуры, в обеспечении доступа молодых граждан к ценностям культуры и искусства, их духовного и культурного воспитания. Процесс нарастания негативных процессов в духовной сфере общества, необходимость эффективного противостояния антикультурной экспансии извне, защита детей и молодежи от вредного воздействия носителей и образцов анти-

культуры, псевдокультуры и массовой культуры подтверждают необходимость борьбы с бездуховностью в молодежной среде [5].

Отмечая важность влияния художественной культуры на воспитание молодежи, А.С. Капто отмечает, что художественная культура обладает следующими функциями: художественно-концептуальной, эстетической, познавательной, аксиологической, семиотической, коммуникативной, праксиологической, общественно-преобразующей, воспитательной, функцией социализации личности, социологической, миротворческой [2].

По мнению автора, зрелищные искусства, являющиеся одной из наиболее масштабных, всеобъемлющих форм праздничной культуры аккумулируют все ранее перечисленные функции. При этом наибольшее значение для трансформации исследуемого социального института на современном этапе приобретают:

– идеологическая функция;
– функция социальной интеграции;
– функция передачи социального опыта;
– коммуникативная функция;
– компенсаторная функция;
– эстетическая функция;
– эмоционально-психологическая функция.

Трансформация зрелищных искусств в шоу-бизнес осуществляется в форме саморегулирования, в процессе достижения цели удовлетворить потребность масс в развлечениях, впечатлениях, различных эмоциональных «встрясках», тогда как интеллектуальные удовольствия претендуют на элитарность, избранность. Например, прочесть хорошую книгу можно в одиночестве, и интеллектуально развитый читатель не стремится разделить удовольствие от книги с огромным количеством людей.

Шоу-бизнес основан на постоянной «провокации» в массах жажды удовольствий и удовлетворяет эту жажду, нередко опираясь на низменные чувства зрителей (например, бои без правил, стриптиз). В шоу-бизнесе зрелище изначально создается и подается толпе как объект вожделения и фанатизма. Такой подход к зрелищам приносит вполне ощутимые материальные выгоды деятелям шоу-бизнеса, то есть коммерческая составляющая зрелищных искусств развивается в ущерб идеологическим, воспитательным и иным социальным функциям [3].

Таким образом, влияние капитала на сферу зрелищных искусств, с одной стороны, способствует их технологическому и структурному обновлению, а с другой - ограничивает реализацию значимых функций этого социального института и, более того, создает предпосылки для его деградации и вырождения.

Глобализация культурных ценностей как форма саморегуляции включает в себя трансформацию социального капитала, обусловленную как процессами глобализации, так и специфическими трансформационными процессами российского государственного и муниципального управления, что, в свою очередь, оказывает значительное влияние на развитие зрелищных искусств как социального института. Одновременно многочисленными эмпирическими исследованиями подтверждается сильное воздействие социального капитала на экономический рост, общественное благосостояние, эффективность социальных программ и услуг (образование, здравоохранение, общественная безопасность), качество жизни, институтов и государственного управления [4].

При этом предлагается в структуре социального капитала выделить следующие сегменты:

– открытый (bridging) социальный капитал опирается на широкие общественные сети, обладает широким «радиусом доверия», опирается на разделяемые в обществе нормы и ценности («группы Патнэма»);

– закрытый (bonding) социальный капитал опирается на «ограниченную мораль», обладает узким «радиусом доверия» («группы Олсона»);

– гражданская культура опирается на чувство сопричастности к общественным делам и личную ответственность за положение дел в обществе [4].

Очевидно, что максимальная взаимозависимость социального капитала и зрелищных искусств проходит в сегменте гражданской культуры, поскольку именно сопричастность к общественным делам является одним из основных признаков массовых зрелищ.

В то же время эмпирические исследования в России устанавливают негативные тенденции развития социального капитала, вызывающие озабоченность и требующие особого внимания специалистов социального управления. Еще в 1995 г. Р. Роуз обращает внимание на то, что существующий в России социальный капитал устарел и не отвечает нуждам современного развития [7], а Ф. Агийон в 2009 г. выделяет такие негативные тенденции, как эрозия доверия и социальных норм за годы реформ [6]. К сожалению, действенных мероприятий по предотвращению негативных тенденций не последовало, и в 2011 г. Л.И. Полищук не только соглашается с предыдущими исследователями, но и подчеркивает низкий уровень доверия и способности к

самоорганизации россиян, а также тенденции к подавлению социального капитала «вертикалью власти» [4].

В результате масштабного исследования социального капитала в России была установлена взаимосвязь, проливающая свет на основные негативные тенденции развития зрелищных искусств в начале XXI века. По мнению Л.И. Полищука взаимосвязь социального капитала и общественного благосостояния обусловлены следующими зависимостями:

– открытый социальный капитал и гражданская культура положительно воздействуют на общественное благосостояние и способствуют повышению эффективности государственного управления;

– экономическую отдачу на закрытый социальный капитал образует действие положительного прямого эффекта, улучшающего положение участников малых групп, и отрицательного косвенного эффекта, поощряющего злоупотребления властью;

– суммарное действие двух этих эффектов может быть положительным при очень низком уровне открытого социального капитала и гражданской культуры, отрицательным - в промежуточном диапазоне и приближаться к нулю - при высоком запасе открытого социального капитала, обеспечивающем полную подотчетность власти (рис. 1).

Рисунок 1. Экономическая отдача на социальный капитал [4]

Пренебрежение идеологической и воспитательной функциями зрелищных искусств приводит к снижению уровня гражданской культуры и открытого социального капитала, что увеличит экономическую отдачу на закрытый социальный капитал, повышая благосостояние малых социальных групп, через подконтрольные организации, контролирующие не только «чистый» шоу-бизнес, но и развитие зрелищных искусств как таковое.

Снижение общей культуры, эпатирование нормами общественной морали, процессы обеднения языка как средства культурной коммуникации, снижение идеологической ценности большинства массовых зрелищ, отмечаемые во втором десятилетии нынешнего века, становятся логически обоснованными звеньями одной цепи, ведущей к снижению гражданской культуры российского общества с целью повышения отдачи закрытого социального капитала для улучшения экономического положения малых социальных (олигархических) групп.

Недостаточность экономических ресурсов наряду с бюрократическим отношением к духовным запросам населения привели к образованию культурного вакуума, который заполняется примитивными суррогатами, идеологическим кичем, безвкусными поделками и унифицированным реестром усредненной атрибутики современности. Выход из сложившейся ситуации видится в государственной поддержке всего наиболее ценного и плодотворного в культуре, в поисках путей субсидирования социокультурных проектов, в эстетической программе оздоровления духовной жизни, в воспитании гармоничной личности и открытии всех шлюзов на путях духовно-нравственного возрождения общества.

На основе проведенных исследований автор пришел к выводу, что зрелищные искусства следует рассматривать как социальный институт, создающий условия для удовлетворения общественных потребностей в эмоционально-эстетическом и идейно-эмоциональном общении посредством использования эффекта соучастия, сопереживания и сотворчества зрителя, воз-

никающего в результате целенаправленного осознанного вовлечения зрителя в действо массового характера, и, являясь неотъемлемой частью общества, характеризуется значительным влиянием на его развитие. Спецификацию зрелищных искусств составляет художественная культура. Изучение возникновения и развития зрелищных искусств выявляет, в первую очередь, те социально-нравственные функции, которые выполняют зрелища.

Для обеспечения развития зрелищных искусств как социального института и снижения негативных трансформационных процессов в отрасль шоу-бизнеса, нивелирующих выполнение социальных функций зрелищных искусств, необходимо обеспечить разумное сочетание государственных, негосударственных и смешанных форм функционирования зрелищных искусств, что обеспечивается исключительно институциональным подходом государства к правовому обеспечению сферы зрелищных искусств.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Зубок Ю.А., Чупров В.И. Социальная регуляция в условиях неопределенности. Теоретические и прикладные проблемы в исследовании молодежи. - М.: Academia, 2008. - 272 с.
2. Капто А.С. **Художественная культура: понятие, сущность, основные функции. - М.: Академия, 2011. - 432 с.**
3. Маршак А.Л. Культурная идентичность, поиски и пути решения проблемы // Власть. - 2012. - № 9. - С. 5-7.
4. Полищук Л.И. Социальный капитал в России: измерение, анализ, оценка влияния: Научный семинар. - М: ГУ-ВШЭ, 2011
5. Сергеев В.К. Молодежь и город лицом к лицу *(Молодежная культура мегаполиса в условиях социальных трансформаций).* - М.: РИЦ ИСПИ РАН, 2002. - 269 с.
6. Aghion Philippe & Diego Comin& Peter Howitt& Isabel Tecu, 2009. "When Does Domestic Saving Matter for Economic Growth?" Harvard Business School Working Papers 09-080, Harvard Business School.
7. Rose R. New Russia Barometer IV-Survey Results. Studies in Public Policy. 1995. No. 250. - Glasgow: University of Strathclyde. Rose R. Getting Things Done in an Antimodern Society: Social Capital Networks in Russia.

REFERENCES

1. Zubok Y.A., Chuprov V.I. Social'naja reguljacija v uslovijah neopredelennosti. Teoreticheskie i prikladnye problemy v issledovanii molodezhi. [Social regulation under conditions of uncertainty. Theoretical and applied problems in the study of youth]. Moscow, Academia, 2008, 272 p.(inRuss)
2. Kapto A.S. Hudozhestvennaja kul'tura: ponjatie, sushhnost', osnovnye funkcii. [Art culture: definition, nature, basic functions]. Moscow, Academic, 2011, 432 p. (inRuss)
3. Marshak, A.L. Kul'turnaja identichnost', poiski i puti reshenija problem. [Cultural identity, and the search for solutions to problems]. Vlast' [Power], 2012, No. 9 pp. 5-7 (inRuss)
4. Polishchuk L.I. Social'nyj kapital v Rossii: izmerenie, analiz, ocenka vlijanija. [Social capital in Russia: measurement, analysis, impact assessment: Scientific seminar]. Moscow, GU-VSE, 2011 (inRuss)
5. Sergeev V.K. Molodezh' i gorod licom k licu (Molodezhnaja kul'tura megapolisa v uslovijah social'nyh transformacij). [Youth and the city face to face (the Youth culture of the metropolis in terms of social transformations)]. Moscow, RITS ISPI RAN, 2002, 269 p. (inRuss)
6. 6.Aghion Philippe & Diego Comin& Peter Howitt& Isabel Tecu, 2009. "When Does Domestic Saving Matter for Economic Growth?" Harvard Business School Working Papers 09-080, Harvard Business School
7. Rose R. "New Russia Barometer IV-Survey Results." Studies in Public Policy. 1995. No. 250. University of Strathclyde, Glasgow; Rose R. Getting Things Done in an Antimodern Society: Social Capital Networks in Russia

Информация об авторе

Нужина Ирина Александровна, аспирант, Институт социально-политических исследований РАН,
г. Москва, Россия
nuzhini@mail.ru

Получена: 08.12.2016

Для цитирования статьи: Нужина И. А., О необходимости управления институциональной эволюцией зрелищных искусств. Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. Том. 8. № 6. Часть 2. с. 116-120.
DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-6/2-116-120.

Information about the author

Irina A. Nuzhina, Postgraduate Student, Institute of Social and Political Researches of Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia
nuzhini@mail.ru

Received: 08.12.2016

For article citation: Nuzhina I.A., Needs of administration of institutional evolution of performing arts. Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatelnaya mys'l = Historical and Social Educational Ideas. 2016. Vol . 8. no. 6. Part. 2. Pp. 116-120.
DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-6/2-116-120. (in Russian)

УДК 34.08

DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-6/2-121-126

ПАНФИЛОВА Лариса Борисовна
Краснодарский университет МВД России
Краснодар, России
panfilova77777@ mail.ru

СЫЧЕВ Евгений Анатольевич
Краснодарский университет МВД России
Краснодар, России
panfilova77777@ mail.ru

Larisa B. PANFILOVA
Krasnodar University of Russian Interior Ministry
Krasnodar, Russia
panfilova77777@mail.ru

Evgeniy A. SYCHEV
Krasnodar University of Russian Interior Ministry
Krasnodar, Russia
panfilova77777@ mail.ru

ОСОБЕННОСТИ АДМИНИСТРАТИВНО-ЮРИСДИКЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОТРУДНИКОВ ПОЛИЦИИ ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ ОБЩЕСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ НА ВОДНОМ ТРАНСПОРТЕ

FEATURES OF ADMINISTRATIVE-JURISDICTIONAL ACTIVITY OF EMPLOYEES OF POLICE IN ENSURING PUBLIC SAFETY ON WATER TRANSPORT

В статье предпринята попытка раскрыть понятие административно-юрисдикционной деятельности сотрудников полиции по обеспечению общественной безопасности на водном транспорте, рассмотрены особенности стадий производства по делам об административных правонарушениях. Под административным процессом принято понимать внешнюю правоприменительную деятельность органов исполнительной власти, органов местного самоуправления, иных уполномоченных государством субъектов по урегулированию в пределах их компетенции конкретных юридических дел, возникающих на основе материальных норм различных отраслей права, осуществляемую в предусмотренных процессуальными нормами права несудебных формах. Достаточно прочно утвердился единый взгляд на административное производство как на часть административного процесса, а на процесс как совокупность различных производств, но сами категории «процесс», «производство» трактуются неоднозначно. Отдельными учеными административное производство рассматривается как часть административного процесса, особый вид административной деятельности по разрешению дел определенной категории на основе общих и специальных процессуальных норм. По мнению других, это элемент юридического процесса, который представляет системное образование, комплекс взаимосвязанных и взаимообусловленных процессуальных действий. Под административно-юрисдикционной деятельностью сотрудников полиции по обеспечению общественной безопасности на водном транспорте следует понимать комплекс процессуальных действий соответствующих субъектов, направленных на установление обстоятельств административного правонарушения, их фиксации и квалификации, назначении административного наказания. Исследуемая административно-юрисдикционная деятельность включает в себя следующие стадии: возбуждение дела об административном правонарушении, действия субъекта административной юрисдикции по рассмотрению дела; исполнение постановления о назначении административного наказания.

Ключевые слова: административная юрисдикция, административный процесс, административно-юрисдикционная деятельность, административное правонарушение, административное наказание, производство по делам об административных правонарушениях, стадия

The article attempts to reveal the concept of administrative and jurisdictional activity of the police to ensure public safety on water transport, the features of the stages of proceedings on administrative offenses. Under the administrative process is commonly understood outside the law enforcement activities of the executive authorities, local government agencies and other entities authorized by the state to resolve the limits of their competence in specific legal cases arising on the basis of substantive various branches of law, carried out in the procedural rules of law of non-judicial forms. Suffice firmly established unified view of the administrative procedure as part of the administrative process, and the process as a collection of different industries, but the "process" category, "production" are interpreted ambiguously. Certain scholars' administrative proceeding is regarded as part of the administrative process, a special type of administrative activities to resolve cases of a certain category on the basis of general and special procedural rules. For others, it is an element of the legal process that is systematic education, a set of interrelated and interdependent proceedings. Under the administrative and jurisdictional activity of the police to ensure public safety on water transport should be understood a complex proceedings of relevant stakeholders, aimed at establishing the circumstances of the administrative offense, their fixation and qualifications, administrative punishment. The study of administrative and jurisdictional activity consists of the following stages: initiation of an administrative case, the actions of the subject of administrative jurisdiction in the case; the enforcement of administrative punishment.

Keywords: administrative jurisdiction, administrative process, administrative and jurisdictional activity, administrative offense, administrative penalty, proceedings on administrative offenses, stage

Рассмотрение особенностей административно-юрисдикционной деятельности сотрудников полиции по обеспечению общественной безопасности на водном транспорте целесообразно начинать с понятийного аппарата. Зачастую в административно-правовой литературе происходит отождествление таких терминов как «административная юрисдикция», «административно-юрисдикционная деятельность», «административно-юрисдикционный процесс», «производ-

ство по делам об административных правонарушениях» и отдельными трактовками понятия «административный процесс».

Под административным процессом принято понимать внешнюю правоприменительную деятельность органов исполнительной власти, органов местного самоуправления, иных уполномоченных государством субъектов (административных органов) по урегулированию (разрешению) в пределах их компетенции конкретных юридических дел, возникающих на основе материальных норм различных отраслей права, осуществляемую в предусмотренных процессуальными нормами права несудебных формах [1, с. 22, 23].

Достаточно прочно утвердился единый взгляд на административное производство как на часть административного процесса, а на процесс как совокупность различных производств [2], но сами категории «процесс», «производство» трактуются неоднозначно. Отдельными учеными административное производство рассматривается как часть административного процесса, особый вид административной деятельности по разрешению дел определенной категории на основе общих и специальных процессуальных норм [3, с. 307]. По мнению других, это элемент юридического процесса, который представляет системное образование, комплекс взаимосвязанных и взаимообусловленных процессуальных действий [4, с. 20].

В административно-правовой науке общепринятым является толкование понятие «юрисдикция» как деятельности по разрешению споров и конфликтов и принятию решения по существу дела. Помимо этого используется термин «административно-юрисдикционная деятельность» для характеристики широкого круга административных производств. Учитывая, что предметом административной юрисдикции являются дела об административных правонарушениях, то процессуальной формой административно-юрисдикционной деятельности является производство по делам об административных правонарушениях [5, с. 12].

Субъекты административно-юрисдикционной деятельности полиции на водном транспорте, предметом которой являются дела об административных правонарушениях, урегулированы действующим законодательством. Следует отметить, что в Федеральном законе «О полиции» [6] термин «органы внутренних дел на транспорте» не используется, их деятельность специально федеральным законодательством не регулируется. Они руководствуются общими нормами федерального и иного законодательства, установленными для водного транспорта, а также специальными нормами, предусмотренными для органов внутренних дел в целом. Так, Указ Президента РФ от 1 марта 2011 г. № 248 (ред. от 13 ноября 2014г. № 722) «Вопросы Министерства внутренних дел Российской Федерации» [7] устанавливает, что территориальными органами Министерства внутренних дел Российской Федерации (далее – МВД РФ) являются: на окружном уровне – управления на транспорте МВД РФ по федеральным округам; на межрегиональном уровне – линейные управления МВД РФ на железнодорожном, водном и воздушном транспорте; на районном уровне – линейные отделы, отделения МВД РФ на железнодорожном, водном и воздушном транспорте. Помимо этого, правовую основу административно-юрисдикционной деятельности транспортной полиции составляют Конституция РФ [8], нормы международного права, иные федеральные законы, акты Президента РФ и Правительства РФ, нормативные правовые акты МВД России, законы субъектов РФ по вопросам охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности, изданные в пределах их компетенции, а также правовые акты соответствующего территориального органа МВД России в порядке подчиненности. Приказом МВД РФ от 15 июня 2011 г. № 636 утверждено Типовое положение о линейной отделе МВД РФ на железнодорожном, водном и воздушном транспорте (далее – Типовое положение) [9]. В п. 12.9 Типового положения сказано, что линорган осуществляет производство по делам об административных правонарушениях, отнесенных к компетенции органов внутренних дел; обеспечивает в пределах компетенции исполнение административных наказаний.

В соответствии с п. 2 ч. 2 ст. 23.3 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП) [10] начальники линейных отделов (управлений) полиции на транспорте, их заместители рассматривают дела об административных правонарушениях, отнесенных к их компетенции, например, о нарушении правил обеспечения безопасности пассажиров на судах водного транспорта, на маломерных судах (ст. 11.9 КоАП), о нарушении правил перевозки опасных веществ, крупногабаритных или тяжеловесных грузов (ст. 11.14 КоАП), о мелком хулиганстве (ст. 20.1 КоАП), о нарушении пропускного режима охраняемого объекта (ст. 20.17 КоАП) и др. Согласно п. 3 ч. 2 ст. 23.3 КоАП начальники дежурных смен дежурных частей линейных отделов (управлений) полиции на транспорте, начальники линейных отделений (пунктов) полиции вправе рассматривать дела об административных правонарушениях, предусмотренных ст. 6.24 (в части административных правонарушений, совершенных в общественных местах), частями 1, 3, 4 и 5 ст. 11.1, статьями 11.14 и 11.15, частями 1 и 2 ст. 11.17, ст. 13.24, ч.2 ст. 14.53, ст. 20.1, ч.1 ст. 20.20 КоАП.

В отечественной доктрине нет единства взглядов по поводу перечня стадий производства по делам об административных правонарушениях, которые охватываются понятием «административно-юрисдикционная деятельность». Разделяем точку зрения тех авторов, которые счи-

тают, что подобная деятельность включает в себя действия уполномоченных субъектов власти на стадии возбуждения дела об административном правонарушении, действия субъекта административной юрисдикции на стадии рассмотрения дела и исполнения постановления о назначении административного наказания [11].

И.А. Галаган рассматривает постадийное развитие процессуальной деятельности как явление, обусловленное объективными факторами, а отдельные стадии в качестве самостоятельных, хотя и взаимосвязанных друг с другом этапов процесса со специфическими функциями, целями и задачами [12, с. 88].

Итак, в производстве по делам об административных правонарушениях, осуществляемом сотрудниками органов внутренних дел (полиции) по обеспечению общественной безопасности на водном транспорте, первой является стадия возбуждения дела. На первоначальном этапе данной стадии осуществляется получение информации о деянии, которое обладает признаками административного правонарушения. Речь идет о наличии поводов (процессуального основания) к возбуждению дела об административном правонарушении, которыми могут являться: непосредственное обнаружение должностными лицами, уполномоченными составлять протоколы об административном правонарушении, достаточных данных, указывающих на наличие события административного правонарушения; поступившие из правоохранительных органов, иных государственных органов, органов местного самоуправления, общественных объединений материалы, свидетельствующие о наличие события административного правонарушения; заявления граждан и юридических лиц, сообщения в средствах массовой информации, указывающие на наличие административного правонарушения (ч. 1 ст. 28.1 КоАП).

А.О. Дрозд определяет повод к возбуждению дела об административном правонарушении как «данные, указывающие на наличие события административного правонарушения и позволяющие должностному лицу, уполномоченному составлять протоколы об административных правонарушениях, выявить административное правонарушение» [13, с. 17].

Законодатель в частях 1 и 2 ст. 28.5 КоАП использует словосочетание «выявление административного правонарушения». Исходя из этого, действия сотрудника полиции на первом этапе стадии возбуждения дела об административном правонарушении можно охарактеризовать, как выявление административного правонарушения.

Далее осуществляется проверка информации, содержащей данные, указывающие на наличие события административного правонарушения, которая проводится сотрудником полиции в общем порядке, установленном для рассмотрения заявлений граждан и организаций.

На втором этапе стадии возбуждения дела об административном правонарушении, который можно обозначить как «установление фактических обстоятельств совершенного административного правонарушения» должны быть установлены: во-первых, обстоятельства, имеющие значение для решения вопроса о наличии или отсутствии состава правонарушения; во-вторых, обстоятельства, находящиеся за рамками состава правонарушения, но имеющие значение для определения вида и размера наказания [14, с. 54] .

На третьем этапе стадии возбуждения дела об административно правонарушении происходит составление, предусмотренного ч. 4 ст. 28.1 КоАП процессуального документа. Именно с этого момента дело об административном правонарушении считается возбужденным. Процессуальным документом, подводящим итоги расследования по делу об административном правонарушении, является протокол. Он должен составляться немедленно после выявления совершения административного правонарушения (ч. 1 ст. 28.5 КоАП). В случаях, когда требуется дополнительное выяснение обстоятельств дела либо данных о правонарушителе, в отношении которого возбуждается дело об административном правонарушении, протокол составляется в течение двух суток с момента выявления административного правонарушения. Закон предусматривает и иные сроки составления протокола в случае проведения административного расследования (ч. 3 ст. 28.5 КоАП).

В ч. 1 ст. 28.3 КоАП закреплено, что протоколы об административных правонарушениях составляются должностными лицами органов, уполномоченных рассматривать дела об административных правонарушениях, включая должностных лиц органов внутренних дел (полиции).

Завершающий этап стадии возбуждения дела об административном правонарушении – направление материалов дела для рассмотрения соответствующему должностному лицу, о котором упоминалось выше (пункты 2,3 ч. 2 ст. 23.3 КоАП). Протокол об административном правонарушении в течение трех суток с момента составления направляется соответствующему должностному лицу (ст. 28.8 КоАП). Если протокол и другие документы составлены неуполномоченным лицом либо неправильно, если в них неполно представлены и оформлены другие материалы, которые нельзя восполнить при рассмотрении дела, то они возвращаются лицу их составившему, для надлежащего оформления, о чем выносится определение. Законодатель предусмотрел, что недостатки протокола устраняются в течение трех дней со дня их получения.

Следует сказать, что количество этапов административно-юрисдикционной деятельности сотрудников органов внутренних дел (полиции) по обеспечению общественной безопасности на водном транспорте на стадии возбуждения производства по делам об административных правонарушениях рассмотрена применительно к обычному производству. В упрощенном производстве, т.е. в случае, если непосредственно на месте совершения физическим лицом административного правонарушения уполномоченным на то должностным лицом назначается административное наказание в виде предупреждения или административного штрафа, протокол об административном правонарушении не составляется, а выносится постановление по делу об административном правонарушении (ч. 1 ст. 28.6 КоАП).

Вторая стадия административно-юрисдикционной деятельности представляет собой непосредственно рассмотрение дела об административном правонарушении. Она включает в себя подготовку к рассмотрению дела; непосредственно рассмотрение дела; вынесение постановления по делу и доведение его до сведения лица, в отношении которого оно вынесено.

В рамках упрощенного производства можно выделить следующие этапы административно-юрисдикционной деятельности: непосредственное обнаружение административного правонарушения; выяснение обстоятельств его совершения; вынесение по делу постановления о назначении административного наказания и доведение его до сведения правонарушителя.

Достаточно дискуссионным является вопрос об исполнении постановления о назначении наказания как стадии производства по делам об административных правонарушениях. По мнению одних она является отдельной (самостоятельной) стадией, не входящей в производство по делам об административных правонарушениях [15, с. 51]. С точки зрения других – это завершающая стадия производства по делам об административном правонарушении, поскольку только последовательность совершения всех стадий может обеспечить их преемственность. Такая деятельность имеет двоякую сущность. С одной стороны она в рамках стадии, определенной фазы развития производства по делам об административных правонарушениях, с другой – это особая юридическая конструкция, которая относится к исполнительному производству [15, с. 93, 96].

Еще раз напомним, что в п. 12.9 Типового положения сказано, что линорган не только осуществляет производство по делам об административных правонарушениях, отнесенных к компетенции органов внутренних дел, но и обеспечивает в пределах компетенции исполнение административных наказаний. Исполнение вынесенных по делу об административном правонарушении постановлений не только обеспечивает защиту законных прав и интересов физических и юридических лиц, а также способствует профилактике и предупреждению административных правонарушений. Исполнение вынесенного постановления о назначении административного наказания является результатом, по которому можно судить об эффективности правоприменительной деятельности сотрудников органов внутренних дел (полиции) по обеспечению общественной безопасности на водном транспорте.

К задачам стадии исполнения постановления о назначении административного наказания следует отнести: вступление постановления в законную силу; обращение постановления к исполнению; фактическое исполнение административного наказания; окончание производства по исполнению постановления. Помимо этого могут существовать и другие (дополнительные), например, задачи отсрочки, рассрочки, приостановления исполнения постановления о назначении административного наказания и т.д.

Подводя итог проведенному научному исследованию, можно сделать ряд выводов:

1) Под административно-юрисдикционной деятельностью сотрудников полиции по обеспечению общественной безопасности на водном транспорте следует понимать комплекс процессуальных действий соответствующих субъектов, направленных на установление обстоятельств административного правонарушения, их фиксации и квалификации, назначении административного наказания.

2) Исследуемая административно-юрисдикционная деятельность включает в себя следующие стадии: возбуждение дела об административном правонарушении, действия субъекта административной юрисдикции по рассмотрению дела; исполнение постановления о назначении административного наказания.

3) В соответствии с п. 2, 3 ч. 2 ст. 23.3 КоАП дела об административных правонарушениях рассматривают начальники линейных отделов (управлений) полиции на транспорте, их заместители, а также начальники дежурных смен дежурных частей линейных отделов (управлений) полиции на транспорте, начальники линейных отделений (пунктов) полиции, в пределах своей компетенции.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Кононов П.И. Административный процесс: подходы к определению понятия и структуры // Государство и право. 2001. № 6. С. 22-23.
2. Гальперин Л.Б., Горшенев В.М., Рудинский Ф.М. Вопросы административного процесса // Советское государство и право. 1965. № 3. С. 157, 158; Бахрах Д.Н., Россинский Б.В., Старилов Ю.Н. Административное право: учебник для вузов. М., 2004. С. 676 и др.
3. Бахрах Д.Н. Административное право России: учебник для вузов. М., 2001. С. 307.
4. Масленников М.Я. Применение административных взысканий. Калинин, 1986. С. 20.
5. Дрозд А.О. Административно-юрисдикционная деятельность, осуществляемая участковыми уполномоченными полиции (по материалам ГУ МВД России по Алтайскому краю): автореф. дис. … канд. юрид. наук. СПб., 2012. С. 12.
6. О полиции: Федеральный закон от 7 февраля 2011г. № 3-ФЗ (ред. от 14 октября 2014 г. № 307-ФЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 7. Ст. 900; 2014. № 42. Ст. 5615.
7. Вопросы Министерства внутренних дел Российской Федерации: Указ Президента РФ от 1 марта 2011 г. № 248 (ред. от 13 ноября 2014г. № 722) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 10. Ст. 1334; [Электронный ресурс]. - Официальный интернет-портал правовой информации http://www.pravo.gov.ru, 14.11.2014.
8. Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (в ред. от 30 декабря 2008г. № 6 - ФКЗ, № 7- ФКЗ, от 05 февраля 2014г. № 2-ФКЗ, 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 31. Ст. 4398.
9. Об утверждении Типового положения о линейном отделе Министерства внутренних дел Российской Федерации на железнодорожном, водном и воздушном транспорте: Приказ МВД Российской Федерации от 15 июня 2011 г. № 636 // Российская газета. 2011. № 183. 19 августа.
10. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 4 ноября 2014 г. № 332-ФЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1; 2014. № 45. Ст. 6142.
11. Дрозд А.О. Указ. соч. С. 5.
12. Галаган И.А. Административная ответственность в СССР: (Процессуальное регулирование). Воронеж, 1976. С. 88.
13. Дрозд А.О. Указ. соч. С. 17.
14. Васильев А.М., Васильева Н.А. Особенности отдельных стадий производства по делам об административных правонарушениях несовершеннолетних // Юридические записки. 2014. № 1. С. 54.
15. Лазарев В.В., Попов Л.Л. Новое законодательство об административных правонарушениях и его применение // Советское государство и право. 1986. № 3. С. 51-59.
16. Головко В.В., Терехов О.В. О понятии и содержании стадии исполнения постановления о назначении административного наказания // Вестник Южно-Уральского государственного университета. 2005. № 8. С. 93, 96.

REFERENCES

1. Kononov P.I. Administrativnyy protsess: podkhody k opredeleniyu ponyatiya i struktury. [Administrative process: approaches to the definition and structure]. State and law. 2001. № 6. P. 22-23.
2. Halperin L.B., Gorshenev V.M., Rudinskiy F.M. Voprosy administrativnogo protsessa. [Questions of the Administrative Process]. Soviet state and law. 1965. № 3. S. 157, 158; Bachrach DN, Rossinsky BV, JN Starilov Administrative law: the textbook for high schools. [Administrativnoe pravo Rossii]. M., 2004, pp 676 et al.
3. Bachrach DN. Administrativnoe pravo Rossii. [Administrative law Russia: a textbook for high schools]. M., 2001, P. 307.
4. M.J. Maslennikov Primenenie administrativnykh vzyskaniy. [Application of administrative penalties]. Kalinin, 1986, pp 20.
5. Drozd SA Administrativno-yurisdiktsionnaya deyatel'nost', osushchestvlyaemaya uchastkovymi upolnomochennymi politsii (po materialam GU MVD Rossii po Altayskomu krayu): avtoref. dis. … kand. yurid. Nauk. [Administrative and jurisdictional activity, implement, pull a police precinct (Materials Research Affairs of Russia for the Altai Territory): Author. Dis. ... PhD. jurid. Sciences]. SPb., 2012. P. 12.
6. O politsii: Federal'nyy zakon ot 7 fevralya 2011g. № 3-FZ (red. ot 14 oktyabrya 2014 g. № 307-FZ). [Police: Federal Law of 7 February 2011. № 3-FZ (ed. By October 14, 2014 № 307-FZ).]. Meeting of the legislation of the Russian Federation. 2011. № 7. Art. 900; 2014. № 42. Art. 5615.
7. Voprosy Ministerstva vnutrennikh del Rossiyskoy Federatsii: Ukaz Prezidenta RF ot 1 marta 2011 g. № 248 (red. ot 13 noyabrya 2014g. № 722). [Issues of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation Presidential Decree of March 1, 2011 № 248 (ed. November 13, 2014. № 722)]. Meeting of the legislation of the Russian Federation. 2011. № 10. Art. 1334; Official internet-portal of legal information. Available at: http://www.pravo.gov.ru, 14.11.2014.
8. Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii. [The Constitution of the Russian Federation]. Adopted by popular vote on December 12, 1993 (as amended. December 30, 2008. № 6. FKZ, № 7- ERPs, from 5 February 2014. № 2-FKZ, July 21, 2014 № 11-FCL). Meeting legislation of the Russian Federation. 2014. № 31. Art. 4398.
9. Ob utverzhdenii Tipovogo polozheniya o lineynom otdele Ministerstva vnutrennikh del Rossiyskoy Federatsii na zheleznodorozhnom, vodnom i vozdushnom transporte: Prikaz MVD Rossiyskoy Federatsii ot 15 iyunya 2011 g. № 636. [Approval of Model Regulations of the linear section of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation on the rail, water and air transport: Order of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation on June 15, 2011 № 636]. The Russian newspaper. 2011. № 183. August 19.
10. Kodeks Rossiyskoy Federatsii ob administrativnykh pravonarusheniyakh ot 30 dekabrya 2001 g. № 195-FZ (red. ot 4 noyabrya 2014 g. № 332-FZ). [Offences Code of Russia on December 30, 2001 № 195-FZ (ed. By November 4, 2014 № 332-FZ)]. Meeting of the legislation of the Russian Federation. 2002. № 1 (ch. 1). Art. 1; 2014. № 45. Art. 6142.
11. Drozd S.A. Ibid P. 5.
12. Galagan I.A. Administrativnaya otvetstvennost' v SSSR: (Protsessual'noe regulirovanie). [Administrative responsibility in the USSR: (Procedural Regulation)]. Voronezh, 1976. P. 88.
13. Drozd S.A. Ibid. P. 17.

14. Vasiliev A.M., Vasilyeva N.A. Osobennosti otdel'nykh stadiy proizvodstva po delam ob administrativnykh pravonarusheniyakh nesovershennoletnikh. [Features of the individual stages of proceedings on administrative offenses of minors]. Legal note. 2014. № 1. P. 54.
15. Lazarev V.V., Popov L.L. Novoe zakonodatel'stvo ob administrativnykh pravonarusheniyakh i ego primenenie. [New legislation on administrative offenses and its use]. Soviet state and law. 1986. № 3. P. 51-59.
16. Golovko V.V., Terekhov O.V. O ponyatii i soderzhanii stadii ispolneniya postanovleniya o naznachenii administrativnogo nakazaniya. [On the concept and content of the stage of execution of the decision on administrative punishment]. Bulletin of the South Ural State University. 2005. № 8. P. 93, 96.

Информация об авторе

Панфилова Лариса Борисовна, преподаватель кафедры административной деятельности ОВД Краснодарского университета МВД России,
Краснодар, России
panfilova77777@ mail.ru

Сычев Евгений Анатольевич, кандидат юридических наук, доцент кафедры административной деятельности ОВД Краснодарского университета МВД России,
Краснодар, России
panfilova77777@ mail.ru

Получена: 19.11.2016

Для цитирования статьи: Панфилова Л. Б., Сычев Е. А., Особенности административно-юрисдикционной деятельности сотрудников полиции по обеспечению общественной безопасности на водном транспорте.
Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. Том. 8. № 6. Часть 2. с. 121-126.
DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-6/2-121-126.

Information about the author

Larisa B. Panfilova, Lecturer, Department of Administrative Activity of Police, Krasnodar University of Russian Interior Ministry,
Krasnodar, Russia
panfilova77777@mail.ru

Evgeniy A. Sychev, Candidate of Law, Associate Professor, Department of Administrative Activity of Police, Krasnodar University of Russian Interior Ministry,
Krasnodar, Russia

Received: 19.11.2016

For article citation: Panfilova L. B., Sychev E. A., Osobennosti administrativno-jurisdikcionnoj dejatel'nosti sotrudnikov policii po obespecheniju obshhestvennoj bezopasnosti na vodnom transporte. [Features of administrative-jurisdictional activity of employees of police in ensuring public safety on water transport]. Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatelnaya mys'l = Historical and Social Educational Ideas. 2016. Vol . 8. no. 6. Part. 2. Pp. 121-126.
DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-6/2-121-126. (in Russian)

УДК 316.34 + 929.73

DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-6/2-127-133

ПЕТРОВ Вадим Евгеньевич
г. Великий Новгород, Россия
pve8888@mail.ru

Vadim E. PETROV
Veliky Novgorod, Russia
pve8888@mail.ru

СОЦИАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ «ЗОЛОТОЙ МОЛОДЕЖИ»: ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОГО И ИСТОРИЧЕСКОГО ГЕНЕЗИСА

В статье осуществляется попытка краткого социологического анализа социального и исторического генезиса феномена «золотая молодежь». На основе методологии «социальной истории» как ключевого направления современных общественных наук автор исследует общее и особенное, а также исторически случайное и ошибочное, для характеристики и последующего научного анализа такой сложной и неоднозначной разновидности элит. Это составляет научную новизну исследования, поскольку цельная аналитика социальной истории золотой молодежи до настоящего момента не осуществлялась.
Исходя из предположения об архетипической природе феномена «золотая молодежь» в обществе и культуре, проявляющейся также в неких общих чертах любых подобных сообществ в истории, позиция автора, с опорой на иные приводимые источники, при этом заключается в подчеркивании конкретно-исторических аспектов существования золотой молодежи. Моменты появления и социальной активности золотой молодежи в истории фрагментарны, но при этом уходят в глубь веков, в европейскую античность и историю древнего Востока, что позволяет отвергнуть распространенную версию появления этого феномена в Европе в XVIII в.
Автор полагает, что целый ряд выдающихся деятелей каждой эпохи можно отнести к выходцам из категории «золотая молодежь». Это художники и музыканты (А. Дюрер, В. Моцарт и др.), философы и ученые (принц Сиддхартха Гаутама - Будда, Б. Паскаль, Т. Мор, Г.В. Лейбниц, Ч. Дарвин и т.д.), писатели (И.В. Гете, О. Уайльд, Ш. Бодлер), государственные и политические деятели (А. Македонский, О. Бисмарк, монархи), в XX в. - знаменитые «Кембриджские шпионы», что демонстрирует предельно неслучайное значение золотой молодежи для социальной и политической истории. В российской истории к числу выходцев из золотой молодежи относится плеяда политической и культурной дворянской элиты XVIII-XIX вв. (Е.Р. Дашкова, А.Г. Бобринский, А.И. Герцен, А.С. Пушкин, Л.Н. Толстой и др.), в советское время - «мажоры». Для современной западной, российской, арабской и азиатской золотой молодежи начала XXI в. при всех ее сходствах в условиях глобализации по-прежнему характерны уникальные и исключительные социально-культурные особенности, обусловленные конкретно-историческими и социокультурными обстоятельствами.

Ключевые слова: золотая молодежь, история золотой молодежи, социальная история золотой молодежи, социальная история, политическая история, социальная история элит, мажоры, золотая молодежь в России, элитология, ювенальная элитология.

SOCIAL HISTORY OF “GOLDEN YOUTH”: SOCIAL AND HISTORICAL ISSUES OF GENESIS

The article is an attempt to brief sociological analysis of the social and historical genesis and transformation of the phenomenon of the "golden youth". Based on the methodology of "social history" as the key areas of modern social sciences author explores general and specific features, as well as historically accidental and erroneous to characterize and further scientific analysis of such a complex variety of elites. It is a scientific novelty of the research as integral analyst of social history "golden youth" so far not carried out. Moments appearance and social activities "golden youth" fragmented history, but at the same time go back centuries in European antiquity and the history of the ancient East, allowing reject common version of the appearance of this phenomenon in Europe in the XVIII century. The author believes that a number of eminent personalities of each era can be attributed to people from the "golden youth" category. It artists and musicians (A. Durer, WA Mozart and others), philosophers and scientists (Prince Siddhartha Gautama – the Buddha, B. Pascal, T. More, G.V. Leibniz, Darwin, etc.) and writers (Goethe, Oscar Wilde, Charles Baudelaire), public and political figures (Alexander of Macedon, O. Bismarck), in the XX century - the famous "Cambridge Spies", which shows the maximum value of non-random "golden youth" for the social and political history.

Keywords: “rich kids”, history of “rich kids”, social history of “rich kids”, social history, political history, social history of elites, majors, “rich kids” in Russia, elite studies, juvenile elite studies

Элиты в качестве общественного и исторического явления традиционно включаются научным и административно-управленческим мышлением в контекст политической истории, в качестве составной части институтов государства и власти. Однако не все виды и типы элит непосредственно связаны с политикой и властью: отдельные из них, такие как научные и художественные элиты, богема [1], некоторые субэлитные слои больше соответствуют и генерируются в пространстве социальной истории, как субъекты конструирования нетривиальной повседневности и управления «снизу». А социальная история, как отмечает один из ее столпов Т. Зелдин, - «самый амбициозный вид истории» [2, с. 154]. Поэтому именно методологии социальной истории могут стать доступны те исторические и социальные феномены, которые оказались недоступны или неинтересны истории политической. Среди них особое место занимает такая разновидность элит, как «золотая молодежь»,

феномен которой крайне неоднозначен как с социологической, так и с исторической точки зрения, но при этом и в любом случае представляющий собой крайне важный и интересный предмет для социально-исторического анализа.

Подобный предмет исследования нами выбран и в связи с возрастающим значением этой социальной группы в российском обществе. Это не только многочисленные скандальные истории нескольких прошедших лет с вызывающим поведением золотой молодежи на дорогах [3] и в иных публичных ситуациях, широко обсуждавшихся и продолжающих обсуждаться в коридорах власти, в СМИ и просто «на кухне», но и в целом оценка влияния их образа жизни и мировоззрения на повседневную культуру и ценности социально-активной части общества и, прежде всего, массовой молодежи. Иногда общество, СМИ и власть задаются вопросом, вольется ли со временем российская золотая молодежь в правящий (политический) класс или же она к этому неспособна или не хочет [4]. Кроме того, само существование подобного феномена традиционно связывается с теми историческими и социально-экономическими процессами, которые происходили в России с конца 1980-х по настоящее время, и потому отечественная золотая молодежь часто воспринимается как явление конкретно-историческое, социально обусловленное и преходящее. Так ли это? Если же предполагать, что и в иных обществах и при других исторических, политических, экономических и культурных условиях феномен золотой молодежи также существует и проявляет себя (а на то также могут найтись веские факты), то можно ли универсализировать эту социальную категорию или же в каждых конкретных социальных обстоятельствах она всякий раз уникальна?

В данной статье мы постараемся осуществить попытку краткого социологического анализа социального и исторического генезиса и трансформации феномена золотой молодежи, опираясь не только на отечественную, но и на всемирную историю и историю мировой культуры, в русле аналитики (методологии) социальной истории. Для этого первоначально необходимо конкретизировать возможное научное значение категории «золотая молодежь» в социологическом контексте. С некоторой усредненной социологической точки зрения золотая молодежь представляет собой особую группу молодежи, имеющей признаваемый в обществе привилегированный, элитарный статус и обладающей социально-значимыми ресурсами (финансовыми, культурными, социальными, интеллектуальными), которые позволяют ее представителям иметь социальное преимущество перед массовыми слоями населения и молодежи. Важнейшей отличительной особенностью золотой молодежи и от иных молодежных элит, и от другой успешной молодежи, и от «массовой» молодежи является ее возможность вести праздный образ жизни, иметь значительный доступ к высококачественным образцам культуры и осуществлять элитарные культурные практики. При этом сам термин «золотая молодежь» хоть и крайне неточен и ангажирован в общественном восприятии, все же является наиболее подходящим для нашего анализа, поскольку иные элитарные молодежные сообщества не совпадают полностью с сообществом «золотая молодежь» или сильно от него отличаются.

В нашем (авторском) понимании «золотая молодежь» - это те находящиеся в возрасте молодости выходцы из элитарных (в любом поколении) семей, которые смогли усвоить конструктивный, «положительный», нормативно-ценностный элитарный опыт и при этом избежать приобретения или чрезмерного усвоения негативных элитарных или неэлитарных качеств (хищнического образа деятельности и мышления, корысти, излишнего консерватизма, прагматизма, конформизма, самоутверждения через зло и т.д.). Разумеется, существуют многочисленные эмпирические примеры и таких представителей золотой молодежи, которые обладают перечисленными качествами негативного ряда (и именно они чаще всего попадают в поле зрение общественного внимания благодаря СМИ) и по которым ошибочно сложился неверный социальный образ этого сообщества. С точки зрения нашего подхода такая элитарная молодежь не является подлинной золотой молодежью, а скорее выступает либо как продукт вырождающихся элит («мажоры»), которые практически всегда имеются в любом обществе, либо как разновидность амбициозных нуворишей и их первых поколений потомков.

Используемый нами способ определения золотой молодежи - это ее своеобразный архетипический «идеальный тип», который мы и пытаемся зафиксировать, и он расходится с устоявшимся в общественном восприятии образом золотой молодежи как поверхностных, пустых и пафосных мажоров, исключительно предающихся праздности и прожиганию жизни. Таким образом, при социально-историческом анализе феномена «золотая молодежь» мы будем маркировать ее возможных представителей и сообщества по элитарному статусу в молодости и атрибутированных наличием особого элитарного опыта, существенно перекрывающего все возможные социальные и индивидуальные изъяны в структуре их личности.

При этом мы полагаем, что в истории и культуре нет и не может быть универсального исторического описания золотой молодежи как социального и культурного феномена и для каждого общества характерно свое, конкретное содержание категории «золотая молодежь». Исходя из предполо-

жения, что любые реальные социально-исторические и художественно-культурные образы золотой молодежи носят архетипичный характер [5], а значит, имеют только метафизическую форму без заранее заданного конкретного наполнения, мы тем не менее видим и некоторые общие социальные основания ее элитарности. В каждую историческую эпоху и в каждом конкретном обществе этот архетип впитывает те национальные и ментальные идеи, соответствующие категориям «здесь и сейчас», однако при этом проявляет некоторые универсальные архетипические свойства идеальной, своего рода «трансперсональной», элитарной природы. Именно поэтому очень важно рассмотреть особенности исторической и социальной трансформации феномена «золотая молодежь», чтобы выявить общее и особенное, а также исторически случайное и ошибочное для характеристики и последующего научного анализа такой сложной разновидности элит. Итак, обратимся к истории.

Моменты появления и социальной активности золотой молодежи в истории фрагментарны, но при этом уходят в глубь веков, в европейскую античность и историю древнего Востока. Даже само появление золотой молодежи также является исторической, культурологической и элитологической проблемой. Так, наиболее распространенным мнением является возможность появления этого социального феномена и понятия в конце XVIII века во Франции, во времена Директории [6], когда установившая политическая диктатура реакционной власти позволила появиться столь же реакционному «праздному классу» (в этом смысле весьма уместна одноименная теория Т. Веблена [7]), и в особенности золотой молодежи как его части из молодых представителей светской знати («jeunesse doree»). Однако в этой версии происхождения золотой молодежи на наш взгляд имеются явные исторические и смысловые противоречия. «"Золотая молодежь" существовала всегда - с тех пор, как появились классовые общества» [8, с. 72], - утверждает социолог А. Тарасов в рецензии на одну из публикаций о молодежных сообществах, и мы вслед за данным автором склонны проверить и обосновать именно такую точку зрения.

Прежде всего, золотая молодежь как часть «праздного класса» неизбежно должна была появиться значительно раньше, поскольку аристократия и праздные элиты существовали и до Директории. Поэтому необходимо пересмотреть подобную версию и попробовать найти иные и более ранние исторические проявления золотой молодежи как социального феномена. Кроме того, современные социологические и журналистские исследования различных сообществ золотой молодежи демонстрируют ее преимущественно антиреакционный, инновационный и почти политически левый мировоззренческий уклон, и поэтому мы предполагаем, что подлинная золотая молодежь исторически существует и проявляется прежде всего в подобном ракурсе, в то время как реакционная, алчущая власти и богатства или «прожигающая жизнь» аристократическая молодежь и ее окружение выступают уже как мнимые элиты, результат вырождения элитарных качеств.

Некоторые авторы [9, с. *305*] усматривают ее существование и активное проявление в социальной истории уже в Александрии в III в. до н.э. и далее в Риме во второй четверти I в. до н.э. Так, в поздней античной (александрийской) культуре обнаруживается конкретный образ представителя золотой молодежи - беспутного юноши-аристократа Луция, героя романа Апулея «Метаморфозы, или Золотой осел» [10], сюжет которого раскрывает архетипичный (т.е., по нашему мнению, предельно неслучайный, культурно и онтологически обусловленный) жизненный сценарий такой личности, от праздности и чрезмерной увлеченности чувственными удовольствиями до постепенной, но радикальной личностной трансформации, осуществления метаморфозы духовной элитизации к эзотерической посвященности и добровольному социальному служению.

Александрийскую и более позднюю римскую золотую молодежь связывает в одну историческую и социальную линию общая культурная традиция, базирующаяся на высокой эллинистической и александрийской культуре. Это косвенно подтверждается словами М.Е. Грабарь-Пассек в предисловии к широко известному сборнику «Александрийская поэзия», в котором исследователь утверждает, что «из всего богатого наследия этих веков до нас дошла лишь очень незначительная часть и дошло бы еще меньше, если бы александрийской поэзией не увлеклась римская литературная молодежь I века до н. э. и I века н. э.» [11, с. 6]. Историк В. Михайлин отмечает фактически те же высокие и прогрессивистские качества золотой молодежи, говоря, что она «склонна возводить в культ и одновременно делать непременным атрибутом собственного существования именно те черты, которые составляли основу классической «ребяческой» культуры греческих VI - начала V века до н. э.: «прекрасное»/«изящное» (во всем спектре возможных смыслов - от культа искусства до культа изысканных наслаждений), молодость, резкое деление культуры на «свою», «высокую», «доступную немногим избранным», «новую» и «пошлую», «избитую», «старую». Оружием в борьбе с «закоснелой» культурой для

нее неизменно становится разум, ибо только с позиций рациональной критики можно сколь-нибудь обоснованно нападать на незыблемые основы традиций. Лозунгом ее столь же традиционно становится требование свободы во всем, начиная от свобод политических и заканчивая свободой искусства и освобождением от разного рода поведенческих несвобод» [9, с. *305*]. При этом автор в сносках к данному фрагменту текста уточняет еще один ее важный атрибут, имеющий значение для античной эпохи - прежде всего статусный, а не возрастной характер определения золотой молодежи, для которой принципиален не возраст (т.е. в нее могли попадать и представители среднего и более старшего возраста), а именно социальный статус (элитарный и при этом одновременно маргинализированный, как находящийся вне власти и вне официальных традиций). Именно этот образ золотой молодежи как маргинальной социальной прослойки молодежи и элиты, выступающей критически и оппозиционно по отношению к доминирующим социальным институтам и культурным практикам, мы считаем ее универсальным архетипом, и будем стараться искать в социальной истории и истории мировой культуры.

Возможно, именно золотую молодежь имеет в виду Платон в диалоге «Государство» [12], обсуждая стратегии воспитания молодых аристократов. Интересен для нас в этой связи и знаменитый ученик ученика Платона, воспитанник Аристотеля, великий Александр Македонский, способности и личные качества которого тщательно пестовались наставниками с раннего детства, что позволило ему стать величайшей исторической личностью, завоевавшей полмира и оказавшей заметное и глубокое влияние на дальнейшие исторические и социальные процессы на всем евразийском пространстве.

Кроме того, современником Платона по «осевому времени» был знаменитый принц Сиддхартха Гаутама, чье жизнеописание доводит до абсолюта образ золотой молодежи в мифологии, истории и культуре. Не случайно апокрифические жизнеописания Будды говорят, что придворные астрологи еще до его рождения предсказали его судьбу как «великого человека», чье нынешнее рождение имеет все шансы стать последним и вырвать его из колеса дальнейших перерождений (сансары). Сиддхартха, как утверждает доктрина буддизма [13, с. 12], имел возможность еще до рождения выбрать, кем и в какой семье он хочет родиться, и он выбрал царскую семью не только за их благоверность и другие высокие нравственные качества, но и вследствие их аристократического статуса, который позволил бы ему легче, в силу возможности не беспокоиться о повседневных заботах о насущных потребностях, осуществить последний рывок в нирвану. Таким образом, уже в древней истории и культуре мы видим целый ряд реальных и мифологических персон, чьи образы и качества могут прямым образом быть связаны с категорией «золотая молодежь», что свидетельствует о достаточно раннем и исторически неслучайном происхождении этого социального феномена. Биографии и жизнеописания этих великих людей являются классическими примерами генезиса элитарных личностей, проявивших себя еще в молодости.

В последующие века целый ряд знаменитых и выдающихся людей каждой эпохи можно отнести к выходцам из категории «золотая молодежь». Это художники и музыканты (А. Дюрер, В. Моцарт, Э. Мане и др.), философы и ученые (Б. Паскаль, Т. Мор, Г.В. Лейбниц, Ч. Дарвин и т.д.), писатели (И.В. Гете, О. Уайльд, Ш. Бодлер), государственные и политические деятели (О. Бисмарк и практически все монархи). К наиболее заметной золотой молодежи XX века, больше относящейся к политической истории и политической элите, но существенно повлиявших и на социальную историю, стоит отнести знаменитую группу «Кембриджские шпионы» - сообщество наиболее одаренных и перспективных студентов и выпускников Кембриджского университета, «великолепная пятерка» которых в течение нескольких лет вела политический шпионаж в пользу Советского Союза исключительно из идейных соображений и по собственной инициативе. Ее полной противоположностью выступают закрытые элитарные студенческие клубы, такие как «Череп и кости» Йельского университета, ставящие цели политического карьеризма и исповедующие ценности либерального прагматизма.

В отечественной культуре термин «золотая молодежь» встречается в литературных произведениях писателей XIX в. И.А. Гончарова, А.И. Куприна [6], а ее образу так или иначе соответствует целый ряд представителей политической (Е.Р. Дашкова, А.Г. Бобринский, А.И. Герцен и др.) и культурной дворянской элиты того времени (начиная с А.С. Пушкина и его друзей-лицеистов и продолжая списком других великих писателей - М.Ю. Лермонтовым, Л.Н. Толстым, А.Н. Толстым и др.).

Наиболее четко в российском социальном пространстве феномен золотой молодежи (в отечественном народном жаргоне - «мажоры») определяется в позднее советское время (1970-1980-е годы) в отношении детей из семей дипломатов, обласканной властью культурной элиты и высшей советской номенклатуры, а также субэлитных слоев советского

ства - спортсменов, актеров, директоров универмагов и т.д., имевших значительные социальные привилегии и возможность их распространения на ближайшее семейное и социальное окружение. У таких семей и их молодого поколения были решены все бытовые вопросы, в том числе с жильем, обеспечено обучение в престижном вузе, предопределена дальнейшая успешная карьера. Во-многом прослойка золотой молодежи была сходна и даже отчасти сливалась с иными молодежными элитами развитого советского общества - верхушкой комсомола, спортивной и художественной элитой и т.д., но если последние приобретали привилегированный статус собственными немалыми усилиями, то золотая молодежь фактически выступала в качестве потомственной аристократии советского государства и как бы обладала врожденной элитарностью. «Красивая жизнь» и социальные привилегии золотой молодежи стали предвестием идеологического и институционального кризиса советского общества, что отразилось в дальнейшем на ожидании перемен со стороны широких народных масс и исторической возможности тех радикальных трансформацией, которые произошли с советским государством в конце 1980-х - начале 1990-х годов.

В современной России золотая молодежь - весьма заметное явление, что может объясняться особенностями отечественной социальной истории последних двадцати лет. Этот термин с распадом советского государства не исчерпал себя, а, напротив, стал только более содержателен и применим с 1990-х и 2000-х годов и по настоящее время по отношению к детям олигархов, политической и культурной новой элиты. Насколько общественное сознание принимает или не принимает новую отечественную (или, напротив, «компрадорскую», либерально-глобалистскую [14 и др.] и т.д.) элиту и ее право так называться, настолько современное российское общество в конкретный исторический момент и в среднесрочной перспективе признает или нет золотую молодежь и ее права на элитарность и исключительность ([15] и др.).

Можно даже предполагать, что российская золотая молодежь даже более элитарна, чем европейская и западная, которая часто выступает в качестве «вечных нуворишей», поскольку если в нарративе последней неотделимо присутствует дискурс стремления к политической власти, богатству и поддержанию своего статуса (см. например, [16; 17] и др.), как высшей ценности, то для отечественной золотой молодежи, хоть и испытывающей в ряде случаев некоторую политическую и профессиональную импотенцию и неполноценность, все же характерны ценности и стремления не утилитарного и более высокого порядка - к личностной и творческой самореализации, новым граням опыта и безусловной праздности ([18] и др.), то есть к устоявшимся аристократическим и элитарным практикам деятельности и мышления.

Итак, в целом в социальной истории, в том числе и в современном обществе, золотая молодежь парадоксально и даже гармонично совмещает в себе правые и левые, прогрессивные и консервативно-реакционные, прагматичные и инфантильно-гедонистические жизненные стратегии и социальные ценности, но с заметным смещением в сторону инновационно-прогрессивистского и оппозиционного (особенно в социокультурном пласте) пакета жизненных приоритетов. Это и составляет один из ее главных маркеров, наряду с элитарным опытом и праздностью, позволяющий идентифицировать золотую молодежь в обществе и истории. Иные возможные личностные и культурные особенности тех или иных сообществ и представителей золотой молодежи являются исторически обусловленными и случайными. При этом для западной, российской, арабской, азиатской (юго-восточной) золотой молодежи начала XXI в. при всех ее сходствах в условиях глобализации по-прежнему характерны как универсальные, так и уникальные и исключительные социально-культурные особенности, обусловленные конкретно-историческими и социокультурными обстоятельствами. В этом заключается социальная и научная загадка и привлекательность феномена золотой молодежи, полностью исчерпать и раскрыть которую автор не мог и не стремился. Это могут сделать уже новые исследования золотой молодежи со стороны социальных историков, социологов и элитологов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Аронсон О.В. Богема: опыт сообщества. Наброски к философии асоциальности. - М.: Прагматика культуры, 2002. - 96 с.
2. Зелдин Т. Социальная история как история всеобъемлющая // THESIS, 1993. - Вып. 1. - С. 154-162.
3. Гомзикова С. Кому на Руси жить хорошо. Золотая молодежь. Почему современные «мажоры» не знают ни горя, ни законов? [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://svpressa.ru/society/article/156553/ .
4. The Times: Русская «золотая молодежь» - будущий правящий класс или клиенты реабилитационных центров? [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://www.polemics.ru/articles/?articleID=11605&hideText=0&itemPage=1.
5. Петров В.Е. Золотая молодежь и метафизические основания ее элитарности // Социодинамика. - 2016. - № 10. - С.83-93. DOI: 10.7256/2409-7144.2016.10.19027. URL: http://e-notabene.ru/pr/article_19027.html.

6. Федоров А.И. Фразеологический словарь русского литературного языка. - 3-е изд., испр. - *М.: Астрель,* АСТ, 2008. - 828 с. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://phraseology.academic.ru/6655/%D0%97%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D1%82%D0%B0%D1%8F_%D0%BC%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D0%B4%D1%91%D0%B6%D1%8C.
7. Веблен Т. Теория праздного класса. - М.: Прогресс, 1984. - 369 с.
8. Тарасов А. О молодежи - в жанре доноса // Свободная мысль - XXI. - 2003. - № 3. - С. 65-85.
9. *Михайлин В.Ю.* Тропа звериных слов: Пространственно ориентированные культурные коды в индоевропейской традиции. - М.: Новое литературное обозрение, 2005. - 540 с.
10. Апулей Луций. Метаморфозы, или Золотой осёл. - М.: АСТ , 2003. - 413 с. (Книга на все времена).
11. Александрийская поэзия: Пер. с древнегреч. / Сост. и предисл., с. 5-21, М. Грабарь-Пассек; Коммент. М. Грабарь-Пассек и др. Ил.: Е. Коган. - М.: Худож. лит., 1972. - 430 с.
12. Платон. Государство // Собр. соч. в 4-х т. Т.3. / Пер. с древнегреч.; Общ. ред. А.Ф. Лосева, В.Ф. Асмуса, А.А. Тахо-Годи. - М.: Мысль, 1994. - 654 с. - (Филос. наследие). - С. 79-420.
13. Торчинов Е.А. Краткая история буддизма. - СПб.: Амфора, 2008. - 430 с.
14. Панарин А.С. Народ без элиты. - М.: Алгоритм; Эксмо, 2006. - 352 с.
15. Звездные дети проводили внучку Лебедева в последний путь [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://www.dni.ru/showbiz/2016/11/30/354886.html.
16. Секс, трава и классовая ненависть в Оксфорде [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://www.gq.ru/magazine/featured/19925_seks_trava_i_klassovaya_nenavist_v_oksforde.php.
17. Forbes представил список дочек миллиардеров, продолжающих дело отцов [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://news.mail.ru/society/4007758/ .
18. Дети магнатов не планируют долгую карьеру в бизнесе [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://iq.hse.ru/news/177664428.html .

REFERENCES

1. Aronson O.V. Bogema: opyt soobshchestva. Nabroski k filosofii asotsial'nosti. [Bohemia: the experience of community. Outlines of a philosophy asociality]. Moscow, 2002. 96 p. (in Russ.).
2. Zeldin T. Sotsial'naya istoriya kak istoriya vseob"emlyushchaya. [Social history as the history of a comprehensive]. THESIS, 1993. No. 1. Pp.154-162. (in Russ.).
3. Gomzikova S. Komu na Rusi zhit' khorosho. Zolotaya molodezh'. Pochemu sovremennye «mazhory» ne znayut ni gorya, ni zakonov? [To live well in Russia. Golden youth. Why modern "majors" do not know no sorrow, no laws?]. Available at: http://svpressa.ru/society/article/156553/. (accessed 17 December 2016). (in Russ.).
4. The Times: Russkaya «zolotaya molodezh'» - budushchiy pravyashchiy klass ili klienty reabilitatsionnykh tsentrov? [The Times: Russian "golden youth" - the future ruling class or clients of rehabilitation centers?]. Available at: http://www.polemics.ru/articles/?articleID=11605&hideText=0&itemPage=1. (in Russ.).
5. Petrov V.E. Zolotaya molodezh' i metafizicheskie osnovaniya ee elitarnosti. [Golden youth and metaphysical foundation of its excellence]. Sotsiodinamika = *Sociodynamics*. 2016. No.10. Pp.83-93. DOI: 10.7256/2409-7144.2016.10.19027. Available at: http://e-notabene.ru/pr/article_19027.html. (accessed 17 December 2016). (in Russ.).
6. Fedorov A.I. Frazeologicheskiy slovar' russkogo literaturnogo yazyka. [Phrasebook Russian literary language]. V. 3. Moscow, 2008. 828 p. Available at: http://phraseology.academic.ru/6655/%D0%97%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D1%82%D0%B0%D1%8F_%D0%BC%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D0%B4%D1%91%D0%B6%D1%8C. (accessed 17 December 2016). (in Russ.).
7. Veblen T. Teoriya prazdnogo klassa. [The Theory of the Idle Class]. Moscow, 1984. 369 p. (in Russ.).
8. Tarasov A. O molodezhi - v zhanre donosa. [On youth - in the genre of denunciation]. Svobodnaya mysl' - XXI = *Free Thought - XXI*, 2003. No. 3. Pp. 65-85. (in Russ.).
9. Mikhaylin V.Yu. Tropa zverinykh slov: Prostranstvenno orientirovannye kul'turnye kody v indoevropeyskoy traditsii. [The trail of animal words: Spatially-oriented cultural codes in the Indo-European tradition]. Moscow, 2005. 540 p. (in Russ.).
10. Apuley Lutsiy. Metamorfozy, ili Zolotoy osel. [Metamorphoses or Golden donkey]. Moscow, 2003. 413 p. (in Russ.).
11. Aleksandriyskaya poeziya. [Alexandrian poetry]. Moscow, 1972. 430 p. (in Russ.).
12. Platon Gosudarstvo. [State. Works in four volumes.]. V.3. Moscow, 1994. Pp.79-420. (in Russ.).
13. Torchinov E.A. Kratkaya istoriya buddizma. [A Brief History of Buddhism]. SPb, 2008. 430 p. (in Russ.).
14. Panarin A.S. Narod bez elity. [A nation devoid of elite]. Moscow, 2006. 352 p. (in Russ.).
15. Zvezdnye deti provodili vnuchku Lebedeva v posledniy put'. [Star children spent Lebedev granddaughter on his last journey]. Available at: https://www.dni.ru/showbiz/2016/11/30/354886.html. (accessed 17 December 2016). (in Russ.).
16. Ceks, trava i klassovaya nenavist' v Oksforde. [Sex, cannabis and class hatred in Oxford]. Available at: http://www.gq.ru/magazine/featured/19925_seks_trava_i_klassovaya_nenavist_v_oksforde.php. (accessed 17 December 2016). (in Russ.).
17. Forbes predstavil spisok dochek milliarderov, prodolzhayushchikh delo ottsov. [Forbes presented a list of billionaires daughters, continues the work of the fathers]. Available at:: https://news.mail.ru/society/4007758/. (accessed 17 December 2016). (in Russ.).
18. Deti magnatov ne planiruyut dolguyu kar'eru v biznese. [Children tycoons are not planning a long career in business]. Available at: https://iq.hse.ru/news/177664428.html . (accessed 17 December 2016). (in Russ.).

Информация об авторе

Петров Вадим Евгеньевич, кандидат философских наук, независимый исследователь,
г. Великий Новгород, Россия
pve8888@mail.ru

Получена: 19.12.2016

Для цитирования статьи: Петров В. Е., Социальная история «золотой молодежи»: проблемы социального и исторического генезиса. Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. Том. 8. № 6. Часть 2. с. 127-133. DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-6/2-127-133.

Information about the author

Vadim E. Petrov, Candidate of Philosophical Sciences, Independent Researcher,
Veliky Novgorod, Russia
pve8888@mail.ru

Received: 19.12.2016

For article citation: Petrov V. E., Social'naja istorija «zolotoj molodezhi»: problemy social'nogo i istoricheskogo genezisa. [Social history of “Golden youth”: social and historical issues of genesis]. Istoricheskaya i sotsial’no-obrazovatelnaya mys’l = Historical and Social Educational Ideas. 2016. Vol . 8. no. 6. Part. 2. Pp. 127-133.
DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-6/2-127-133. (in Russian)

УДК 316 DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-6/2-134-139

ТКАЧЕВА Нина Алексеевна
Институт менеджмента и бизнеса Тюменского государственного индустриального университета
zxcvb-n@bk.ru

БАЙМУХАМЕТОВА Резеда Салимжановна,
Центр психологии и развития личности "Рух"

ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ КАЗАХСТАНСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Со времени обретения Казахстаном государственной независимости в структуре молодежи, самосознании, ценностных ориентациях, поведенческих императивах и образе жизни произошли глубинные, системные изменения как позитивного, так и негативного характера. При этом наблюдается значительное увеличение масштабности, остроты и значимости основного спектра проблем жизнедеятельности молодежи. Все это обусловлено еще и тем, что современная молодежь Казахстана - это поколение, которое родилось и выросло в период серьезных политических, социальных и экономических трансформаций. Ускорение темпов развития общества обусловливает возрастание роли молодежи в общественной жизни. Включаясь в социальные отношения, молодежь видоизменяет их и под воздействием преобразованных условий совершенствуется сама. Наблюдается также изменение статуса ценности труда в молодежной среде: преобладают прагматизм и стремление к материальному достатку, что в свою очередь вступает в противоречие с реальностями занятости молодежи. Отсюда ориентация на подработки, предпринимательскую деятельность. Также молодежь играет важнейшую роль в современных политических конфликтах, причем речь идет не столько о конструктивных формах политического участия, сколько о форматах использования молодежи как инструмента дестабилизации. Таким образом, в ценностных ориентациях современной казахстанской молодежи можно выделить крайне противоречивые проявления - от наличия традиционных ценностей (отношение к семье, браку, уважение к старшим) до проявления крайнего индивидуализма.

Ключевые слова: молодежь Казахстана, молодое поколение, национальность, ценности, культура, социология, ценностные ориентации.

Nina A. TKACHEVA
Institute of Management and Business, Tyumen State Industrial University
Tyumen, Russia
zxcvb-n@bk.ru

Reseda S. BAYMUKHAMETOVA,
Center for Psychology and Personal Development “Rukh”

VALUE ORIENTATIONS of KAZAKHSTAN YOUTH

Since gaining independence Kazakhstan in the youth structure, self-awareness, value orientations, behavioral imperatives and lifestyle took deep, systemic changes, both positive and negative. At the same time there is a significant increase in the scale, severity and significance of the main range of the problems of youth activities. All this is due, including the fact that today's youth of Kazakhstan - a generation that was born and grew up in a period of serious political, social and economic transformations. Accelerating the development of society causes an increase in the role of youth in public life. By engaging in social relationships, youth modifies them and transformed under the influence of conditions improving it. There is also a change in the value of work status of the youth: dominated by pragmatism and the desire for material prosperity, which in turn is in conflict with the realities of youth employment. Hence the focus on part-time business. Also, young people are essential in today's political conflicts, and it is not so much about the structural forms of political participation, but about young people using the format as "tool" destabilization. Thus, in the value orientations of modern Kazakhstan youth can be identified extremely contradictory manifestations. The availability of traditional values, the family, marriage, respect for elders, before the onset of extreme individualism.

Keywords: youth of Kazakhstan, young generation, ethnicity, values, culture, sociology, value orientation

Проблема изучения ценностных ориентаций молодежи остается одной из наиболее актуальных в современном казахстанском обществе.

Ценности это идеи, идеалы, цели, к которым стремится человек.

Выделяют общепринятые ценности:

– универсальные (любовь, престиж, уважение, безопасность, деньги, вещи, национальность, свобода, здоровье);

– внутригрупповые (политические, религиозные);

– индивидуальные (личностные) ценности.

Ценности объединяются в системы, представляя собой определенную иерархическую структуру, которая меняется с возрастом и жизненными обстоятельствами.

Формирование ценностей молодежи во многом связано с объективными процессами, происходящими в современном мире. Молодежь проходит свое становление в условиях еще существующих старых ценностей и формирования новых социальных отношений.

«Позитивная направленность изменений количественных и качественных характеристик молодежи в ходе ее становления как субъекта общественного воспроизводства свидетельствует о социальном развитии данной социально-демографической группы. Его критерием является приобретение и изменение молодыми людьми собственного социального статуса и формиро-

вание гражданских идентичностей в процессе достижения молодыми людьми социальной зрелости и социальной субъективности» [1, с. 81].

В мировой социологии к теме изучения ценностных ориентаций молодежи обращались М. Вебер, П. Сорокин, Э. Дюркгейм, Р. Мертон, Т. Парсонс.

В XX в. сложилось несколько научных школ, исследовавших молодежную проблематику и объясняющих специфические особенности сознания, поведения и социализации молодежи. Исследования Э. Эриксона, Т. Парсонса, М. Мид, Г.М. Андреевой и других ученых показывают, как важна передача основных норм и ценностей от старшего поколения младшим в поддержании стабильного функционирования общества.

Последователи структурно-функционального направления в 70-е годы XX в. (Б.А. Ручкин, Е.Г. Слуцкий) стремились системно анализировать сознание и поведение молодого поколения в тесной взаимосвязи с окружающей социальной действительностью.

В их исследовательских работах - концептуальные модели межпоколенных связей и отношений, механизмы социализации и способы влияния на формирование молодежи. Ученые Г.М. Андреева, А.В. Мудрик, И.С. Кон, В.А. Ядов, И.В. Бестужев-Лада выделяли проблемы социализации молодежи как социально-демографической группы. Работы И.М. Ильинского, А.И. Ковалевой, В.А. Лукова, В.Т. Лисовского были посвящены исследованию институционализации молодежной политики. С середины 1980-х годов группой исследователей, в которую входили Е.П. Васильева, Ю.Л. Качанов, А.В. Кинсбургский, Л.А. Коклягина, В.В. Семенова, М.Н. Топалов, М.Р. Тульчинский, М.Ф. Черныш, разрабатывалась концепция социального развития молодежи. В 1990-е годы под руководством В.И. Чупрова проводилось мониторинговое исследование «Социальное развитие молодежи». По Чупрову «отличительное социальное качество молодежи связывается с тем специфическим положением, которое она занимает в процессе воспроизводства социальной структуры, и определяется способностью молодого поколения унаследовать и воспроизводить сложившуюся на момент его становления структуру общественных отношений» [2, с. 94]. Воспроизводя сложившуюся структуру общественных отношений, молодежь перенимает социальный опыт старших поколений и вносит новое в этот процесс, реализуя свои инновационные свойства. Этот процесс составляет своего рода фрагмент преемственности и смены поколений; молодежь, взрослея, становится источником социального опыта для следующего поколения - так реализуется трансляционная функция молодежи. Последователи Чупрова Ю.А. Зубок, Е.Д. Игитханян, И.В. Казаринова, А.Н. Колесников, М.В. Савва, М.В. Соловьев, А.В. Шаронов. Ю.А. Зубок, в частности, отмечают: «Функционирование и развитие молодежи как социально-демографической группы отражает становление субъекта общественного производства и общественной жизни. Соответственно нарушение, дисфункция этого процесса лежит в основании социальных проблем молодежи» [3, с. 9].

Анализ становления молодого поколения Республики Казахстан в период реформирования дан в монографии «Казахстанская молодежь на рубеже веков». Она принадлежит коллективу авторов в составе А.С. Сарсенбаева, Г.Т. Телебаева, Д.А. Калетаев, А.Т. Шайкенова [4]. Авторы опираются, с одной стороны, на анализ и систематизацию статистических данных, а с другой - на результаты республиканского социологического исследования в рамках проекта «Молодежь Казахстана - 2000», проведенного в апреле-мае 2000 г. сотрудниками Министерства культуры, информации и общественного согласия. Они сравнивают результаты исследования на базе социометрических показателей 1999 г., которое было проведено Ассоциацией юридических лиц «Молодежное движение “За будущее Казахстана”», с результатами социологических опросов Центра анализа и планирования Министерства культуры, информации и общественного согласия, проведенных в 1998-1999 гг. Общий массив выборочной совокупности - 2 000 респондентов, из которых 1 100 человек были опрошены в городах и 900 - в селах, аулах, п.г.т., малых городах.

Авторы утверждают, что в материальном плане молодежь находится на более низких позициях. Тем не менее лишь незначительное число молодых людей в своих жизненных планах ориентированы на то, чтобы жить за счет родителей. Стремление жить самостоятельно вступает в противоречие с реальностями занятости молодежи. Отсюда ориентация на подработки, предпринимательскую деятельность.

Проблемы молодежи и формирование ценностных ориентаций молодежи освещаются в работах казахстанских ученых С.Т. Сейдуманова, Ю.В. Кучинской [5], Г.К. Жусуповой [6]. Интересные данные о молодежи рубежа XX-XXI вв. можно найти в электронной публикации журналиста Дмитрия Мазоренко «Общество недоразвитого капитализма: каким стало поколение казахстанцев, рожденных в начале 90-х» [7]. Он приводит данные, полученные в результате ис-

следования Фонда Фридриха Эберта «Молодежь Центральной Азии. Казахстан», а также мнение казахстанских ученых социологов, психологов и культурологов об особенностях развития и формирования ценностей современной казахстанской молодежи.

Со времени обретения Казахстаном государственной независимости в структуре молодежи, самосознании, ценностных ориентациях, поведенческих императивах и образе жизни произошли глубинные, системные изменения как позитивного, так и негативного характера. При этом наблюдается значительное увеличение масштабности, остроты и значимости основного спектра проблем жизнедеятельности молодежи. Ускорение темпов развития общества обусловливает возрастание роли молодежи в общественной жизни. Включаясь в социальные отношения, молодежь видоизменяет их и под воздействием преобразованных условий совершенствуется сама.

Сегодня наблюдается изменение статуса ценности труда в молодежной среде. В жизни молодежи присутствует прагматизм и стремление к материальному достатку. Жизненный успех и достижение высокого социального статуса молодежь часто не связывает со способностью трудиться. Происходит рост патернализма и социального инфантилизма в молодежной среде. Проявлением мировоззренческого кризиса молодежи является культ потребления. Молодежь, не имеющая жизненного опыта и знаний, подвержена риску попасть под влияние внутренних и внешних деструктивных сил.

В современных политических конфликтах важнейшую роль играет молодежь, причем речь идет не столько о конструктивных институциализованных формах политического участия, сколько о форматах использования молодежи как инструмента дестабилизации. «Активность молодежи - изначально заданная характеристика данной социальной группы. В сочетании с такими характеристиками, как лабильность, трансгрессивность, экстремальность, подвижность позиции молодежи в социальной структуре, обусловленными как возрастом, так и положением молодежи как социальной группы, именно молодежь достаточно часто выступает в качество детонатора тех или иных социальных потрясений» [8]. По словам главы офиса Фонда им. Фридриха Эберта в Алматы Т. Умбеталиева**, «**часть глобальных тенденций не оставляет в стороне и Казахстан. Однако к ним добавляется местная специфика, связанная, по мнению казахстанских социологов, с кризисом гражданской и культурной самоидентификации, которому, впрочем, подвержены все страны с переходной политической и экономической системой. *Нынешняя молодежь Казахстана - это поколение, которое родилось и выросло в период серьезных политических, социальных и экономических трансформаций. Это молодые люди со своим взглядом на мир, со своей позицией и со своими ценностями*» *[9].* В Алматы 6 и 7 апреля Фонд им. Фридриха Эберта и ТОО «Институт «Общественное мнение» презентовали публикацию «Молодежь Центральной Азии. Казахстан».

Публикация была подготовлена на основе социологического исследования, в котором приняли участие 1 000 молодых казахстанцев в возрасте от 14 до 29 лет из 14 областей Казахстана, а также городов республиканского значения - Алматы и Астаны. Были представлены результаты исследования, касающиеся вопросов семьи и брака, а также сексуальной культуры.

Помимо перестройки различных институтов страны на мировоззрение молодых людей, которых в Казахстане насчитывается 4,65 млн чел. (в возрасте 14-29 лет), продолжают влиять общественные дискуссии о том, к чему они должны стремиться и каких идеалов придерживаться. Поляризует взгляды молодежи и эмпирический опыт: возрастная группа от 22 лет еще застала период адаптации своих семей и общества после распада Советского Союза, в то время как взросление группы 14-18 лет началось в момент интенсивного экономического роста и при относительно сформированных политических институтах.

Исследование Фонда Ф. Эберта «Молодежь Центральной Азии. Казахстан» [9] показало, что молодые люди Казахстана, несмотря на менее качественный уровень жизни, настроены гораздо оптимистичнее своих западных сверстников. В выборку были включены люди, рожденные в 1990-1995 гг. (39,6%).

В 2014 г., когда проводилось исследование (оно было презентовано в мае 2016 г.), казахстанцы считали себя здоровыми, называли свое финансовое положение хорошим (78,9% опрошенных), не чувствовали классового разделения (о нем заявляли лишь 14,8% респондентов), положительно воспринимали свою жизнь и самих себя (довольны собой и своей внешностью были 64,4% опрошенных) и с уверенностью смотрели в будущее.

Молодые люди утверждали, что в качестве ценностей им важно иметь чувство собственного достоинства (83% опрошенных), обладать социальным престижем (37,2%), быть материально состоятельным (35,8%) и честным (33,6%) [10]. Первостепенными целями в своей жизни опрошенные называли вещи морального порядка, хотя в нескольких других вопросах исследо-

вания предпочтение отдавалось материальным стремлениям. Респонденты считали: чтобы состояться в жизни, им, прежде всего, нужно быть «хорошими людьми» - преданными своей семье, партнеру, друзьям и работодателю, а также научиться брать на себя ответственность. При этом наименьшая значимость в их ориентирах отводилась карьерному росту и высшему образованию, хотя они и выражали большое желание обрести диплом и получать высокие доходы, считая эти два фактора взаимосвязанными.

С точки зрения социализации важной потребностью они определяли для себя общение со сверстниками, которое выступает для них некоторой системой координат, позволяющей им оценивать себя и свое поведение со стороны. Однако наибольшее доверие они питали к ближайшим социальным группам - семье и родственникам. Друзьям отводится третье место, а самое последнее - политическим и религиозным лидерам.

Результаты опроса также показывают, что молодежь не питает ярко выраженной нетерпимости к этническим, религиозным и социальным группам, демонстрируя определенный уровень социальной гибкости. Хотя толерантность к определенный группам - оралманам, сексуальным меньшинствам, а также к людям, страдающим алкоголизмом и наркоманией - была низкой [10].

В отличие от социологического замера, по мнению психологов, популяризация идеологии индивидуальных свобод, когда человек становится центром ответственности за свою жизнь, поразному дезориентировало многих молодых людей. Из-за возникающих противоречий между утвержденной в Казахстане культурой общности, высокой ценности семьи, безоговорочного уважения к старшим и родителям и пониманием того, что рациональные черты присутствуют и в индивидуальных свободах, и в более привычных для нас ценностях, у молодых людей возникает чувство вины, стыда и потерянности [7]. В свою очередь, директор Центра социальных и политических исследований «Стратегия» Г. Илеуова считает эту возрастную группу (18-24 лет) социально и политически пассивной. «Если эта группа молодежи еще живет с родителями и их семьи относительно мягко перенесли трудности 90-х годов, её настроение, - по словам Илеуовой, - будет монолитно хорошим» [7].

Жизненные интересы молодых людей этого возраста тяготеют к потреблению, структура которого разительно отличается от приоритетов всех остальных поколений. «На эту группу в целом тратится больше денег, и одна из самых больших статей расходов - это связь, то есть покупка гаджетов и интернет-услуг. Если посмотреть на структуру досуга этих молодых людей, они больше всех остальных тратят время и деньги на различные формы развлечений», - подчеркивает социолог [7]. Ею делается вывод, что социализация современного молодого поколения от 18 до 24 лет проходила под влиянием бабушек и дедушек вследствие отсутствия или дороговизны детских дошкольных учреждений. Отсюда возникает тесная связь поколений и восприятие традиционных ценностей.

По словам социолога, «неудовлетворенность эти молодые люди испытывают только по части размера доходов и возможностей их получения. Также их недовольство вызвано общей ситуацией на рынке труда. Более того, когда они выходят на рынок труда, это нередко сопровождается и отсутствием вакансий по полученной специальности. Настроение у него кардинально меняется. Молодые люди в возрасте 25-29 лет начинают сталкиваться с тем, что не могут найти себя на рынке труда, заработная плата может не соответствовать их компетенциям и ожиданиям, они не могут понять свое место в организации, в которой работают и где кадры оцениваются не по заслугам, а по каким-то другим критериям. С 25 лет настрой этой группы начинает становиться пессимистичным, причем по многим параметрам» [7].

Впрочем, идеологические предпочтения поколения от этих изменений меняются слабо. Тем не менее в последнее время социолог отчетливо видит тенденцию укрепления казахского национального дискурса. По ее словам, он подпитывается казахоцентричной тональностью истории страны, которую навязывают через новые учебные материалы. «Эта тенденция, на мой взгляд, проявляется и в культуре» [7].

Нереализованная социальная энергия молодежи отличается повышенным уровнем социальной напряженности. Это не обязательно проявление протестности. Влияние оказывают и чисто материальные факторы.

В целом следует сказать, что казахстанская молодежь находится на этапе формирования своего ценностного каркаса [5]. «Важную роль здесь играют несколько факторов. В первую очередь, это поток вестернизации и рыночной психологии. Второй процесс - это влияние государственной идеологии. Третье - это возрождение духовно-культурных традиций. Именно смешение этих трех потоков и образует некую новую социальную реальность, называемую казахстан-

ской молодежью. При этом молодежь основывается на оптимистическом видении своих перспектив. Квалифицированное большинство рассчитывает на жизненный прорыв и улучшение своего благополучия» [5 с. 63].

Для современной молодежи характерна плюрализация образцов самореализации. Индивидуализация воплощается в идее конструирования собственной жизни как сугубо личного проекта с индивидуально обусловленными траекториями в различных сферах (труд, образование, досуг, брак). Прежние образцы ответственности (т.е. социально значимое) индивидов друг перед другом, перед группой и обществом тоже деформируются.

Таким образом, в ценностных ориентациях современной казахстанской молодежи можно выделить крайне противоречивые проявления. От наличия традиционных ценностей (отношение к семье, браку, уважение к старшим) до проявления крайнего индивидуализма.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Маратова А. Ценностные ориентации молодежи (по результатам социологического исследования) // Саясат-Policy. - 2003. - № 4. - С. 80-83.
2. Молодежь России: социальное развитие / Под ред. В.И. Чупрова. - М.: Наука, 1992. - 205 с.
3. Зубок Ю.А. Феномен риска в социологии: Опыт исследования молодежи. - М.: Мысль, 2007. - 288 с.
4. Казахстанская молодежь на рубеже веков // А.С. Сарсенбаев, Г.Т. Телебаев, Д.А. Калетаев, А.Т. ва. - Астана, 2000.
5. Сейдуманов С.Т., Кучинская Ю.В. Молодежная политика: тенденции и особенности города Алматы // Элеуметтану-Sociology. - 2010. - №1(2). - С. 61-63.
6. Жусупова Г.К. Религиозный фактор толерантности среди молодежи в современном казахстанском обществе: социологический анализ // Религия и право. - 2010. - № . - С. 110-116.
7. Мазоренко Д. Общество недоразвитого капитализма: каким стало поколение казахстанцев, рожденных в начале 90-х //Власть - https://vlast.kz/generation/19745
8. Степанищенко О.В. К вопросу о роли молодежи в условиях обострения этнополитических конфликтов в начале XXI в. // Научный журнал КубГАУ. - *2005.* - № 110(06). [Электронный ресурс] - http://ej.kubagro.ru/2015/06/pdf/11.pdf
9. Эберт Ф. Молодежь Центральной Азии. [Электронный ресурс] -http://www.fes-centralasia.org/ru/
10. Чем живет сегодня молодежь Казахстана [Электронный ресурс]: http://forbes.kz/stats/chem_jivet_segodnya_molodej_kazahstana/

REFERENCES

1. Maratova A. Cennostnye orientacii molodezhi (po rezul'tatam sociologicheskogo issledovanija). [Valuable orientations of youth (based on sociological research)]. Sajasat-Policy. 2003. № 4 pp.80-83.
2. Molodezh' Rossii: social'noe razvitie. [Youth of Russia: social development]. Pod red. V. I. Chuprova. M.: Nauka. 1992. 205 p.
3. Zubok, Ju. A. [Risk phenomenon in sociology: Experience youth research]. Fenomen riska v sociologii: Opyt issledovanija molodezhi. M.: Mysl'. - 2007.-288 p.;
4. Kazahstanskaja molodezh' na rubezhe vekov. [Kazakhstan youth at the turn of the century]. A.S.Sarsenbaev, G.T.Telebaev, D.A.Kaletaev, A.T.Shajkenova . Astana, 2000.
5. Sejdumanov S.T., Kuchinskaja Ju.V. Molodezhnaja politika: tendencii i osobennosti goroda Almaty. [Youth policy: trends and features of the city of Almaty]. Jeleumettanu-Sociology, №1(2), 2010. Pp. 61-63.
6. Zhusupova G.K. Religioznyj faktor tolerantnosti sredi molodezhi v sovremennom kazahstanskom obshhestve: sociologicheskij analiz. [Religious tolerance factor among young people in the modern Kazakh society: the sociological analysis]. Religija i pravo. 2010. № Pp. 110-116.
7. Mazorenko D. Obshhestvo nedorazvitogo kapitalizma: kakim stalo pokolenie kazahstancev, rozhdennyh v nachale 90-h. [Society underdeveloped capitalism: how was the generation of Kazakhstan citizens, born in the early '90s]. Vlast'. Available at: https://vlast.kz/generation/19745
8. Stepanishhenko O. K voprosu o roli molodezhi v uslovijah obostrenija jetnopoliticheskih konfliktov v nachale XXI. V [On the issue of the role of youth in the conditions of acute ethno-political conflicts in the early XXI]. Nauchnyj zhurnal KubGAU, №110(06), 2015 goda. Available at: http://ej.kubagro.ru/2015/06/pdf/11.pdf
9. .Jebert F., Molodezh' Central'noj Azii [Central Asian Youth Friedrich Ebert]. Available at: http://www.fes-centralasia.org/ru/
10. Chem zhivjot segodnja molodjozh' Kazahstana. [The young people live today in Kazakhstan]. Available at: http://forbes.kz/stats/chem_jivet_segodnya_molodej_kazahstana/

Информация об авторе

Ткачева Нина Алексеевна, доктор социологических наук, профессор, кафедра маркетинга и

Information about the author

Nina A. Tkacheva, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Department of Marketing and

муниципального управления, Институт менеджмента и бизнеса, Тюменский государственный индустриальный университет,
г. Тюмень, Россия
zxcvb-n@bk.ru

Баймухаметова Резеда Салимжановна, директор, Центр психологии и развития личности «Рух»

Получена: 16.12.2016

Для цитирования статьи: Ткачева Н. А., Баймухаметова Р. С., Ценностные ориентации казахстанской молодежи. Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. Том. 8. № 6. Часть 2. с. 134-139.
DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-6/2-134-139.

Municipal Administration, Institute of Management and Business, Tyumen State Industrial University,
Tyumen, Russia
zxcvb-n@bk.ru

Reseda S. Baymukhametova, Director, Center for Psychology and Personal Development “Rukh”

Received: 16.12.2016

For article citation: Tkacheva N. A., Baymuhametova R. S., [Value orientations of kazakhstan youth]. Istoricheskaya i sotsial’no-obrazovatelnaya mys’l = Historical and Social Educational Ideas. 2016. Vol . 8. no. 6. Part. 2. Pp. 134-139.
DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-6/2-134-139. (in Russian)

УДК 130.12 DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-6/2-140-144

ШТУМПФ Светлана Петровна
Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева
г. Красноярск, Россия
stumpf@kspu.ru

Svetlana P. SHTUMPF
Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafiev
Krasnoyarsk, Russia
stumpf@kspu.ru

ПРИРОДА ДУХОВНОСТИ: СУЩНОСТНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ

Статья посвящена исследованию актуальной области гуманитарного знания - феномену духовности, занимающему значительное положение в отечественной социокультурной традиции. Ситуация переходного этапа в нашей стране, периода нестабильности и трансформаций на всех уровнях общественного бытия и общественного сознания, требует уточнения сути происходящих изменений, обнаружения новационных форм воспроизводства духовности в различных областях человеческой жизнедеятельности. Нравственно-мировоззренческий плюрализм, сохранение культурной самобытности на фоне глобализации определяют необходимость и задают условия для поиска путей преодоления кризисной ситуации. Исследовательская задача заключается в выявлении сущностных природных характеристик духовности, что позволит определить ее потенциальный ресурс и конструктивные возможности реализации в российской социокультурной действительности. К природным (сущностным) характеристикам духовности относятся следующие: аксиологическая, социокультурная, гуманитарная, информационно-виртуальная. На современном этапе интенсификация духовного вектора в развитии личностного и социального начал приводит к трансформации бытийной стратегии общества в сторону возрастания значимости информационно-виртуальной составляющей. Создаваемая мыслью и деятельностью людей, она в отраженных образах на новом витке истории актуализирует непреложные общечеловеческие ценности. С одной стороны - модифицирует, с гой - вновь подтверждает и закрепляет основные законы человеческого общежития.

Ключевые слова: духовность, сущностные характеристики, аксиологическое, социокультурное, гуманитарное, информационно-виртуальное, нравственность, мировоззрение, личность, общество, глобализация.

NATURE OF SPIRITUAL OUTLOOK: ESSENTIAL CHARACTERISTICS

The article is devoted actual area of the humanities - the phenomenon of spiritual outlook, occupying an important position in the Russian socio-cultural traditions. The situation is a transitional stage in our country, a period of instability and transformation at all levels of social being and social consciousness requires clarification essence of the changes, the detection innovation forms of reproduction of spiritual outlook in various fields of human activity. The moral and worldview pluralism, the preservation of cultural identity against the backdrop of globalization, the need to define and specify the conditions to search for ways to overcome the crisis. The research objective is to identify the essential natural characteristics of spiritual outlook, which will define its resource potential and feasibility of design in the Russian socio-cultural reality. The natural (essential) characteristics of spiritual outlook are: axiological, socio-cultural, humanitarian, informational-virtual. At the present stage of spiritual intensification of the vector in the development of personal and social principles leads to the transformation of society existent strategy towards increasing importance of information-virtual component. The created thought and human activity, it is reflected in the images of the new turn of history actualizes immutable human values. On the one hand - modifies, on the other hand, it reaffirms and reinforces the basic laws of human society. Investigation of the processes the human being spiritual space and society, the adoption of the spiritual oriented development direction, its introduction into practice of the "life" of the Russian community sees the potential prospect of overcoming negative processes.

Keywords: spiritual outlook, essential characteristics, axiological, socio-cultural, humanitarian, information-virtual, moral, worldview, personality, society, globalization

Каждая историческая эпоха неизбежно возвращается к рассмотрению проблем, называемых «вечными». Актуальность их анализа возникает потому, что эти старые проблемы остаются вечно новыми. За внешней, привычной и традиционной формой они таят неповторимое содержание, рожденное новыми условиями жизни. В социокультурной традиции нашей страны таким непреходящим феноменом является духовность. Как объект идеальный, она почти неуловима для постижения. Но при любом обращении к философскому, социальному, культурному, психологическому аспектам истории России становится очевидным, что внутренний строй русской традиции организован по принципу духовного существования [1; 2]. Сегодняшняя ситуация переходного этапа в нашей стране, периода нестабильности и трансформаций на всех уровнях общественного бытия и общественного сознания, требует уточнения сути происходящих изменений, выявления новаций воспроизводства духовных форм в различных областях человеческой жизнедеятельности.

Очевидно, что духовный кризис современной исторической эпохи связан с быстрыми темпами развития общества, устареванием, ломкой прежней системы ценностей и традиций. Сознание не успевает отвечать на объективные вызовы времени. Усиливаются тенденции отчуждения на всех уровнях общественного бытия и общественного сознания. В условиях радикальных преобразований, при тотальном давлении глобализационных процессов, технократизма и утилитаризма острой для человека становится проблема самосохранения и самоидентификации [3, с. 15-16]. Современному человеку недостаточно обладать высоким уровнем профессионализма и предприимчивостью. Все более очевидно проявляется необходимость (по-

требность) в гуманитарной культуре, в навыках эффективной межкультурной коммуникации, в обладании духовно-нравственными качествами, отвечающими общечеловеческим нормам [4]. Акцентуация духовного вектора развития приобретает невероятно большое значение в субъектном, личностном пространстве [5, с. 130-132]. Коммуникация индивидуального и общественного миров нарушена: декларации общества отзываются пустым звуком в жизни отдельного субъекта, а потребности, призывы личности не принимаются в расчет социумом. Как следствие, возникают дистанцирование, недоверие, отсутствие единого направления и цели в развитии отношений между ними [6]. Нравственно-мировоззренческий плюрализм, сохранение культурной самобытности на фоне глобализации определяют необходимость и задают условия для поиска путей преодоления данной ситуации, обновления бытийной стратегии российского общества [7, с. 241].

Ситуация, сложившаяся в области духовной проблематики, крайне противоречива, парадоксальна: духовность являет собой генетически обусловленную отечественной социокультурной традицией единицу социально-философского знания, однако онтологические закономерности и новационные аспекты в экспликации духовности на современном этапе до конца не выявлены. Элиминация духовности из сферы ценностно-нравственных доминант человека и общества обусловлена тотальной экспансией чуждых нам мировоззренческих и культурных установок. Целенаправленно и всесторонне навязываются ценности общества потребления в противовес смысложизненным утверждениям общества созидания, для которого духовность является наиболее действенным ресурсом развития. Отдельно-индивидуальное не находит новые возможности прямой и обратной связи с социально-общественным. Точки соприкосновения, единое направление, способы действий и взаимоотношений утрачены. Выявленные противоречия позволяют сформулировать исследовательский вопрос данного материала: каковы сущностные природные характеристики духовности? Ответ на него позволит определить (уточнить) ее потенциальный ресурс и конструктивные возможности реализации в российской социокультурной действительности.

По авторскому предварительному допущению к онтологическим характеристикам духовности относятся следующие: аксиологическая, социокультурная, гуманитарная, информационно-виртуальная. На современном этапе интенсификация духовного вектора в развитии личностного и социального начал приводит к трансформации бытийной стратегии общества: к возрастанию значимости информационно-виртуальной составляющей. Создаваемая мыслью и деятельностью людей, она в отраженных образах на новом витке истории актуализирует непреложные общечеловеческие ценности. С одной стороны - модифицирует, с другой - вновь подтверждает и закрепляет основные законы человеческого общежития.

Выстраивая свою исследовательскую траекторию, мы опираемся на следующее определение: духовность представляет собой осуществляемый посредством поиска, познания, самосовершенствования осознанный выбор направленности жизни по пути обретения высших ценностей, реализации собственных потенциальных возможностей, детерминированных возможностями социума. Оказывая влияние на все уровни жизнедеятельности человека, духовность преобразует личностные природные начала в социокультурное пространство общественного бытия. Человеку это качество присуще как носителю, а обществу - как коллективному обладателю. Рассмотрим подробнее каждую из заявленных характеристик.

Аксиологическая характеристика духовности. Исходный точкой в изучении сущности духовности является внутренний душевный мир человека [8]. Душа, как энергоинформационный носитель внутренней жизненной силы субъекта, активно продвигает интеллектуальные, эмоциональные нравственные и ценностные устремления. Выполняя роль связующего звена между человеком и другими людьми, эта жизненная энергия реализуется во внешнем бытии, проявляется в деятельностной любви к миру. Благодаря получаемой извне информации формируются внутренние потенции, установки, смыслы, мотивирующие поведение-действие субъекта к развитию и самосовершенствованию. Иными словами духовность можно определить как труд по совершенствованию и конструктивному обновлению себя. В этом процессе определяется система смысловых ценностных установок, которыми человек руководствуется в движении от «иметь» к «быть», от познания - через действие, наполненное энергией, - к духу. Проявляя себя в области мысли, знаний, чувств, творчества, духовность выступает качественным показателем ценностно-смыслового наполнения человеческой жизни [9, с. 216]. Это позволяет определить духовность сущностным системообразующим качеством человека, влияющим на все уровни жизнедеятельности.

Социокультурная характеристика духовности. Личное духовное пространство индивида создается в реальном процессе жизнедеятельности на протяжении всей жизни и актуализируется благодаря включенности в область своего «производителя» - социокультурного духовного пространства общества [10]. Через проработку субъектом отношений «Я внутренний и Я внешний», «Я - Другой», «Я - Общество» раскрывается качественное содержание общественного бытия в единстве его индивидуальных и социальных сторон. Осознание процесса творения собственного бытия, объективизация идей, стремление увидеть и поделиться чувством прекрасного, реорганизация своей жизни в соответствии с представлениями о «должном» - эти позиции устанавливают мировоззренческую систему и определяют положение человека в обществе [11, с. 15-16]. Они же отражают наличие культурных и социальных оснований духовности.

Гуманитарная характеристика духовности. Внутренний субъективный мир человека формируется при участии многих духовных интенций. Они представлены нематериальными ценностями, теми предметами поклонения, которые безмерно дороги людям - жизнь, здоровье, свобода, честь и независимость своей семьи, самого себя. Это суверенные точки опоры, от которых нельзя отступиться и которые невозможно отменить. Они даются человеку в процессе жизнеосвоения способностью к познанию и готовностью к вере, подтверждаются духовным опытом человека [3]. Жизнь человека на всем ее протяжении и во всех проявлениях является определенным универсальным творческим деянием в самом широком смысле слова. Очевидно, что положение человека в мире и обществе складывается из двух интенций. Первая из них - внутренняя активно проявленная деятельная позиция самого индивида, находящая выражение в сложившихся мировоззренческих установках, стремлении понять мир, освоить и освоиться в направлении общекультурных социальных процессов. Однако не меньшую значимость имеет и другая - внешние обстоятельства жизнедеятельности человека, те культурно-исторические условия, в которых ему приходится жить и творить, реализуя внутренние потенции. Гуманистическая направленность мировосприятия социума, окружающего человека, приобретает в данном случае определяющее значение [12, с. 343]. Поддержание в обществе принципов действия гуманитарного развития утверждает человеческую сущность, опыт человека и его творческое начало в качестве основополагающего императива, генерального источника духовного бытия, что напрямую обращено к содержательно-смысловому полю духовности, подтверждает присутствие гуманитарного в природе духовности.

Информационно-виртуальная характеристика духовности. Духовность способна проявлять себя в пространстве информационно-виртуальной реальности. В процессе жизнедеятельности человек усваивает определенную сумму социальной информации, получаемой из внешнего мира, которая, перерастая в личностные качества, выступает аксиологическим ориентиром жизнедеятельности. (Информация в этом случае предстает как несомненный атрибут общественной практики людей.) Выстраивается следующая последовательность взаимодействий: осваивая сознанием информацию, человек овладевает не ее формальной вещностью, а идеальной сущностью, при этом додумывая, выстраивая свою личную модель объекта. Данная мыслительная операция - восприятие, отражение, домысливание - приводит к появлению собственной глубинной модификации, понимаемой нами как информационно-виртуальное пространство духовности. Оно обусловлено, с одной стороны, информацией действительного мира, с другой - субъективным отражением - виртуализацией - самого индивида. В данном процессе создается информационно-виртуальная реальность, связанная и происходящая порожденной реальностью, но которая обретает свое собственное измерение. Духовность сосредоточивает внимание на качественной и динамической стороне информационного потока, воспроизводя образы, которыми человек руководствуется в поиске между действительным, идеальным - «должным», и реальной субъективной позицией человека - «сущим».

Рассмотренные сущностные характеристики духовности - аксиологическая, социокультурная, гуманитарная, информационно-виртуальная - адекватно раскрывают ее природу, отвечают времени, способны к реализации в бытийной практике людей. Отказ от их учета и введения в жизнь задает опасную ситуацию отчуждения человека не только от культуры и социальных институтов, но и от собственной сущности. Вследствие этого в работе по духовному оздоровлению необходимо учитывать единый гуманитарный контекст общественного развития, который обеспечит человеку сохранение ценностно-нравственных нормативов в огромном информационном потоке, рушащемся на него ежедневно. Это позволит социальным субъектам включаться в новые модели поведения сохраняя себя, не утрачивая собственную идентичность. Выбор духовного направления развития необходим и возможен при условии понимания сущности духовности, ее места и роли в жизнедеятельности личности и общества. Он подразумевает формирование духовного мира человека через реализацию духовных ценностных ори-

ентаций, через целенаправленное воздействие на духовный потенциал личности с безусловной поддержкой общества и государства.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Викторук Е.Н., Черняева А.С. Феномен понимания в социально-философской рефлексии: монография. - Красноярск: изд-во СГТУ, 2009. - 157 с.
2. Бармашова Т.И. Философское осмысление природы духовности // Известия Иркутского государственного университета. Сер.: Философские науки. - 2012. - № 1 (5). - С. 83-85.
3. Жуков А.В. Пространство религиозности и религиозный миф как объект современного гуманитарного познания // Система ценностей современного общества. - 2010. - № 10-1. - С. 15-24.
4. Копцева Н.П., Ма Лия, Кирко В.И. Феномен коммуникации как предмет современных научных исследований // Гуманитарные и социальные науки. - 2015. - № 4. - С. 191-204 [Электронный ресурс] - URL: http://hses-online.ru/2015/04/22.pdf (дата обращения: 15.11.15).
5. Юрьева Т.В. Методология изучения социально-культурной парадигмы личности в России XX-XXI вв. Коллективная монография. - Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2011. - С. 129-142.
6. Минеев В.В. Будущее не проходит стороной: реформа образования в контексте глобальных процессов // Вестник КГПУ им. В.П. Астафьева. - 2013. - № 2 (24). - С. 26-36.
7. Мельникова Т.В. Право в системе космической модели мира // Социальная политика и социология. - 2009. - № 3 (45). - С. 237-248.
8. Тимофеева С.В. Экология и культура внутреннего мира человека. - Красноярск: Изд-во ФГБОУ ВПО КрасГАУ, 2013. - 44 с.
9. Костылев С.В. Система культурных ценностей как аксиосфера современного социума // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. - 2016. Т. 5. - № 1.- С. 214-219.
10. Шинкевич В.Е., Маслодудова Н.В. Значимость духовной культуры для формирования антинаркотического мировоззрения личности // Наука современности. - 2015. - С. 340-349.
11. Арутюнян М.П. «Человек - мир» как исходное мировоззренческое отношение // Человек. Мировоззрение. Культура: сборник научных трудов под. ред. М.П. Арутюнян. - Хабаровск: Изд-во ДВГГУ, 2009. - С. 15-28.
12. Абрамов Ю.Ф., Штумпф С.П. Гуманистическое измерение духовности как вектор развития человека и общества // Журнал Сибирского федерального университета. Сер.: Гуманитарные науки. - 2014. - № 2. (7). - С. 341-346.

REFERENCES

1. Victoruk E. N., Chernyaeva A. S. Fenomen ponimaniya v social'no-filosofskoi refleksii: monografiya. [The phenomenon of understanding in social and philosophical reflection: monograph]. Krasnoyarsk, 2009, p. 157.
2. Barmashova T. I. Filosofskoe osmislenie prirodi duhovnosti. [Philosophical understanding of the natural of spiritual outlook]. Izvestiya Irkutskogo Gosudarstvennogo Universiteta = The Bulletin of Irkutsk State University. 2012. No. 1. Pp. 83-85.
3. Jukov A. V. Prostranstvo religioznosti b religioznii mif kak ob'ekt sovremennogo gumanitarnogo poznania. [Space of religiosity and religious myth as an object of modern human knowledge]. Sistema cennostei sovremennogo obshestva = Value system of modetn society. 2010. No. 10-1. Pp 15-24.
4. Kopceva N. P., Ma Lia, Kirko V. I. Fenomen kommunikacii kak predmet sovremennih nauchnih issledovanii. [Phenomenon of communication like subject of science investigations]. Gumanitarnie i social'nie nauki = Humanities and sociality science. Availableat: http://hses-online.ru/2015/04/22.pdf (accessed November 15, 2015).
5. Yr'eva T. V. Metodologiya izucheniya social'no-kulturnoi paradigm lichnosti v Rossii XX-XXI vv.[Methodology of studying the socio-cultural paradigm of personality in Russia age XX-XXI]. Yaroslavl'. 2011. Pp 129-142.
6. Mineev V. V. Budushee ne prohodit storonoi: reforma v kontekste global'nih processov. [The future does not pass of side: the reform of education in the context of global processes]. Vestnik KGPU im. V. P. Astaf'eva = The Bulletin of Krasnoyarsk State Pedagogical Univesity. 2013. No. 2. Pp. 26-36.
7. Melnikova T. V. Pravo v sisteme kosmicheskoi modeli mira. [Law in the system model of the world]. Social'naya politica I sociologiya = Social politic and society. 2009. No. 3. Pp. 237-248.
8. Timofeeva S. V. Ecologiya I cultura vnetrennego mira cheloveka. [Ecological and culture of the inside world of human]. Krasnoyarsk. 2013, p. 44.
9. Kostilev S. V. Sistema culturnih cennostei kak aksiosfera sovremennogo sociuma. [System of cultural values like axiosphere of modern society]. Mejdunarodnii jurnal gumanitarnih I estestvennih nauk = International journal of humanistic and natural sciences. 2016. V. 5. No. 1. Pp 214-219.
10. Shinkevich V. E., Maslodudova N. V. Znachimost' duhovnoi culturi dlya formirovaniya antinarkoticheskogo mirivozzreniya lichnocti. [Significance of spiritual culture for building of anti-drug worldview person]. Nauka sovremennosti = Science of modern. 2015. Pp. 340-349.
11. Arutunyan M. P. «Chelovek - mir» kak ishodnoe mirovozzrencheskoe otnoshenie. [«Human - world» like the original worldview relationships]. Chelovek. Mirovozzrenie. Cultura = Human. Worldview. Culture. 2009. Pp. 15-28.
12. Abramov Y. F., Shtumpf S. P. Gumanisticheskie izmereniya duhovnosti kak vector razvitiya cheloveka i obshestva. [Humanistic Content of Spiritual Outlook like vector of development human and society]. Jurnal Sibirskogo Federal'nogo Universiteta = Journal of Siberian Federal University. Humanistic Sciences. 2014. No. 2. Pp. 341-346.

Информация об авторе

Штумпф Светлана Петровна, кандидат философских наук, доцент, кафедра философии, социологии и религиоведения, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева,
г. Красноярск, Россия
stumpf@kspu.ru

Получена: 21.12.2016

Для цитирования статьи: Штумпф С.П., Природа духовности: сущностные характеристики. Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. Том. 8. № 6. Часть 2. с. 140-144.
DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-6/2-140-144.

Information about the author

Svetlana P. Shtumpf, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Department of Philosophy, Sociology and Religious Studies, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafiev,
Krasnoyarsk, Russia
stumpf@kspu.ru

Received: 21.12.2016

For article citation: Shtumpf S. P., Nature of spiritual outlook: essential characteristics. Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatelnaya mys'l = Historical and Social Educational Ideas. 2016. Vol . 8. no. 6. Part. 2. Pp. 140-144.
DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-6/2-140-144. (in Russian)

Образование и педагогические науки

Education and Pedagogical Sciences

УДК 81

DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-6/2-147-154

АЛИМУРАДОВ Олег Алимурадович
Пятигорский государственный университет
г. Пятигорск, Россия
alimuole@mail.ru

ФАКТОРОВИЧ Александр Львович
Кубанский государственный университет
г. Краснодар, Россия
af03@mail.ru

СВОЕОБРАЗИЕ ДИСКУРСА «ГОТИКИ»: ВЗАИМОСВЯЗЬ ЛИТЕРАТУРНОЙ ТРАДИЦИИ И АМБИВАЛЕНТНОСТИ ПЕРСОНАЖА

В статье рассматривается связь между дискурсивно явленной амбивалентностью персонажа и «готической» литературной традицией. Показано, что для современной дискурсологии характерно взаимодействие общефилологических тенденций с определенными традиционными языковедческими подходами в осмыслении объектов. Данная объяснительная интеракция усиливается по системе причин. Среди них особо значимы две. Это верификация дискурса как особого феномена и рассмотрение якобы отжившей эстетической традиции в ее динамике, включающей современную рефлексию с элементами возрождения, - на примере «готики». В данной познавательной ситуации правомерна характеристика дискурсивного проявления важного признака эстетической традиции, а именно амбивалентности литературного персонажа. Амбивалентная языковая личность (АЯЛ) определяется как такой лип языковой личности (человека, существующего в языковом пространстве), для которого принципиально совмещение взаимоисключающих характеристик, феномен «единства полюсов». Закономерно внимание к всеобщности как черте АЯЛ. Отмечаются категориальные предпосылки указанной взаимосвязи и характеризуются те свойства «готического» дискурса, которые сопряжены с анализируемыми проявлениями амбивалентности. При этом учитываются такие показатели, как маркер амбивалентности; смена стилистических, оценочных регистров; амбисемия.

Категориальные предпосылки анализа взаимосвязи между литературной традицией и амбивалентностью персонажа раскрываются на примерах исследовательской практики и системных корреляций. Так, в литературной «готике» представлен «амбивалентный злодей со смешанным противоречивым характером, стоящий перед выбором между Добром и Злом». Амбивалентность в общем виде постулируется в качестве значимой черты литературной традиции. Конкретизация подтверждает объяснительную силу выявленной взаимосвязи. С указанной «категориальной перекличкой» естественно сопрягается и категоризация на основе взаимосвязи «позитивное-негативное лицо». На избранный материал распространимо положение о том, что в коммуникации собеседники могут быть заинтересованы в единовременном представлении обеих ролей, в том, чтобы поддерживать и сохранять лицо друг друга. Для «готического» дискурса такое единство показательно. Данное проявление негопозитивности отмечается в определенных речевых актах - например, в акте извинения человек играет две полярных роли: виноватого и осуждающего самого себя. При этом соотносятся различные ракурсы характеристики объекта: системно-речевой, дискурсологический, обобщенный интердисциплинарный, причем с эпистемическим прогнозом. Соответственно появляются предпосылки для понятийного комплекса, представляющего особую суть материала. Отмеченная категориальная связь дает основания полагать, что дискурсивно явленная амбивалентность сложно, специфично и ясно взаимодействует с «готическими» образами и с сутью «готики» как традиции.

Ключевые слова: амбивалентность, амбивалентная языковая личность, «амбивалентный злодей», амбисемия, «готика», готический дискурс, категоризация, литературная традиция, маркер, негативное лицо, позитивное лицо, негопозитивность, образ, понятийный комплекс, смена

ALIMURADOV Oleg A
Pyatygorsk State University
Pyatygorsk, Russia
alimuole@mail.ru

FAKTOROVICH Alexander L
Kuban State University
Krasnodar, Russia
af03@mail.ru

THE PECULIARITY OF “GOTHIC” DISCOURSE: CORRELATION BETWEEN THE LITERATURE TRADITION AND AMBIVALENT IMAGE

The paper describes the connection between the discourse ambivalence of image and “gothic” literature tradition. It is showed, that interrelation of philological tendencies and linguistic approaches is typical for the modern discoursology. This interaction becomes intensive by the complex of causes. Two causes are peculiar relevant: the verification of discourse as specific phenomenon and dynamic systematic of old tradition including the modern reflections. The characteristics of discursive manifestation of the main sign of aesthetic tradition, of ambivalence of literature image, is adequate in this cognitive situation. The ambivalent language person (ALP) is defined as person (man in language sphere) combining two polar qualities. The attention to universe status of ALP is natural. The category presuppositions of this connection are marked, and corresponding qualities of “gothic” discourse are characterized. Such signs as marker of ambivalence, change of stylistic, value registers, ambisemy, are systematized.

The categorical presuppositions of connection between literature tradition and ambivalence of image discover on examples of science practice and system correlations. Thus, “ambivalent villain” with contradictory character and choice kindness and evil is represented in literature gothic. General ambivalence is postulated as sign of tradition. The concretization verifies the explanatory force of this connection. It coordinates with category pair “positive-negative person”. The thesis about adequate representation of two roles for complicated communicative symmetry is correct for material. Such unit is characteristic for “gothic” discourse. This manifestation of negopositivity is marked in concrete speech acts- for example person in excusive acts has two polar roles: guilty and convictor. Different aspects of characteristic in this situation correspond with epistemic prognosis. Such categorical connection founds to opinion that discourse ambivalence interrelates with “gothic” images and with the essence of “gothic” as tradition completely, peculiar and clearly.

Keywords: ambivalence, ambivalent language person, “ambivalent villain”, ambisemy. “gothic”, gothic discourse, categorization, literature tradition, marker, negative person, positive person, negopositivity, image,

стилистических регистров, стилистический регистр, целостность, эпистемический прогноз.

concept complex, change of stylistic registers, stylistic register, whole, epistemic prognosis.

1. Для современной дискурсологии характерно взаимодействие общефилологических тенденций с определенными традиционными языковедческими подходами в осмыслении объектов. Данная объяснительная интеракция усиливается по системе причин. Среди них особо значимы две. Это верификация дискурса как особого феномена, а не фикции, не мифа [8, с. 52]; и рассмотрение якобы отжившей эстетической традиции в ее динамике, включающей современную рефлексию с элементами возрождения, - в частности, на примере «готики» [4; 12].

В данной познавательной ситуации правомерна задача, решаемая в предлагаемой статье, - характеристика дискурсивного проявления важного признака эстетической традиции, а именно амбивалентности литературного персонажа. «Амбивалентное очарование», реализация амбивалентной языковой личности (АЯЛ) все чаще становятся критериями идентификации разнообразных духовных феноменов, о чем свидетельствуют и филологические публикации 2016 г. [1; 7. См. также основополагающие филологические исследования амбивалентности, выполненные Н.С. Котовой и Ю.М. Павловым]. Последняя характеризуется как такой лип языковой личности (человека, существующего в языковом пространстве), для которого принципиально совмещение взаимоисключающих характеристик, феномен «единства полюсов». Закономерный характер избираемого подхода коррелирует с растущим вниманием к всеобщности как черте АЯЛ и, соответственно, двух контрастных граней, по традиции условно обозначаемых ЯЛ1 и ЯЛ2.

Поставленная задача предполагает два основных аспекта, выделяемых отчасти условно, причем тесно связанных между собой. Во-первых, отмечаются категориальные предпосылки указанной взаимосвязи. Во-вторых, характеризуются те свойства «готического» дискурса, которые сопряжены с анализируемыми проявлениями амбивалентности. При этом учитываются такие показатели, как маркер амбивалентности; смена стилистических, оценочных регистров; амбисемия.

2. Обратимся к первому отмеченному аспекту, к первой грани указанного двуединства. Категориальные предпосылки анализа взаимосвязи между литературной традицией и амбивалентностью персонажа представим на примерах исследовательской практики и системных корреляций. Показательно следующее обобщение: «…на наш взгляд, в литературной "готике" представлены следующие типы "готических" злодеев: амбивалентный злодей со смешанным противоречивым характером, стоящий перед выбором между Добром и Злом» [4, с. 273]. У цитируемого исследователя Б.Р. Напцок, как и у иных готиеведов, амбивалентность в общем виде справедливо постулируется в качестве значимой черты литературной традиции. Конкретизация подтверждает объяснительную силу выявленной взаимосвязи, но уточнение ведется в этико-литературоведческих рамках, с обращением «к душевному конфликту и нравственным метаморфозам, а затем и к преступлению. Позже наступает раскаяние и расплата за совершенные злодеяния» [4, с. 273-274]. Эту объяснительную силу верифицирует и совершенно другой эмпирический материал, который принадлежит иной традиции, но оказывается проявлением сходных связей, опирающихся на двойственность, на единство полюсов: «…у автора формируется амбивалентное отношение к аксиологическому верху, ценностные приоритеты, спродуцированные в земной мир, утрачивают свой изначальный смысл» [3, с. 160].

Можно полагать, что подтверждением соотнесенности традиции и амбивалентности образа служит и особый вектор осмысления - категоризация языковой личности персонажа. Примечателен ряд образов, предложенный в цитированной работе Б.Р. Напцок: «К таким героям относятся Манфред из романа "Замок Отранто", королева Елизавета I из романа "Убежище, или Повесть иных времен"…». Этот ряд, включающий культовых героев с прототипами из "первой реальности", открывается образом из "готического эталона". А именно - из романа Харолда Уолпола "Замок Отранто" /середина XVIII в./. Причем - образом сугубо литературным (хотя также имеющим прототипы); «*Амбивалентный злодей»*

Манфред - владелец княжества Отранто, внук узурпатора Рикардо - представляет в одном лице князя, правительственную власть и суд. В Манфреде, как и в героях последующих "готических" романов, сочетаются высокое социальное положение и антисоциальное поведение» [4, с. 273-274. *Выделено цитируемым автором Б.Р. Напцок. - О.А., А.Ф.].*

Вполне очевидна категориальная перекличка приведенного литературоведческого положения и следующего суждения, показательного для лингвистики: *«Нет необходимости в том, чтобы читатель понимал точное значение каждого слова или фразы: сила текста состоит в его перманентной двусмысленности и полисемичности. Текст - это модель борхе-*

совского Алефа, волшебного зеркала, концентрирующего в себе множество точек пространства и отражающего все во Вселенной…

Действительно, необходимым условием успешной интерпретации текста выступает изотопия…» [2, с. 21].

Эта категориальная связь естественно нацеливает и на специфику дискурса определенной традиции, и на амбивалентность, которая может являть изотопию крайне оригинально, не отменяя ее изначальной природы.

На наш взгляд, с указанной «категориальной перекличкой» естественно сопрягается и та категоризация на основе взаимосвязи «позитивное-негативное лицо», которую развивают П. Браун и С. Левинсон [9, с. 118], а также их последователи, единомышленники. Они предлагают различать «негативное лицо» (Negative Face) и «позитивное лицо» (Positive Face) [10, с. 128]. На избранный материал распространимо положение о том, что в коммуникации собеседники могут быть заинтересованы в единовременном представлении обеих ролей, в том, чтобы поддерживать и сохранять лицо друг друга. Для «готического» дискурса, включая исследуемое произведение Х. Уолпола, такое единство показательно. Как полагает Э. Гоффман, это проявление негопозитивности отмечается в определенных речевых актах - например, в акте извинения человек играет две полярных роли: виноватого и осуждающего самого себя [11, с. 69. В дальнейшем, раскрывая роль категориальной пары «позитивное-негативное лицо» в представлении АЯЛ, приводим компоненты, характерные для каждого члена пары]. При этом соотносятся различные ракурсы характеристики объекта: системно-речевой, дискурсологический, обобщенный интердисциплинарный, причем с эпистемическим прогнозом. Соответственно появляются предпосылки для понятийного комплекса, представляющего особую суть материала.

Таким образом, отмеченная категориальная связь дает основания полагать, что дискурсивно явленная амбивалентность сложно, специфично и ясно взаимодействует с «готическими» образами и с сутью «готики» как традиции.

3. Данный промежуточный итог, обобщающий первый аспект двуединой проблематики, позволяет остановиться на следующем, втором - то есть конкретизировать те свойства «готического» дискурса, которые сопряжены с анализируемыми проявлениями амбивалентности. При этом учитываем характерную черту «готического» дискурса - сложное единство двух граней, а именно: эмоциональные доминанты; и их четкое «дискурсивное артикулирование». (Первую грань определяют как вызов классицизму, вторая отграничивает типовые традиции готики от сентиментализма. Причем готический, романтический, сентименталистский и иной вызов классицистическим канонам сам по себе тоже может оказаться особым клише, но обновленным, согласным с эстетической, социокультурной, дискурсивной динамикой).

Представим лингвоперсонологическую характеристику отмеченного выше персонажа Х. Уолпола - богатого, независимого князя Манфреда. Она раскрывает его амбивалентность, взаимодействие ЯЛ1 и ЯЛ2, двух его «лиц»: негативного и позитивного. Наиболее концентрированно линии представления АЯЛ отражены в емком «ядерном» контексте.

Манфреду в нижеследующем сжатом лингвоментально-эмоциональном пространстве стыдно за бесчеловечное обращение с женой Ипполитой - и за этот свой стыд, «за угрызения совести»; в нем жива любовь к ней - и он собирается обойтись с Ипполитой еще более жестоко (сменив ее на другую, Изабеллу, недавнюю невесту их сына); добрый порыв Манфред подавляет, не позволяет себе проявлять такое желание; и переживает новый поворот - а именно поворот к изощренной низости: рассчитывая на покорность жены до беспредельной меры, «льстил себя надеждой, что Ипполита примет развод и постарается уговорить Изабеллу принять его руку»; предается этой почти беспочвенной мечте - и сразу же, «придя в себя», отшатывается от мечтаний в куда более суровую явь.

Соответственно, взаимодействие ЯЛ1 и ЯЛ2 Манфреда можно систематизировать девятью основными отмеченными выше линиями. См. контекст, послуживший основой систематики, как целое:

«Кроме того, ему стыдно было за свое бесчеловечное обращение с княгиней, которая на каждое оскорбление отвечала новыми изъявлениями любви и преданности; он почувствовал, что в сердце его жива любовь к ней, но в не меньшей степени стыдясь и того, что ощущает угрызения совести за свое поведение по отношению к женщине, с которой он собирался обойтись еще более жестоко, он подавил порыв своего сердца и даже не позволил себе проявить жалость. И сразу же вслед за тем в его душе совершился новый поворот, на этот раз - к изощреннейшей низости. Рассчитывая на неизменную покорность Ипполиты, он

стал льстить себя надеждой, что она не только смиренно примет развод, но даже постарается, если он ей прикажет, уговорить Изабеллу отдать ему свою руку. Однако едва предался он этой ужасной мечте, как тотчас вспомнил, что Изабеллу пока еще никак не удается найти. Придя в себя, он отдал приказ тщательно охранять все подходы к замку…».

4. Обороты амбивалентного маятника мгновенны, лингвоментально-эмоциональная дуэль с самим собой явлена почти одномоментно, что отвечает сути литературного образа вообще, данной традиции в частности, а также личностям определенного склада в «первой реальности». (Тем более что они соответствуют определенным жизненным эпизодам в биографии таких владетельных особ, как французские короли Филипп II Август, Филипп VI, а также ряда других). Вышеприведенное ядро, «узел» амбивалентности получает в дискурсе развертывание, причем не только проспективное, но и ретроспективное.

Как вытекает из приведенных выше характеристик, репрезентации АЯЛ присуща опора на единство системных отношений: антонимических, гипо-гиперонимических, ассоциативных (среди них значима обусловленность, детерминация), на семантическую конверсию и т.п. Соответственно определяется поле персонологической амбивалентности, в атрибуции которого соединяется семасиологическая, ономасиологическая, концептуальная, текстовая грани.

Именно полевая организация интегрирует указанные линии персонологического представления. Каждая из них самодостаточна, в целом они весьма различны и многомерны. Это могло бы априорно разрушить цельность дискурса. (Ср. потенциально возможное соседство: * в сердце его жива любовь к ней… И сразу же вслед за тем в его душе совершился новый поворот - к изощреннейшей низости.). Но именно упорядоченная предельная многомерность оберегает от дискурсивного распада, наоборот - парадоксально становится, благодаря полевой организации, предпосылкой особой бесспорной цельности, которая взаимообусловлена с готической эстетикой.

Подчеркнем общесистемную черту, принципиальную для исследуемой традиции: как АЯЛ представлены и некоторые другие персонажи, нередко гораздо проще. Таковы, например, три таких репрезентации персонажей, которые условно именуем сопутствующими.

4.1. Первое представление - ложь во спасение, к которой прибегает сюжетно центральный положительный персонаж, отец Джером (монах, он же потаенный законный наследник высокого титула и майората) и в которой он почти сразу признается, раскаивается, постоянно отрицая себя прежнего.

4.2. Второй сопутствующий момент амбивалентности - «самопрезентация» также сугубо позитивной Матильды, дочери Ипполиты и Манфреда: она влюбилась в «простолюдина»!.. И самооценкой (естественной для героини, для традиции - и для «первой, долитературной реальности»?) становится стык полюсов: « - Ты, ты... влюблена? В это грозное для всех нас время... - О, я сознаю свою вину, - промолвила Матильда, - я отвратительна самой себе, ибо причиняю боль родной матери. Она для меня дороже всего на свете».

4.3. Третье проявление амбивалентности еще разительнее - это простой стык отрицания и утверждения, мгновенный переход от одного полюса к иному, единство «нет-да», - оно принципиально для «готики» и явлено во внешне простых репликах простейшей служанки Бьянки. При этом она отрицает и тут же утверждает не что иное, как свою осведомленность:

«Отозвав Бьянку в оконную нишу и улещивая ее многими сладкими словами и обещаниями, Манфред спросил, что ей известно о чувствах Изабеллы. - Мне, ваша светлость? Нет, ваша светлость... То есть да, ваша светлость... Бедняжка! Она так ужасно встревожена ранами своего батюшки; но я уверяю ее, что все пойдет на лад, а вы как думаете, ваша светлость? - Я спрашиваю тебя не о том, что думает она о своем отце, - ответил Манфред».

В английском оригинальном тексте две выделенные реплики соединены бессоюзно (ср. союз «то есть» в русском переводе), от чего столкновение полюсов предстает еще системнее:

«I! my Lord! no my Lord—yes my Lord—poor Lady! she is wonderfully alarmed about her father's wounds; but I tell her he will do well; don't your Highness think so?"

"I do not ask you," replied Manfred, "what she thinks about her father; but you are in her secrets. Come, be a good girl and tell me; is there any young man—ha!—you understand me"».

Такие давние, простые иллюстрации сложности человеческой натуры ассоциируются с констатацией позднейших состояний, при которых, например, «…современный человек утрачивает возможность обрести целостность своего Я...» [5, с. 331] - и, установив истоки, позволяют избежать излишней драматизации при оценке амбивалентности.

5. Естественное нагнетание амбивалентности различных персонажей, мотивированное сюжетно, эстетически, психологически, создает органическое дискурсивное пространство для реализации принципов литературной традиции. В нем также проявляются признаки интегративного поля; причем эта макрополевая, макросистемная организация представляется закономерной ввиду комплекса причин, среди которых важно взаимодействие подсистем, построенных как комплексные поля. В силу этого весь дискурс «Замка в Отранто» оказывается своеобразной поддержкой амбивалентной доминанты в системе образов. Есть основания предполагать и еще более сложное единство, обобщающее поле амбивалентности в различных произведениях данной традиции, включая, например, «Старый английский барон» /1780 г./ Клары Рив, который автор определяла как «литературный отпрыск "Замка Отранто"».

5.1. Отметим три наиболее явных взаимодействия между представленным ядерным «узлом» амбивалентности и дискурсивным развертыванием.

Первая интеракция относительно элементарна. В дискурсивном окружении конкретизируется поворот князя Манфреда к низости, намеченный в ядре, см.:

«И сразу же вслед за тем в его душе совершился новый поворот, на этот раз - к изощреннейшей низости…

- Отец мой, - сказал князь, - вы неверно толкуете мое раскаяние. Я искренне чту добродетели Ипполиты; я считаю ее святой. .. Знайте же, что душа моя давно неспокойна из-за моего союза с княгиней Ипполитой. О, господа, если бы вы только были знакомы с этой превосходной женщиной! Если бы вы знали мои чувства к ней! Ведь я обожаю ее как возлюбленную и высоко ценю, как лучшего своего друга, - но, увы, человек не рождается на свет для, полного счастья! Княгиня разделяет мое беспокойство, и с ее согласия; я представил это дело на рассмотрение церкви, поскольку мы с ней состоим в таком родстве, при котором брак недопустим».

Попытка Манфреда «этически оправдать амбивалентность» оказывается коммуникативно безуспешной. Собеседник, священнослужитель, последовательно отвергает уговоры и клеймит похвалы Манфреда жене как позорное лукавство.

5.2. Но в том-то и значимость рассматриваемой репрезентации, единства полюсов, что негатив не глобально отвергается, а находит специфическую мотивацию… Такова вторая интеракция, выявленная между ЯЛ1 и ЯЛ2; она подкрепляет «неэтичные и нелогичные» намерения Манфреда той логикой характера его жены Ипполиты, которая явлена в предельно естественных ситуациях и вполне определенно представляет именно АЯЛ. Именно так связаны узловой фрагмент и его дискурсивное окружение:

«Он /Манфред/ стал льстить себя надеждой, что она /его жена Ипполита/ не только смиренно примет развод, но даже постарается, если он ей прикажет, уговорить Изабеллу отдать ему свою руку.

…Манфред, чье самолюбие было уязвлено, задрожал от ярости. На лице Ипполиты было написано изумление и нетерпеливое желание узнать, чем все это кончится, однако почтение к Манфреду было в ней сильнее всех прочих чувств и положению, …должны говорить, не взирая на лица, так, как вам велит ваш долг, но мой долг - не слушать ничего такого, что, по усмотрению моего повелителя, не должно достигать моих ушей. Следуйте за князем в его покои, я же удалюсь в мою молельню, где буду молить пресвятую деву наставить вас своими благими советами и вернуть моему супругу его обычное спокойствие и мягкосердечие».

Изобретательная покорность жены, доходящая до самоуничижения, особо органична потому, что сопряжена с «изумлением».

Кстати, именно состояние изумления объединяет лингвоментально-эмоциональную репрезентацию обоих супругов, злодея Манфреда и добродетельной Ипполиты, подтверждая естественность системы образов. Это единство обнаруживается в третьей рассматриваемой интеракции, которая обобщает достаточно разнообразные проявления.

5.3. Третья интеракция ЯЛ1 и ЯЛ2 - подтверждение добрых порывов Манфреда. Это именно добрые порывы злодея. Они явлены в сложных и вполне правдоподобных связях со своими противоположностями.

5.3.1.Так узловой фрагмент о «живой любви» сопряжен с изумлением Манфреда, которое гасит гнев:

«…ему стыдно было за свое бесчеловечное обращение с княгиней, которая на каждое оскорбление отвечала новыми изъявлениями любви и преданности; он почувствовал, что в сердце его жива любовь к ней».

Однако сердце Манфреда не было все же каменным. Изумление погасило в князе гнев, но гордость не позволяла еще ему признаться, что и он тронут происшедшим. Он даже сомневался, не было ли совершившееся открытие выдумкой монаха ради спасения юноши.

« - Что все это значит? - спросил он. - Как может он быть твоим сыном? Согласуется ли с твоим саном и со святостью твоего поведения признание, что этот крестьянский прыск - плод твоей незаконной любовной связи с какой-то женщиной?

- О, господи! - вздохнул старик. - Ужели ты сомневаешься в том, что он мое порождение? Разве мог бы я так горевать из-за него, не будь он моим родным сыном?».

5.3.2.Системно связан с вышеуказанными фрагментами следующий, кульминационный в данном звене сюжета (раскрытие загадки побега пленников в замке). Эта системная связь между различными условиями позитивных порывов «злодея» имплицитна и оттого особенно значима:

« - Правда для меня дороже жизни, - отвечал крестьянин, - и я не стану отвращать от себя смерть ценою лжи. - В самом деле, молодой философ! - презрительно сказал Манфред. - Так вот скажи мне, что за шум я слышал. - Задавайте мне вопросы, на которые я могу ответить, и, если я солгу, можете казнить меня. Манфред, которого начали уже злить невозмутимость и бесстрашие юноши, вскричал: - Хорошо же, отвечай, правдолюбец; этот шум, услышанный мною, был вызван падением подъемной двери? - Да, - ответил юноша. - Я так и знал, - произнес князь. - Но как же ты дознался, что здесь есть подъемная дверь?

Проявленное юношей присутствие духа, а также его прямота и искренность произвели большое впечатление на Манфреда. Он даже ощутил склонность великодушно простить юношу, не повинного ни в каком преступлении. Манфред не был одним из тех свирепых тиранов, которые черпают наслаждение в жестокости, предаваясь ей просто так, безо всякого повода. Обстоятельства его жизни привели к тому, что он очерствел, но от природы он был человечен; и добрые начала в его душе тотчас давали себя знать, когда страсти не затмевали его ум».

Сложное единство концептов ДУША - СТРАСТИ - УМ представлено определенно даже в лексическом плане.

5.3.3. И это только способствует более многомерным глубинным лингвоперсонологическим характеристикам амбивалентности. Среди последних примечательна указанная выше мотивация позитива. Такая многогранная, обратимая связь готовит и к наиболее горестным финальным эпизодам - к убийству Манфредом дочери, сюжетно явленному как трагическая случайность, чему сопутствует мотив искреннего, окончательного раскаяния злодея:

« - Безвинная страдалица! Несчастная жертва моих преступлений! - воскликнул Манфред. - Наконец сердце мое открыто для твоих благочестивых увещаний... О, если бы я мог... Но это невозможно... Вы недоумеваете... Так пусть же я сам наконец свершу над собою суд. Я сам должен выставить на позор свою голову - это единственное удовлетворение, которое я могу дать оскорбленным небесам. Мои деяния навлекли на меня эти кары; пусть хоть исповедь моя искупит... Но чем можно искупить вину узурпатора и убийцы собственной дочери, загубленной им в священном месте! Внимайте же все, и да послужит эта кровавая история предостережением будущим тиранам!».

Финальные восклицания, которые могли показаться ходульными, фальшивыми, образно закономерны: они - часть лингвоментально-эмоциональной сути амбивалентной личности.

6. Выполненная характеристика материала - основание наметить систему обобщений.

6.1. АЯЛ становится феноменом, служащим точкой отсчета при лингвистическом исследовании дискурсивной системности, в том числе дискурса литературной традиции. Обобщающая сила такой категоризации подтверждается системностью представления АЯЛ в достаточно разных ситуациях. Этому служат полевая организация материала, своеобразные, соотнесенные с «готическим» дискурсом каскады ракурсов, особые «петли» проспективных и ретроспективных связей. Каждый элемент, участвующий в значимой интеракции, ценен вдвойне: сам по себе и в составе сложных дискурсивных систем.

6.2. Рассмотренный феноменологический потенциал вступает в отношения взаиморазвития с категориальной парой «позитивное-негативное лицо». Линии такого взаимодействия оберегают дискурс как от излишних общих мест, так и от тотального речевого хаоса. Отмеченная связь проявляется в выдвижении доминант амбивалентности, чем подтверждается речевая системность в рамках семантического поля. И прежде всего - в специфических ассоциативных отношениях, которые могу стать предметом дальнейшего рассмотрения. Приведенный ракурс

категоризации являет «трудное, позднее возрождение» персонажа; негопозитивность в реализации АЯЛ раскрывает, как предотвращается полный распад личности, ее окончательная гибель.

6.3. Разные грани языковой личности интегрируются на основе маркеров амбивалентности, в том числе с участием амбисемии, смены стилистических регистров. Показательно, что на основе речевой реализации полевых отношений различные персонажи данного дискурса могут быть явлены в амбивалентности. Движение сюжета и развитие репрезентации АЯЛ оказываются соположены, служат друг другу; с оговоркой допустимо полагать: сюжет в «готике» строится так, чтобы развернуть амбивалентность персонажа. Возможно, данный давний эстетико-психологический ресурс - причина возрождения «готики» в разных ее гранях сегодня, в век амбивалентности. Причем развивается такая амбивалентность, которая сознает свою ограниченность - и этим только укрепляется.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Голубкова А.А. *Амбивалентное очарование модерна // Новый мир. - 2016. - № 11. - С. 170-181.*
2. Григоренко И.Н. *Текст как пространство реализации смысла и когниции. - Краснодар: КСЭИ, 2016. - 130 с.*
3. Левицкая Н.Е. Пространственная парадигма картины мира автора в пейзажном дискурсе лирики Бориса Рыжего // Вестник Пятигорского государственного университета. - 2016. - № 4.
4. Напцок Б.Р. Традиция литературной «готики»: генезис, эстетика, жанровая типология и поэтика (на материале английской литературы): Дис. … д-ра филол. наук. - Краснодар, 2016. - 477 с.
5. *Семенова А.В. Кризис идентичности в современной социальной реальности // Донецкие чтения-2016. Т.5. - Донецк; Ростов н/Д: ДНУ; ЮФУ, 2016. - С. 330-331.*
6. *Факторович А.Л. Соотношение «голосов» при полифонии в немедийной политической коммуникации // Вестник Вологодского государственного университета. - 2016. - № 1. - С. 82-87.*
7. Харджиева Е.С. Персуазивность в детективно-следственном дискурсе: Дис. …канд. филол. наук. - Ростов н/Д, 2016. - 180 с.
8. *Чернейко Л.О. Дискурс: языковая реальность или лингвистическая мифология? // Дискурс и стиль /Под ред. Г.Я. Солганика. - М.: Наука; Флинта, 2016. - С. 52-71.*
9. Brown P., Levinson S.C. Politeness: Some Universals in Language Usage. - Cambridge, 2 verb. Auflage. 1987. - 345 p.
10. Clery E.J. The Genesis of Gothic Fiction // Cambridge Companion to Gothic Fiction. - Cambridge; Melbourne, 2002. - Pp. 21-40.
11. Goffman E. Interaktionsrituale. Über Verhalten in direkter Kommunikation, Frankfurt a. M., 1971. - 323 s.
12. The Cambridge History of the English Novel / Ed. By Robert L. Caserio and Clement Hawes. - Cambridge, 2012. - 994 p.

REFERENCES

1. Golubkova A.A. Ambivalentnoe ocharovanie moderna. [Ambivalent charm of Modern]. Novyi mir=New World. *2016. No 11. Pp.170-181.* (in Russ.)
2. Grigorenko I.N. Tekst kak prostranstvo realizacii smysla i kognicii. [Text as a sphere of realization of sense and cognition]. Krasnodar: KSEI, *2016. 130 p.* (in Russ.)
3. Levitskaya N.E. Prostranstnennaya paradigm kartiny mira avtora v peizazhnom diskurse liriki Borisa Ryzhego. [Space paradigm of world picture of author in view discourse of lyrics of Boris Ryzhiy]. Vestnik Pyatigorskogo gosudarstvennogo universiteta=Herald of Pyatygorsk State University. 2016. No 4. (in Russ.)
4. Naptsok B.R. Tradicia literaturnoi “goiki”: genesis, estetika, zhanrovaya tipologiya i poetika (na materiale angliyskoi literatury). [The tradition of literature “gothic” : genesis, aesthetics, genre typology and poetics (in English literature material)]: Dis. … doctor philol. sciences. Krasnodar, 2016. 477 p. (in Russ.)
5. *Semyonova A.V. Krizis identichnosti v sovremennoi sotsia*l’*noi rea* l’*nosti.* [The crisis of identity in modern social reality]. Donetskyi Chteniya 2016=Donetsk Readings 2016. V.5. Donetsk; Rostov a/D: DNU; YUFU, 2016. Pp.330-331. (in Russ.)
6. *Faktorovich A.L. Sootnoshenie “golosov” pri polifonii v nemediynoi politicheskoi kommunikacii.* [Correlation of “voices” at polyphonic non-medial politic communication]. Vestnik Vologodskogo universiteta= Herald of Vologda University. *2016 No 1. Pp.82-87.* (in Russ.)
7. Harjieva E.S. Persuazivnost’ v detektivno-sledstvennom diskurse. [Persuasion in detective-inquest discourse]: Dis. … cand. philol. sciences. Rostov a/D, 2016. 180 p. (in Russ.)
8. *Cherneiko L.O. Diskurs: yazykovaya rea*l’*nost*’ *ili lingvisticheskaya mifologiya?* [Discourse: language reality or linguistic mythology?]. Diskurs i stil’=Discourse and style. M.: Science; Flinta, *2016.Pp.52-71.* (in Russ.)
9. Brown P., Levinson S. C. Politeness: Some Universals in Language Usage. Cambridge, 2 verb. Auflage. 1987. 345 p.
10. Clery E.J. The Genesis of Gothic Fiction. Cambridge Companion to Gothic Fiction. Cambridge; Melbourne, 2002. Pp. 21 - 40.
11. Goffman E. Interaktionsrituale. Über Verhalten in direkter Kommunikation, Frankfurt a. M. 1971. 323 s.
12. The Cambridge History of the English Novel. Ed. By Robert L. Caserio and Clement Hawes. Cambridge, 2012. 994 p.

Информация об авторе

Алимурадов Олег Алимурадович, доктор филологических наук, доцент кафедры западноевропейских языков и культуры Пятигорского государственного университета.
Пятигорск, Россия
alimuole@mail.ru

Факторович Александр Львович, доктор филологических наук, профессор кафедры истории и правового регулирования массовых коммуникаций Кубанского государственного университета.
Краснодар, Россия
af03@mail.ru

Получена 20.12.2016.

Для цитирования статьи: Алимурадов О.А., Факторович А.Л. Своеобразие дискурса «готики»: взаимосвязь литературной традиции и амбивалентности персонажа. Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. . Том. 8. № 6. Часть 2. с. 147-154.
DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-6/2-147-154.

Information about the author

Alimuradov Oleg A., Doctor of Philological Sciences, associate professor of West-Europe Languages and Cultures Chair of Pyatygorsk State University.
Pyatygorsk, Russia,
alimuole@mail.ru

Faktorovich Alexander L. Doctor of Philological Sciences, professor of Media History and Law Regulation Chair of Kuban State University.

Krasnodar, Russia,
af03@mail.ru

Received 20.12.2016.

For article citation: Alimuradov O.A, Faktorovich A.L. Svoeobrazie diskursa “gotiki”: vzaimosvyaz’ literaturnoy traducii I ambivalentnostu personaja. [The peculiarity of “gothic” discourse: correlation between the literature tradition and ambivalent image]. Istoricheskaya i sotsial’no-obrazovate l’naya mysl’ = Historical and Social Educational Ideas. 2016. Том. 8. № 6. Часть 2. с. 147-154.
DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-6/2-147-154. (in Russian)

УДК 81'367

DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-6/2-155-160

ВИНОГРАДОВА Светлана Григорьевна
Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина
vinogradova.sg@yandex.ru

Svetlana G. VINOGRADOVA
Tambov State University named after G.R. Derzhavin
Tambov, Russia
vinogradova.sg@yandex.ru

КОММУНИКАТИВНОЕ ЧЛЕНЕНИЕ СЛОЖНОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ МЕТАКОГНИЦИИ

COMMUNICATIVE PERSPECTIVE OF COMPOSITE SENTENCES IN THE CONTEXT OF METACOGNITION

Данная статья посвящена изучению коммуникативного членения сложного предложения в русле когнитивно-дискурсивной парадигмы.
Автор статьи исходит из того, что коммуникативное членение предложения в концептуальном плане регулируется функцией определения статуса знания, частным проявлением интерпретирующей, одной из главных, функций языка. Определение статуса знания как данного или нового является обязательным для продвижения коммуникации и опирается на способность человека на более высоком уровне познания делать предметом анализа ранее сконструированные репрезентации. В этой связи конструирование того или иного предложения с учетом статуса знания носит метакогнитивный характер.
Сложное предложение представляет собой не только языковое выражение, но и формат языкового знания, часть которого составляют сведения о коммуникативном членении этой семантико-синтаксической единицы. В целях изучения коммуникативного членения сложного предложения как метакогнитивного процесса автор разрабатывает метод метакогнитивного моделирования. Данный метод предполагает выделение и описание наиболее общих концептуальных структур, на базе которых говорящий конструирует сложное предложение с учетом статуса знаний в конкретных условиях вербального общения. Эти структуры можно назвать когнитивными моделями коммуникативного членения сложного предложения или метакогнитивными моделями рассматриваемой единицы. Моделирование сложного предложения в контексте метакогниции осуществляется на материале современного английского языка. Автор подробно описывает одну из метакогнитивных моделей, модель подавления данного, которая отражает динамический аспект интерпретации как познавательной активности человека. Основным когнитивным механизмом реализации подобной модели выступает дефокусирование. Языковые механизмы описаны с учетом категориального и субкатегориального уровней репрезентации подавления данного.

Ключевые слова: коммуникативное членение предложения, сложное предложение, интерпретация, интерпретирующая функция языка, формат знания, функция определения статуса знания, метакогниция, метакогнитивное моделирование, концепт, категория.

This article is devoted to the study of communicative perspective in composite sentences in line with the cognitive-discursive paradigm. The author proceeds from the fact that communicative sentence perspective is conceptually regulated by the status-of-knowledge-determining function, a particular manifestation of the interpretive function of language. The status of knowledge determination as given or new regulates communication promotion and is based on the ability of an individual to make previously constructed representations the subject of analysis. In this regard, in view of the status of knowledge sentence construction is metacognitive in nature. Various data on communicative perspective in a composite sentence are part of this sentence as a linguistic knowledge format. The speaker configures these data to produce composite sentences in speech. In order to explore communicative sentence perspective in composite sentences as metacognition, the author develops a metacognitive modeling method. This method involves selection and description of the main conceptual structures used by the speaker to convey the given and new through composite sentences. These structures can be called cognitive models of communicative sentence perspective in composite sentences or metacognitive models of the considered units. The research is carried out with evidence from English. In particular, the author describes one of the above-mentioned models based on the suppression of the given knowledge. This model reflects the dynamic aspect of interpretation as human cognitive activity. The basic cognitive mechanism to implement such a model is defocusing. Linguistic mechanisms include categorical and subcategorial means of suppression representation through composite sentences.

Keywords: communicative sentence perspective, composite sentence, interpretation, interpretive language function, knowledge format, status-of-knowledge-determining function, metacognition, metacognitive modeling, concept, category.

Благодарность: Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 15-04-00448 «Язык как интерпретирующий фактор познания».

Acknowledgement: The research is financially supported by the Russian Foundation for Humanities within research project 15-04-00448 "Language as an Interpretive Factor of World Construction".

Традиционные исследования коммуникативного членения (ср.: распределения информации в предложении на известное, узнаваемое, данное и неизвестное, незнакомое и новое) часто ограничивались сферой простого предложения. Принципы и процедуры структурирования знаний, используемые говорящим для распределения информации в пределах сложного предложения, когнитивные и языковые механизмы, обеспечивающие этот процесс, оставались нераскрытыми.

На современном этапе решение этих вопросов возможно с позиций когнитивно-дискурсивной парадигмы. Именно в рамках когнитивного подхода предлагаются наиболее эф-

фективные методы анализа языка в его тесной взаимосвязи с познавательной деятельностью человека. Следует отметить, что имеющийся опыт постижения коммуникативного членения сложного предложения с когнитивной точки зрения не привел лингвистов к единому выводу о когнитивных основах коммуникативного членения сложного предложения, что обусловлено недостаточным вниманием к природе объекта исследования, статическому и динамическому характеру познавательных процессов.

В языке познавательная активность человека может не проявляться конвенционально в связи с тем, что человеку свойственно воспринимать как факты действительности, так и факты языка сквозь призму своей концептуальной картины мира. Такой характер познания подтверждает развиваемая в отечественной лингвистике теория языковой интерпретации, основные положения которой разработаны Н.Н. Болдыревым [1-7]. Согласно рассматриваемой теории язык обладает не только когнитивной и коммуникативной функциями: главной функцией языка также является его интерпретирующая функция. Языковая интерпретация представляет собой процесс и результат субъективного понимания и объяснения человеком мира и себя в этом мире, процесс и результат субъективной репрезентации мира, основанной, с одной стороны, на существующих общечеловеческих, коллективных представлениях о мире и, с другой стороны, на личном опыте взаимодействия с ним.

В этом плане сложное предложение рассматривается не столько как семантико-синтаксическая единица, сколько как формат языкового знания [1], частью которого являются сведения о коммуникативном членении этой единицы. Формат сложного предложения как форма представления мира в языке - это коллективные знания о сложном фрагменте действительности (гиперсобытии) в виде пропозиционального комплекса, о категориях языковых средств, принципах и механизмах передачи информации о данном фрагменте, а также сведения о прогностических возможностях индивидуальной конфигурации этих знаний, интерпретирующем потенциале формата. Одновременно сложное предложение представляет собой языковое выражение, конструируемое говорящим для передачи информации о привлекшем его внимание гиперсобытии - би- или полисобытийном фрагменте действительности.

Исходя из вышеизложенного, в целях раскрытия когнитивных процессов и языковых механизмов, определяющих специфику коммуникативного членения сложного предложения, была разработана и реализована концепция коммуникативного членения сложного предложения как метакогнитивного процесса реализации интерпретирующей функции языка [8]. Предлагаемая концепция заключается в том, что знания о коммуникативном членении в концептуальном плане регулируются функцией определения статуса знания, одним из частных проявлений интерпретирующей функции языка. Эти знания включают коллективные сведения об интерпретирующем потенциале сложного предложения в конкретных условиях коммуникации и структурируют формат сложного предложения, а также используются говорящим для конструирования соответствующего языкового выражения. Деятельность говорящего при этом протекает как метакогниция [о метакогниции см. 11; 19], поскольку определение статуса знания в ходе конструирования любого языкового выражения отражает способность человека на более высоком уровне познания делать предметом анализа ранее сконструированные репрезентации.

Ключевыми в представлении о коммуникативном членении сложного предложения в когнитивном ракурсе следует признать отношения данного и нового. Данное и новое знания можно назвать кластерным метаконцептом, который выстраивается в виде градации ряда концептуальных признаков. Процесс их передачи посредством сложного предложения регулируется принципами апперцептивного усвоения знания и иконичности [9; 10; 14-16], а также принципами концептуальной репрезентации и иерархизации смыслов. Концептуальная репрезентация смыслов предполагает, что данное и новое знания в совокупности их отношений могут быть соответственно представлены в виде тематических и операционных концептов. Тематические концепты - это коллективные знания, которые организуются в концептуально-тематические области, отражающие определенные сферы опыта человека; операционные концепты - это ситуативные смыслы, которые являются результатом конфигурации тематических концептов в ходе общения [5]. Концептуальная иерархизация смыслов отражает связи тематических и операционных концептов и направлена на передачу сведений о мире согласно их состоянию активации или доступности в памяти человека по принципу фигуры и фона.

Все вышеназванные принципы призваны регулировать метакогнитивный процесс коммуникативного членения посредством моделирования структур сложного предложения, реализующих функцию определения статуса знания. Выделение и описание наиболее общих концептуальных структур, на базе которых говорящий конструирует сложное предложение с учетом статуса знаний в конкретных условиях вербальной коммуникации, возможно с помощью метода метакогнитивного моделирования. Данный метод позволяет комплексно решить проблему ком-

муникативного членения сложного предложения в когнитивном ключе в связи с интерпретирующим характером работы языкового сознания человека.

В качестве концептуальных ориентиров конструирования сложного предложения для передачи данного / нового выступают такие показатели метакогнитивного моделирования, как 1) характер развития информации, 2) когнитивная схема конструирования сложного предложения в целях передачи данного / нового, которая задает межконцептуальные связи внутри сложного предложения, 3) представленность тематических и операционных концептов в зависимости от степени концентрации активных, доступных концептов, с одной стороны, и малодоступных и неактивных концептов, с другой стороны, 4) когнитивные и языковые механизмы, обеспечивающие метакогнитивный процесс интерпретации, 5) характер связи между концептуальными компонентами частей сложного предложения, 6) частные разновидности интерпретирующей функции языка, одновременно реализующиеся с функцией определения статуса знания, 7) роль концептуально-тематических областей как когнитивных контекстов формирования нового знания.

Для демонстрации возможностей моделирования метакогнитивной активности говорящего на уровне сложного предложения необходимы показатели, описывающие то или иное положение дел. Это когнитивные ситуации и связующий концепт, которые отражают то, что в сознании человека сведения о гиперсобытиях структурируются в виде пропозиционального комплекса, состоящего из пропозиций и концептов сочинения или подчинения, а также указания на тематические и операционные концепты.

Анализ коммуникативной деятельности говорящего в пределах сложного предложения с помощью метода метакогнитивного моделирования позволил выделить ряд когнитивных моделей коммуникативного членения сложного предложения или метакогнитивных моделей этого предложения в системном и динамическом аспектах.

Метакогнитивное моделирование сложного предложения позволяет выявить не только мыслительные структуры, но и языковые знания, необходимые для реализации данного / нового в формате этого предложения, что способствует уточнению представления о способах объективации статуса знания в целом. Данные языковые средства объединяются в модусную, интерпретирующую категорию средств репрезентации статуса знания.

Специфика модусных категорий заключается в преимущественно инвариантно-вариантном принципе организации, многофокусности, объединении единиц разных уровней обобщения в единую категориальную систему, во внутриязыковой направленности [4, с. 69-120]. Выделенные метакогнитивные модели в полной мере отражают подобную специфику. Лежащие в основе этих моделей когнитивные схемы позволяют говорить о них как о концептах, образующих модусные категории средств репрезентации данного / нового в сложном предложении. Эти категории структурируют концептуальное пространство общей модусной категории статуса знания в формате сложного предложения на субкатегориальном уровне.

Рассмотрим результаты метакогнитивного моделирования в современном английском языке на примере описания когнитивной модели коммуникативного членения сложного предложения, отражающей динамический аспект метакогнитивной активности человека, модели, основанной на подавлении данного.

В динамическом аспекте метакогнитивная деятельность говорящего проявляется в отходе от принципов апперцептивного усвоения знаний и иконичности. Вследствие этого в процессе коммуникации развитие информации может иметь нелинейный характер. Говорящий может интерпретировать наличие или отсутствие соответствующих межконцептуальных связей между событиями исходя из знаний о положении дел и оценки знаний собеседника. При отсутствии этих связей концептуальные компоненты частей сложных предложений обнаруживают себя в слабой иерархической зависимости. В качестве основного когнитивного механизма при этом выступает дефокусирование. Базовый языковой механизм реализации рассматриваемой модели - использование сложных предложений с низким или недоступным характером отображаемых референтов.

Вышеназванную модель наиболее наглядно иллюстрируют сложносочиненные предложения, в которых коннекторы типа *for, and, nor, but, or, yet, so,* обычно размещенные в середине предложения, не несут ингерентную смысловую нагрузку, а используются в целях оформления речи для упоминания очередного не восстановимого из памяти слушателя факта нового знания. Например:

1. *A new Federal Reserve would be responsible for the supervision of all banks chartered by individual states and their holding companies and a new Federal Banking Agency under the Treasury would supervise all national banks and their holding companies* [12].

2. *The museum at Wardown Park (north of the town centre) has tools and products of straw-plaiters and hat-makers, for the local expertise in straw plaiting made Luton the chief centre of the straw-hat industry* [12].
3. *Filmmakers and critics were not the only ones worrying about the state of British filmmaking, nor was the film industry the only British enterprise losing out to American competition* [12].
4. *…former Prime Minister Mahmoud Abbas was selected by the Fatah central committee as their candidate for president, but Abbas has denied this, saying, "the matter is still being discussed"* [17].
5. *In this study, CSF diagnostics were the most compelling approach for identifying an etiology; yet in some patients, CSF or other specimens were inadequate for complete testing for all agents* [13].

В контексте этих сложных предложений выделенные союзы не несут основную смысловую нагрузку, говорящий привлекает внимание к сути событий, обозначенных сложными предложениями. Примеры показывают, что когнитивные ситуации, попадая в основной фокус внимания говорящего, дефокусируют связующие их концепты. Таким образом, многообразие проявлений подавления данного как когнитивной схемы конструирования сложного предложения с учетом статуса знания сводится к многофокусной представленности когнитивных ситуаций.

Подробно рассмотрим пример 1. Концептуально-тематическая область, охватываемая этим предложением, - БИЗНЕС. Данное сложносочиненное предложение показывает, что ранее неизвестные и прежде не связываемые знания о контролирующих функциях новой Федеральной резервной системы и нового Федерального банковского агентства в момент речи объединяются вследствие фокусирования внимания говорящим на важности этих событий в контексте коммуникации. Фокусируемые когнитивные ситуации, репрезентирующие эти знания (*A new Federal Reserve would be responsible for the supervision of all banks chartered by individual states* и *their holding companies and a new Federal Banking Agency under the Treasury would supervise all national banks and their holding companies*), выступают в качестве операционных концептов. Связь вышеназванных знаний не имеет принципиального значения для говорящего, поэтому связующий концепт, оформленный как союз *and,* приобретает черты тематического концепта. Фокусирование когнитивных ситуаций обусловлено тем, что обозначаемые сложным предложением события, их участники и отношения, с точки зрения говорящего, имеют низкий показатель доступности. В примере низкий показатель доступности референтов объективируется за счет употребления неопределенного артикля, полных имен вместе с модификаторами (*A new Federal Reserve, all banks chartered by individual states, holding companies, a new Federal Banking Agency under the Treasury, all national banks*), лексических единиц с семантикой нового (*new*), форм сослагательного наклонения (*would be responsible, would supervise*), причастия прошедшего времени (*chartered*). Вследствие такой объективации знаний о двух событиях, несмотря на параллелизм синтаксических конструкций частей сложного предложения, анализируемое языковое выражение оказывается сложным для восприятия и осмысления, что еще раз подчеркивает, прежде всего, новизну передаваемых знаний.

Реализация присущей участникам событий в языковом плане номинальности за счет употребления полных имен с модификаторами, реализация присущих событиям статичности и фактуальности в простых синтаксических конструкциях, наполненных полными именами с модификаторами, и сложных синтаксических конструкциях, реализация контрфактуальности за счет использования форм сослагательного наклонения представляют собой частотные процессы в рамках конструирования сложного предложения по модели, основанной на подавлении данного.

На периферии категории подавления данного, таким образом, оказываются сложные предложения с большей доступностью референтов: *…the radio did play an important role in the dissemination of certain types of news, and it was clearly more influential than the press* [12]; *Some of the suggested activities can involve the entire class, but some may require help in small groups or one-on-one instruction* [13].

На субкатегориальном уровне категория подавления данного также представлена сложносочиненными предложениями с союзными наречиями *also, besides, therefore, hence, for example, however, meanwhile, then,* смысловая нагрузка которых в рамках сложносочиненного предложения погашается, а также сложноподчиненными предложениями с балансирующими частями, с союзом *while*. Например: *The German grain-growers had felt the transatlantic threat, but they also wished to protect themselves against Russian grain, cheaply produced and easily distributed by rail [12]; I'll leave you to give her a little wholesome advice while I step to give some orders about the family* [12].

Конструирование сложного предложения по рассматриваемой модели сопровождается не только реализацией базового когнитивного механизма дефокусирования, но и других дополнительных механизмов, что свидетельствует о вариативности модели. Это, например, когнитивный механизм логического следования: *Common mail protocols POP3 and IMAP are both supported, so users will be able to access some brands of webmail from within the program* [17]; конкретизации: *The course is innovative in several respects, but particularly in subject matter, for we study personal exemplars of faith and moral development and various theoretical perspectives on that development* [13]; установления контраста: *The residents of these four townships constitute 12 per cent of Wirral's total population, yet between them they contain 38 per cent of the borough's known opioid users* [12].

Вариативность данной модели связана с реализацией частных интерпретирующих функций совместно с функцией определения статуса знания. Эти функции в основном включают функцию оценки, например: *Three joined together can form a ferry capable of carrying the Challenger tank, or they can be coupled to form a bridge capable of carrying even the heaviest Army loads* [12]; и функции оценки и отрицания: *Inventories were built up from low levels to more usual ones, and the steep backwardation on futures markets gradually became flatter and flatter* [18].

В ходе конструирования сложных предложений говорящий может связывать неизвестные события, отражающие не одну концептуально-тематическую область. Тогда он может прибегнуть к реализации варианта исходной модели. Тем не менее, анализ фактического материала показывает, что подавление данного, прежде всего, предполагает реализацию по базовой модели, что продиктовано предельностью возможностей человека по обработке информации, ведь подключение двух и более концептуально-тематических областей при комплексности знаний о связываемых событиях затрудняет осмысление информации.

В целом анализ коммуникативного членения сложного предложения в контексте метакогниции позволяют расширить представление о формате сложного предложения как способе языковой интерпретации знаний о мире в связи представленностью данного / нового, структурировать формат этого предложения на основе сведений о метакогнитивной активности говорящего.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Болдырев Н.Н. Концептуальная основа языка // Когнитивные исследования языка. - Вып. IV. - 2009. - С. 25-77.
2. Болдырев Н.Н. Интерпретирующая функция языка // Вестник Челябинского государственного та. - 2011. - № 33 (248). Филология. Искусствоведение. Вып. 60. - С. 11-16.
3. Болдырев Н.Н. О метаязыке когнитивной лингвистики: концепт как единица знания // Когнитивные исследования языка. - 2011. - Вып. IX. - С. 23-32.
4. Болдырев Н.Н. Категориальная система языка // Когнитивные исследования языка. - 2012. - Вып. X. - С. 17-120.
5. Болдырев Н.Н. Актуальные задачи когнитивной лингвистики на современном этапе // Вопросы когнитивной лингвистики. - 2013. - № 1. - С. 5-13.
6. Болдырев Н.Н. Антропоцентрическая сущность языка в его функциях, единицах и категориях // Вопросы когнитивной лингвистики. - 2015. - № 1. - С. 5-12.
7. Болдырев Н.Н. Язык и структура сознания // Когнитивные исследования языка. - 2016. - Вып. XXIV. - С. 35-48.
8. Виноградова С.Г. Коммуникативное членение сложного предложения: когнитивные основы: Монография. - Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2015. - 221 с.
9. Миллер Дж.А. Образы и модели, уподобления и метафоры // Теория метафоры. - М.: Прогресс, 1990. - С. 236-283.
10. Потебня А.А. Мысль и язык. - Киев, 1993. - 192 с.
11. Флейвелл Дж. Когнитивное развитие и метапознание // Горизонты когнитивной психологии. − М.: РГГУ, 2012. - С. 151-161.
12. British National Corpus. [Электронный ресурс] - URL: http://www.natcorp.ox.ac.uk
13. Corpus of Contemporary American English. [Электронный ресурс] - URL: http: //corpus.buy.edu/coca/
14. Givón T. Iconicity, Isomorphism and Non-arbitrary Coding in Syntax // Iconicity in syntax / Ed. by J. Haiman. - Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, 1985. - Pp.187-219.
15. Haiman J. The Iconicity of Grammar: Isomorphism and Motivation // Language. - 1980. - Vol. 56. - No. 3. - Pp. 515-540.
16. Jakobson R. Implications of Language Universals for Linguistics // Universals of Language / Ed. by J. berg. - Cambridge (Mass.): The MIT Press, 1966. - Pp. 263-278.
17. Leeds Collection of Internet Corpora. [Электронный ресурс] - URL: http: //corpus.leeds.ac.uk/
18. Oxford Energy. [Электронный ресурс] - URL: http://oxfordenergy.org/
19. Sperber D. Introduction // Metarepresentations: An Interdisciplinary Perspective / Ed. by D. Sperber. − N.Y.: Oxford University Press, 2000. − Pp. 3-13.

REFERENCES

1. Boldyrev N.N. Konceptual'naja osnova jazyka [Conceptual Basis of Language] // Kognitivnye issledovanija jazyka = Cognitive Studies of Language. V. IV. 2009. Pp. 25-77.
2. Boldyrev N.N. Interpretirujushhaja funkcija jazyka [Interpretive Function of Language] // Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta. 2011. No. 33 (248). Filologija. Iskusstvovedenie. V. 60. Pp. 11-16.
3. Boldyrev N.N. O metajazyke kognitivnoj lingvistiki: koncept kak edinica znanija [On Metalanguage of Cognitive Linguistics: Concept as a Unit of Language] // Kognitivnye issledovanija jazyka = Cognitive Studies of Language. 2011. V. IX. Pp. 23-32.
4. Boldyrev N.N. Kategorial'naja sistema jazyka [Categorial System of Language] // Kognitivnye issledovanija jazyka = Cognitive Studies of Language. 2012. V. X. Pp. 17-120.
5. Boldyrev N.N. Aktual'nye zadachi kognitivnoj lingvistiki na sovremennom jetape [On the Integrative Theory of Linguistic Representation of Knowledge] // Voprosy kognitivnoj lingvistiki = Issues of Cognitive Linguistics. 2013. No. 1. Pp. 5-13.
6. Boldyrev N.N. Antropocentricheskaja sushhnost' jazyka v ego funkcijah, edinicah i kategorijah [Anthropocentric Nature of Language in its Functions, Units, and Categories] // Voprosy kognitivnoj lingvistiki = Issues of Cognitive Linguistics. 2015. No. 1. Pp. 5-12.
7. Boldyrev N.N. Jazyk i struktura soznanija [Language and the Structure of Cognition] // Kognitivnye issledovanija jazyka = Cognitive Studies of Language. 2016. V. XXIV. Pp. 35-48.
8. Vinogradova S.G. Kommunikativnoe chlenenie slozhnogo predlozhenija: kognitivnye osnovy: Monografija [Communicative Perspective of Composite Sentences: Cognitive Bases: Monograph]. - Tambov: Izdatel'skij dom TGU im. G.R. Derzhavina, 2015. - 221 p.
9. Miller Dzh.A. Obrazy i modeli, upodoblenija i metafory [Images and Models, Similarities and Metaphors] // Teorija metafory. - M.: Progress, 1990. - S. 236-283.
10. Potebnja A.A. Mysl' i jazyk [Mind and Language]. - Kiev, 1993. - 192 c.
11. Flejvell Dzh. Kognitivnoe razvitie i metapoznanie [Cognitive Development and Metacognition] // Gorizonty kognitivnoj psihologii. – M.: RGGU, 2012. - S. 151-161.
12. British National Corpus. Available at: http://www.natcorp.ox.ac.uk
13. Corpus of Contemporary American English. Available at: http: //corpus.buy.edu/coca/
14. Givón T. Iconicity, Isomorphism and Non-arbitrary Coding in Syntax // Iconicity in syntax / Ed. by J. Haiman. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, 1985. Pp.187-219.
15. Haiman J. The Iconicity of Grammar: Isomorphism and Motivation // Language. 1980. Vol. 56. No. 3. Pp. 515-540.
16. Jakobson R. Implications of Language Universals for Linguistics // Universals of Language / Ed. by J. berg. - Cambridge (Mass.): The MIT Press, 1966. Pp. 263-278.
17. Leeds Collection of Internet Corpora. Available at: http: //corpus.leeds.ac.uk/
18. Oxford Energy. Available at: http://oxfordenergy.org/
19. Sperber D. Introduction // Metarepresentations: An Interdisciplinary Perspective / Ed. by D. Sperber. N.Y.: Oxford University Press, 2000. Pp. 3-13.

Информация об авторе

Виноградова Светлана Григорьевна, кандидат филологических наук, доцент ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина», старший научный сотрудник сетевого научно-образовательного центра когнитивных исследований
г. Тамбов, Россия
vinogradova.sg@yandex.ru

Information about the author

Svetlana G. Vinogradova, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Senior Researcher, Network Research and Education Center for Cognitive Studies, Tambov State University named after G.R. Derzhavin,
Tambov, Russia
vinogradova.sg@yandex.ru

Получена: 09.12.2016

Для цитирования статьи: Виноградова С. Г., Коммуникативное членение сложного предложения в контексте метакогниции. Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. Том. 8. № 6. Часть 2. с. 155-160.
DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-6/2-155-160.

Received: 09.12.2016

For article citation: Vinogradova S. G., [Communicative perspective of composite sentences in the context of metacognition]. Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatelnaya mys'l = Historical and Social Educational Ideas. 2016. Vol . 8. no. 6. Part. 2. Pp. 155-160.
DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-6/2-155-160. (in Russian)

УДК37

DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-6/2-161-165

ЕРЁМЕНКО Галина Викторовна
Байкало-Амурский институт железнодорожного транспорта - филиал ФГБОУ ВПО «Дальневосточный государственный университет путей сообщения»
г.Тында, Россия
ritir.70@mail.ru

Galina V. EREMENKO
Baikal-Amur Institute of Railway Transport - Branch of Far East State Transport University
Tynda, Russia
ritir.70@mail.ru

ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ УЧРЕЖДЕНИЯ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ НА РЫНКЕ ТРУДА РЕСПУБЛИКИ САХА (ЯКУТИЯ) И ИХ ВЗАИМОСВЯЗЬ СО СЛУЖБОЙ ЗАНЯТОСТИ НАСЕЛЕНИЯ

EDUCATIONAL INSTITUTIONS OF HIGHER EDUCATION OF PEDAGOGICAL SPECIALITIES IN THE LABOR MARKET OF THE REPUBLIC OF SAKHA (YAKUTIA) AND THEIR RELATIONSHIP WITH THE PUBLIC EMPLOYMENT SERVICE

В статье рассмотрена деятельность вузов, которая осуществляется в условиях возрастающей конкуренции, когда вузы вынуждены вести конкурентную борьбу за своих потребителей, в лице которых выступают студенты. Поэтому при организации университетской подготовки необходимо создание условий, которые дали бы соответствующую профессиональную подготовку и практический опыт в соответствии с запросами страны и конкретного региона в приемлемый промежуток времени. По многочисленным исследованиям, проведенным в республике, можно отметить, что в настоящее время около 5% штатной численности учителей вакантны, а это более тысячи рабочих мест - учителей математики и физики, иностранных языков, истории, основ государства и права и т.д. Велика текучесть среди преподавательского состава, прежде всего среди лиц молодого и среднего возраста. Среди главных причин этого процесса - неоправданно низкая заработная плата и неудовлетворительные жилищно-бытовые условия.
В рамках нашего исследования был проведен социологический опрос и анкетирование работодателей и работников образования, который показал, что выпуск специалистов ТИ (ф) СВФУ в г. Нерюнгри по некоторым педагогическим специальностям перенасытил рынок и в то же время сформировал недостаток специалистов по другим направлениям.

Ключевые слова: деятельность вузов, профессиональная подготовка, трудоустройство выпускников, педагогическая специальность, рынок труда.

The article describes the activities of higher education institutions in increasingly competitive conditions. Under these circumstances, universities have to compete for their customers, in the face of which the students perform. Therefore, the organization of university training is necessary to create conditions that would give appropriate training and practical experience according to the demands of the country and a specific region within a reasonable period of time. According to numerous studies carried out in the Russian Federation it may be noted that currently about 5% of regular number of teachers are vacant, and this is more than a thousand jobs - teachers of mathematics and physics, foreign languages, history, the foundations of the state and law, etc. We can notice the great turnover among teaching staff, especially among young and middle-aged people. Among the main causes of this process - is unreasonably low wages and poor living conditions. A public opinion poll and survey of employers and teachers were held within the framework of our research, which showed that graduates of the North-Eastern University, the office in Neryungri (Republic of Sakha (Yakutia)) on certain pedagogical specialties, have perenasytil market and at the same time formed a lack of specialists in other areas.

Keywords: activities of universities, vocational training, job placement, teaching profession, labor market

В рамках вступления России в Болонский процесс актуализируется необходимость изменения образовательной стратегии развития профессионального образования, как системы организаций и учреждений, обеспечивающих воспроизводство и совершенствование кадрового потенциала всех сфер общественного материального и духовного производства, способствующих экономическому, политическому, культурному функционированию и развитию общества и личностному становлению индивида [1].

В настоящее время деятельность вузов осуществляется в условиях возрастающей конкуренции, когда вузы вынуждены вести конкурентную борьбу за своих потребителей, в лице которых выступают студенты. В отношении деятельности по подготовке специалистов вузы в большей степени имеют дело с рынком покупателей (работодателей), характеризуемым превышением предложения над спросом, чем с рынком продавцов. В рамках нашего исследования необходимо отметить, что образовательная система каждой страны адаптируется под специфические нужды и квалификационные требования, предъявляемые системой трудоустройства региона. Поэтому при организации университетской подготовки необходимо создание условий, которые дали бы соответствующую профессиональную подготовку и практический опыт в соответствии с запросами страны и конкретного региона в приемлемый промежуток времени.

Определение данных потребностей и реальных способов их удовлетворения путем организации оптимальной системы высшего образования в условиях Северо-Восточного региона России позволяет обоснованно определить структуру кадров, необходимых для развития региона, содержание профессиональной подготовки, типы и виды профессиональных образовательных учреждений, сроки и форму подготовки.

Региональное образовательное пространство Республики предполагает взаимосвязь различных уровней образования, их преемственность, представляет совокупность всех субъектов региона, прямо или косвенно участвующих в профессиональных образовательных процессах, является исходным материалом как для прогнозирования типов профессиональных учебных заведений, так и содержания подготовки специалистов в них.

Необходимо отметить, что молодежный рынок труда характеризуется большой вариантностью. Это обусловлено тем, что на него выходят выпускники учебных заведений, осуществляющих подготовку специалистов по всем возможным профессиям. Отсутствие спроса на региональном рынке труда на многие из них приводит к тому, что большая часть ищущих работу молодых людей, в том числе недавних выпускников учебных заведений, трудоустраивается по специальностям, далеким от базового образования, и для многих переподготовка является единственной возможностью получить работу. Ежегодно из числа выпускников каждый четвертый становится потенциальным кандидатом на переобучение, получение второй профессии. Кроме того, пятая часть молодых людей увольняется из-за неудовлетворенности профессией, характером труда уже в первый год работы после окончания учебного заведения.

Таким образом, стоит отметить, что профессиональное образование, являющееся важной составной частью всей системы образования, в свою очередь, также представляет собой сложную, многоуровневую социально-экономическую систему. Важнейшим и первичным звеном этой системы являются образовательные учреждения, готовящие этих специалистов.

По многочисленным исследованиям, проведенным в республике, можно отметить, что в настоящее время около 5% штатной численности учителей вакантны, а это более тысячи рабочих мест - учителей математики и физики, иностранных языков, истории, основ государства и права и т.д. Велика текучесть среди преподавательского состава, прежде всего среди лиц молодого и среднего возраста. Многие уходят в негосударственные организации. Среди главных причин этого процесса - неоправданно низкая заработная плата и неудовлетворительные жилищно-бытовые условия.

Средняя заработная плата в сфере образования республики составляет половину среднемесячной номинальной начисленной заработной платы работников предприятий и организаций по всем отраслям экономики и только одну треть от средней заработной платы в промышленности. Из-за такого уровня оплаты труда в образовании далеко не все выпускники педагогических вузов приходят в школы.

В целях создания устойчивого потенциала педагогических кадров для различных типов учебно-воспитательных учреждений республики были открыты: Педагогический институт (1996 г.), Институт зарубежной филологии и регионоведения, Институт математики и информатики (1999 г.), Институт физической культуры и спорта (1999 г.), Физико-технический институт (2000 г.), Институт психологии (2010 г.), Институт языков и культуры народов Северо-Востока РФ (2010 г.), Институт естественных наук СВФУ (2013 г.). В 2010 г. в связи со структурной модернизацией региональной системы высшего образования и в целях развития системы высшего образования на основе оптимизации региональных образовательных структур и укрепления связей образовательных учреждений высшего образования с экономикой и социальной сферой федеральных округов был официально учрежден в апреле на базе Якутского государственного университета имени М.К. Аммосова Северо-Восточный федеральный университет в г. Якутске, при котором в настоящее время продолжают функционировать представленные выше институты и факультеты, готовящие педагогические специальности и направления.

Также в состав данного университета входит Технический институт (филиал) СВФУ в г. Нерюнгри (был создан в 1992 г., далее переименован), при котором открыты кафедры: «Педагогика и методика начального образования», «Математика и информатика», «Русская филология», «Иностранные языки», где также на протяжении долгого времени осуществляется подготовка специалистов с педагогической направленностью.

В связи с переходом на уровневую подготовку кадров возникла необходимость пересмотра Перечня направлений и профилей. В варианте, по которому созданы государственные образовательные стандарты, предложено основание для выделения направлений: каждое из направлений представляет отдельную сферу образовательной деятельности.

Многоуровневая система предполагает обучение в магистратуре, но, несмотря на предоставленную возможность продолжить обучение в магистратуре, очевидно, что свыше 90% бакалавров после окончания обучения окажутся на рынке труда. Поэтому при проектировании региональной модели будущих бакалавров важно выявить приоритеты профильной подготовки в регионе; определить, какими специальными компетенциями, соответствующими запросам работодателей региона, должен обладать выпускник. Одновременно выбор направления должен быть согласован с возможностями вуза, его материально-технической базой, квалификацией профессорско-преподавательского состава, мотивацией студентов.

Итак, многоуровневая система образования в республике отвечает, во-первых, интересам обучающихся, завершая определенный уровень подготовки и приобретая профессиональную квалификацию, гарантированно получает социально-материальную и профессиональную защищенность; во-вторых, требованиям кадровой политики как государства, так и республики, района в частности.

Необходимо отметить, что ускоренные темпы развития высшего и среднего образования в республике не соответствуют темпам преобразований в экономике. Следствием такого диспропорционального развития рынка образовательных услуг и рынка труда является рост обращаемости выпускников системы профессионального образования в органы службы занятости.

В целях кадрового обеспечения ведущих и перспективных отраслей экономики в 2003 г. Указом Президента Республики Саха (Якутия) принята Концепция государственной кадровой политики, которая определяет приоритетные направления реализации государственной кадровой политики.

В 2003 г. были приняты постановления Правительства Республики Саха (Якутия) «О распределении выпускников вузов», «О порядке организации целевой контрактной подготовки специалистов с высшим и средним профессиональным образованием Республики Саха (Якутия) за счет средств республиканского бюджета и их трудоустройства».

В Республике Саха (Якутия) в целом и в Нерюнгринском районе в частности вопросам трудоустройства выпускников учебных заведений профессионального образования придано государственное значение. Решение данных вопросов осуществляется на основе республиканского закона «О целевой контрактной подготовке специалистов с начальным, средним и высшим профессиональным образованием».

На 2013-2020 гг. принята Государственная программа Российской Федерации «Содействие занятости населения». Целью программы является создание правовых, экономических и институциональных условий, способствующих эффективному развитию рынка труда [2]

В нормативно-правовую систему республики, регламентирующую порядок целевой подготовки специалистов, входят: Закон Республики Саха (Якутия) от 11.12.2011г. № 1011-З N 917-IV «О целевой контрактной подготовке специалистов с высшим и средним профессиональным образованием»; Постановление Правительства Республики Саха (Якутия) от 29.05.2012г. № 220 «О порядке организации целевой контрактной подготовки специалистов с высшим и средним профессиональным образованием Республики Саха (Якутия) и их трудоустройства».

В соответствии с постановлением место трудоустройства выпускника, прошедшего целевую подготовку, определяет Заказчик - отраслевое министерство или ведомство согласно заявкам, поданным учреждениями, муниципальными образованиями и другими организациями и предприятиями.

В 2013 г. Министерство образования РФ включило показатели трудоустройства в число критериев эффективности вуза. Необходимо отметить, что данный критерий значительно повышает ответственность вуза за дальнейшую профессиональную судьбу выпускников.

В настоящее время из федерального бюджета финансируются мероприятия по трудоустройству выпускников, в том числе ярмарки вакансий и организация различных стажировок и т.п. Необходимо отметить, что в программах по трудоустройству молодежи существуют возрастные ограничения до 20 лет. В значительной части выпускников учреждений начального и среднего профобразования возраст выпускников превышает установленные ограничения. Ведь в образовательные учреждения очень многие поступают после прохождения воинской службы или берут отсрочку в связи с рождением ребенка, а также по другим причинам.

В этой связи в целях содействия каждому выпускнику в решении вопроса трудоустройства в частности и наиболее рационального распределения по рабочим местам всех выпускников в целом Министерством профессионального образования, подготовки и расстановки кадров Республики Саха (Якутия) был разработан порядок формирования Плана распределения выпускников. Соответствующее Положение было утверждено постановлением Правительства Республики Саха (Якутия) № 215 «О порядке трудоустройства выпускников образовательных организаций среднего профессионального и высшего образования в Республике Саха (Якутия)».

Положение также регламентирует межведомственное взаимодействие по проведению мониторинга потребности предприятий и хозяйствующих субъектов в кадрах, а также данных о прибытии специалистов на рабочие места и их закрепление в течение первых лет работы.

В Республике Саха (Якутия), в г. Якутске, при СВФУ был организован Центр карьеры, целью которого является содействие трудоустройству выпускников в соответствии с полученной специальностью или направлением подготовки.

Основные задачи: «оказание информационно-консультационной поддержки студентам и выпускникам по вопросам развития их карьеры, успешного трудоустройства; организация вре-

менной занятости обучающихся с целью поддержки в профессиональной и социальной адаптации; содействие трудоустройству выпускников в соответствии с полученной специальностью; взаимодействие с работодателями по вопросам трудоустройства студентов и выпускников университета; мониторинг и анализ рынка труда, трудоустройства выпускников» [3].

В 2011 г. при Техническом институте (филиале) СВФУ в г. Нерюнгри был также открыт Центр карьеры, который в дальнейшем был переименован в Отдел организации приема абитуриентов. Центр карьеры занимался до переименования профориенатационной работой, сопровождением студентов в процессе обучения и оказанием помощи в трудоустройстве выпускников. В настоящее время данные функции переданы на кафедры.

Кроме того, в рамках нашего исследования, нами был проведен социологический опрос и анкетирование работодателей и работников образования, который показал, что выпуск специалистов ТИ (ф) СВФУ по некоторым педагогическим специальностям, а именно по специальностям и направлениям подготовки «Русский язык и литература», «Английский язык и литература», «Педагогика и психология», уже перенасытил рынок труда Нерюнгринского района в сфере образования. Если рассматривать вакантные места по этим же направлениям и специальностям по улусам РС (Я), то можно отметить, что практически в каждом улусе республики наблюдается нехватка психологов, учителей начальных классов, педагогов-предметников, социальных педагогов и логопедов. Но выпускники при распределении не рассматривают варианты переезда в улусы. В большинстве из-за причин нестабильности, низкого заработка, жилищных условий и т.д.

Необходимо отметить, что педагогические работники в современном обществе представляют важную профессиональную группу, оказывающую значительное влияние на культуру общества, социально-политические и экономические процессы. Однако узкопрофильная подготовка кадров, преобладающая в российской высшей школе, препятствует самореализации и адаптации ее выпускников к условиям жизни в современном сообществе. Следовательно, необходимо рассматривать варианты подготовки кадров в зависимости от существующего рынка труда с прогнозом на пять-десять лет.

В связи с этим появляется необходимость в открытии новых специальностей и направлений подготовки специалистов под потребности рынка труда и разработке плана мероприятий по эффективному трудоустройству выпускников ТИ (ф) СВФУ педагогических специальностей.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Болонский процесс 2020 - Европейское пространство высшего образования в новом десятилетии. Коммюнике Конференции европейских министров, ответственных за высшее образование, Левен /Лувен-ла-Нев, 28-29 апреля 2009 года [Текст] // Высшее образование в России. - 2009. - № 7. - С. 156-161.
2. Государственная программа Российской Федерации «Содействие занятости населения» на 2013-2020 годы.
3. Официальный сайт СВФУ. Раздел Центр Карьеры [Электронный ресурс] http://www.s-vfu.ru/universitet/rukovodstvo-i-struktura/strukturnye-podrazdeleniya/usr/carrier_center/o-tsentre/goals

REFERENCES

1. The Bologna Process 2020 - The European Higher Education Area in the new decade. Communiqué of the Conference of European Ministers responsible for Higher Education, Leuven. Louvain-la-Neuve, 28-29 April 2009. Higher education in Russia. 2009. № 7. Pp. 156-161.
2. State program of the Russian Federation "Promotion of employment" for 2013-2020.
3. Ofitsialny NEFU site. Section Career Center. Available at: http://www.s-vfu.ru/universitet/rukovodstvo-i-struktura/strukturnye-podrazdeleniya/usr/carrier_center/o-tsentre/goals

Информация об авторе

Ерёменко Галина Викторовна, старший преподаватель, кафедра «Экономика», Байкало-Амурский институт железнодорожного транспорта - филиал ФГБОУ ВПО «Дальневосточный государственный университет путей сообщения»,
г.Тында, Россия
ritir.70@mail.ru

Information about the author

Galina V. Eremenko, Senior Lecturer, Baikal-Amur Institute of Railway Transport - Branch of Far East State Transport University,
Tynda, Russia
ritir.70@mail.ru

Получена: 12.12.2016

Received: 12.12.2016

Для цитирования статьи: Ерёменко Г. В., Образовательные учреждения высшего образования педагогических специальностей на рынке труда Республики Саха (Якутия) и их взаимосвязь со службой занятости населения. Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. Том. 8. № 6. Часть 2. с. 161-165. DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-6/2-161-165.

For article citation: Eremenko G. V., [Educational institutions of higher education of pedagogical specialities in the labor market of the Republic of Sakha (Yakutia) and their relationship with the public employment service] . Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatelnaya mys'l = Historical and Social Educational Ideas. 2016. Vol . 8. no. 6. Part. 2. Pp. 161-165. DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-6/2-161-165. (in Russian)

УДК 373 DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-6/2-166-172

КОРЕПАНОВА Марина Геннадьевна
Музей истории Каракулинской школы
Удмуртская Республика, Россия
izunya@yandex.ru

Marina G. KOREPANOVA
Museum of History of Karakulinskaya School
Udmurt Republic, Russia
izunya@yandex.ru

РАЗВИТИЕ СОЦИАЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ УЧАЩИХСЯ В СЕЛЬСКОЙ ШКОЛЕ: ОБЗОР ПУБЛИКАЦИЙ И ОПЫТ РАБОТЫ ИССЛЕДОВАТЕЛЯ

DEVELOPMENT OF SOCIAL ACTIVITY OF STUDENTS IN RURAL SCHOOLS: REVIEW PUBLICATIONS AND PROFESSIONAL EXPERIENCE OF RESEARCHER

Автор выделяет особенности образовательного и воспитательного процесса в сельской школе, в результате которого формируется социальная активность сельского школьника. Дается определение понятия социальной активности с точки зрения педагогической науки, делается акцент на то, что для развития социальной активности в сельской школе нужно создать педагогические условия. Социальное становление подростка в сельской местности отличается от становления городского подростка. Это также является предметом обсуждения исследователей вот уже на протяжении почти двух столетий. Еще в XIX веке педагоги-исследователи отмечали особую роль экскурсии и школьного музея в процессе становления сельского школьника, современные ученые отмечают роль музея в процессе развития социальной активности подростков. Исследований, посвященных развитию социальной активности сельских школьников, не очень много, поэтому данная статья представляет интерес. Одним из условий развития социальной активности является деятельность школьного музея, направляемая руководителем. Системообразующим фактором работы педагога является интеграция учебной, внеучебной и внешкольной деятельности, которая дает результаты.

The author highlights the features of the educational and training process in the rural school, which is formed as a result of social activity of the rural students. The definition of the concept of social activity in terms of pedagogical sciences focuses on what it takes to create pedagogical conditions for the development of social activity in the rural school. Social formation of the teenager in a rural area characterized by the formation of the urban teenager. It is also a subject of discussion of researchers has for almost two centuries. Back in the XIX century, teachers-researchers have noted the special role of trips and school museum in the making of the rural students, modern scholars have noted the role of the museum in the process of development of social activity of teenagers. Research on the development of social activity of rural students is not very much, so this article is of interest. One of the conditions of development of social activity is the activity of the school museum, directed by supervisor. The backbone of the work of the teacher factor is the integration of academic, extra-curricular activities that produce results.

Ключевые слова: сельская школа, социальное становление подростка, роль музея, внеучебная и внешкольная деятельность,

Keywords: rural school, social formation of teenager, role of museum, extra-curricular activity

Вступление. Социальную активность определяют как деятельность, мотивированное участие индивидов в преобразовании объективных социальных условий, в таком их изменении, которое способствует более полному достижению интересов и удовлетворению способностей [3].

Исследователи в области теории образования определяют развитие социальной активности учащегося как процесс целенаправленного влияния на него, в результате которого происходит усвоение необходимых им для жизни в обществе социального опыта и активного отношения к принимаемой обществом системе ценностей, формируется устойчивая система отношений к определенным сторонам действительности, проявляющаяся в соответствующем поведении и поступках. Последнее определение социальной активности представляется более полным, соответствующим требованиям сегодняшнего времени [10].

Для современной педагогической науки проблема формирования социальной активности подрастающего поколения является особо значимой и неизменно находится в центре внимания общества и государства. Именно социальная активность является одним из важнейших качеств личности, которое формируется в деятельности, отличающейся общественно значимыми мотивами и дающей общественно-полезный результат [11].

Основная часть. Типология школ. Предметом нашего исследования являются педагогические условия развития социальной активности именно сельских школьников, поэтому, рассмотрев типологию школ, в которых в минимальной степени представлена деятельность сельских школ, мы обозначим некоторые их особенности, которые объясняют актуальность обсуждаемой проблемы, с одной стороны, а с другой - позволяют сосредоточить внимание на некоторых формах организации воспитательно-образовательной деятельности учреждений, находящихся на периферии.

Итак, школа - социальный институт, общественно-государственная система, призванная удовлетворять образовательные запросы общества, личности и государства [5, с. 164].

Педагогический словарь [М., 2005] представляет следующую типологию школ: «школа демократическая», «школа как культурно-образовательное пространство», «школа как развивающаяся система», «школа как функционирующая система», «Школа, русская национальная», «школа труда», «школа учебы», «школа малокомплектная», «школа воскресная» и др. [5, с. 166].

Авторы словаря не предполагают деление школ на городские и сельские. Лишь при характеристике малокомплектных школ отмечается, что они открываются, как правило, в сельской местности. Иными словами, сельская школа как образовательный институт остается вне поля зрения авторов.

Лингводидактический энциклопедический словарь [8] дает не менее пространную классификацию школ, которую мы оформили в таблицу (см. табл. 1).

Таблица 1Школа как учебно-воспитательное учреждение
Table № 1. School as educational institution.

№№	Название типа школы	Критерии отнесенности
1	Гимназия Лицей Общеобразовательная школа с углубленным изучением отдельных предметов	Уровень развития познавательных потребностей
2	Государственные / частные	Характер финансирования
3	Общеобразовательные / профессиональные	Характер сообщаемых знаний
4	Начальные общеобразовательные, основные общеобразовательные, полные общеобразовательные Полные профильные	Уровень даваемого образования
5	Мужские, женские, совместное обучение	Пол обучающихся
6	Светские, конфессиональные	Отношение к религии

В данной классификации не наблюдается деления школ на городские и сельские, между тем сельские школы переживают несколько иные проблемы, чем городские.

Условия функционирования сельских школ. Анализ опыта работы в сельской школе позволяет нам утверждать, что по сравнению с культурно-образовательным потенциалом города село ограничено в своих возможностях влияния на социальное становление подрастающего поколения. Дом культуры или клуб, библиотека, стадион - вот набор, определяющий активность социальной жизни населения, в том числе школьников. Изучение публикаций, посвященных данной проблеме, позволило выявить некоторые особенности, представляющие интерес для решения задач нашего исследования.

Например, Л.П. Белова отмечает сложные проблемные условия функционирования сельских школ [1].

Первое из них - это сложные социальные и экономические условия.

Деятельность сельской школы всегда неразрывно связана с жизнедеятельностью села. Неблагоприятное положение дел в сельском секторе привело к резкому снижению уровня жизни большинства сельских жителей. Многие лучшие работники из деревни уехали или сменили род занятий. Эти последствия негативным образом сказались на положении дел в сельской школе. Сегодня в лице семьи сельская школа не всегда имеет надежного партнера в воспитании и развитии детей. Поэтому школа как воспитательный институт всегда осознавала жизненную потребность в укреплении отношений с семьей и преобразовании, оздоровлении семьи.

Следующее условие - это недостаточная укомплектованность кадрами, текучесть кадров. Это привело к тому, что в сельской школе большую часть на сегодня составляют учителя пенсионного возраста. Скудные бюджеты сельских администраций не позволяют оплачивать жилье молодым специалистам. Кроме того, существующая заработная плата начинающих учителей не обеспечивает элементарного существования, не говоря уже о непривлекательности учительского труда в условиях кризиса социокультурной сферы [1].

Отметим сложные условия, с которыми сталкиваются педагоги в процессе духовно-нравственного развития личности школьников. Педагоги городских школ формируют духовно-нравственные качества подрастающего поколения с помощью экспозиций городских и федеральных музеев, фондов библиотек, занятий патриотических клубов, досуговых центров и др. С родителями дети посещают кинотеатры, концертные залы, выставки, участвуют в культурной и социальной жизни города.

В условиях сельской местности такие возможности крайне ограничены, особенно в удаленных от города местах. Не каждый учитель способен организовать выезд в город даже один

раз за учебный год, так как возникают проблемы с поиском транспорта, его оплатой (в основном - за счет родительских средств), оформлением необходимой документации.

Для выезда автобуса с детьми в город из села необходимо оформить пакет документов, гарантирующих здоровье и безопасность детей в пути, подписать его в органах ГИБДД. При этом сотрудники ГИБДД должны быть уверены в исправности транспортного средства. На автобусе должен быть установлен тахограф. Еще одно требование - движение автобуса по трассе должно производиться только во время светового дня, осенью и зимой это очень короткий промежуток времени, не позволяющий реализовать планы на поездку в город.

Опыт показывает, что некоторые дети выезжают в город с родителями, но далеко не всегда посещают библиотеки, музеи, выставки.

Л.П. Белова выделяет противоречия в работе сельской школы между:

– возрастающими требованиями к уровню и качеству общеобразовательной, сельскохозяйственной, общекультурной, нравственной подготовки подрастающего поколения и ограниченностью образовательных возможностей сельской школы, ее социокультурного окружения;

- необходимостью вариативности организации сельской школы на основе возрождения и воссоздания народной духовности и культуры, чувства патриотизма и отсутствием инфраструктуры для духовно-нравственного развития личности.

Исследователи видят решение данных проблем и противоречий в поиске концептуальных оснований и организационных форм для сельской школы, соответствующих, с одной стороны, современным задачам возрождения и развития села, с другой - отражающих культурную специфику и традиции сельского социума [1].

Решение проблем и противоречий сельских школ. Социальные ценности и нравственные отношения сельского школьника существенно зависят от социально-педагогических ориентаций - микросреды его преимущественного общения, для которого характерна большая длительность и частота контактов с малым кругом одних и тех же учителей, как во время уроков, так и после. Чаще всего сельская школа может предложить детям занятия предметных кружков, спортивных секций и других форм внеучебной деятельности, которые ведут те же самые учителя. В силу этого социокультурное пространство сельского ребенка отличается повышенным дефицитом разнообразия в общении, чрезмерным влиянием телевизионных образцов на поведение, язык и культуру речи [1].

Г.Е. Котькова в своих публикациях отмечает, что выход из сложившейся ситуации заключается в роли сельской школы как социокультурного центра. Сельская школа обладает не менее богатым арсеналом средств развития социальной активности молодых людей: занятия предметных кружков, спортивных секций, художественной самодеятельности. Автор подчеркивает роль сельского учителя (или учительства), призванного выполнять социальные функции помимо чисто профессиональных, образовательных.

Вместе с тем, как бы ни вкладывали педагоги энергию, знания, они не в силах вывести контингент учащихся за пределы микросреды. Круг общения как учителей, так и учеников ограничен. Дефицит разнообразия в общении и общественно-направленных видах деятельности учащихся компенсируется пассивным созерцанием телепередач, виртуальным общением [7, с. 231-236].

Между тем в Концепции духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России [М., 2009] обозначен принцип, который гласит: «Социализация и своевременное социальное созревание ребенка происходят посредством его добровольного и посильного включения в решение проблем более взрослого сообщества. Полноценное духовно-нравственное развитие происходит, если воспитание не ограничивается информированием обучающихся о тех или иных ценностях, но открывает перед ними возможности для нравственного поступка [6].

В свое время В.В. Вахтерев (XIX в.) подчеркивал эту же мысль: «Ученик развивается не только тогда, когда он читает или слушает учителя, но и тогда, когда он так или иначе реагирует на то, что видит и слышит. Ученик развивается, когда он сам действует» [2, с. 523].

Вместе с тем В.В. Вахтерев отмечал, что при перечислении преимуществ города «…дети указывают на театр, на близость церквей, некоторые указывают на библиотеку и хорошие школы, один указывает на дворцы и этим исчерпывают все преимущества города» [2, с. 535].

Это положение обусловливает возможность организации досуга школьника таким образом, что он получит не меньшее развитие, чем городской школьник. При этом нельзя не учитывать уникальность природных пейзажей, многих других достоинств деревенской жизни. Они также являются существенным ресурсом духовно-нравственного развития ребенка.

Одним из направлений внеурочной деятельности школьников является посещение школьного музея, общение с историей, культурой, традициями народа через экскурсии.

В.В. Вахтерев указывал, что «экскурсии влияют не только на умственное развитие. Уже одно сближение, какое они вызывают между учителями и учащимися, должно было служить достаточным стимулом, чтобы возможно чаще практиковались подобные экскурсии» [2, с. 543].

Такое сближение предполагает деятельность - мыслительную, интеллектуальную, творческую, такую, которая повлечет за собой движение души и приведет к физической деятельности. Под влиянием посещения школьного музея учащиеся добровольно включаются в поисковую работу, по ее результатам разрабатывают проекты и исследовательские работы, проводят встречи с интересными людьми.

О необходимости научной разработки педагогики крестьянской среды указывал в 30-е годы XX в. С.А. Рачинский, глубоко исследовавший проблемы развития личности сельских школьников с учетом всех влияний окружающей среды [9].

Возвращаясь к содержанию Концепции духовно-нравственного развития, отметим, что ключевыми словами являются: «добровольное, посильное включение в решение проблем взрослых», «действие/ деятельность». Эту же мысль высказывает Н.И. Дереклеева [4], которая отмечает, что оценка состояния духовно-социальной активности личности предполагает наличие результатов работы на разных уровнях (см. табл. 2).

Таблица 2. Содержание результатов работы на разных уровнях
Table № 2. The content of the results of work at different levels.

№№	Уровень	Содержание
1	Знаниевый	Получение знаний
2	Уровень ценностного отношения	Умение оценивать то или иное действие, событие, явление
3	Уровень компетентностной основы	Получение школьниками опыта социального действия. Этот уровень действия для людей и на людях. Только тогда занятия будут направлены на развитие

Если мы проанализируем факты реальной педагогической действительности (см. табл. 1), то можем констатировать положительный факт. С одной стороны, имеет место создание при сельских школах школьных музеев, которые, безусловно, вносят вклад в социальное становление школьников. С другой стороны, если проанализировать содержание деятельности одного из школьных музеев, то выясняется, что она замыкается на себе. Лозунг «Для людей и на людях» не реализуется. Дети заняты поиском информации, ее анализом, обобщением, презентацией. Но это не есть «включение в решение проблем взрослых». Даже краткий анализ существующих проблем социального характера позволяет констатировать:

1. Социальные проблемы: безработица, пьянство, моральная деградация некоторых представителей взрослого населения являются причиной снижения жизненного уровня многих детей, изъятия их из семьи и поселения в детские приюты.

2. Отсутствие в муниципальных образованиях финансирования для организации уборки территории общественных и ритуальных мест: территории вокруг церкви, территории кладбища, территории Мемориала памяти павших.

3. Недостаточное количество обслуживающего персонала в ЦСОН для оказания необходимой помощи больным и пожилым людям.

4. Необходимость оказания помощи пожилым людям, ветеранам труда при выполнении сезонных работ (помочь вскопать огороды, убрать урожай).

В ходе работы по данной проблеме установлено, что специальных исследований, посвященных развитию социальной активности сельских школьников, немного. В литературе приведено описание ограниченного количества образовательных учреждений, являющихся активным субъектом социальной жизни. В диссертационных исследованиях и монографиях мы не выявили концептуальных идей, обобщающих опыт социально-активных школ в сельской местности.

Из опыта работы по развитию социальной активности учащихся Каракулинской общеобразовательной школы. Для развития социальной активности сельских школьников необходимо создать особые педагогические условия. Под педагогическими условиями мы будем понимать совокупность необходимых мер, которые способствуют эффективному развитию социальной активности сельских школьников. Одним из важных условий является вовлечение подростков в непосредственную целенаправленную социально полезную деятельность;

Приобретение школьником социальных знаний (об общественных нормах, об устройстве общества, о социально одобряемых и неодобряемых формах поведения в обществе и др.), понимания социальной реальности и повседневной жизни, а также формирование позитивных отношений школьника к базовым ценностям общества (человек, семья, Отечество, природа, мир, знания, труд, культура), ценностного отношения к социальной реальности в целом проис-

ходит в рамках реализации Программы духовно-нравственного развития учащихся 8-11-х классов, которая предусматривает следующие направления работы:

- разработку и апробирование экскурсионно-туристических маршрутов по теме «Памятники истории и культуры моего края».
- проведение поисково-исследовательской работы по изучению природного и культурного наследия своего края;
- разработку и реализацию социально значимых ученических проектов:
- изучение родословных и традиций в семьях школьников.

Для того чтобы информация об истории и культуре родного края была доступна всем, был разработан социальный проект «Ожившая история», который позволил сопровождать экскурсии театрализованными представлениями, импровизацией событий истории и культуры села Каракулино. Для этого школьникам пришлось изучить не только историю и культуру своего народа, но и его быт, костюмы, забытые традиции, особенности диалекта.

Следующее условие - **п**риобщение сельских подростков к активной поисково-исследовательской краеведческой деятельности.

Особенностью школьных музеев является их краеведческий характер, то есть они изучают преимущественно частные события и явления, связанные с историей и природой, культурой конкретного села, поселка, деревни. Поэтому к школьным музеям исторического профиля могут быть отнесены как музеи, изучающие историю города, села, деревни, так и музеи, изучающие историю школы. Но школьный музей может изучать жизнь и творчество знаменитых писателей, родившихся и живших в данной местности, но мало известных или незаслуженно забытых.

Музей образовательного учреждения - это результат целенаправленной творческой поисково-исследовательской и собирательской работы актива учащихся. Деятельность музея во многом зависит от того, насколько способен актив учащихся вести систематическую поисковую, фондовую, экспозиционную, просветительскую работу. Принимая участие в работе своих музеев, ребята бережно, страница за страницей «читают» героическую историю нашей страны открывая новые или забытые строки народного подвига.

В рамках эмпирического исследования проводится цикл занятий краеведческого кружка на базе Каракулинской средней общеобразовательной школы Удмуртской Республики.

Занятия проводятся по специально разработанной программе «Прошлое и настоящее нашего края», которая знакомит старших подростков с историей и культурой своей малой родины.

В соответствии с программой был создан актив Музея истории Каракулинской школы, который занимается поисковой деятельностью. Поисковая деятельность объединения имеет разные направления:

- изучение традиций, истории и культуры своего края, своего народа;
- изучение истории и традиций Каракулинской школы;
- поиск информации об участниках Великой Отечественной войны - жителях села Каракулино, учителях и выпускниках школы предвоенных и военных лет.

Изучая памятники истории и культуры, объекты природы, беседуя с участниками и очевидцами изучаемых событий, знакомясь с документальными, вещевыми изобразительными объектами наследия в среде их бытования, в музеях и архивах, учащиеся получают более конкретные и образные представления по истории, культуре и природе своего края, учатся понимать, как история малой Родины связана с историей России, как различные исторические, политические и социально-экономические процессы, происходящие в государстве и в мире, влияют на развитие этих процессов в родном селе, школе.

По итогам поисковой работы учащимся предлагается выполнить творческие и исследовательские работы. Предметом исследования становятся традиции и культура, храмовые сооружения района, памятники природы, истории, культуры края, события и человеческие судьбы.

В ходе работы происходит интеграция учебной, внеучебной и внешкольной деятельности. Особенностью образовательного процесса в сельской школе является то, что в селе все знают друг друга, находятся на виду у всех и поэтому быстрее могут быть оценены.

Учебная деятельность предполагает работу педагога и школьников по развитию социальной активности на уроке. Этой проблеме посвящены все темы урока «Краеведение» в рамках учебного предмета «История культуры народов» (7-8-й класс), темы, касающиеся событий взаимоотношений людей, истории, культуры родного края на уроках истории, обществознания (9-11-й класс).

Например, на уроке краеведения в 8-м классе в ходе изучения темы «Развитие профессиональной медицины в Удмуртии во второй половине XIX века» проводится параллель с развитием медицины в Каракулинском районе в этот период. Именно на рубеже XIX-XX вв/ в селе

Каракулино строится здание больницы, которая в те времена считалась лучшей в Сарапульском уезде, а сейчас является памятником архитектуры Удмуртии. Строилась она по инициативе и под личным руководством земского врача М.С. Гиршкевича, который умер от разрыва сердца во время операции в годы Первой мировой войны, похоронен в селе Каракулино.

Этот материал изучается в рамках внеучебной деятельности, учащиеся знакомятся с сохранившейся схемой постройки больницы, технологией, которая позволяет зданию быть действующим до сих пор. Они формируют для себя образ врача-патриота, жертвующего собой ради благополучия общества. Некоторые продолжают исследования в районном музее, в Интернете. Проводится исследовательская работа, об итогах докладывается на научной конференции.

Внешкольная деятельность. Учащиеся идут на экскурсию в здание больницы, их интересуют особенности внутреннего оформления здания конца XIX в. В ходе посещения обратили внимание на то, что некоторым больным (пожилого возраста) необходима их помощь: сходить в магазин, в аптеку, помочь одеться и выйти на улицу погулять (с разрешения врача). Некоторые школьники (с разрешения родителей) стали ходить в больницу, оказывать несложную помощь нуждающимся. Многие из них одновременно получили первичные навыки медицинского работника, смогли определиться с выбором профессии.

На уроке истории в ходе изучения темы «Гражданская война» обучающиеся узнают, что территория Удмуртии и Каракулинского района неоднократно становилась ареной боевых действий армий Колчака и Азина. У учащихся формируются представления о гражданской войне как о самой братоубийственной и кровопролитной, обсуждаются законы взаимоотношений людей, ведущие к гражданской войне.

Во время занятий краеведческого кружка школьники занимаются вопросами истории гражданской войны в крае. Документальные источники и воспоминания очевидцев сохранили много фактов пыток и издевательств над людьми как красными, так и белыми («Баржа смерти», камеры пыток, расстрелы семей сочувствующих). На улице села, которая попала под зону затопления, стоит небольшой заброшенный обелиск, посвященный жертвам гражданской войны.

Актив музея вышел с инициативой ко всем учащимся школы о том, чтобы благоустроить сквер у обелиска, вырубить кустарники и сорняки. Теперь каждую весну школьники приводят в порядок сквер и обелиск.

Умения и навыки, приобретенные учащимися во внеучебной и внешкольной деятельности, помогают им на уроке, при выполнении интерактивных заданий. Например, учитель просит провести виртуальную экскурсию по изученной теме. Те учащиеся, которые приобрели эти навыки во внеучебной и внешкольной деятельности, справляются с заданием значительно быстрее и качественнее, они быстро находят ключевые позиции, на которые необходимо обратить внимание при отборе материала, выстраивают межпредметные связи, создают необходимый продукт, а значит, лучше усваивают материал.

Итак, основной критерий развития *социальной активности личности*

- это уровень сформированности гражданственности, патриотизма в целом, духовной культуры общества и отдельной личности, проявляющийся в мировоззрении, в системе ценностей, в социально значимом поведении и деятельности на благо Отечества.

Заключение. Как видим, решая проблемы воспитания на селе, сельская школа играет системообразующую роль в сознании воспитывающей среды, в духовном единении всех общественных формирований, семьи, сообществ, учреждений культуры, трудовых коллективов в социализации детей, в духовном и физическом возрождении села.

Соответственно, профессиональная деятельность учителя села выходит за пределы школы, так как она связана не только с обучением и воспитанием школьников, но и с активным преобразованием сельской среды в целом. В этой связи сельский учитель невольно выполняет социальную функцию, к которой, естественно, его надо готовить. Тем более, сегодня тенденция к расширению и укреплению взаимодействия школы с жизнью, социальными институтами - семьёй, учреждениями культуры, местными советами - стала велением времени. Педагог выступает как учитель, как сотрудник и партнер, как создатель развивающей среды.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Белова Л.П. Социальная активность сельской школы / Л.П. Белова Монография // Вестник ТОГИРРО. - Тюмень. - 2010. - №1 (7). - 150 с.
2. Вахтеров В.В. Основы новой педагогики: Антология педагогической мысли России второй половины 19 - начала 20 в. / В.В. Вахтеров. - М.: Педагогика, 1990.
3. Вишнякова С.М. Профессиональное образование. - М.: НМЦ СПО, 1999. - 538 с.
4. Дереклеева Н.И. Справочник классного руководителя 10-11классы / Савченко М.Ю., Артюхова И.С. - М.: ВАКО, 2006.
5. Коджаспиров А.Ю. Словарь по педагогике. - М.: ИКЦ «МарТ», 2005.

6. Концепция духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России. Проект (А.Я. Данилюк, А.М. Кондаков, В.А. Тишков) // Вестник образования. - Сент. 2009. - № 17. Официальное справочно-информационное издание Министерства образования и науки Российской Федерации [Электронный ресурс] - www.vestnik.edu.ru/proect.html]
7. Котькова Г.Е. Сельская школа - социокультурный центр: особенности образования, традиции, трудности / Г.Е. Котькова // Народное образование. - 2010. - № 1.
8. Лингводидактический энциклопедический словарь. - М., 2007.
9. Рачинский С.А.Заметки о сельских школах: Антология педагогической мысли России второй половины XIX - начала XX в. / Рачинский С.А. // - М.: Педагогика, 1990. - 608 с.
10. Харламов И.Ф. Педагогика. - М.: Гардарики, 1999. - 520 с.
11. Эрик С.Ф. Актуальность проблемы формирования социальной активности подростков в процессе художественно-эстетической деятельности. - Нижневартовск: НГГУ, 2013.

REFERENCES

1. Belova L.P. Social'naja aktivnost' sel'skoj shkoly. [The Social activity of the village school]. L.P. Belova . Herald of TOGERA., No. 1 (7). Tyumen, 2010. 150 p.
2. Vakhterov V. V., Osnovy novoj pedagogiki: Antologija pedagogicheskoj mysli Rossii vtoroj poloviny 19 – nachala 20 v.v [The foundations of a new pedagogy: the anthology of pedagogical thought of Russia in the second half of the 19th and early 20th c. V.V. Vakhterov]. M.: Pedagogika, 1990.
3. Vishnyakova S.M. Professional'noe obrazovanie. [Professional education] . M: SMC SPO. 1999. 538 p.
4. Dereliev N.I. Spravochnik klassnogo rukovoditelja 10 -11klassy. [Handbook of the class teacher 10 -11классы. Savchenko M.Y., Artyukhova I.S.]. M.: WACO, 2006.
5. Kodzhaspirov A.Y. Slovar' po pedagogike. [Dictionary of pedagogy]. IKTS "March", 2005.
6. The concept of spiritually-moral development and education of the person citizen of Russia. Project (Danyluk A.Y., Kondakov A.M., Tishkov V.A.). Journal of education. No. 17. September 2009. Official informational publication of the Ministry of education and science of the Russian Federation - Available at: www.vestnik.edu.ru/proect.html
7. Kotkova G.E. Sel'skaja shkola - sociokul'turnyj centr: osobennosti obrazovanija, tradicii, trudnosti. [Rural school - sociocultural center: education, traditions, difficulties. G.E. Kotkova] . Narodnoe obrazovanie, No. 1. 2010.
8. Didactic encyclopedic dictionary. M., 2007.
9. Raczynski S.A. Zametki o sel'skih shkolah: Antologija pedagogicheskoj mysli Rossii vtoroj poloviny XIX – nachala XX v.v. [Notes on rural schools: the anthology of pedagogical thought of Russia in the second half of XIX - early XX centuries. Raczynski S.A.]. M. : Pedagogika, 1990. 608 p.
10. Kharlamov I.F. Pedagogy. M.: Gardariki, 1999. 520 p.
11. Eric S.F. Aktual'nost' problemy formirovanija social'noj aktivnosti podrostkov v processe hudozhestvenno – jestetich-eskoj dejatel'nosti. [The problem of formation of social activity of adolescents in the process of artistic and aesthetic activities]. Nizhnevartovsk, NGGU, 2013.

Информация об авторе

Корепанова Марина Геннадьевна, учитель истории и обществознания, организатор работы Музея истории Каракулинской школы,
Удмуртская Республика, Россия

izunya@yandex.ru

Получена: 03.12.2016

Для цитирования статьи: Корепанова М. Г., Развитие социальной активности учащихся в сельской школе: обзор публикаций и опыт работы исследователя. Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. Том. 8. № 6. Часть 2. с. 166-172.
DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-6/2-166-172.

Information about the author

Marina G. Korepanova, Teacher of history and social sciences, Organizer of the Museum of History of Karakulinskaya School,
Udmurt Republic, Russia

izunya@yandex.ru

Received: 03.12.2016

For article citation: Korepanova M.G., Razvitie social'noj aktivnosti uchashhihsja v sel'skoj shkole: obzor publikacij i opyt raboty issledovatelja. [Development of social activity of students in rural schools: review publications and professional experience of researcher]. Istoricheskaya i sotsial’no-obrazovatelnaya mys’l = Historical and Social Educational Ideas. 2016. Vol . 8. no. 6. Part. 2. Pp. 166-172.
DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-6/2-166-172. (in Russian)

УДК 37 DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-6/2-173-179

ФРОЛОВА Наталья Хайдаровна
Национальный Исследовательский Университет,
Высшая школа экономики
г. Нижний Новгород, Россия
frolovanh@gmail.com

Natalia H. FROLOVA
NRU HSE - Nizhny Novgorod
Nizhny Novgorod, Russia
frolovanh@gmail.com

ПЕРСПЕКТИВЫ ПРИМЕНЕНИЯ ВИКИ-САЙТОВ В ПРОЦЕССЕ НЕПРЕРЫВНОЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ «ШКОЛА-ВУЗ-ПРЕДПРИЯТИЕ»

Непрерывное обучение с применением вики-сайтов продиктовано стремительным ростом информационных технологий и активной жизнедеятельностью современных учеников, студентов, взрослых в цифровую эру, с одной стороны, и ригидностью традиционной образовательной системы, с другой. Данная статья анализирует особенности обучения на школьном, вузовском (бакалавриат, магистратура) и послевузовском (повышение квалификации, дополнительное и постдипломное образование) уровнях и рассматривает инновационный проект по интеграции различных уровней посредством применения нескольких вики-сайтов в качестве медиахранилища, образовательной среды и модели для групповых проектов, где школьники, студенты, магистранты, слушатели программ повышения квалификации и переподготовки выступают модераторами, участниками и руководителями. Ввиду многосредности представления учебной информации, открытого доступа к данному ресурсу, возможности совместного редактирования контента вики-сайтов данный проект представляется весьма перспективным, общедоступным и удобным в использовании.

Ключевые слова: непрерывное образование, ступени профессиональной подготовки специалиста, вики-сайт, проект взаимодействия «школа-вуз-предприятие».

WIKI SITES IN POTENTIAL USE IN THE CONTINUOUS PROFESSIONAL EDUCATION IN THE «SCHOOL-UNIVERSITY-ENTERPRISE" FRAMES

Continuous education by means of wiki sites has become acute due to the fact that there is a wide gap between the rapid growth of information technologies and active daily operation of modern pupils, students, adults in the digital era on the one hand, and the rigid traditional system of education on the other. This article analyzes the specific features of education and training at various levels of education including school, university (undergraduate, graduate) and postgraduate (professional development, additional and postgraduate education). It is to consider the feasibility of an innovative project of different levels integration through the use of several wiki sites playing the role of mediastorage of educational information, educational environment and models for group projects where pupils, students, undergraduates, students of advanced training and retraining programs are the moderators, participants and mentors. Bearing in mind multimedia presentation of educational information, open access to the resource, the possibility of collaborative content editing of Wiki sites, the project can be called very promising, available and user friendly.

Keywords: continuous education, professional training stage, wiki site, collaborative project "School-University-Enterprise"

В связи с глобальными изменениями в обществе иностранный язык стал неотъемлемым элементом профессиональной подготовки современного специалиста. В сложившихся условиях особенно актуально встает вопрос непрерывного обучения с применением информационно-коммуникативных технологий посредством интеграции инновационных способов изучения иностранных языков в образовательный процесс школ, вузов и предприятий.

Ввиду того, что Россия занимает первое место в Европе и шестое место в мире по количеству пользователей сети Интернет, достигшего в 2012 г. отметки в 59 млн человек, и «интернет превратился в базовую потребность людей», по мнению А. Колесникова, директора Координационного центра национального домена сети Интернет [7], задачей высшей школы становится удовлетворение данной потребности посредством интеграции ИКТ и организации непрерывного обучения. Данные изменения позволят оптимизировать образовательные циклы, которые зачастую отстают от стремительного усовершенствования технологий.

В современных условиях ИКТ, по мнению С.И. Архангельского, становятся не просто эффективным техническим средством обучения, а основой воссоздания языковой среды и ситуаций реального иноязычного общения, стержнем непрерывного обучения [1]. Что, несомненно, свидетельствует о том, что на современном этапе образование предоставляет человеку вариативность образовательных услуг, позволяющих учиться и профессионально совершенствоваться непрерывно. Некоторые исследователи [5] считают задачей XXI века переход от «образования на всю жизнь» к принципам «образование через всю жизнь», «образование как способ жизни».

Система образования должна способствовать решению этой актуальной задачи, а для этого, согласно высказываниям профессора В.И. Стражева [10], необходима последовательность и преемственность подготовки на протяжении жизненного цикла, а также интеграция усилий специалистов, занимающихся доподготовкой, подготовкой и повышением квалификации взрослых.

Концепцией непрерывного обучения, то есть обучения человека на протяжении всей его сознательной жизни, является равномерное распределение в течение жизненного цикла человека периодов обучения и производственной деятельности и предоставление возможности человеку приобретать необходимые ему умения, навыки, знания, качества, ценности не раз и навсегда, а по мере того, как у него возникает в них необходимость. Реализация концепции непрерывного обучения сводится к созданию всех необходимых условий для того, чтобы человек получил нужное ему, обществу и государству образование с помощью удобных и практичных способов. Одним из наиболее оптимальных способов является интеграция информационно-коммуникативных технологий в образовательный процесс вуза, которая происходит постепенно и довольно медленно.

Вопросами, связанными с использованием ИКТ в процессе обучения иностранным языкам, занимались такие исследователи, как В.С. Гусев, И.Г. Захарова, И.В. Роберт, С.В. Титова, А.В. Филатова, Е.Н. Соловова, А.Л. Назаренко и др., а непрерывному образованию в системе профессиональной подготовки специалистов посвящены работы современных исследователей Ю.Н. Петрова, С.М. Марковой и др. Однако же проблема непрерывного образования с применением ИКТ в общем и вики в частности недостаточно освещена и, следовательно, требует отдельного исследования.

Первые компьютерные программы обучения иностранным языкам создавались в 60-х годах XX века. Они представляли собой перенесенные на электронные носитель учебники и тесты, что приводило к отождествлению программированного и автоматизированного обучения. В данной статье рассматривается использование одного из видов ИКТ в изучении иностранного языка - вики-технологии.

Впервые термин «вики» был использован В. Каннингемом (Ward Cunningham) при создании первой платформы для совместной работы над общим сайтом WikiWikiWeb в 1995 г. Первоначальное значение слова «быстро» было заимствовано на Гавайях. Самый известный проект с вики - «Википедия», довольно демократичный толковый словарь, который принимает статьи от различных специалистов [3, с. 118].

В образовании использование вики-технологий широко и разнообразно. Автор статьи применяет вики для поддержки конкретной дисциплины - иностранный язык, которая реализуется на факультете гуманитарных наук департаментом прикладной лингвистики и межкультурной коммуникации и входит в базовую часть профессионального цикла: профессиональный блок со специализацией (major - обязательная часть по выбору студентов).

На занятиях студенты получают знания о преимуществах и ограничениях применения ИКТ в процессе изучения иностранных языков, об инновационных веб-инструментах, таких как вокграбберы, подкасты, вики-сайты, обучающие среды, MOOCs, LMS, вебинары, on-line презентации, и интернет-ресурсах, применяемых в изучении и преподавании иностранных языков, а также формируют практические навыки использования этих инструментов.

В результате прохождения данного курса студент должен обладать следующими универсальными компетенциями наряду с профессиональными: способность учиться, приобретать новые знания, умения, в том числе в области, отличной от профессиональной; решать проблемы в профессиональной деятельности на основе анализа и синтеза; оценивать потребность в ресурсах и планировать их использование при решении задач в профессиональной деятельности; работать с информацией: находить, оценивать и использовать информацию из различных источников, необходимую для решения научных и профессиональных задач (в том числе на основе системного подхода). Профессиональные компетенции подразумевают умения студентов создавать и редактировать тексты профессионального назначения, в том числе квалификационные работы, тезисы, презентации, научные статьи; свободно вести профессиональное письменное и устное общение на первом иностранном языке; проводить сбор и документацию лингвистических данных; планировать и проводить лингвистический эксперимент, описать его результаты и сформулировать выводы; иметь способность к осознанному целеполаганию, профессиональному и личностному развитию; гибко адаптироваться к различным профессиональным ситуациям, проявлять творческий подход, инициативу и настойчивость в достижении целей профессиональной деятельности и личных.

Опираясь на компетентностный подход к обучению иностранным языкам и широкое применение образовательных вики-продуктов, эксперты в области ИКТ вводят понятие «викизации» виртуального пространства, которое становится трендом в развитии современных программных средств обучения [14].

В арсенале современного преподавателя иностранного языка имеется та или иная образовательная инновация, которая помогает ему формировать упомянутые выше компетенции студентов. Автор статьи, в качестве веб-инструмента использует вики-сайт, который, по сути,

применяется в качестве мультимедийного медиахранилища образовательной информации конкретной учебной дисциплины.

Благодаря возможности вики для постоянного редактирования контента сайта, добавления файлов любого типа, с помощью гиперссылок на аудио- и видеоресурсы, студенты делают часть заданий вне аудитории, получают легкий доступ к необходимым видео, текстам, ссылкам и литературе, могут делать проекты в сотрудничестве и неформальном общении друг с другом и с преподавателем. Более того, вики-технологии позволяют реализовать индивидуальный подход к обучению, поощряют творчество и инновации, развивают критическое мышление за счет проектного обучения, при котором в ходе совместного выполнения задания в режиме реального времени реализуется многосредность общения (студент-студент, студент-преподаватель, преподаватель-преподаватель, преподаватель - группа студентов).

Обучение в НИУ ВШЭ - Нижний Новгород происходит на разных уровнях подготовки: бакалавриата, магистратуры, второго высшего образования, последипломного образования, курсов повышения и переквалификации, что обеспечивает его непрерывность.

В системе непрерывного профессионального образования А.П. Беляева выделяет пять ступеней квалификации работников [2].

Первая ступень обеспечивает базовые, или начальные, требования в квалификации.

Вторая ступень соответствует начальному профессиональному образованию по профилю и не требует среднего общего образования. Срок обучения - два года.

Третья ступень квалификации соответствует начальному профессиональному образованию по профессиям, для овладения которыми необходимо среднее общее образование. Срок обучения этим профессиям составляет от года до трех лет в зависимости от базовой общеобразовательной подготовки.

Согласно системе аттестации среднее профессиональное образование имеет целью подготовку специалистов среднего звена, удовлетворение потребностей личности в углублении образования на базе основного общего, среднего или начального профессионального образования. Среднее профессиональное образование может быть получено в образовательных учреждениях среднего профессионального образования (средних специальных учебных заведениях: техникумах и колледжах) или на ступени образовательных учреждений высшего профессионального обучения.

В системе непрерывного профессионального образования среднее специальное образование обеспечивает четвертую ступень квалификации.

Срок обучения в учреждениях среднего профессионального образования составляет от 1 года 10 месяцев до 3 лет 10 месяцев в зависимости от базового уровня общеобразовательной подготовки и начального профессионального образования. По окончании образовательного учреждения выдается документ государственного образца: диплом, сертификат или аттестат.

Высшее профессиональное образование имеет целью подготовку и переподготовку специалистов соответствующего высшего уровня квалификации и представляет собой пятую ступень.

Высшее профессиональное образование дается в высших учебных заведениях на базе среднего (полного) общего и среднего профессионального образования.

Люди, имеющие начальное и среднее профессиональное образование соответствующего профиля, могут получать высшее профессиональное образование по сокращенной или ускоренной программе.

Высшее профессиональное образование можно получить в высшем учебном заведении в строгом соответствии с основными профессиональными образовательными программами, отвечающими требованиям государственного стандарта высшего профессионального образования. Обучение завершается итоговой государственной аттестацией и выдачей выпускнику документа о высшем профессиональном образовании (диплома).

Структура высшего профессионального образования предусматривает ряд различных по срокам обучения образовательных программ.

Завершение студентом первой (основной) части профессиональной образовательной программы позволяет ему либо продолжить высшее образование, либо при необходимости без итоговой аттестации получить диплом о неполном высшем образовании.

Второй уровень высшего профессионального образования является образованием, которое дается в высшем учебном заведении по основной профессиональной образовательной программе, обеспечивающей подготовку специалистов с квалификацией «бакалавр».

Нормативный срок обучения составляет 4 года. Данная программа завершается итоговой аттестацией с присвоением выпускнику квалификации «бакалавр» и получением диплома.

Третий уровень высшего профессионального образования является образованием, которое можно получить в высшем учебном заведении по образовательным программам двух ти-

пов: подготовка специалистов с квалификацией «магистр» или с традиционной квалификацией «специалист» (маркетолог, логист, экономист или юрист).

Общий нормативный срок обучения составляет 6 лет. Данная программа завершается итоговой аттестацией, включающей выпускную работу (проект), с присвоением выпускнику квалификации «магистр», удостоверенной дипломом, либо итоговой аттестацией, включающей в себя дипломную работу (проект) с присвоением выпускнику квалификации специалиста (инженер, учитель, коммерсант, экономист и т.п.), с получением диплома.

Однако современные условия диктуют необходимость пересмотреть изложенный выше подход к определению ступеней обучения и начать подготовку профессионалов, готовых к деятельности в новых экономических условиях, в период жесткой конкуренции на рынке труда.

Во избежание безработицы и социальных потрясений необходимо организовать переход людей из одной квалификационной группы в другую и предоставить специалистам возможность обучаться на протяжении всей жизни, что означает реформирование некоторых сегментов профессионального образования и видоизменяет подход к понятию «учебное заведение».

Концепция непрерывного образования, реализуемая в условиях многоуровневой профессиональной подготовки, направлена на повышение профессиональной мобильности посредством получения обучающимися общепрофессиональных базовых и общеспециальных знаний, умений и навыков.

С учетом наклонностей, способностей и желания обучающихся возможна подготовка специалистов по интегрированным профессиям.

Следовательно, необходима систематизация профессионального образования, заключающаяся в непрерывной профессиональной подготовке на базе глубоких профессиональных знаний, умений и навыков с последующей общепрофессиональной специализацией и выходом на конкретную профессиональную деятельность, платформой которого может служить вики-сайт.

Таким образом, непрерывное обучение весьма эффективно можно организовать в системе «школа - вуз» в сотрудничестве с довузовским отделом и координаторами университетского округа, а также «вуз - предприятие» в коллаборации с отделом повышения квалификации и переподготовки, школой MBA и кураторами Президентской программы по подготовке специалистов в сфере управления, которая в НИУ ВШЭ - Нижний Новгород работает в рамках следующих программ обучения взрослых: образовательные программы профессиональной переподготовки типа В (550 аудиторных часов), обеспечивающие базовый уровень подготовки менеджеров; проектно ориентированные программы профессиональной переподготовки типа А, обеспечивающие более высокий уровень подготовки; также с 2010 г. реализуются программы повышения квалификации «Развитие предпринимательства» и «Менеджмент в сфере инноваций» (120 аудиторных часов) [12].

Автор данной статьи разработал проект непрерывного обучения с целью оптимизировать процесс обучения иностранным языкам посредством внедрения пяти учебных вики-сайтов на всех вышеупомянутых уровнях профессиональной подготовки: 1 - для школьников, слушателей подготовительных курсов, 2 - для студентов бакалавриата, изучающих иностранный язык в рамках профессиональной подготовки, 3 - для студентов магистратуры, продолжающих изучение иностранного языка, 4 - для взрослых обучаемых, слушателей Президентской программы по подготовке управленческих кадров, 5 - для преподавателей, использующих ИКТ в педагогической деятельности.

Два сайта из перечисленных выше уже созданы https://sites.google.com/site/frolovanh для поддержки учебной дисциплины «Деловой иностранный язык» (№ 2), на котором размещены учебные материалы, включая тексты, видео, интервью, аутентичные статьи, по темам «Глобализация», «Бренды», «Фальсификация» и т.д., а также презентации, выполненные студентами разных курсов и лет, размещенные на подстраницах, а главная страница посвящена стране изучаемого языка с отчетом студентов - участников языковых стажировок и вики-сайт для слушателей курсов повышения квалификации в сфере ИКТ (№ 5) https://sites.google.com/site/lmsnnovgorod, который представляет собой поурочный план прохождения ПК с видео, объясняющими новые понятия, с алгоритмами работы с LMS, с домашним заданием и списками слушателей ПК 2011-2012 гг. Сайт (№ 4) для слушателей Президентской программы находится в процессе разработки и пока только содержит Личные и Профессиональные портфолио слушателей 2014-2015 гг.
https://sites.google.com/site/presidentprogrammeprofiles/business-profile.

В ходе исследовательской работы, изучив и проанализировав научные труды педагогов, психологов и исследователей по внедрению вики-технологий в процесс обучения высшей школы, межпоколенческому обучению, андрогогическим особенностям, был разработан данный

проект, в результате которого планируется изменить парадигму непрерывного обучения с целью ее оптимизации за счет интеграции ИКТ (персональный вики-сайт для каждого этапа) в учебный процесс на разных ступенях обучения (на подготовительных курсах со школьниками, на платформах смешанного обучения для студентов бакалавриата и магистратуры, для повышения квалификации профессорско преподавательского состава, а также для слушателей Президентской Программы по переподготовке управленческих кадров).

Методы исследования основаны на качественном подходе и включают в себя наблюдение, анкетирования, собеседования, проведение сессий с фокус-группами. С целью оптимизации работы по созданию, продвижению учебных вики-сайтов, проведению и организации анкетирования, выездных собеседований в школы; в различные кампусы НИУ ВШЭ - Нижний Новгород, географически удаленные друг от друга, будут направлены следующие ассистенты:

- на ул. Большой Печерской исследовательскую работу будет осуществлять Темнов Д. (студент 2-го курса факультета Им и КН - ответственный за исследовательскую работу на вузовском уровне, по направлению «Бакалавриат»);
- на ул. Родионова будет работать Ежов М. (студент 2-го курса магистерской программы по маркетингу - ответственный за исследовательскую работу на вузовском уровне, по направлению «Магистратура»);
- в кампусе на ул. Львовской ответственной за исследовательскую работу на довузовском уровне, т.е. школьную часть эксперимента, будет Логинова Е. (ученица 11-го класса 94 школы г. Нижнего Новгорода);
- на площадки Группы компаний ГАЗ необходимо привлечение ответственной за исследовательскую работу на уровне последипломного обучения Скобелевой И. (слушателя Президентской программы для переподготовки управляющих кадров).

Общее руководство проектом, включающим в себя создание двух новых вики-сайтов и обновление трех существующих, наряду с организацией повышения квалификации преподавателей, заинтересованных в использовании электронной образовательной среды LMS или применения вики-технологий в обучении, но не имеющих навыков и приемов работы с ними, будет осуществлять Фролова Н.Х.

Предполагаемыми результатами реализации проекта, который рассчитан на 2016-2017 учебный год, станут выявленные психологические особенности каждой возрастной группы (дети, подростки, взрослые, пожилые) и созданные с их учетом благоприятные условия для дистанционного или смешанного обучения в образовательной среде НИУ ВШЭ - Нижний Новгород. Апробация авторской методики непрерывного обучения посредством создания и активного применения вики-сайтов на различных уровнях непрерывной профессиональной подготовки (на примере английского языка) будет проходить в подгруппах 1 и 4 курсов бакалавриата, 2 курса магистратуры, слушателей Президентской программы переподготовки управленческих кадров и школьников, обучающихся на подготовительных курсах факультета Довузовской подготовки.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Архангельский С.И. Учебный процесс в высшей школе, его закономерные основы и методы. - М.: Высшая школа, 1980. - 368 с.
2. Беляева А.П. Интегративная методология и политеория профессиональной педагогики / А.П. Беляева // Магистр. - 2000. - № 5. - С. 9-11.
3. Войтович И.К. Иностранные языки в контексте непрерывного образования. - Ижевск, 2012. - 32 с.
4. Гусев В.С. Эффективный поиск информации в Internet. Самоучитель. - М.: Изд-во Московского университета, 2009.
5. Зимина Е.В., Колотов В.Я. Методы развития непрерывного профессионального образования в процессе обучения иностранному языку курсантов ВИФК // Ученые записки университета имени П.Ф. Лесгафта. - 2007. - 25 апр. - С. 30-36.
6. Информационно-коммуникационные технологии в лингвистике, лингводидактике и межкультурной коммуникации. МГУ им М.В. Ломоносова. Факультет иностранных языков и регионоведения (2012) / Науч. ред.: А. Назаренко. Вып. 5. - М.: Факультет иностранных языков и регионоведения МГУ им. М.В. Ломоносова, 2012. - С. 322-332.
7. ИТАР-ТАСС Служба информационных проектов. Андрей Колесников [Электронный ресурс] - http://tasstelecom.ru/news/one/12748#ixzz28RiAumDH (Режим обращения: 20.05.2016) [ITAR-TASS information Service projects. Andrey Kolesnikov http://tasstelecom.ru/news/one/12748#ixzz28RiAumDH Last accessed 20.05 2016]
8. Качалов Н.А. Непрерывное образование: изучение иностранного языка. - Томск, 2004. - 252 с.
9. Роберт И.В. Современные информационные технологии в образовании: дидактические проблемы, перспективы использования. - М., 1994. - 150с.
10. Стражев В.И. Развитие системы непрерывного образования взрослых - приоритетная задача государств-участников СНГ / Человек и образование. 2008. - № 1 (14). - С. 5.

11. Титова С.В. Информационно-коммуникационные технологии в гуманитарном образовании: теория и ка. - М.: Изд-во Московского университета, 2009.
12. Фролова Н.Х. Интеграция информационно-коммуникативных технологий в систему высшего образования: проблемы и перспективы. - Н. Новгород, 2014. - 118 с.
13. Фролова Н.Х. Особенности непрерывного образования в рамках взаимодействия школа-вуз с применением информационно коммуникативных технологий. - Н. Новгород, 2011. - С. 42-55.
14. Цатурова И.А., Яковлев А.А., Афанасьев М.А., Аветисова К.А. Формирование медиакомпетенции как инновационной составляющей языкового образования в XXI веке // Инновационные проекты в языковом образовании / Под ред. Ю.Б. Кузьменковой. - М.: Центр по изучению взаимодействия культур ФИЯР МГУ им. Ломоносова, 2007. - С. 290-294.
15. Duke Chris (2002). Teachers and New ICT in Teaching and Learning. ILO Working Paper (WP 190). ILO: Geneva.

REFERENCES

1. Arhangelskiy, S.I. Uchebnyiy protsess v vyisshey shkole, ego zakonomernyie osnovyi i metodyi. — M.: Vyissh. shkola, 1980. — 368 s.[Arkhangelskij, S. I. Educational process in higher school, its natural bases and methods. — M.: Higher school, 1980. — 368 p]
2. Belyaeva, A.P. Integrativnaya metodologiya i politeoriya professionalnoy pedagogiki tekst. / A.P.Belyaeva // Magistr. — 2000. — № 5. -S.9-11. [12. Belyaeva, A. P. Integrative methodology and polytheory of professional pedagogy text. / A. P. Belyaeva // Master. — 2000. — No. 5. Pp. 9-11.]
3. Voytovich I.K. Inostrannyie yazyiki v kontekste nepreryivnogo obrazovaniya. Izhevsk, 2012. - 32s. [Voytovich I. K. Foreign languages in the context of lifelong education. Izhevsk, 2012. - P 32.]
4. Gusev V.S. effektivnyiy poisk informatsii i Internet. Samouchitel. Moskva, Izd-vo Moskovskogo universiteta, 2009.[Gusev V. S. Efficient retrieval and Internet. Tutorial. Moscow, Publishing house of Moscow University, 2009.]
5. Zimina, E.V., Kolotov, V.Ya. Metodyi razvitiya nepreryivnogo professionalnogo obrazovaniya v protsesse obucheniya inostrannomu yazyiku kursantov VIFK // Uchenyie zapiski universiteta imeni P.F. Lesgafta. — 2007. —25 apr. S. 30—36. [Zimin, E. V., Kolotov, V. Ya., Methods of development of continuous professional education in the process of learning a foreign language cadets of VIFK // scientific notes University after P. F. Lesgaft. — 2007. -25 April,Pp. 30-36.]
6. Informatsionno-kommunikatsionnyie tehnologii v lingvistike, lingvodidaktike i mezhkulturnoy kommunikatsii. MGU im M.V. Lomonosova. Fakultet inostrannyih yazyikov i regionovedeniya (2012) / Nauch. red.: A. Nazarenko. Vyip. 5. M. : Fakultet inostrannyih yazyikov i regionovedeniya MGU im. M.V. Lomonosova, 2012. S. 322-332.[Information and communication technologies in linguistics, linguodidactics and intercultural communication. Moscow state University M. V. Lomonosov. Faculty of foreign languages and area studies, (2012)]. edited by: A. Nazarenko. Vol. 5. Moscow : Faculty of foreign languages and area studies of Moscow state University. After M. V. Lomonosov, 2012. Pp. 322-332.]
7. ITAR-TASS Sluzhba informatsionnyih proektov. Andrey Kolesnikov, http://tasstelecom.ru/news/one/12748#ixzz28RiAumDH Posledniy dostup 20.05 2016
8. Kachalov N.A. Nepreryivnoe obrazovanie: izuchenie inostrannogo yazyika. Tomsk, 2004. - 252s.[Kachalov N.. Continuous education: learning a foreign language. Tomsk, 2004. - 252p.]
9. Robert I.V. Sovremennyie informatsionnyie tehnologii v obrazovanii: didakticheskie problemyi, perspektivyi ispolzovaniya. Moskva, 1994. - 150s.[Robert I. V. Modern information technologies in education: didactic problems, prospects of use. Moscow, 1994. - 150p.]
10. Strazhev, V.I. Razvitie sistemyi nepreryivnogo obrazovaniya vzroslyih - prioritetnaya zadacha gosudarstv-uchastnikov SNG / Chelovek i obrazovanie. 2008. —№ 1 (14). — S. 5.[Strazhev, V. I. the development of the system of continuous education of adults - a priority of the States-participants of the CIS / Man and education. 2008. — № 1 (14). — P.5.]
11. Titova, S.V. Informatsionno-kommunikatsionnyie tehnologii v gumanitarnom obrazovanii: teoriya i praktika. Moskva, Izd-vo Moskovskogo universiteta, 2009.[Titova, S. V. Information and communication technologies in humanitarian education: theory and practice. Moscow, Publishing house of Moscow University, 2009]
12. Frolova N.H. Integratsiya informatsionno-kommunikativnyih tehnologiy v sistemu vyisshego obrazovaniya: problemyi i perspektivyi. Nizhniy Novgorod, 2014. - 118s.[Frolova, N. H. Integration of information and communication technology in higher education: problems and prospects. Nizhny Novgorod, 2014. - 118p.]
13. Frolova N.H. Osobennosti nepreryivnogo obrazovaniya v ramkah vzaimodeystviya shkola-vuz s primeneniem informatsionno kommunikativnyih tehnologiy. Nizhniy Novgorod, 2011. - S.42-55.[13. Frolova, N. H. Characteristic features of continuous education via cooperation between School-University with the application of information and communication technologies. Nizhny Novgorod, 2011. - Pp. 42-55.]
14. Tsaturova I.A., Yakovlev A.A., Afanasev M.A., Avetisova K.A. Formirovanie mediakompetentsii kak innovatsionnoy sostavlyayuschey yazyikovogo obrazovaniya v XXI veke// Innovatsionnyie proektyi v yazyikovom obrazovanii / Pod red. Yu.B.Kuzmenkovoy. - M.: Tsentr po izucheniyu vzaimodeystviya kultur FIYaR MGU im. Lomonosova, 2007. - S. 290-294.[Tsaturova, I. A., Yakovlev A. A., Afanasiev M. A., Avetisov K. A. Formation of metacompetence as an innovative component of language education in the XXI century// Innovative projects in language education / ed. by Yu. b. Kuz'menkova. - M.: center for the study of the interaction of cultures, Department of FL MSU University after Lomonosov, 2007. - Pp. 290-294.]
15. Duke, Chris (2002). Teachers and New ICT in Teaching and Learning. ILO Working Paper (WP 190). ILO: Geneva.

Информация об авторе

Фролова Наталья Хайдаровна, кандидат педагогических наук, доцент, департамент прикладной лингвистики и иностранных языков,
НИУ ВШЭ – Нижний Новгород,
г. Нижний Новгород, Россия

Information about the author

Natalia H. Frolova, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Department of Applied Linguistics and Foreign Languages,
NRU HSE - Nizhny Novgorod,
Nizhny Novgorod, Russia
frolovanh@gmail.com

frolovanh@gmail.com

Получена: 02.12.2016

Для цитирования статьи: Фролова Н. Х., Перспективы применения вики сайтов в процессе непрерывной профессиональной подготовки «школа-вуз-предприятие». Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. Том. 8. № 6. Часть 2. с. 173-179.
DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-6/2-173-179.

Received: 02.12.2016

For article citation: Frolova N.H., [Wiki sites in potential use in the continuous professional education in the «school-university-enterprise" frames]. Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatelnaya mys'l = Historical and Social Educational Ideas. 2016. Vol . 8. no. 6. Part. 2. Pp. 173-179.
DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-6/2-173-179. (in Russian)

Обзорные статьи

Review articles

УДК 81 DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-6/2-183-186

МОРОЗОВА Елена Васильевна
Кубанский государственный университет
г. Краснодар, Россия
morozova_e@inbox.ru

Elena V. MOROZOVA
Kuban State University
Krasnodar, Russia
morozova_e@inbox.ru

ОБРАЗ ДРУГОГО/ЧУЖОГО В ФОРМИРОВАНИИ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ (ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ)

IMAGE OF OTHER/ALIEN IN FORMATION OF FOREIGN POLICY IDENTITY (LITERATURE REVIEW)

Благодарность. Обзор подготовлен в рамках проекта РГНФ №16-23-20001 «Восприятие Европы в молодежной среде в контексте современных геополитических трансформаций (на материалах Краснодара и Еревана)».

Acknowledgement. The review was prepared by the project of Russian Humanities Foundation №16-23-20001 «The perception of Europe among young people in the context of current geopolitical transformations (on materials of Krasnodar and Yerevan)».

Важную роль в процессах формирования политической идентичности играет образ Другого. О.В. Попова определяет образ Другого как установку в сознании индивида, связанную с самоопределением в социальном и политическом пространстве на основе выделения отдельных личностей, групп или институтов, задающих границы идентичностей и обладающих значимыми для него характеристиками [7]. Образ Другого может реализоваться в двух моделях. Первая из них, модель политической толерантности, может быть описана формулой «я-другой-иной». Вторая, интолерантная модель, представлена формулой «я-другой-чужой-враг».

Сравнительно недавно в социальных науках начал употребляться термин «внешнеполитическая идентичность», предпринимаются попытки его концептуализации. Как полагает И.Л. Прохоренко[1], в самом общем виде можно признать, что идеи и представления, порой мифологизированные, о сложившемся и/или желаемом миропорядке, о месте, роли и статусе государства в мире, о его реальных и потенциальных союзниках, соперниках и врагах формируют внешнеполитическую идентичность национального государства. Такая идентичность носит коллективный характер и достаточно стабильна во времени, учитывая общие историческую память и культурно-исторические основания государства-нации. Статьи и монографии, вошедшие в данный обзор, изданы в основном в последние пять лет и раскрывают различные аспекты использования образа Другого/Чужого в формировании внешнеполитической идентичности.

Ю.А. Цырфа [10] рассматривает внешнеполитическую идентичность государства (ключевого актора международных отношений) как одну из разновидностей коллективной идентичности. Автор определяет эту категорию как восприятие государства, его роли и значения в рамках мирового политического процесса со стороны его других участников, сформированное путем анализа его внешней политики как формализованной стратегии поведения в международной среде, направленной на обеспечение влияния на поведение других субъектов международных отношений и приспособление к последствиям процессов, происходящих в рамках определенной международной системы. «Формирование идентичности международного актора базируется на сознательном разграничении внешнего и внутреннего ареалов существования определенной группы, а также установлении четких границ между ними. Все перечисленные факторы конструирования идентичности могут быть задействованы только после налаживания (и постоянного динамичного развития) интеракций между представителями внутреннего и внешнего секторов существования группы» [10]. Как полагает автор, ее создание не может быть «запланировано» в рамках отдельной внешнеполитической стратегии или продиктовано волей Бога. Идентичность выступает исключительно конститутивным феноменом, формирование которого происходит в рамках существования определенной дихотомии по отношению к отличию. Другой иногда позиционируется с точки зрения угроз, что может привести к возникновению конфликта между ними и, соответственно, легитимизации применения насилия в отношении Другого. Автор ссылается на мнение Б. Румелили, который полагал, что эволюционное развитие коллективных идентичностей может привести к конструированию Другого скорее как «менее значимого» актора, а не определенного «анти-Я», что предусматривает приобретение последним преимуществ над «Другим». Это перекликается с точкой зрения О.Ю. Малиновой: «…хотя противопоставление Я и Другого является непременным условием конструирования идентичности, оно

[1] Данное определение дано И.Л. Прохоренко в статье «Внешнеполитическая идентичность» в готовящемся к публикации энциклопедическом издании «Идентичность: личность, общество, политика».

не обязательно должно принимать форму антагонизма. На практике имеет место широкий спектр вариаций, которые нуждаются в эмпирическом исследовании» [5].

Термин «значимый другой» заимствован политической наукой из психологии, в психологическом дискурсе «значимый другой» - это определенный человек, чье мнение высоко ценится данной личностью; человек влиятельный в своем воздействии на поведение и развитие данной личности, на принятие ею тех или иных социальных норм, ценностных ориентаций, формирование образа себя. Как отмечает А.П. Цыганков [11], для формирования полноценной субъектности в мировой политике принципиально важно наличие «значимого Другого», на которого проецируются представления о культурных, социальных и политических ценностях. Он незримо присутствует в самой ткани политического процесса, создает контекст существования и развития государства и таким образом оказывает значительное влияние на перманентные процессы формирования идентичности, прежде всего «легитимирующей идентичности» (Э. Кастельс), необходимой для повышения социальной сплоченности и расширения поддержки институтов государства, рационализации его власти. «В периоды относительной стабильности вопрос об идентичности не является первостепенным, тогда как в смутные времена перемен и потрясений, когда настоящее невыносимо, а будущее неопределенно, он выходит на первый план. Идентичность оказывается тем стержнем, который позволяет четко определить национальные интересы государств и интересы других международных акторов, отличить друзей от врагов, союзников от противников, задавая тем самым направление развитию международных отношений» [4]. О.Ю. Малинова полагает, что сообщества, «стоящие за» другими государствами, значимы не только в качестве потенциальных противников/врагов или партнеров/друзей на международной арене, но и носителей социального или политического опыта, обусловившего их успехи и неудачи и способного служить для нас ориентиром [5]. Опыт постсоветской истории показывает, что в роли «значимых Других» для России выступают США, Европа и Китай. «Разделяемые представления о внешних Других являются не только неотъемлемым элементом механизма конструирования макрополитических идентичностей, но и инструментом символической политики как публичной деятельности, связанной с производством и продвижением различных способов видения социальной реальности. В частности, они активно используются для легитимации властных решений» [5, с. 21]. В статье О.Ю. Малиновой демонстрируется, каким образом изучение способов репрезентации Других в контексте оправдания и оспаривания политического курса позволяет оценить их значимость.

Интерес представляет предложенная О.М. Тюкаркиной [8] типология внешнеполитических образов, характерных для многополярного мира. Автор выделяет следующие образы: образ стратегического партнера (доминирует в биполярном мире, при этом партнеры не обязательно являются единомышленниками); образ соперника (отличается от образа врага тем, что при выраженном конфликте интересов отношения не переходят за грань мирного урегулирования); образ врага (чаще всего существует в рамках билатеральных конфликтов); образ зависимого государства, всецело зависимого от действий суверена; образ государства-единомышленника (встречается достаточно редко, предполагает наличие разделяемых системных ценностей); образ государства-«изгоя» (государства, с мнением которого не считаются в международных отношениях)[2]; образ нейтрального государства (характерен для стран, воздерживающихся от участия в конфликтах и выполняющих роль медиатора).

Д.В. Чернобров [9] исследует эволюцию образа Другого в конфликтах современности. Автор раскрывает возможности конструктивистского подхода к объяснению конфликтов, что позволяет говорить о ключевой роли субъективного образа Другого в поддержании или изменении конфликтного потенциала на уровне коллективной идентичности. Предлагаемые в статье выводы связывают эволюцию «образа другого» с многоуровневой идентичностью, историческим сближением идентичности с национальным государством и увеличением количества доступных информационных потоков. С одной стороны, развитие внутринациональных конфликтов и протестных движений приводят к фрагментации «своего» от национального уровня к иным коллективным идентичностям. С другой стороны, социально-ценностная глобализация развивает тенденцию контекстной ассоциации «своего» с другими «своими» и переводит границу идентичности в ценностную плоскость (например, демократический «свой»). Усложнение образа Другого в современных конфликтах затрудняет их урегулирование и приводит к пересмотру значения конструктивистского анализа международных событий.

В поле нашего обзора оказались несколько исследований, представляющих различные кейсы использования образов Другого/Чужого в формировании внешнеполитической (или близкой к ней геополитической) идентичности. Книга Э.Я. Баталова, В.Ю. Журавлевой, К.В. Хозинской «Рычащий медведь» на «диком Востоке» (Образы современной России в работах амери-

[2] О.М. Тюкаркина подчеркивает, что данный термин привнесен в политический дискурс внешнеполитическим ведомством США и является формой использования технологии «клеймения».

канских авторов: 1992-2007) [1] содержит комплексный анализ образов постсоветской России, формировавшихся в США в период с 1992 по 2007 гг. Рассматриваются представления американцев о российском политическом режиме, внутренней, внешней, экономической и социальной политике государства, состоянии российской армии и роли России в обеспечении международной безопасности. Авторам удалось показать связь между спецификой американского восприятия России, особенностями американской цивилизации и характером американо-российских отношений.

Проведенное в 2012 г. В.А. Колосовым и О.И. Вендиной сравнительное исследование геополитических представлений студентов трех университетов: Балтийского федерального им. И. Канта, Гданьского (Польша) и Клайпедского (Литва) - выявило резкую асимметрию их интереса к соседней стране [3]. У польских и литовских студентов слово «Калининград» вызывало негативные ассоциации, хотя большинство из них никогда не бывали в этом российском регионе. Среди них получили распространение некоторые клише, связанные не столько с Калининградом, сколько с имиджем России в целом. Многие еще с 1990-х годов ассоциируют город с бедностью, неразвитостью, низким уровнем жизни, теневой экономикой, контрабандой и др. В настоящее время социально-экономические показатели Калининградской области и сопредельных регионов Польши и Литвы вполне сопоставимы, а по некоторым параметрам Калининград в начале текущего десятилетия опережал Литву. Авторы доказали, что стереотипная геополитическая картина мира, основанная на негативном коллективном опыте старших поколений, воспроизводится молодежью, сильно деформируя восприятие ею действительности. Сложившиеся представления оказывают весьма заметное влияние и на внутреннюю, и на международную политику, и на внешнеэкономические связи, особенно инвестиции и туристические потоки.

Обозначенный в последние годы политическим руководством России «восточный вектор» российской внешней политики привел к переоценке роли Китая как «значимого Другого», а стратегическое партнерство с этой страной приобрело для России особую значимость после присоединения Крыма и охлаждения отношений с западными странами. Можно ожидать проявления значимых работ, раскрывающих специфику образа Китая как значимого Другого для внешнеполитической идентичности россиян. Еще одно проблемное поле, на котором следует ожидать всплеска исследовательской активности, - современные российско-украинские отношения в контексте конструирования образа Другого/Чужого.

Большой интерес как с точки зрения контента, так и методологии и инструментария исследования представляют работы, посвященные визуальным аспектам репрезентации образа Другого/Чужого. В.И. Журавлева [2] исследовала визуальные репрезентации Российской империи / СССР, постсоветской России в политической карикатуристике США, что позволило обосновать роль русского Другого в формировании американской идентичности в длительной исторической перспективе. Автор показывает, как американские карикатуристы выражали в графической форме то, что не всегда поддавалось вербализации, актуализировали не только скрытые оценочные суждения американцев по поводу других наций, но и выстраивали определенную иерархию стран и народов, определяли место и роль США на ментальной карте мира. В статье показано, как дихотомия двух образов русского Другого - «демонического» и «романтического» - связана с коммуникативными стратегиями, использованными для кодирования американского общественного мнения. Л.В. Куликова и Ю.И. Детинко [11], рассматривая карикатуру как мультимодальный текст, показывают, как она используется в политическом медийном дискурсе Великобритании для создания образа Другого. В интракультурной перспективе политическими Другими могут выступать партии-оппоненты, в то время как интеркультурная перспектива подразумевает отношение к России, США, Франции как к Другим. Механизмы конструирования образа Другого определяются нахождением объекта внутри общей национальной культуры или за ее рамками.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Баталов Э.Я., Журавлева В.Ю., Хозинская К.В. «Рычащий медведь» на «диком Востоке» (Образы современной России в работах американских авторов: 1992-2007). - М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009. - 384 с.
2. Журавлёва В.И. Визуализация дискурса идентичности: русский «Другой» в американской политической карикатуристике: от века XIX к веку XXI / Американцы в поисках идентичности. - М.: РГГУ, 2013. - С. 364-397.
3. Колосов В.А., Вендина О.И. Геополитическое видение мира, идентичность и образы друг друга в представлениях молодых жителей Калининграда, Гданьска и Клайпеды // Балтийский регион. - 2014. - № 4. - С. 7-30.
4. Малинова О.Ю. Концепт «другого» в исследованиях идентичности: Анализ современных дискуссий // Политическая наука. - 2015. - № 4. - С. 154-169.
5. Малинова О.Ю. Риторика политического лидера как индикатор значимости Другого. США и КНР в выступлениях президентов РФ (2000-2015 гг.) // Полис. Политические исследования. - 2016. - № 2. - С. 21-37. DOI: http://dx.doi.org/10.17976/jpps/2016.02.03
6. Морозова Н.Н. Внешняя политика как дискурсивная практика: к вопросу о конструировании политического сообщества // Политическая лингвистика. - 2015. - № 3 (53). - С. 140-146.

7. Политическая идентичность и политика идентичности. В 2 т. Т.1: Идентичность как категория политической науки: словарь терминов и понятий / Отв. ред. И.С. Семененко. - М.: РОССПЭН, 2011.
8. Тюкаркина О.М. Образ врага в международных отношениях и его роль в формировании внешнеполитического курса государства // Мир и политика. - 2013. - № 10. - С. 181-194.
9. Чернобров Д.В. Эволюция «образа другого» в конфликтах современности: конструктивистский подход // Вестник МГИМО университета. - 2012. - № 6. - С. 47-53.
10. Цырфа Ю.А. Теоретические основы формирования внешнеполитической идентичности актора международных отношений // Вектор науки ТГУ. - 2014. - № 1. - С. 174-178.
11. Kulikova L.V., Detinko I.I. Construction of Political “Others” Through Multimodal Texts (Cartoons) in British Press // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. - 2014. - № 7. - Pp. 1381-1392.
12. Tsygankov A.P. Russia’s Foreign Policy. Change and Continuity in National Identity. - Oxford: Rowman and Littlefield Publishers, 2006. - 293 p.

REFERENCES

1. Batalov E.Ya., Zhuravleva V.Yu., Khozinskaya K.V. «Rychashchiy medved'» na «dikom Vostoke» (Obrazy sovremennoy Rossii v rabotakh amerikanskikh avtorov: 1992-2007). M.: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN), 2009. 384 s.
2. Zhuravleva V.I. Vizualizatsiya diskursa identichnosti: russkiy «Drugoy» v amerikanskoy politicheskoy karikaturistike: ot veka XIX k veku XXI. [The Russian "Other" in American Political Cartoons: from the 19th Century to the 21st Century]. Amerikantsy v poiskakh identichnosti. M.: RGGU, 2013. S.364-397.
3. Kolosov V.A., Vendina O.I. Geopoliticheskoe videnie mira, identichnost' i obrazy drug druga v predstavleniyakh molodykh zhiteley Kaliningrada, Gdan'ska i Klaypedy. [The Youth in Kaliningrad, Gdansk and Klaipeda: Geopolitical Vision of the World, Identity and Images of the Other]. Baltiyskiy region. 2014. №4. S. 7 - 30.
4. Malinova O.Yu. Kontsept «drugogo» v issledovaniyakh identichnosti: Analiz sovremennykh diskussiy. [The concept of «other» in the studies of an identity: The analysis of contemporary discussions]. Politicheskaya nauka. 2015. № 4. S. 154-169.
5. Malinova O.Yu. Ritorika politicheskogo lidera kak indikator znachimosti Drugogo. SShA i KNR v vystupleniyakh prezidentov RF (2000-2015 gg.). [Rhetoric of Political Leaders as an Indicator of Significance of the Other: Comparative Analysis of References to the USA and PRC in the Context of Legitimization]. Polis. Politicheskie issledovaniya. 2016. № 2. S. 21-37.
6. Morozova N.N. Vneshnyaya politika kak diskursivnaya praktika: k voprosu o konstruirovanii politicheskogo soobshchestva. [Foreign policy as discursive practice: on the question of constitution of a political community]. Politicheskaya lingvistika. 2015. №3 (53). S. 140-146.
7. Politicheskaya identichnost' i politika identichnosti. V 2 t. T.1: Identichnost' kak kategoriya politicheskoy nauki: slovar' terminov i ponyatiy. Otv. red. I.S. Semenenko. M.: ROSSPEN, 2011.
8. Tyukarkina O.M. Obraz vraga v mezhdunarodnykh otnosheniyakh i ego rol' v formirovanii vneshnepoliticheskogo kursa gosudarstva. Mir i politika. 2013. №10. S. 181-194.
9. Chernobrov D.V. Evolyutsiya «obraza drugogo» v konfliktakh sovremennosti: konstruktivistskiy podkhod. Vestnik MGIMO universiteta. 2012. №6. S. 47-53.
10. Tsyrfa Yu.A. Teoreticheskie osnovy formirovaniya vneshnepoliticheskoy identichnosti aktora mezhdunarodnykh otnosheniy. [Theoretical basis of formation of the foreign policy identity of the actor of international relations]. Vektor nauki TGU. 2014. № 1. S. 174-178.
11. Kulikova L.V., Detinko I.I. Construction of Political “Others” Through Multimodal Texts (Cartoons) in British Press. Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2014. №7. P.1381-1392.
12. Tsygankov A.P. Russia’s Foreign Policy. Change and Continuity in National Identity. Oxford: Rowman and Littlefield Publishers, 2006. 293 p.

Информация об авторе

Морозова Елена Васильевна, доктор философских наук, профессор, кафедра государственной политики и государственного управления, Кубанский государственный университет,
г. Краснодар, Россия
morozova_e@inbox.ru

Получена: 27.11.2016

Для цитирования статьи: Морозова Е.В. Образ другого/чужого в формировании внешнеполитической идентичности (обзор литературы). Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. Том. 8. № 6. Часть 2. с. 183-186.
DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-6/2-183-186.

Information about the author

Elena V. Morozova, Doctor of Philosophy, Professor, Department of Public Policy and Public Administration, Kuban State University,
Krasnodar, Russia

morozova_e@inbox.ru

Received: 27.11.2016

For article citation: Morozova E.V. Obraz drugogo/chuzhogo v formirovanii vneshnepoliticheskoj identichnosti (obzor literatury). [Image of other/alien in formation of foreign policy identity (literature review)]. Istoricheskaya i sotsial’no-obrazovatelnaya mys’l = Historical and Social Educational Ideas. 2016. Vol . 8. no. 6. Part. 2. Pp. 183-186.
DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-6/2-183-186. (in Russian)

Редакторские статьи. Мастера

В этом разделе будут размещаться с согласия авторов и редакций первичных публикаций тексты научных статей, которые, по мнению редакции журнала "Историческая и социально-образовательная мысль", интересны и важны для исследователей исторических, социальных и педагогических проблем.

Editorial articles. Masters

In this section will be placed with the consent of the authors and editorial offices of the primary publication of scientific articles, which, in the opinion of the editorial board of the Academic Journal "Historical and Social-Educational Ideas", are interesting and important for the researchers of historical, social and educational problems.

УДК 373

МАКАРЕНКО Виктор Павлович
Высшая школа бизнеса, Южный федеральный университет
г. Ростов-на-Дону, Россия
Vpmakar1985@gmail.com

Victor P. MAKARENKO
Higher School of Business
Southern Federal University
Rostov-on-Don, Russia
Vpmakar1985@gmail.com

ГОРОД КАК СУДЬБА: ВЗГЛЯД НОБЕЛЕВСКОГО ЛАУРЕАТА ОРХАНА ПАМУКА НА РОДНОЙ СТАМБУЛ[1]

CITY AS A DESTINY: VIEW OF NOBEL PRIZE WINNER FERIT ORHAN PAMUK[2]

В статье комментируется роман турецкого писателя, лауреата Нобелевской премии Орхана Памука. Автор рассматривает различие между понятиями hüzün и tristesse, выражающими смысловые нюансы печали. В статье подчеркивается, что для дистанцирования от политики надо отвергнуть существующие здесь и сейчас идеологии национализма. Акцент на распад империи позволяет избежать агрессивного национализма, изоляционизма.

Ключевые слова: чувство родного города, печаль, образ Стамбула, «восточный вопрос», городская идеология.

The novel of Turkish writer and Nobel Prize winner Ferit Orhan Pamuk is commented in the article. The author touches upon the difference between concepts 'hüzün' and 'tristesse' which are express semantic nuances of sorrow. It is emphasized in the article that in order to distance himself from politics, one has to reject all nationalist ideologies existing here and now. Emphasis on decay of the empire enables to avoid the aggressive nationalism and isolationism.

Keywords: hometown feeling, sadness, image of Istanbul, "Orient Question", urban ideology.

Если мы разделим все созданные на сегодняшний день описания городов на две части в зависимости от места рождения их авторов, то сочинения, написанные людьми, родившимися и живущими в описываемом городе, окажутся в безусловном меньшинстве.

Вальтер Беньямин

Нобелевский лауреат Орхан Памук родился и прожил всю жизнь в Стамбуле. Написал множество книг. В том числе роман «Стамбул. Город воспоминаний». На русском языке книга издана под названием «Биография Стамбула» в серии «Амфора Travel». Турецкий писатель разработал оригинальный концепт отношения к родному городу. Роман состоит из 37 глав. В названиях четырех присутствует слово «печаль», в двух - «скука» и «меланхолия». Этими темами я ограничусь.

Начну с факта, который приводит Орхан Памук. После Первой мировой войны население Стамбула едва превышало полмиллиона. В конце 1950-х составляло около миллиона, к началу 2000 года выросло до десяти миллионов человек. Стамбул открыт для переселенцев, разделен на общины и землячества. Однако за последние сто пятьдесят лет никто не чувствовал себя здесь вполне дома.

В чем же дело?

Черно-белый город и горько-радостное чувство

Любой человек задается вопросами о значении места и времени рождения: почему я родился именно сейчас в этом уголке мира? справедливо ли мне выпали семья, город, страна, которые я должен был полюбить? Орхан Памук считает, что нет смысла переживать по поводу внешности и пола - такова судьба. Его судьбой стал Стамбул.

У каждого человека с детства формируются связи с местом рождения. К ним относятся семейные фотографии. Они развешаны по квартире, содержатся в альбомах. Фотографии учат понимать важность мгновений, выхваченных из потока времени. Размышление об этом подталкивает Памука к выводу: жизнь дается нам только для того, чтобы мы могли пережить ее главные мгновения и заключить их потом в рамку. При этом каждая семья выглядит особой держа-

[1] Статья впервые опубликована в: *Политическая концептология: журнал метадисциплинарных исследований. 2011. № 4. С. 187-206.* В научном журнале «Историческая и социально-образовательная мысль» печатается с любезного разрешения автора.

[2] The article first published in: *Political Conceptology: Magazine of Metadiscipline Researches. 2011. № 4. P. 187-206.* Scientific journal “Historical, Social and Educational Ideas” print this paper by kind consent of the author.

вой. Бабушка писателя при рассказе о дедушке указывала на развешанные на стенах его фотографии, как бы повествуя о деяниях основателя государства.

Чтение - не менее важная связь с местом рождения. Орхан Памук рано научился читать. В его голове завелась «читательная машинка», которая воспроизводила множество надписей на улицах: «МЫ ХРАНИМ МЯСО В ХОЛОДИЛЬНИКЕ», «ЛИЦАМ ДО 18 ВХОД ВОСПРЕЩЕН». «СТАНОВИТЬСЯ НА ПОДНОЖКУ ЗАПРЕЩЕНО И ОПАСНО», «НЕ МУСОРИТЬ!», «ЦВЕТЫ НЕ РВАТЬ», «НЕ ПРИКАСАТЬСЯ», «ИЗ ФОНТАНА НЕ ПИТЬ», «ПО ГАЗОНАМ НЕ ХОДИТЬ».

Одновременно мама начала внушать ему, чего делать нельзя: покупать лакомства у грязных уличных торговцев; вступать в контакты с незнакомыми людьми; заказывать котлеты в ресторане, потому что фарш для них делается из плохого жирного несвежего мяса.

«Иногда буквы выстраивались в таком порядке, что напоминали времена, когда я учил алфавит. Это относилось к надписи на плитках тротуара у резиденции губернатора. Когда мы шли гулять, я прыгал по пустым плиткам и читал эту надпись задом наперед: "ОНЕЩЕРПАЗ ЬТАВЕЛП".

Этот приказ пробуждал во мне желание немедленно плюнуть. Но у дверей резиденции дежурили полицейские. Поэтому меня начинали одолевать раздумья: а если я зазеваюсь и не замечу, как из моего рта сам собой вылетит плевок? Я догадывался, что плюют на мостовую взрослые, вырастающие из тупых, бесхарактерных и нахальных детей. Однако в те годы среди стамбульцев эта вредная привычка не была настолько распространена, чтобы писать на тротуарах подобные запреты».

Памук иронизирует по поводу «цивилизаторской миссии» табличек, наводняющих город предупреждениями и угрозами. И в этом контексте рассматривает тексты стамбульских журналистов: «Сегодня стоит мне взглянуть на колонку любого автора, неважно, призывает ли он идти в Европу или возвратиться к традиционным ценностям, в моих ушах звучит мамин голос: "НЕ ПОКАЗЫВАЙ ПАЛЬЦЕМ!" И я улыбаюсь».

Кроме осознания системы запретов и рекламы важны исторические сведения о месте рождения. В 1850 г. в Стамбуле побывал Флобер. Под впечатлением от разнообразия города он написал: через сто лет Константинополю суждено стать столицей мира. Предсказание не сбылось. В итоге Первой мировой войны Османская империя исчезла. Когда родился Памук (1952 г.), Стамбул переживал дни нищеты, заброшенности, изоляции. Воспоминания о былом величии, бедность и городские развалины - вот с чем ассоциируется у писателя город Стамбул. Чувство подавленности, потерянности, тоски опустилось на Стамбул с падением Османской империи. И существует до сих пор.

Современный Стамбул - это черно-белый, свинцово-серый город. Черно-белая атмосфера объединила стамбульцев единой судьбой. «Когда в хмурые утренние часы или в дождливые и ветреные ночи, - пишет Памук, - я вижу стаи чаек, сидящих на куполах мечетей, грязный воздух, печные трубы, извергающие грязный дым, ржавые мусорные баки, пустынные и заброшенные зимние парки и сады, во мне рождается черно-белое, горько-радостное чувство. Встречающиеся тут и там разбитые источники, в которых уже несколько веков не журчит вода; лавки, возникающие на окраинах вокруг старых больших мечетей, на которые никто уже не обращает внимания; стайки школьниц в черных фартуках и белых воротничках, высыпающие из дверей начальной школы; груженные углем усталые старые грузовики; потемневшие от старости, пыли и пустоты помещения бакалейных лавочек; маленькие кофейни, в которых сидят грустные безработные; горбатые, покосившиеся тротуары; кипарисы, которые кажутся мне не темно-зелеными, а черными; расползшиеся по склонам холмов старые кладбища; полуразрушенные городские стены, похожие на мощенные брусчаткой улицы, поставленные набок; фасады кинотеатров, со временем становящиеся какими-то неуловимо одинаковыми; магазинчики, в которых торгуют мухаллеби; продавцы газет, стоящие на тротуарах; пьяницы, бродящие в полночь по улицам; тусклые уличные фонари; пароходы городских линий, ходящие по Босфору; дым, поднимающийся из труб, и укрывающий город снег - вот он, мой черно-белый Стамбул».

Орхан Памук описывает причины черно-белого восприятия Стамбула. Красивый город обнищал, состарился, отодвинут на обочину жизни. Возникло ощущение, что по сравнению с жителями Европы стамбульцы приговорены к вечной бедности, похожей на неизлечимую болезнь. Поражение Османской империи оставило отпечаток бедности и обветшания на всем - от черно-белых пейзажей до одежд обитателей. Бродящие по городским улицам собачьи стаи напоминают, что в Стамбуле могущество государственной власти отступает перед всеобщим ощущением тщетности, заброшенности и сожаления.

Все ушло впустую - европеизация, модернизация, военные перевороты, государственная и школьная дисциплина, устройство муниципалитетов по западному образцу, красноречие руководителей.

Укрепляет черно-белое восприятие и то, что в Османской империи не было изобразительного искусства. Художники видели Стамбул плоским, а не объемным. Их интересовали слуги и ремесленники султана, богатое оружие и одежды. Поэтому город они изображали как сцену, на которой происходят официальные церемонии и события, а не как место, где идет повседневная жизнь. К тому же издатели газет, журналов, учебников использовали черно-белые гравюры с рисунков европейских художников. Поэтому стамбульцы видели прошлое города исключительно черно-белым. Такой взгляд целиком соответствует печали, в которой они живут.

Писатель определяет Стамбул как город печали. «Печаль застилает наши глаза и скрывает реальность, облегчая нам жизнь; ее можно сравнить с паром, который оседает на окне, если в комнате кипит чайник, - это сравнение я выбрал еще и потому, что вид запотевшего окна неизменно вызывает у меня печаль». Памук предлагает разобраться в сути этого общего чувства.

Сходство и различие печали

Турецкое слово хюзюн (hiizun, «печаль» происходит из арабского языка и означает душевную боль от тяжелой утраты. Пророк Мухаммед называет годом печали («сент-уль-хюзн») год, в который умерли его жена Хатидже и дядя Эбу Талиб. В исламской философии возникло два взгляда на печаль.

1. Это следствие чрезмерной привязанности к материальному миру и его удовольствиям. Иначе говоря, «если бы ты не был настолько привязан к этому бренному миру, то есть был бы истинным, хорошим мусульманином, тебя не заботили бы потери, которые в этом мире неизбежны».

2. Это чувство неудовлетворенности, проистекающее от невозможности достичь желаемой близости к Аллаху, от того, что мы в этом мире не можем достаточно сделать для него. Такой взгляд развивается в суфизме. Суфий не переживает из-за мирских бед (нехватки денег, вещей, смерти). Нехватку он испытывает из-за невозможности приблизиться к Аллаху и обогатить свою духовную жизнь. Отсутствие печали - не благо, а недостаток.

Однако слово не объясняет, почему в последнее столетие на жителей Стамбула пала глубокая печаль - основное душевное состояние и центральное понятие жизни. Без этой субстанции город не был бы Стамбулом. Город несет печаль с гордостью и достоинством.

Орхан Памук обращает внимание на сходство между мнениями исламских и европейских мыслителей. Ибн Сина и Эль-Кинди полагали, что печаль связана не только с чувством утраты, возникающим после смерти близкого человека, но и с болезненными состояниями духа (гнев, любовь, ненависть, подозрительность). Такой подход схож с мыслями оксфордского профессора Роберта Бертона, написавшего в начале XVII века книгу «Анатомия меланхолии». По его мнению, меланхолия возникает от любви, неудач, дурных поступков и страха смерти до блюд и напитков. Бертон советует читателям искать утешения в здравых суждениях и труде, вырабатывать стойкость к ударам судьбы, не забывать о нравственности, самодисциплине, воздерживаться от чревоугодия.

Исламские и европейские мыслители рассматривали печаль как болезнь. Отсюда вытекает совпадение взглядов авторов книг, принадлежавших к совершенно разным культурам. Хюзюн и меланхолия ассоциируются с темнотой, черным цветом; то и другое слово употреблялись в широком значении, означая сильную душевную боль, подобно смыслу нынешнего слова «депрессия».

Ключевое различие между значениями этих слов в следующем: Бертон полагал, что меланхолия может привести к счастливому одиночеству; ее нужно принимать с радостью, поскольку она развивает воображение; меланхолии без одиночества не бывает; для Эль-Кинди главную ценность представлял не отдельный человек, а джамаат, община верующих. Печаль способствует возвращению человека в джамаат. Стало быть, меланхолия - это переживание одного человека, а печаль - это гнетущее чувство, объединяющее все население огромного города - Стамбула.

Памук фиксирует параллели между турецкой печалью и чувствами городских жителей Южной Америки. Стамбульская печаль близка понятию печали, которое использует Клод Леви-Стросс в книге «Печальные тропики». По климату, рельефу, благосостоянию Стамбул отличается от тропических городов. Но жизнь здесь ненадежна. Город отдален от центров западной цивилизации. Западному человеку трудно понять существующие здесь отношения между людьми. Это сближает понятия печали Стамбула и *tristesse,* о которой Леви-Стросс говорит применительно к тропическим городам. Слово *tristesse* тоже означает культуру печали, в которой живут миллионы людей, а не чувство одного индивида.

Времена расцвета османской культуры закончились недавно. Их следы везде заметны в Стамбуле. Величественные мечети, исторические здания, арки акведуков, источники вселяют в сердца живущих рядом с ними миллионов людей тоску об имперском величии. Это не похоже

на ситуацию в европейских городах, которые входили в состав рухнувших империй Запада. Там исторические здания охраняются как музейные ценности. Горожане гордо показывают их приезжим. Стамбульцы живут среди развалин. Руины напоминают о том, что былое величие, богатство, культура ушли в прошлое. Этими грязными, пыльными строениями невозможно гордиться.

Такое ощущение сближает турок с некоторыми русскими писателями. Патриот Достоевский тоже недолюбливал Запад. Он был в 1867 году в Швейцарии. И не мог понять, почему женевцы любят свой город. «И какие здесь самодовольные хвастунишки! <...> Все у них, каждая тумба своя - изящна и величественна», - с раздражением пишет он в письме. Женевцы даже при объяснении дороги говорили: «Когда вы минуете этот великолепный, изящный бронзовый фонтан...» Стамбулец в схожей ситуации сказал бы: «Сверните у пересохшего источника и идите по улице мимо сгоревшего дома».

Такова разница между понятиями huziin и tristesse. Леви-Стросс писал о печали европейца, наблюдающего за жизнью огромных перенаселенных городов, чьи обитатели потеряли надежду на лучшее будущее. Но эта боль не относится к переживаниям местных жителей. Она мучает пришельца с Запада, испытывающего чувство вины перед местным населением. А хюзюн - это ощущение стамбульца, вытекающее из обстоятельств его собственной жизни. Оно варьируется от жалости к самому себе до угрюмой тоски. Пронизывает классическую османскую музыку, современную турецкую поп-музыку. Гости с Запада чаще всего не ощущают ни печали, ни меланхолии.

Памук уточняет Коранический смысл слова «хюзюн». Печаль для Стамбула - добровольный выбор, а не «болезнь, от которой можно вылечиться», и не «беда, из которой нужно выбраться». Здесь возникает параллель с Бертоном, который писал: «Меланхолия - самое сладостное из удовольствий. Ни одно другое с ней сравниться не может». Но там, где у Бертона - ирония, насмешка над самим собой, у стамбульца - гордость и самодовольство. Они понимают печаль как судьбу и чувство, спасающее душу. Это оправдывается суфийским уважением к печали. И подается как выбор, которым можно гордиться.

Печаль становится причиной (а не следствием) всех жизненных бед и потерь. Реальные люди и герои турецких фильмов ведут себя так, будто им не хочется успеха, денег, счастья с любимой женщиной. Причина - печаль, которая живет в их сердцах с рождения. Печаль не только парализует волю, но и оправдывает поведение стамбульца.

Жителям городов свойственно стремление к успеху в духе бальзаковского Растиньяка. Оно не имеет ничего общего со стамбульской печалью, которая: гасит любые попытки противостоять порядкам и ценностям общины; культивирует желание довольствоваться малым; представляет унижение и бедность не как следствие исторических событий, а как достойный выбор, сделанный предками еще до твоего рождения. Такой образ мыслей, - констатирует Памук, - заслуживает уважения, но ведет в тупик. Неизлечимость, непобедимость, неизбежность бедности и черно-белой палитры жизни стамбульцы воспринимают как достоинство, а не как несчастье.

Такой образ мыслей противоположен европейской самодостаточности, рационализму, индивидуализму. Стамбульские поэты и писатели разделяют со всеми жителями города печаль и в то же время не мыслят жизни без чтения и европейской культуры. Перед ними стоит еще более сложная и скорбная проблема: найти в своей душе место и для чувства общности, которое дает хюзюн, и для рационального (как у Монтеня) или сентиментального (как у Торо) одиночества. Эту проблему они решили. Орхан Памук пишет, что созданный писателями образ Стамбула стал частью города и повлиял на него. Книгу «Биография Стамбула» он писал, пребывая во внутреннем диалоге с четырьмя печальными стамбульскими писателями, творившими этот образ.

Творцы образа Стамбула и их идейное кредо

Поэт Яхья Кемаль, историк-популяризатор Решат Экрем Кочу, романист Танпынар, мемуарист Абдульхак Шинаси Хисар написали тексты, подготовившие Нобелевского лауреата к пониманию духа города. Их подход к связям между прошлым и современностью (или между Востоком и Западом, как говорят европейцы) был творческим. Он научил Орхана Памука совмещать любовь к книгам и современному искусству с принадлежностью к жизни и культуре своего города. Неповторимым и уникальным город делает не топография, не здания, не представления о нем, а совокупность случайных встреч, воспоминаний, слов, цветов и образов его обитателей, живущих пятьдесят лет на одних и тех же улицах.

Эти писатели были ослеплены блеском западной литературы и искусства. Французская культура внушила им стремление к достоверности, самобытности и подлинности в творчестве. Они хотели держаться подальше от политики. После падения Османской империи возник турецкий национальный патриотизм как реакция на угрозу превращения Турции в колонию Запа-

да. Они раздумывали, как творчески переосмыслить идеи Верлена, Малларме и Пруста и одновременно преодолеть эту идеологию.

И они нашли свою тему: падение Османской империи и османской цивилизации. Это было тогда, когда центральным пунктом в идеологии новой Турецкой республики стало преследование османского имперского прошлого. Акцент на распад империи позволил им избежать примитивной ностальгии, похвальбы великой историей, агрессивного национализма, изоляционизма. Они поняли, что обретут собственный голос, если обратятся к прошлому с печалью от осознания безвозвратности гибели навсегда утраченной культуры. Красота Стамбула лежит мертвой у обочины, город полон развалин. Это придает прошлому ореол достоинства и поэтичности.

Такой подход делал этих писателей в глазах авторитарного государства патриотами (в турецкой терминологии - националистами) и спасал от репрессий, которым подверглись их современники, тоже интересовавшиеся историей. Печальные писатели практиковали игры с памятью и временем. Развалины рождают иллюзию, что прошлое может жить в настоящем.

Но главной для них всегда была мысль о том, что красоты «босфорской цивилизации» больше не существует. Хисар говорит: «Все цивилизации, как люди, обречены на смерть. И мы знаем, что не вернуть нам наших умерших друзей; не воскресить и цивилизацию, чье время прошло». Эти писатели хотели черпать вдохновение сразу из двух великих культур Востока и Запада. Они разделяли чувство общности, свойственное Стамбулу, потому что чувствовали его печаль. Но смотрели на красоту Стамбула глазами европейцев. Отсюда вытекало их главное кредо**:** противоречить требованиям государства и любых общественных организаций и групп; быть европейцем, когда тебе хочется оставаться человеком Востока; вести себя как человек Востока, когда от тебя требуют быть европейцем. Такой способ они избрали для того, чтобы достичь одиночества.

Книга из бабушкиной гостиной: популярная история и философия литературного творчества

Обычно история любой страны подается в учебниках как совокупность войн, побед, поражений, мирных договоров. В детском возрасте Орхан Памук в книжном шкафу бабушки обнаружил книгу «От Османа Гази до Ататюрка. Панорама шести веков истории Османской империи». В этой книге прошлое Стамбула представало как череда странных и отвратительных событий, картин, пыток, казней. Эта смесь рассказов, фактов, энциклопедических сведений и черно-белых рисунков впервые вышла в 1944 году. Ее автором был историк-популяризатор Решат Экрем Кочу. Он назвал книгу «первой в мире энциклопедией, посвященной одному городу». В 1951-м из-за нехватки денег он бросил свой труд на первой странице четвертого тома. В 1958 г. вновь приступил к изданию энциклопедии с буквы «А». Ограничил ее объем пятнадцатью томами. Но был вынужден бросить в 1973-м, на одиннадцатом томе. В любом случае вторая «Энциклопедия Стамбула» выше всего, что написано о Стамбуле в XX веке. Она наиболее полно отражает дух Стамбула.

Решат Экрем Кочу родился в 1905 году. В детстве он был свидетелем войн, которые привели Османскую империю к падению, а Стамбул повергли в нищету. Кочу решил стать помощником историка Ахмета Рефика. Тот был старше своего ученика на 25 лет. Он - автор серии книг под общим названием «Жизнь османского общества в минувшие столетия». Этот труд принес ему славу первого стамбульского историка-популяризатора. Он преподавал в университете, разгребал архивы, рылся в библиотеках, разыскивая странные истории в рукописях хронистов. Затем писал статьи для газет и популярные книги. Кочу многое перенял у Ахмета Рефика: превратился в библиофила, рыщущего по книжным магазинам, научился объединять в едином сплаве историю и литературу, искать в архивах интересные и странные истории и публиковать их в газетах и журналах, превращать историю в занимательное чтение, пристрастился к беседам с друзьями в питейных заведениях.

В 1950-1970-е годы авторы энциклопедии собирались в офисе издательства, затем шли в питейный дом. Они были последними наследниками средневековой литературы дивана, связанной с ней традиции разговора и османской мужской культуры. В энциклопедии Стамбула ощущается влияние этой культуры: стереотипный образ женщины; интерес к любви исключительно как к теме литературных произведений; подозрительный взгляд на отношения между полами, ассоциирующиеся с понятиями греха, грязи, обмана, измены, падения, стыда и вины. В круг этих писателей не допускались женщины.

Первое издание и первые тома второго издания «Энциклопедии Стамбула» были написаны «научно», - в них принимали участие профессора. Но чем дальше, тем больше Кочу писал о том, что волновало его самого. Поэтому последние тома больше всего нравятся Орхану Паму-

ку. Перелистывая их, он словно отправляется на воображаемую прогулку по настоящему и прошлому города.

Кочу также многое заимствовал у журналиста Ахмета Расима. Тот запоминал и классифицировал меняющиеся городские обычаи, нравы, традиции, моды, увлечения. Писал воспоминания так, что они воспринимаются не как история личной жизни, а как рассказ о странных и занимательных событиях, оставшихся в прошлом города. Но главное различие двух писателей - их отношение к заимствованной у Запада философии литературного творчества.

Ахмет Расим в юности писал романы и стихи в западном духе. Но потерпел неудачу. После этого считал следование западным образцам пустым подражательством. Он находил слишком западными и «чуждыми» идеи творческой оригинальности, бессмертной славы, преклонения перед людьми искусства; придерживался веселой и скромной, почти дервишеской философии: статьями зарабатывал на хлеб.

Кочу не мог избавиться от идеи литературного «величия» и «научного» западного представления о литературе как о системе жанров. Но эти взгляды ему было трудно примирить с интересом к ненормальному и странному. Османская культура подразумевала, что писатель, преподаватель, издатель не должен прятаться в андеграунде, изучая темные углы. Он обязан быть в центре общественной жизни, вступать в диалог с деятелями культуры и властью, поучать и направлять. Между университетом и энциклопедией есть сходство - накопление и классификация знаний. Благодаря этому они приобретают власть. Кочу они были нужны для того, чтобы придать интересу к «странностям» ореол официальности и научности. Но в XX веке модернизирующееся и европеизирующееся государство стало насаждать централизацию, единообразие, дисциплину, всеобщий контроль. Стамбульские писатели потеряли возможность открыто выражать свои вкусы, идеи и «сексуальные пристрастия, несовместимые с семейной моралью среднего класса».

В порыве патриотизма Кочу «доказывал», что османы создали энциклопедию в древние времена, без западного влияния. Он понимал энциклопедию как антологию сведений, организованную по алфавитному принципу. Не знал, что между фактами и «историями» существует разница; что в энциклопедии они должны быть упорядочены и встроены в иерархию, логика которой определяется сущностью цивилизации; что не энциклопедист должен служить истории, а история - энциклопедисту.

«Энциклопедия Стамбула» подобна предшественникам музеев - европейским кунсткамерам XVI-XVIII веков. Кочу хотел одним махом перенести на турецкую почву жанр, на создание которого у европейской цивилизации ушла не одна сотня лет. В то же время энциклопедия отражает не поддающуюся любой классификации странность, пестроту и анархию Стамбула эпохи перехода от османского прошлого к современности. Невозможно понять путаницу стамбульской жизни, используя западные приемы классификации.

Произведения печальных писателей были обречены на неудачу, поскольку их авторы не стали европейцами. Они порвали с османской традицией, увидели город «другими глазами», ступили на путь, с которого нет возврата. Этот путь увел их от Востока, но не довел до Запада. Самые глубокие и прекрасные места произведений печальных писателей - именно те, где особенно сильно чувствуется их затерянность между двумя мирами.

Европейский шаблон и реакции аборигенов

Штамп западного восприятия Стамбула был создан в середине X1X века - накануне Крымской войны. В Стамбул зачастили европейские писатели и журналисты. Жерар де Нервалъ писал: «Стамбул, чьи виды делают его прекраснейшим из городов мира, похож на театр: на представление лучше смотреть из зрительного зала, не пытаясь зайти за кулисы, где вас может ждать грязь и нищета». Друг Нерваля Теофиль Готье написал ряд статей для французских газет и объединил их в книгу, озаглавленную «Константинополь». Она переведена на многие языки. Является лучшей из того, что написано о Стамбуле в XIX веке.

Читая Нерваля и Готье, Яхья Кемаль и Танпынар поняли, что создать образ Стамбула можно лишь сведя в единое целое красоту видов и нищету «кулис». При этом «репортаж» Готье имел для них особое значение. Готье описал то, что пряталось за кулисами города. Начал исследовать его окраины, руины, грязные, темные улочки. Он впервые дал понять читателям, что нищие отдаленные кварталы важнее туристических достопримечательностей центра. Итак, печаль Стамбула последних полутора сотен лет (1850-2000) европейского происхождения: впервые понятие «стамбульская меланхолия» сформулировали французские поэты.

Всех волнует, что думают о нас как народе и лично о каждом незнакомцы и иностранцы. Стамбульцы тоже придают большое значение мнениям западных писателей. Но стоит западному писателю переступить грань - и сердце стамбульца разбито. Однако никто не знает, где находится эта «грань». Характер города, как и характер человека, определяется как раз тем, о

чем можно рассказать только «перейдя за грань» и увидеть, только если смотреть со стороны. Рост турецкого патриотизма совпал с активной европеизацией и осложнил эту дилемму.

Всех западных путешественников второй половины XVIII-XIX века интересовали следующие темы: гарем, невольничий рынок, нищие на улицах, бродячие собаки, огромные тюки на спинах носильщиков, дервишеские обители, спрятанные женщины, запрет на алкоголь. На этом основании с середины XIX века в английской и французской литературе сложился образ Стамбула. Стамбульцы тоже относились к указанным явлениям критически. Но если читали нелицеприятные рассуждения на те же темы у западных писателей, их национальная гордость была унижена.

Возник порочный круг, в котором любовь переходит в ненависть, ненависть - в любовь. Турецкая интеллигенция хочет, чтобы лучшие западные писатели и печатные органы похвалили ее за то, что она европеизирована. А западные писатели любят Стамбул и турок именно за то, что они не похожи на западные города и на западных людей, за то, что Турция остается «экзотическим Востоком».

Например, в X1X веке Пьер Лоти критиковал стамбульцев за увлечение европеизацией и утрату национальной идентичности. Между тем его читают в Турции лишь представители европеизированного меньшинства. Но при внешнеполитических проблемах стамбульские интеллигенты обретают любовь ко всему «исконно турецкому».

Путешественники нового поколения уже осознавали, что Османская империя пришла в упадок и отстала от Запада. Их не интересовали темы, актуальные в предыдущие столетия: секрет османской военной мощи и механизмы государственного управления. Стамбул уже не выглядел непостижимым - они находили его странным, но милым городом.

В воспоминаниях Андре Жида о поездке по Турции в 1914 году уже нет умильной «туркофилии». Он говорит: турки ему не нравятся; их одежда ужасна, но другой они не заслуживают; путешествие по Турции напомнило ему о превосходстве западной цивилизации вообще и французской культуры в частности. После публикации статьи Жида турецкие писатели предпочли скрыть от народа это оскорбление и пережить горе внутри себя. Причиной было их тайное согласие с обидчиком. Через год после публикации статьи Ататюрк запретил ношение любой одежды, кроме западной. После прихода к власти Ататюрка Стамбул потерял экзотическую привлекательность. Ататюрк начал проводить политику европеизации, изгнал султана, распустил гарем, закрыл дервишеские обители. На смену Османской империи пришла Турецкая республика, пытающаяся подражать Западу.

И вдруг в 1985 году в журнале «Нью-Йоркер» появилось эссе русско-американского поэта Иосифа Бродского «Побег из Византии». Бродский писал: «Какое здесь все состарившееся! Не старое, старинное, древнее и даже не старомодное, а именно состарившееся!» Орхан Памук согласен с Бродским. Основатели Турецкой республики не представляли, какой она должна стать. Им взбрела в голову списанная в Европе концепция национального турецкого государства. В результате Стамбул потерял связь с миром, забыл о днях разноязычия, великолепия и побед, состарился, опустел, превратился в черно-белый, монотонный и моноязычный город.

В середине X1X века на улицах города звучали турецкая, греческая, армянская, итальянская, французская и английская речь, средневековый язык евреев, бежавших из Испании от преследований инквизиции. После прихода к власти Ататюрка государство занялось отуречиванием Стамбула. Орхан Памук называет эту политику «завершением взятия Константинополя» или «этнической чисткой». Она устранила указанные языки из обихода. В 1950-1960-е годы Стамбул потерял космополитический облик.

«Восточная экзотика» исчезла после того, как была описана западными путешественниками. Орхан Памук приводит список утраченного: войско янычаров; невольничий рынок; дервиши и их обители; османские костюмы; гарем; арабский алфавит; перенесение могил и кладбищ в огражденные высокими тюремными стенами места; носильщики; старинные американские автомобили. Местные европеизаторы переделали город в соответствии со своими идеями. Уничтожали особенности Стамбула.

Только два явления сохранились до наших дней - собачьи стаи и руины.

Османский рай, или Как быть чужим в родном городе

После поражения Турции Танпынар и Яхья Кемаль подолгу и регулярно гуляли по окраинам Стамбула. Семьдесят лет прошло со времени посещения Османской империи Нервалем и Готье. Империя пала, Стамбул обнищал. Страна и столица стали бедной окраиной мира. Но турецкие писатели пишут об этом по образцам Нерваля и Готье. Танпынар считал, что окраинные кварталы, развалины, безлюдные улицы, пепелища, мастерские, склады, ветхие деревянные дома, лачуги обладают особенной красотой: «Полная приключений биография этих разоренных районов имеет для меня символическое значение. Только время, только долгая череда

исторических событий и происшествий может придать району такой облик. Сколько побед, поражений и бедствий пришлось испытать предкам этих людей? Сколько всего было построено, разрушено и вновь построено, прежде чем эти улицы приобрели свой сегодняшний вид?».

Поэт и прозаик хотели разбередить чувство утраты по политическим причинам. Среди руин Стамбула они хотели найти основу турецкой нации и нового турецкого патриотизма. Но если идеологи государственно-национального патриотизма предпочитали грубо-властный тон, поэт и писатель обратились к идее красоты. Яхья Кемаль десять лет прожил в Париже, изучал французскую литературу. Он понял, что новый турецкий патриотизм могут воспитать только мыслящие «по-западному» люди, если им удастся создать образ «прекрасного» патриотизма в западном духе. Но при этом писатели забыли о существовании греков, армян, евреев, курдов, других меньшинств.

Поражение Турции в Первой мировой войне сделало Кемаля и Танпынара националистами. Они писали о былых победах турецкой армии. О великой нации турков, давшей миру шедевры искусства. Во имя «становления новой нации» подчеркивали «турецкость» Стамбула. Отвергали космополитическую, разноязыкую, веротерпимую сущность города. Обеспечили политике отуречивания идеологическую поддержку, написав по статье под одинаковым названием «Турецкий Стамбул». Впоследствии такая позиция облегчила им отношения с государством, позволила занимать дипломатические посты, избираться в меджлис.

Яхья Кемалю и Танпынару была нужна печальная красота, говорящая об утратах и поражениях. Она должна была доказать, что главное в поверженном и нищем городе - его мусульманское население, которое не потеряло национального самосознания. Поэтому они бродили по окраинам в поисках пейзажей, в красоте которых чувствовалось бы влияние печали прошлого и руин на жизнь горожан. Но они смотрели на эти кварталы глазами западного путешественника, несмотря на патриотический пыл.

Два турецких друга-писателя жили в Стамбуле. Но подпали под влияние двух французских друзей-писателей, живших за полвека до того в Париже. Произошло переплетение тем патриотизма, разрухи, европеизации, поэзии, красоты. Так появился образ, укоренившийся в сознании стамбульцев. Его можно назвать «печалью руин». Кварталы, в которых печаль руин ощущается наиболее сильно, можно назвать живописными, если смотреть на них с западной точки зрения. Печаль, замеченная в красоте живописного пейзажа, была той самой печалью утрат и бедности, которая в течение последующих ста лет лежала и продолжает лежать на сердце стамбульцев.

Джон Рескин говорит, что особенностью живописной красоты в архитектуре является ее «случайность». На окраинах красота появляется, когда разрушенные городские стены увивает плющ, в трещинах вырастает трава и деревья. Случайная красота - это красота разбитого источника, полуразрушенного деревянного особняка с почерневшими от времени и увитыми плющом стенами, необычное переплетение ветвей чинар. Но в Стамбуле эти виды встречались на каждом шагу. Поэтому их нельзя назвать случайными: в развалинах жил дух города.

Чтобы наслаждаться случайной красотой бедных кварталов и поросших травою руин, прежде всего надо быть чужаком в этих местах. Трущобы вовсе не кажутся красивыми местным жителям, поскольку говорят им о нищете и безысходности. Только тот, кто приходит в бедный квартал извне, может наслаждаться случайной красотой его живописного запустения. Кемаль и Танпынар восторгались «прекрасными» видами бедных окраин Стамбула. Убеждали читателей, что люди здесь хранят моральные устои и трудовую этику, завещанную дедами-прадедами. А сами жили в комфортном районе. Патриоты-литераторы могли разглядеть красоту только в тех районах Стамбула, где были чужаками.

Именно раздвоенность сознания делала Танпынара и Яхью Кемаля истинными стамбульцами. Уникальность и живописность Стамбула определяется тем, что его обитатели могут смотреть на город то с западной, то с восточной точки зрения. В 1950-1960-е годы Стамбул находился в наибольшей изоляции от мира. Однако его обитатели чувствовали себя в нем чужими.

Аборигенный образ Стамбула - это образ прекрасного, подлинно турецкого, печального, захолустного живописного окраинного квартала. Здесь бедность не дает исчезнуть «подлинно турецкому образу жизни». И потому не постыдна, а окружена ореолом достоинства. Этот образ пришелся по душе читателю газет и журналов. Не потому, что реалистично изображал жизнь бедного города, а потому, что соответствовал буржуазным представлениям о том, что есть «истинно турецкое».

Впервые идеальный квартал появился в 1930-1940-е годы на страницах консервативных газет и журналов в виде копий с гравюр западных художников. От читателей скрывали, что перед ними плод фантазии европейца. Читателям полюбился черно-белый образ полуразрушен-

ного квартала, населенного носителями национального самосознания. Особенно часто образ появлялся в газетах во время Рамазана.

Консервативные писатели желали подчеркнуть истинно турецкую, мусульманскую сущность бедного квартала. При этом показать, что она не противоречит европеизации. Они создали в своих произведениях османский рай, где власть паши не подвергается сомнению, семейные и дружеские связи скреплены ритуалами и традиционными ценностями скромности, покорности и нетребовательности. Гарем, многоженство, наложницы, право паши бить людей смягчались и «одомашнивались». Противоречия и конфликты между типами городских жителей сглаживались и разрешались в атмосфере всеобщего братства.

Стамбульские писатели из печали руин создали идеальный город живописных лачуг. Эта литература пропагандировала традиционные национальные ценности. Ее посыл таков: пусть даже ты живешь на бедной, захолустной улице, - если ты трудолюбив и благонравен, то в один прекрасный день обретешь счастье. Бедность, поражения и руины - вот из чего вырос образ Стамбула, утвердившийся за последние сто лет в сознании его обитателей (любовь или отвращение вызывает он у них - другой вопрос).

Предпосылки решения «восточного вопроса»

Гюстав Флобер был в Стамбуле на протяжении пяти недель 1850 года. В письмах он сформулировал мысль, которая стала основным принципом всех писателей-модернистов: «Плевать мне на свет, на будущее, на то, что скажут, на какое бы то ни было положение и даже на литературную славу, мечтая о которой я когда-то провел столько бессонных ночей. Вот таков я, такова моя натура» (письмо к матери, 15 декабря 1850, Стамбул). Кредо Флобера - отказ придавать серьезное значение чему бы то ни было за исключением искусства, отвращение к буржуазному образу жизни, браку, коммерции.

В письмах из Стамбула Флобер пишет о том, что испытывает интерес ко всему странному, страшному, грязному. Рассказывает о «кладбищенских проститутках», по ночам встречающихся с солдатами на кладбищах. О пустых гнездах аистов, ледяном сибирском ветре, дующем с Черного моря, толпах людей на улицах. Самые проникновенные строки Флобер посвятил стамбульским кладбищам, о которых писали все, кроме стамбульцев. Он первым заметил, что их надгробия подобны гаснущей памяти об умерших - со временем уходят в землю и бесследно исчезают.

Орхан Памук пишет, что он создавал свою личность в мысленных беседах и спорах с Нервалем, Флобером, де Амичисом, Утрилло. Из книг иностранцев он узнал о внешнем облике своего города и его жизни в минувшие столетия больше, чем из книг турецких писателей, не уделявших Стамбулу ни малейшего внимания. **«**Назовите это ложным сознанием, фантазией или идеологией, - у каждого из нас в голове есть некий полускрытый, полуявный текст, помогающий нам понять значение всего, что мы делаем в жизни… Я принадлежу одновременно к двум разным культурам. Для стамбульца вроде меня "приезжий с Запада" часто не реальный человек, а игра воображения, фантазия, иллюзия. Но мой разум не может свести воедино тексты старой, традиционной культуры воедино, и поэтому я ощущаю потребность в иностранце, чужаке, который своим текстом, книгой, картиной, фильмом помог бы мне понять мою жизнь. Если я чувствую, что мне не хватает взгляда со стороны, я становлюсь своим собственным "иностранцем"».

Такую позицию Орхан Памук детально аргументирует. Турция никогда не была западной колонией. Поэтому его не раздражает, что история Стамбула была для пишущих о Стамбуле всего лишь «экзотическим материалом». Он читает их книги для того, чтобы войти в мир иностранцев. В этих книгах и картинах он находит отражение своего мира: «Читая записи, размышления и умозаключения тех, кто побывал в Стамбуле в XIX веке, я понимаю, что мой город - не совсем "мой"… Читая написанное о Стамбуле западными писателями, я отождествляю себя с ними. Вместе мы пытаемся разобраться в подробностях местной жизни, подсчитываем, взвешиваем, раскладываем по полочкам и выносим суждения, в которых отражаются наши собственные мечты, желания и убеждения. В такие моменты я вижу город то изнутри, то извне, но при этом не чувствую себя ни целиком и полностью местным, ни безусловным чужаком. Именно такие отношения установились в последние полтора века между стамбульцами и городом, в котором они живут».

Отношение между Западом и Востоком Орхан Памук предлагает оценивать на примере истории с сифилисом, которым Флобер заболел во время путешествия на Восток. Турки-националисты называли сифилис «европейской болезнью». Первый турецкий толковый словарь составил в 1900 г. албанец Шемсеттин Сами. Там написано, что сифилис - «болезнь, пришедшая к нам из Европы». Европейцы полагали, что сифилис распространился по миру из Америки. Флобер же в «Лексиконе прописных истин» пишет: «Сифилис - все более или менее

заражены им». Иначе говоря, венерические болезни снимают культурно-исторические различия.

Любовь-ненависть против городской идеологии

К настоящему времени существует два основных способа избавиться от тоски по былому величию:

1. Не думать об исторических зданиях и не обращать внимания на их архитектурные особенности. Так поступают стамбульцы. Они плюют на всякую «историю», растаскивают камни из городских стен, чтобы использовать их для собственных построек.

2. Построить на месте развалин «современный европейский дом». Но беспамятство и уничтожение следов прошлого только усиливают печаль, дополняя ее ощущением бессмысленности и нищеты жизни.

Позиция Орхана Памука совпадает с европейскими критиками Стамбула и Турции: «Мне тоже хочется читать у западных авторов глубоко критические и пренебрежительные рассуждения о моем городе. Они мне интереснее, чем восторги западных писателей по поводу "красоты" и "своеобразия" Стамбула. Дело не в несовпадении между тем, что писатель ожидает от города, и тем, что читатель желает найти в книге о своем городе».

Орхан Памук мечтал жить так, как жили французские художники, о которых он читал в книгах. Но у него не хватало сил воссоздать в Стамбуле мир этих художников. Он не мог изменить Стамбул. В шестнадцать-восемнадцать лет он желал, чтобы город стал совершенно западным, а он сам превратился в европейца; с другой стороны, ему хотелось быть частью города, к которому он привык, города его воспоминаний. В детстве эти два желания уживались в его сознании, в юности они вступили в конфликт. «Я понимал, что Стамбул - безнадежно отсталый город, что от нищеты своей и чувства поражения ему удастся избавиться очень не скоро, и скорбел о его и о своей судьбе. Вот такими путями в мою душу проникала стамбульская печаль, разделяемая всеми горожанами со смирением и гордостью».

Эта печаль переплелась с чувством любви-ненависти к родному городу. Интерес писателя к путевым заметкам западных путешественников объясняется тем, что стамбульцы ничего не писали о Стамбуле вплоть до начала XX века. Литературные произведения, гравюры, живопись и фотография о Стамбуле - дело рук иностранцев. Если аборигену хочется узнать, что происходило сто, двести, четыреста лет назад на улицах и площадях, где прошла его жизнь, ответы на вопросы он может найти только у западных писателей. Они же интересовались лишь экзотическим и живописным.

Людей, глядящих на город «со стороны», интересует в нем экзотическое и живописное, в то время как интерес к городу его уроженцев всегда связан с их личными воспоминаниями. Но подгонка под западный стандарт уравняла всех. А каким представлялся родной город предыдущим поколениям жителей Стамбуле - неизвестно, потому что они не оставили воспоминаний.

«Поэтому я читаю записки иностранцев так, словно это мои собственные ния, - пишет Памук. - Особенно мне нравится находить у западных писателей указания на такие особенности стамбульской жизни, которые я тоже подметил, но не понял этого, потому что никто из здесь живущих таких вещей не замечает. Привычка смотреть на Стамбул глазами чужака доставляет мне удовольствие, поскольку она служит противовесом слепому патриотизму и стремлению "быть как все"… Если смотреть на город с разных точек зрения, легче сохранить живую связь с ним. Если жить все время в одном городе и быть к нему привязанным, это приведет к потере всякого интереса к городу. Поэтому чтение книг иностранных путешественников придало моему взгляду на Стамбул отстраненность. Мне кажется, что записки иностранца - мои собственные воспоминания».

Чтобы увидеть печаль Стамбула, надо проникнуться чувством, которому Памук посвятил главу под названием «Быть несчастным - значит ненавидеть себя и свой город». Иногда смотришь на толпы снующих вокруг людей, - резонирует он, - и понимаешь, что они вот так бессмысленно бродят здесь уже несколько столетий. Парки превращаются в грязные, унылые пустыри, площади, утыканные фонарными столбами и рекламными щитами, кажутся отвратительно пошлыми. Весь город - и твоя душа вместе с ним - становится невыносимо пустым. Мерзкая грязь переулков, вонь из открытых мусорных баков, вечные ухабы, колдобины и выбоины, суматоха и толкотня, без которой Стамбул не был бы Стамбулом, - все это говорит мне не столько о недостатках города, сколько об убожестве моей собственной жизни и души. Этот город - справедливое наказание мне, загрязняющему его существу. «Ты, как и твой бул, - шепчут мне улицы, - живой мертвец, дышащий труп, развалина, у которой и в настоящем, и в будущем нет ничего, кроме уныния и грязи».

Затем Орхан Памук произносит монолог, в котором, похоже, выражена суть чувства любви-ненависти к родному городу: «Я не люблю, когда весенними днями солнце вдруг выглядыва-

ет из-за облаков, безжалостно высвечивая своими яркими лучами бедность, бестолковость и убожество. Я не люблю проспект Халаскаргази, идущий от Таксима через Харбийе и Шишли до самого Меджидийекёя, застроенный в 1960-1970-е годы с обеих сторон многоэтажными жилыми домами в "международном" стиле, с огромными окнами и "украшенными" кафельной плиткой стенами. Есть улицы в Шишли (Пангалты), Нишанташи (Топагаджи) и Таксиме (Талимхане), откуда, если мне случается туда попасть, меня так и тянет как можно быстрее уйти. Атмосфера этих лишенных зелени мест, откуда не увидишь Босфора, этих холмов и лощин, застроенных уродливыми домами, ютящимися на маленьких земельных участках, что когда-то давно были поделены перессорившимися из-за собственности родственниками, кажется мне такой удушливой и высасывающей всякую энергию, что я не могу отделаться от мысли, будто все эти глядящие из окон злобные старухи и усатые старики меня ненавидят, и более того, ненавидят справедливо. Я ненавижу улицы, заполоненные магазинами готового платья (как между Шишли и Нишанташи), магазинами электротоваров (как в Тепебаши и Галате), магазинами автозапчастей (когда-то эти магазины располагались главным образом на улице Талимхане, неподалеку от Таксима; в те легкомысленные годы, когда дедушкино наследство с веселым свистом разлеталось направо и налево, отец с дядей тоже открыли там свой магазин автозапчастей, но, приходя туда, они занимались по большей части не организацией торговли, а всякого рода баловством - например, поили уборщиц незадолго до этого появившимся в Турции томатным соком, предварительно сдобрив его изрядной порцией перца). Я ненавижу улочки вокруг мечети Сулейманийе, оккупированные мастерскими, изготовляющими кухонную утварь и наполняющими окрестности грохотом молотков и рычанием механических прессов, ненавижу обслуживающие эти мастерские такси и грузовики, превращающие дорожное движение в одну сплошную пробку. Я смотрю на эти улицы, и во мне все сильнее клокочет ненависть к своему городу и к себе; я смотрю на облепившие стены домов вывески всевозможных цветов и размеров, огромными буквами сообщающие публике имена, занятия, профессии и заслуги неведомых мне господ, и во мне разгорается злоба - не на них, а на себя самого. Имена всех этих профессоров, докторов, хирургов, финансовых консультантов, адвокатов, вывески закусочных, бакалейных лавок, продуктовых рынков, банков, страховых компаний, реклама стиральных порошков, газет, сигарет и газированных напитков, афиши кинотеатров, огромные буквы на крышах зданий, извещающие, что здесь продаются лотерейные билеты, питьевая вода или газовые баллоны - все это говорит мне о том, что Стамбул, как и я, растерян и несчастен. Пока городской шум и эти ужасные буквы не свели меня с ума, нужно быстрее спрятаться в темный уголок, в милую мою, тихую комнату!

Но поздно. Толчея букв на рекламных плакатах, вывесках и афишах сделала свое дело: в моей голове ожила читающая машинка.

АНКШАУРМАМЕБЕЛЬМЫЛОНАКАЖДЫЙДЕНЬЮВЕЛИРНЫЕИЗДЕЛИЯВРАССРОЧКУАДВОКАТНУРИБАЙАР

Наконец мне удается спастись бегством от толпы, суматохи и солнца, безжалостно высвечивающего все отвратительное и неприглядное. Но машинка в голове не успокаивается: в минуты усталости, уныния и тоски она продолжает повторять случайно прочитанные слова, словно тянет горестную народную песню.

ВЕСЕННЯЯРАСПРОДАЖАБУФЕТСЕЛЯМТАКСОФОННОТАРИУСИЗУМИТЕЛЬНЫЕМАКАРОНЫАНКАРСКИЙРЫНОКШОУПАРИКМАХЕРСКАЯРАДИОДЕТАЛИ

Толпы людей на улицах, грязь, устарелость всего и вся - вот что делает меня несчастным, думаю я, лежа в уединении. Стамбул - неполноценный город, ибо здесь нет ничего, что было бы толком доведено до конца. Реклама и названия фирм, магазинов и журналов, в большинстве своем заимствованные из английского и французского языков, вроде бы свидетельствуют о том, что это город европейский, - но на самом деле европеизация произошла здесь лишь на словах. Мечети, леса минаретов, призывы к молитве, весь исторический антураж, казалось бы, говорят о приверженности традициям жизни, - но на самом деле они почти забыты. Во всем недоделанность, половинчатость, несовершенство.

БРИТВЫЗАХОДИТЕКНАМВОБЕДЕННЫЙПЕРЕРЫВФИЛИПСАПТЕКАКОВРЫАДВОКАТФАХИР

Тогда я пытаюсь спастись наивной грезой о "золотом веке", о днях чистоты и подлинности, когда Стамбул был единым, целостным городом, был самим собой, - но с горечью понимаю, что город конца XVIII - начала XIX века, нарисованный Меллингом, описанный Нервалем, Готье и де Амичисом, уже не мой город. Я в нем чужак. Тут логика, ожившая под защитой четырех стен, подсказывает мне, что не за чистоту и подлинность люблю я Стамбул, а именно за сумятицу, недоделанность и разруху. С другой стороны, та часть меня, что страдает из-за моих недостатков, настоятельно требует держаться подальше от городской печали. А голос улиц продолжает звучать в моей несчастной голове.

УЛИЦАЗАСТРАХУЙТЕВАШЕБУДУЩЕЕЗВОНИТЕВЗВОНОКЧАСЫЗАПЧАСТИВОГЧУЛ КИБАЛ ИВИЗОН

Возможно, я чувствую себя виноватым из-за того, что никогда по-настоящему не был здесь своим. В детстве, сидя за праздничным столом в бабушкиной квартире среди развеселившихся от ликеров и пива родственников; в юности, дождливыми зимними днями разъезжая по городу вместе с богатенькими дружками из Роберт-колледжа, я испытывал то же самое чувство, что испытываю сейчас, проходя по залитым весенним солнцем улицам. Ты никчемный человек, говорил я себе, ты везде чужак, ты одна сплошная ошибка. И меня начинало одолевать безотчетное, животное стремление убежать, спрятаться от этих людей, а значит - остаться в одиночестве, отказаться от объединяющего горожан общинного чувства, от духа братства и взаимопомощи, скрыться от всевидящего взгляда всепрощающего Аллаха. Вот из-за чего меня преследует тяжкое чувство вины.

В первые лицейские годы я воспринимал одиночество как преходящее явление, потому что не был зрелым, чтобы принять его как неизбежность. Я мечтал, что найду себе хорошего друга и буду ходить с ним в кино. Как познакомлюсь с умными людьми - с ними можно будет обсуждать мои картины и прочитанные книги, не чувствуя себя фальшивым. Как мне встретится красивая девушка, с которой я смогу разделить запретные тайные удовольствия. По возрасту я уже подходил для подобных вещей, но чувствовал, что моя душа не готова к осуществлению этих желаний.

В те годы я думал, что быть беспомощным - значит чувствовать себя чужаком в собственном доме, в семье и, самое главное, в своем городе. Я был оторван от общности людей, обращающихся к незнакомцам "брат", говорящих "мы", подразумевая всех обитателей города, от духа единства, похожего на тот, что объединяет болельщиков на футбольном матче. Я испугался, что одиночество будет преследовать меня всю жизнь, и принял решение быть отныне как все. Поэтому в семнадцать-восемнадцать лет я превратился в глазах окружающих в общительного, дружелюбного, остроумного молодого человека. Шутил, рассказывал анекдоты, передразнивал на уроках учителей, вызывая всеобщий смех. В семье мои остроты вошли в легенду. Но когда я оставался один в комнате, сознание фальши этого мира и собственного лицемерия становилось невыносимым…

Я начинал понимать, что источник лицемерия и двуличия находится не только во мне, но и в этом самом общинном духе, в этом пресловутом "мы", в этой своего рода "городской идеологии", существование которой можно заметить, только если слегка свихнешься и станешь смотреть на все со стороны.

Я, сегодняшний, пятидесятилетний писатель, пытаюсь связно изложить поток ощущений растерянного юноши. В шестнадцать-восемнадцать лет я испытывал отвращение не только к себе самому, но и к окружающей меня культуре, к речам официальных и неофициальных лиц, объясняющих нам, как следует понимать те или иные события, к аршинным заголовкам газет, к стремлению всего города и отдельных его жителей казаться лучше, чем они есть на самом деле, и к их упорному нежеланию понять что-либо о самих себе, к отдающимся болью в моей голове буквам вывесок и рекламных плакатов. И к себе, и к городу я относился с одинаковым презрительным пренебрежением».

Резюме

Всегда, когда надо поставить точку, испытываешь тоску. Я не исчерпал целую шахту политико-мировоззренческих проблем, которые содержатся в книге Мастера. Сделаю несколько общих констатаций, вытекающих из поднятого «на гора» идейного сырья, содержащегося в книге Орхана Памука.

Вначале сформулирую общий проблемный контекст. В начале XX века в мире существовало около 60 государств, в конце столетия их уже было около 240. За сто лет число политических «холодных чудовищ» (так определял государство Фридрих Ницше) выросло примерно в четыре раза. Одновременно произошли две мировых войны. В результате первой Османская и Австро-Венгерская империи распались, в итоге второй рухнул Третий рейх в Германии, начался распад Британской империи, в конце XX века распался СССР. Тенденция распада больших государств обозначилась уже в середине XX века. Одновременно произошел рост диктатур в малых и средних государствах. Общее число войн и военных жертв в мире на протяжении XX века оказалось больше, чем во всей предшествующей истории. Следует ли считать все эти явления нормой социально-политического развития?

В этом контексте Юг России и Кавказ можно рассматривать как результат противоборства между Османской и Российской империями на протяжении последних пятисот лет. Такой подход позволяет получить интересные научные и политические результаты, обсуждение которых выходит за рамки данной статьи. Отмечу только, что для южной политики России X1X-XX веков

характерен отказ от позиции здравого смысла: «Российские национальные интересы в это время приходят в противоречие с имперским авантюризмом, овладевшим российской имперской верхушкой и приведшим в конце концов к национальной трагедии и крушению Российской империи. Аналогичные противоречия привели к тем же результатам и Османскую империю». Под этим углом зрения я читал роман Орхана Памука. Турецкий нобелиант предлагает обсудить интересные сюжеты.

Существует прямо пропорциональная зависимость между бродящими по столице собачьими стаями и имперским прошлым. Жителям империй надо быть всегда готовым к печали, возникающей после их распада.

Печаль - это обращение к прошлому с осознанием безвозвратности гибели навсегда утраченной культуры. Черно-белое видение прошлого связано с печалью. Если печаль объединяет жителей целого города, ее можно рассматривать по контрасту с меланхолией - переживанием одного человека. Важно учитывать параллели между пространственно-временными видами печали и меланхолии, совпадение взглядов авторов, принадлежавших к разным культурам, религиозно-мировоззренческие и политические предпосылки чувств печали и меланхолии.

Развалины столицы вселяют в сердца миллионов людей тоску о былом имперском величии. Чтобы избавиться от тоски, надо: отвергнуть любую надындивидуальную «историю» государства, использовать строительный материал бывших официальных зданий для нужд жителей города; построить на месте развалин «европейский дом» ради усиления печали ощущением бессмысленности жизни.

Городское стремление к успеху противоречит печали, которая: гасит попытки противостоять порядкам и ценностям общины; способствует желанию быть скромным во всем; квалифицирует унижение и бедность не как следствие исторических событий, а как выбор, сделанный предками до рождения индивида. Такой образ мыслей заслуживает уважения, но ведет в тупик. Перед жителями бывших империй (особенно столиц) стоит сложная проблема: найти в душе место для чувства общности, которое дает печаль, и для рационального или сентиментального одиночества, связанного с меланхолией.

Западные приемы классификации городов не универсальны. Надо учитывать меру анархии и беспорядка всех городов мира. Город может быть сценой, на которой происходят важные события и официальные церемонии, а не местом повседневной жизни. Образ города создается иностранными путешествующими литераторами и местными писателями. Этот образ может стать частью города и влиять на него. Дух города - это творческая связь между прошлым и современностью (или между Востоком и Западом), совмещение любви к книгам и искусству с принадлежностью к жизни и культуре города. Неповторимость и уникальность города вытекает из множества случайных встреч, воспоминаний, слов, цветов и образов жителей города. Популярная история формируется на стыке истории и литературы, истории личной жизни в контексте событий, оставшихся в прошлом города.

Для адекватного описания города надо изображать то, что прячется за его кулисами. Нищие дальние кварталы не менее важны, чем достопримечательности центра. Характер города определяется тем, что можно увидеть и рассказать о нем только «за гранью» приличий. Надо усвоить критические суждения о родном городе иностранных и иногородних (в дословном, а не казачьем смысле) людей. Эта информация интереснее банальных восторгов по поводу «красоты» и «своеобразия» любого города. Записки иностранцев можно читать как собственные воспоминания. Особенно важны указания на такие особенности местной жизни, которые аборигены не поняли из-за слепоты - привязанности к данному месту и времени. Привычка смотреть на город глазами чужака может служить противовесом слепому патриотизму и стремлению «быть как все». Чтобы сохранить связь с городом, надо смотреть на него с разных точек зрения. Если жить все время в одном городе и быть к нему привязанным, это ведет к потере всякого интереса к городу. Чтение нелицеприятных книг иностранных путешественников необходимо для трезвого взгляда на свой город и страну. И выработки собственной модификации чувства любви-ненависти к своему городу и стране.

Главное стремление творческого человека - достижение одиночества. Главное до - противоречить требованиям государства и любых общественных организаций и групп; быть европейцем, когда тебе хочется оставаться человеком Востока; вести себя как человек Востока, когда от тебя требуют быть европейцем. Если человек принадлежит одновременно к двум разным культурам, ему трудно свести воедино тексты традиционной культуры. Поэтому он нуждается в иностранце - чужаке, который своим текстом, книгой, картиной, фильмом помогает понять жизнь. Каждый живущий на стыке культур должен стать своим собственным «иностранцем».

Для дистанцирования от политики надо отвергнуть существующие здесь и сейчас идеологии (идеологемы) национального (этнического) патриотизма. Акцент на распад империи поз-

воляет избежать ностальгии, похвальбы великой историей, агрессивного национализма, изоляционизма. Европейская концепция национального государства при ее воплощении в бывших восточных империях ведет к тому, что столица теряет связь с миром, забывает о разноязычии, превращается в монотонный и моноязычный город. Национализм облегчает отношения с государством, позволяет занимать дипломатические посты, избираться в парламент, короче говоря, «делать карьеру». Консервативные писатели обычно создают в своих произведениях пространственно-временную разновидность прошлого религиозно-политического «рая», в котором верховная и местная власть не подвергается сомнению, семейные и дружеские связи скреплены ритуалами и традиционными ценностями скромности, покорности и нетребовательности.

Следует ли отсюда, что каждый «государственный житель» (если использовать термин А. Платонова) должен выработать свой вариант «любви-ненависти» к городу и стране рождения и проживания? Опыт Орхана Памука позволяет вдуматься и обсудить далеко не шуточную проблему

Информация об авторе

Макаренко Виктор Павлович, заслуженный деятель науки России, академик Национальной академии педагогических наук Украины, доктор философских наук, доктор политических наук, профессор, директор Центра политической концептологии, Высшая школа бизнеса, Южный федеральный университет,
г. Ростов-на-Дону, Россия
Vpmakar1985@gmail.com

Information about the author

Victor P. Makarenko, Honored Scientist of Russia, Academician of Ukrainian National Academy of Pedagogical Sciences, Doctor of Philosophical Sciences, Doctor of Political Sciences,
Professor, Director of Political Conceptology Center, Higher School of Business, Southern Federal University,
Rostov-on-Don, Russia
Vpmakar1985@gmail.com

ИНФОРМАЦИЯ
для авторов журнала
«Историческая и социально-образовательная мысль»

Уважаемые авторы, в связи с подготовкой журнала к включению в международные базы данных библиографического описания и научного цитирования Scopus и Web of Science, обращаем Ваше внимание на то, что с 2014 г. существенно изменены правила оформления представляемых рукописей. Особое значение теперь приобретают англоязычная аннотация к статье (Abstract) и список использованной автором литературы (References), поскольку именно они, а не текст самой статьи, находят отражение в системах Международных Баз Данных. По своему содержанию и информативности Abstract и References должны привлечь внимание зарубежных читателей к теме статьи. Соответственно, в интересах автора тщательно подойти к подготовке этих блоков статьи и обеспечить их максимально высокое качество.

Редакция журнала «Историческая и социально-образовательная мысль» рассматривает ранее не опубликованные авторские материалы в форме оригинальных, проблемных и дискуссионных статей, обзоров литературы, лекций, отчетов о научных мероприятиях и научных программах и исследованиях в области истории, социологии, философии, психологии, методики и методологии преподавания гуманитарных и педагогических дисциплин.
Материалы следует направлять по электронной почте: akademus07@rambler.ru, либо через online форму сайта журнала http://www.hist-edu.ru/. Загружаемый в систему файл со статьей должен быть представлен в формате Microsoft Word (иметь расширение *.doc, *.docx, *.rtf). Материалы должны быть оформлены строго в соответствии с изложенными далее требованиями и **тщательно вычитаны**.
Поступление заявки в редакцию подтверждает полное согласие авторов на обработку и публикацию предоставленной персональной информации, а также подтверждает согласие авторов с публичной офертой на размещение присланных материалов в полном объеме в электронной и печатной версиях журнала
Поступившая в редакцию рукопись направляется на рецензирование в редакционный совет [статья, помимо рецензий, присланных автором, проходит обязательное двойное слепое рецензирование (рецензент не знает авторов рукописи, авторы рукописи не знаю рецензентов)] и в 2-х недельный срок принимается решение о возможности ее публикации. Редактор информирует автора о решении редколлегии. Редакция вправе вносить в текст правки, не искажающие смысл авторских материалов. При переписке с редакцией автор каждый раз должен полностью указывать фамилию, имя, отчество и повод, по которому идет переписка.
Ответственность за достоверность приведенных фактов, цифровых, графических или каких-либо иных данных, равно как за точность цитируемых текстов и отсутствие правовых препятствий к размещению информации, несет полностью автор.
Все статьи, размещенные на сайте, находятся в открытом доступе и могут быть использованы для цитирования, копирования, распечатывания и другого некоммерческого использования с соблюдением авторских прав.
Журнал издается на средства авторов.

Авторам, обучающимся в аспирантурах государственных вузов и имеющим право в порядке очередности на бесплатную публикацию материалов своих научных исследований, необходимо предоставить:
-справку из аспирантуры вуза установленной формы,
- рецензию научного руководителя
-выписку из протокола заседания кафедры о рекомендации к публикации.
Рецензии, а также выписки и справки об обучении в аспирантуре, заверенные согласно утвержденным формам, печатью вуза, высылаются простым письмом на адрес редакции. Отсканированные копии всех документов прилагаются к электронному письму отдельными файлами с расширением .jpg или .pdf. Статья аспиранта может быть опубликована бесплатно при условии, что он является единственным автором работы, статьи, где аспирант выступает в качестве соавтора, к бесплатной публикации не принимаются.

Для авторов, не имеющих ученой степени, необходимо представить 2 рецензии авторитетных специалистов в соответствующей отрасли науки (как правило, имеющих ученую степень кандидата или доктора наук), подписанные и заверенные печатью по месту основной работы рецензентов. Рецензент несет ответственность за предоставляемую на рукопись рецензию.

Авторы, имеющие ученую степень кандидата наук, должны приложить 1 рецензию к своей работе.

Рецензия составляется в произвольной форме, обязательным является заключение - «данная статья может быть рекомендована к публикации в научном журнале из перечня ВАК», а также наличие подписи и печати.

Авторы, имеющие ученую степень доктора наук рецензию не предоставляют.

При подаче статьи на наш электронный адрес akademus07@rambler.ru *просим Вас:*

1. *предоставлять рецензии (скан) на статью (если нет возможности провести рецензирование статьи, редакция имеет возможность Вам в этом помочь.* Данная услуга дополнительна и является платной*),*
2. оригинал направляется на адрес:
   350080, Россия, г. Краснодар, мкр. Пашковский, ул. Заводская, 32, к. 301.*;*
3. *уточнять, в какой рубрике размещать статью;*
4. *указывать почтовый адрес (с индексом) на который можно будет выслать журнал;*
5. *предоставлять копию проверки* ***на антиплагиат*** *в текстовом или графическом файле (****скриншот результата проверки).***

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ АВТОРСКИХ МАТЕРИАЛОВ:

Объем полного текста рукописи 10 - 20 страниц (не более 1 п.л. (40 тыс. знаков с учетом пробелов).**)** В индивидуальных случаях по решению редакционной коллегии допускается публикация материалов большего объема. Количество авторов одной статьи допускается не более 3-х человек.

Формат текста рукописи
Текст рукописи должен быть набран в редакторе Microsoft Word ,
в формате А 4 с полями 25 мм. Выравнивание по левому краю,
междустрочный интервал – полуторный, (1,5)
шрифт -Times New Roman, размер 14
Подзаголовки внутри статьи -прописными
Шрифт Библиографических ссылок : 12**.** междустрочный интервал –одинарный (1)
Текстовые сноски: шрифт -11, межстрочный интервал -1, без отступа

Страницы текста должны иметь сквозную нумерацию;

Автоматические переносы не допускаются.

Автоматические сноски не допускаются.

1). индекс УДК;

- **Название работы** (прописными жирными буквами), точно отражающее содержание работы;
- **Авторы статьи.** фамилии и инициалы авторов следует указывать ПОЛНОСТЬЮ, (без сокращений) через запятую указываются ученая степень и звание, должность автора, полное (без сокращений) название кафедры, организации, [необходимо привести официальное ПОЛНОЕ название организации(без сокращений) которую представляете, полный почтовый адрес организации(й), электронная почта всех или одного из авторов], если авторов несколько, фамилия каждого следующего автора начинается с новой строки;

2). Русскоязычная аннотация:
Аннотация характеризует основную тему, актуальность, проблему объекта, цели работы и ее результаты, выводы, новизну, что помогает быстрее уловить суть проблемы.

- Объем текста аннотация должен быть не менее **150-200 слов.**
  (**объем англоязычной версии аннотации не менее 200-250 слов**)
- **Ключевые слова,** (не менее 10-и слов) способствуют индексированию статьи в поисковых системах. Они должны попарно соответствовать на русском и английском языке.

3). Англоязычная аннотация:

• **Article title.** Название на английском языке должно быть по смыслу полностью соответствовать русскоязычному названию и грамотно составлено с точки зрения английского языка,

• **Author names** ФИО необходимо писать в соответствие с заграничным паспортом, ученая степень и звание, должность автора.

• **Affiliation.** Необходимо указывать ОФИЦИАЛЬНОЕ АНГЛОЯЗЫЧНОЕ НАЗВАНИЕ УЧРЕЖДЕНИЯ. Наиболее полный список названий учреждений и их официальной англоязычной версии можно найти на сайте РУНЭБ http://elibrary.ru

• **Abstract и Key words**: Англоязычная версия аннотации статьи должна по смыслу и структуре полностью соответствовать русскоязычной и быть грамотной с точки зрения английского языка. При переводе аннотаций должна использоваться англоязычная специальная терминология, следует избегать употребления общих, ничего не значащих слов, лишь увеличивающих объем, но не способствующих раскрытию содержания статьи. Англоязычная аннотация должна быть оригинальной, то есть недопустима калька (дословный перевод) краткой русскоязычной аннотации

Объем англоязычной версии аннотации 200-250 слов

«Аннотации на английском языке в русскоязычном издании являются для иностранных ученых и специалистов основным и, как правило, единственным источником информации о содержании статьи и изложенных в ней результатах исследований. Зарубежные специалисты по аннотации оценивают публикацию, проявляет интерес к работе российского ученого, могут использовать ее в своей публикации и сделать на нее ссылку, открыть дискуссию с автором, запросить полный текст и т. д. Аннотация к статье призвана выполнять функцию независимого от статьи источника информации»

4) Информация о спонсорстве. (на русском и английском языках**):**

Необходимо указывать источник финансирования как научной работы, так и процесса публикации статьи (грант, фонд, коммерческая или государственная организация, частное лицо и др.).

Благодарности. Авторы могут выразить благодарности людям и организациям, способствовавшим публикации статьи в журнале, но не являющимся её авторами.

5) Текст статьи (на русском, английском или обоих языках):

Излагаемый в работе текст должен содержать вводную часть, где описываются цель, материалы, источники и методы исследования. Далее следуют результаты исследования, их обсуждение, заключение или выводы.

В тексте статьи ссылки на источники приводятся после цитаты в квадратных скобках арабскими цифрами с указанием порядкового номера источника цитирования и страницы, например: [1, с. 290-316, 344] [2, л. 290-316. Л л. 2-22, 23-30, 208-212] [7, л. 29-31, 31 об.]

Документы (Архивы, ГОСТы, Приказы, Положения, Постановления, Нормативы, Федеральные законы) нужно указывать сносками в тексте, а не в списках литературы.

Некоторые нюансы:

- При первом упоминании лица обязательно указываются инициалы, которые отделяются пробелом от фамилии.
- В заголовках на англ. языке все значимые слова пишутся с ЗАГЛАВНОЙ БУКВЫ.
- С заглавной буквы пишутся: Первая и Вторая мировые войны, Третий мир.
- Названия фирм, организаций и т.п. давать на языке оригинала.
- За исключением ООН, в названиях организаций (Европейский союз, и т.п.) с заглавной буквы пишется только первое слово.
- Точка не ставится после: рубрики, названия статьи, автора статьи, заголовков и подзаголовков, названий таблиц, рисунков, размерностей (с – секунда, г - грамм, м – метр).
- Годы указываются только в цифровой форме: 1985–1990 гг., но 1990-е годы (а не 1990-е гг.); XX в.; XVIII–XIX вв. Годы и века даются только в сокращенном виде: в.; вв.; г.; гг.
- Буква ё ставится только в тех случаях, когда замена на е искажает смысл слова; во всех остальных случаях – только е.
- Сокращения: др., пр., т.п., т.д. даются только в конце предложения. Слова так как, в том числе, потому что не сокращаются.
- При цифрах используется знак процента или промилле: 30 %; 15‰.

- В цифрах миллионы от тысяч и тысячи от сотен отделяются одним пробелом (700 000, 1 560 000) или могут быть заменены соответствующими сокращенными словами: млрд; млн; тыс. После слов млрд и млн точка не ставится.
- Названия денежных знаков даются в сокращенной форме, принятой в научной литературе: долл., фр., р., ф. ст., названия других денежных знаков пишутся полностью.
- В цитатах используются кавычки-елочки (« »). Если внутри цитаты есть слова, заключенные в кавычки, они должны быть другого начертания « — “ *** “ — ».

6) Библиографические ссылки (пристатейные списки литературы)
Статьи без ссылок на используемые источники и литературу **не принимаются.**
Сведения о цитируемых источниках приводятся в соответствии
с ГОСТ 7.0.5-2008 «Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Библиографическая ссылка. Общие требования». В оригинальных статьях желательно не более 15 источников, в обзорных – до 50.
Шрифт ссылок : Times New Roman размер 12.

В библиографическом описании каждого источника должны быть представлены ВСЕ АВТОРЫ. В случае, если у публикации более 4 авторов, то после 4-го автора необходимо поставить сокращение "и др." или "et al.". **Недопустимо сокращать название статьи.**
Источники приводятся в порядке их упоминания в тексте, но не в алфавитном порядке. В тексте ссылки на используемые источники даются после цитаты в квадратных скобках с указанием порядкового номера источника цитирования и страницы, например [1, с. 25].
Документы (Приказы, ГОСТы, Архивы, Положения, Постановления, Нормативы, Федеральные законы) **нужно указывать сносками в тексте, а не в списках литературы.**
Ссылки на неопубликованные работы не допускаются.
если статья имеет DOI, обязательно указать.

7) References: (пристатейные списки литературы на английском языке **и транслитерация названия статьи**)
Название статьи в ссылках должно быть транслитерировано (написана латинскими буквами) и дублирована на английский язык в квадратных скобках[]. При транслитерации можно воспользоваться ссылкой http://ru.translit.ru/?account=bgn
если статья имеет **DOI**, обязательно указать.

Следует обратить внимание на то, что Название статьи и журнала **НЕ** следует разделять знаком **«//»** и **«–»,** а описания даты выхода, тома, номера журнала и страниц, на которых опубликована статья, разделяются **точкой.**

Названия отечественных журналов сокращать нельзя.

Структура библиографической ссылки в **REFERENCES** для русскоязычных статей из журналов выглядит так:

- авторы (транслитерация),
- название статьи в транслитерированном варианте
- перевод названия статьи на английский язык в квадратных скобках [***]
- название источника (транслитерация),
- выходные данные с обозначениями на английском языке, либо только цифровые,
- язык, необходимо указать язык, на котором написан полный текст рукописи. В случае, когда автор публикует статью на двух языках, необходимо указать двойную индексацию по языку (*например, [ru; en]* ; (in Russian); (in English) (in Italy) (in Arabic) ит д.

Для транслитерации текста можно воспользоваться ссылкой http://ru.translit.ru/?account=bgn

Пример ссылки на статью из российского журнала:

- Mescheryakov A. V., Levushkin S. P. Perekrestnye jeffekty adaptacii k stressornym situacijam. [Cross-effects of adaptation to stress situations]. *Istoricheskaya i sotsial’no-obrazovatelnaya mys’l = Historical and Social Educational Idea*. 2015. V. 7. No. 3. Pp. 122-125. Doi: 10.17748/2075-9908.2015.7.3.122-125 (in Russ.).

- Kalahanova (Borlakova) Z. M. Istoricheskiy ocherk razvitiya i ustroystva Kavkazskih mineralnyih vod .[The revival of the culture of deported peoples of the North Caucasus in the ethnocultural space Russia]. Stavropol, 2015 y., p. 1 (in press).

Пример описания статей из SCOPUS, имеющих DOI:

- Zhang, Z., Zhu, D. Experimental research on the localized electrochemical micromachining (2008) Russian Journal of Electrochemistry, 44 (8), pp. 926-930. Cited 2 times. Doi: 10.1134/S1023193508080077 (in English)

Ссылка на Интернет-ресурс:

APA Style (2011), Available at: http://www.apastyle.org/apa-style-help.aspx (accessed 5 February 2011).

PravilaTsitirovaniyaIstochnikov (Rules for the Citing of Sources) Available at: http://www.scribd.com/doc/1034528/ (accessed 7 February 2011)

Материалы конференций:

Главное в описаниях конференций – название конференции на языке оригинала (в транслитерации, если нет ее английского названия), выделенное курсивом. В скобках дается перевод названия на английский язык. Выходные данные (место проведения конференции, место издания, страницы) должны быть представлены на английском языке.

Примеры ссылок на публикации в материалах конференций:

UsmanovT.S., GusmanovA.A., MullagalinI.Z., MuhametshinaR.Ju., ChervyakovaA.N., SveshnikovA.V. Features ofthe design of field development with the use of hydraulic fracturing [Osobennosti proektirovaniya razrabotki mestorozhdeniy s primeneniem gidrorazryva plasta].Trudy 6 Mezhdunarodnogo Simpoziuma “Novye resursosberegayushchie tekhnologii nedropol'zovaniya i povysheniya neftegazootdachi” (Proc. 6th Int. Technol. Symp.“New energy saving subsoil technologies and the increasing of the oil and gas impact”). Moscow, 2007, pp. 267-272.((in English)

Antina, E.V., Berezin, M.B., Semeikin, A.S., Dudina, N.A., Yutanova, S.L., and Guseva, G.B., Abstracts of Papers, XII Molodezhnaya konferentsiya po organicheskoi khimii (XII Youth Conference on Organic Chemistry), Suzdal, 2009, p. 248. (in Russian)

8) Таблицы и иллюстрации

- Количество таблиц и иллюстраций в тексте – не более 10. Таблицы должны быть пронумерованы и иметь тематические названия.
- Заголовки графиков должны точно соответствовать их содержанию и иметь единицы измерения
- Заголовки к таблицам и рисункам должны быть **на русском и английском языке**
- Цифры в таблицах располагают по центру, единицы размещают под единицами, десятки под десятками и т.д. Сокращения слов в таблицах, за исключением общепринятых, не допускаются.
- Иллюстрации должны быть четкими, контрастными, рассчитанными на черно-белую печать без полутонов. В электронном виде иллюстрации предоставляются как внедренные объекты (в этом случае иллюстрации могут быть как созданные средствами Microsoft Office, так и представлены как графические объекты), либо отдельными файлами с расширением .TIFF и .JPG с разрешением 300 dpi. В последнем случае имя файла должно содержать номер иллюстрации и ее название.
- Фотографии, отпечатки экранов мониторов (скриншоты) и другие не рисованные иллюстрации необходимо загружать отдельно в специальном разделе формы для подачи статьи в виде файлов формата *.jpeg, *.bmp, *.gif (*.doc и *.docx - в случае, если на изображение нанесены дополнительные пометки). Файлам изображений необходимо присвоить название, соответствующее номеру рисунка в тексте.

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Вы можете подписаться на журнал «Историческая и социально-образовательная мысль» через Агентство «Роспечать» (подписной индекс 26187), а также через редакцию журнала.

Адрес редакции:
350080, Россия, Краснодарский край, г. Краснодар,
мкр. Пашковский, ул. Заводская, 32, к. 301. akademus07@rambler.ru ,
сайт журнала: **http://www.hist-edu.ru**
телефон 8(861)2376219; 8(905)4713194

Авторские права на публикуемые материалы принадлежат редакции журнала и авторам статей.
Идеи и выводы, высказываемые в публикуемых материалах, не обязательно отражают позицию редколлегии.

ВНИМАНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ, ПРОЖИВАЮЩИХ ЗА РУБЕЖОМ!
Вы можете оформить подписку на журнал
«Историческая и социально-образовательная мысль»
по каталогу агентства «РОСПЕЧАТЬ»
Тел:/007 495/921-25-50 Факс: /007 495/785-14-70
E-mail: ovs@rosp.ru www: http://www.rosp.ru

ATTENTION OF FOREIGN SUBSCRIBERS!
You can subscribe to «*Historical and Social Educational Ideas»*
through the «ROSPECHAT»
agency catalogue. **«**Russian Newspapers & Magazines -2016»
Phone: /007 495/921-25-50 Fax: /007 495/ 785-14-70
E-mail: ovs@rosp.ru www: http://www.rosp.ru

Уважаемые читатели!
Мы рады сообщить вам, что журнал «Историческая и социально-образовательная мысль» доступен во Всемирной сети Интернет. Вы можете найти материалы вышедших в 2009 - 2016 гг. номеров журнала на: http://www.hist-edu.ru
http://elibrary.ru/issues.asp?id=29001

Историческая
и социально-образовательная мысль
2016. Том 8 № 6/2

Подписной индекс **26187**
В объединенном каталоге
«Пресса России»

Подписано в печать 29.12.2016
Формат 60x84 1/8. Бумага типографская №1
Печать RISO. Уч.-изд. 209 ст.
Тираж 550 экз.

Тираж изготовлен на полиграфической базе
Кубанской многопрофильной Академии подготовки, переподготовки
и повышения квалификации специалистов

г. Краснодар, мкр. Пашковский, ул. Заводская, 32/301

© Редакция журнала «Историческая и социально-образовательная мысль»